

**РУССКИЕ
ПРОСВЕТИТЕЛИ**

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ

**РУССКИЕ
ПРОСВЕТИТЕЛИ**
(ОТ РАДИЩЕВА ДО ДЕКАБРИСТОВ)

**СОБРАНИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ
В ДВУХ ТОМАХ**

ТОМ 1

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО - ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
« МЫСЛЬ »**

МОСКВА - 1966

1Ф(С)

Р89

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
И. Я. ЩИПАНОВА

$\frac{1-5-1}{\text{И. Я.}}$

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ДОКТРИНЫ В РОССИИ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.

В философской и общественно-политической мысли Европы, в том числе и России, во второй половине XVIII — начале XIX в. развивается мощное просветительское направление. Просветители несли в общество новые идеи, провозглашали торжество разума, подвергали критике феодально-крепостнические устои, боролись против невежества и суеверий, за распространение просвещения, за общественные преобразования, которые должны были, по их мысли, обеспечить благоденствие всего народа.

Характеризуя западноевропейское и русское Просвещение, Ленин писал: «Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, *все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками... И на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного» *.

Это ленинское высказывание можно распространить и на русских просветителей конца XVIII — начала XIX в.

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 520.

Просветительская мысль России этого времени развивалась в общем русле европейского Просвещения, ставила применительно к российской действительности в основном те же вопросы, что и просветители на Западе.

Просветительская мысль Франции XVIII в. была представлена Монтескье, Вольтером, Дидро, Гольбахом, Гельвецием, Ламетри, Руссо и другими выдающимися писателями и мыслителями. В Германии во главе Просвещения стояли Лессинг, Гердер, Шиллер, Гёте. В Италии в это же время подвизались Беккарий, Филанджиере, в Англии — И. Бентам, Дж. Пристли, в Польше — Г. Коллонтай, С. Сташиц, в США — Б. Франклин, И. Аллен, Т. Джефферсон, Т. Пэн, Т. Купер.

В России в 40-х — первой половине 60-х годов XVIII в. творил выдающийся ученый и мыслитель-материалист Ломоносов, а в 60—80-х годах главными представителями русского Просвещения были Н. Поповский, А. Поленов, Я. Козельский, Д. Аничков, С. Десницкий, И. Третьяков, Н. Новиков и другие, которые, проповедуя просветительские идеи, начали критиковать крепостнические порядки и реакционную религиозно-мистическую идеологию феодалов.

В 80—90-х годах XVIII в. на общественной арене выступил просветитель-революционер автор знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву» и оды «Вольность», а также философского трактата «О человеке, его смертности и бессмертии» А. Н. Радищев. Царское правительство жестоко расправилось с революционером, но его произведения сыграли выдающуюся роль в развитии революционной мысли в России. Прежде всего они оказали воздействие на последующее поколение русских просветителей. Такие из них, как И. Пнин, считали автора «Путешествия» своим учителем и другом, объявляли его гражданином, кто был «отечеству сын верный», кто «к счастью вел путем свободы» и чьи уста «истину вещали» (I, 178) *.

* Здесь и далее ссылки на настоящее издание даются в тексте, римская цифра в скобках означает том, арабская — страницу.

В 90-х годах XVIII и начале XIX в., в период между Радищевым и декабристами, русское Просвещение было представлено Ф. Кречетовым, П. Челищевым, И. Пниным, А. Бестужевым, В. Попугаевым, А. Кайсаровым, В. Малиновским, А. Куницыным, А. Лубкиным, Т. Осиновским и рядом других писателей и мыслителей, одни из которых продолжали в условиях самодержавно-крепостнической действительности развивать антикрепостнические идеи, другие — отстаивать передовые принципы в философии и социологии*.

Хотя в этот период в России все еще господствовали феодально-крепостнические порядки, однако процесс постепенного разложения крепостнического хозяйства принял в начале XIX в. более глубокий характер. Этот процесс сопровождался постепенным вызреванием в недрах старого строя зачатков нового, капиталистического уклада. Последний с каждым годом все сильнее давал о себе знать в росте товарно-денежных отношений, в которые вовлекались как помещичьи, так и крестьянские хозяйства; в росте фабрично-заводского производства с применением вольнонаемного труда; в росте городов (в том числе промышленных) и городского люда, занятого в фабричной и кустарной промышленности, а также в торговле; наконец, в росте волнений и восстаний крепостных крестьян и рабочих людей против эксплуатации помещиков и заводчиков. Развернувшееся антикрепостническое движение крестьян, рабочих людей и солдат в конце XVIII и первые годы XIX в. особенно усилилось после Отечественной войны 1812 г.

Стихийный протест народных масс доходил до сознания передовой молодежи из дворян и разночинцев, заставлял ее задумываться над положением народа, над судьбами Родины, пробуждал в ней свободолобивые и просветительские идеи, протест против феодально-крепостнических порядков.

Мощное воздействие на всю Европу, в том числе и на Россию, оказала Французская революция

* Биографические сведения о каждом мыслителе даются в примечаниях.

1789—1794 гг.; провозглашенная ею «Декларация прав человека и гражданина», а также установление республиканских порядков, уничтожение сословных привилегий вызывали у передовых русских мыслителей явное или скрытое восхищение.

Перепуганное революционными событиями во Франции, нараставшими крестьянскими волнениями в стране, а также распространением вольнодумной литературы, царское правительство принимает ряд жестоких мер, направленных против инакомыслящих.

Расправившись в 1790 г. с А. Н. Радищевым, в 1792 г. с Н. И. Новиковым, в 1793 г. с Ф. В. Кречетовым и другими прогрессивно настроенными людьми, царское правительство запрещает в стране вольные типографии, усиливает цензуру, а также слежку за всеми, кто внушает подозрение. Взошедший в 1801 г. на престол Александр I, чтобы смягчить разгоревшуюся в стране классовую борьбу и успокоить общественное мнение, вернул сосланных при Павле I лиц, ввел новый цензурный устав, создал Негласный комитет (где подвизался М. М. Сперанский) для разработки и обсуждения проектов административных преобразований. Эти проекты должны были отвечать интересам господствующих классов и вместе с тем делали уступки духу времени, предусматривая создание представительных учреждений в рамках конституционной монархии, но с сохранением крепостного права, сословного деления и прочих феодально-монархических атрибутов.

Указанные мероприятия Александра I создавали ему незаслуженную славу народолюбца и свободолюбца, сеяли в обществе вредные иллюзии, будто царизм печется о благополучии народа, ищет пути к облегчению его участи, к введению в стране конституционных порядков. Это сказалось и на развитии общественной мысли в стране, наложило на нее печать ушований на просвещенного монарха и просвещенных дворян, проникнувшихся якобы передовыми просветительскими идеалами и желавшими претворить их в жизнь. А. С. Пушкин в знаменитом «Послании цензору» характеризовал первые годы царствования внука Екатерины как «дней Александровых прекрасное начало».

Однако, прикрываясь маской «либерализма», Александр вводил в заблуждение общественное мнение, пытался идейно обезоружить передовые силы страны, привлечь их на свою сторону, подчинить далеко идущим своекорыстным целям.

Тем временем среди образованных слоев общества возрастает интерес к западноевропейской художественной, философской, естественнонаучной литературе. Передовые люди России были в курсе всех новых идей, появившихся во Франции, Англии, Германии, Италии. Эти идеи становились достоянием широкого круга читателей из дворян и разночинцев.

Одним из важных источников новых идейных веяний являлись многочисленные журналы, издававшиеся в России.

Достаточно назвать «Санкт-Петербургский Меркурий» (1793) И. Крылова, «Библиотека ученая» (1793—1794) П. Сумарокова, «Санкт-Петербургский журнал» (1798) А. Бестужева и И. Пнина, «Утренняя Заря» (1800—1808) и «Вестник Европы» (1802—1830) Н. Карамзина, В. Жуковского, М. Каченовского, «Северный Вестник» (1804—1805) и «Лицей» (1806) И. Мартынова, «Периодическое издание Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» (1804) В. Пупаева, «Русский вестник» (1808—1824) С. Глинки, «Полярная звезда» (1823—1825) К. Рыльева, А. Бестужева, «Мнемозина» В. Кюхельбекера, В. Одоевского и многие другие. По своему идейному направлению эти и другие журналы были неодинаковы. Одни журналы проповедовали передовые, другие — консервативные и реакционные идеи. Между журналами по многим вопросам велась острая полемика. Одновременно в них публиковались не только оригинальные произведения русских мыслителей, но и многочисленные статьи и извлечения из сочинений западноевропейских ученых и писателей, в том числе Бэкона, Смита, Монтескье, Гельвеция, Гольбаха, Руссо, Рейналя, Мабли, Бентама, Беккариа, Гиббона и др.

При Александре I снова активизируются масоны, которые, как правило, были оплотом реакции, хотя в масонские ложи иногда входили и люди, оппозиционно

настроенные к царизму. Масоны выпускали журналы («Сионский вестник» А. Лабзина, «Друг Юношества» М. Невзорова), страницы которых заполнялись религиозно-мистическими статьями, призывавшими к прямому обскурантизму.

Особую активность развивает «Библейское общество», которое ставило целью бороться против распространения в стране материалистических и атеистических учений, противодействовать проникновению в Россию антикрепостнических и республиканских идей. Идеи смирения, покорности и небесного воздаяния выдвигались членами этого общества в качестве панацеи от всех социальных бед, какие могут ожидать Россию в недалеком будущем.

В начале XIX в. возникают разного рода литературные кружки, которые являлись центрами, где сосредоточивалась идейная борьба. Из наиболее известных кружков, оставивших след в развитии русской культуры, следует отметить «Дружеское литературное общество», в котором подвизались В. А. Жуковский, братья А. С. и М. С. Кайсаровы, Андрей и Александр Тургеневы.

Другим литературным объединением было «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», в котором главную роль играли В. В. Полугаев, И. П. Пнин, А. Х. Востоков, И. М. Бори.

К 1815—1818 гг. относится деятельность «Арзамасского общества безвестных людей», в котором выступали Жуковский, Вяземский, Батюшков, Денис Давыдов и другие, позднее в общество вступили А. С. Пушкин, декабристы Н. И. Тургенев, Н. М. Муравьев, М. Ф. Орлов. Это общество полемизировало с «Беседой любителей русского слова», где задавали тон реакционные писатели А. С. Шишков, С. А. Ширинский-Шихматов, П. И. Голенищев-Кутузов.

Идейные и политические устремления членов обществ не были однородными. Так, в «Беседу любителей русского слова» входили не только реакционные, но и прогрессивные писатели, такие, как Крылов, Грибоедов, Гнедич, Капнист. В «Арзамасское общество» наряду с передовыми людьми входил реакционер С. С. Уваров. Подобная же картина наблюдалась и в других

литературных объединениях России. Размежевание сторонников крепостничества и их противников не всегда еще проявлялось в той степени и с такой силой, как мы наблюдаем позднее.

Огромную роль в развитии общественной мысли России сыграла Отечественная война 1812 г. Всенародное движение, вдохновляемое идеей защиты Родины от иноземного поработителя; массовый героизм, проявленный солдатами, партизанами, ополченцами в борьбе с наполеоновскими полчищами; освобождение русской армией западноевропейских стран от тирании Наполеона — все это пробудило в русском обществе особый интерес к судьбе народа и страны.

Под влиянием указанных событий просветители ставили вопрос о дальнейших судьбах Родины, о рабском положении народа и облегчении его участи, о необходимости разумных законодательных реформ и установлении конституционных статутов, о демократизации общественных порядков и строжайшем соблюдении законов и норм. С этой стороны особо заслуживают внимания «Опыт о просвещении относительно к России» (1804), «Человек» (1805), «Ода на правосудие» (1805) И. Пнина, «План юридический» (1782) Ф. Кречетова, «Подробный журнал путешествия моего» (1791) П. Челищева, «О благоденствии народных обществ» (1807) и «О благополучии народных тел» (1801—1802) В. Попугаева, «Об освобождении крепостных в России» (1806) А. Кайсарова, «Право естественное» (1818—1820) А. Куницына. В названных работах авторы ставят и по-своему решают также важные проблемы социологии, этики, экономического развития страны.

Деятельность просветителей начала XIX в. создавала предпосылки для нового этапа революционной мысли в России — этапа декабристов. В этом отношении особо следует отметить А. П. Куницына, который, как известно, был профессором Царскосельского лицея, Петербургского университета и других учебных заведений. У него учились А. С. Пушкин, декабристы И. И. Пущин, В. Кюхельбекер, будущий крупный дипломат А. Горчаков. Его публичные лекции слушали многие из тех, кто потом активно участвовал в восста-

нии декабристов, в том числе Н. Бестужев, А. Поджио, Е. Оболенский, И. Бурцов и др. Куницын был связан дружбой с декабристом Н. И. Тургеневым, с которым он разрабатывал план «О составлении общества», где осуждались попытки дворянской аристократии найти духовную пищу «в масонстве, в мистицизме, в алхимии». Вообще своими лекциями и «Правом естественным» Куницын оказал сильное влияние на формирование идеологии дворянских революционеров. Недаром на его труды и лекции как на один из источников свободного мысля ссылались на допросах многие декабристы. Насколько велико было влияние Куницына на молодежь, можно судить по отзыву Пушкина:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...

Из названных нами просветителей Куницын ближе всех стоял к декабристам, являясь как бы связующим звеном между просветителями и дворянскими революционерами.

Теория общественного прогресса

В основе теории общественного прогресса русских просветителей лежала широко распространенная в то время теория естественного права и общественного договора.

К этой теории прибегали как прогрессивные, так и реакционные мыслители, делая из нее прямо противоположные выводы. Ссылаясь на нее, реакционные мыслители оправдывали необходимость и целесообразность абсолютной монархии, крепостного права, сословности строя, аристократических привилегий.

Прогрессивные мыслители, наоборот, использовали эту теорию для обоснования ограничения или даже полного уничтожения самодержавия, крепостного права и сословного строя и установления в стране конституционной монархии или республиканско-демократиче-

ской формы правления, защиты частной собственности, свободы личности, слова, печати, вероисповедания. Эта теория в том виде, как она выступала у просветителей, имела буржуазный характер.

Основные принципы теории естественного права и общественного договора, которой придерживались русские просветители, были изложены в трудах «О благополучии народных тел» и «О благоденствии народных обществ» Попугаева, в «Энциклопедии прав»* и «Праве естественном» Куницына, «О государственном правлении» Кречетова, затрагивались они и в произведениях Пнина и Кайсарова.

Ставя вопрос о человеке, стремясь определить его место в природе и назначение в обществе, просветители рассматривали человека как часть природы, как ее высшее творение, как существо, одаренное от природы чувствами, эмоциями, а главное — разумом. В философской оде «Человек» Пнин с особым восхищением говорит о человеке-зидителе, о его разумной деятельности, объявляя его покорителем природы, царем земли, величие которого заключается в его беспрельдно развивающемся разуме, в творческом труде.

Просветители считали, что «труд и опытность» обеспечивают прогресс человеческому роду, а разум даст возможность использовать стихийные законы природы в интересах человечества. Однако их раздумья не сводились только к этому. Их, пожалуй, еще сильнее волновала мысль о том, что люди, являясь высшим творением природы, все же подвержены социальному неравенству, когда одни выступают в роли поработенных, а другие — в роли господ. Будучи врагами угнетения человека человеком, они ставили вопрос о пагубности «рабства», т. е. о несправедливом характере феодально-крепостнических отношений в России и необходимости их уничтожения.

Рассматривая человека как абстрактного индивида, как члена общества или общественной группы вообще,

* «Энциклопедия прав» Куницына опубликована в приложении к первому тому «Избранных социально-политических и философских произведений декабристов», т. I. М., 1951.

просветители различали в нем чувственное и разумное начала, которые должны находиться, с одной стороны, в гармоническом единстве, а с другой — дополнять и контролировать друг друга, вести к целостности и сохранению личности, а не к ее распаду и деградации. Для того чтобы личность могла нормально развиваться, она должна сохранять себя как носителя чувственных и разумных принципов, удовлетворять свои жизненно необходимые потребности, обезопасить себя от покушения со стороны других особей. Вместе с тем, по мнению просветителей, личности свойственно постоянное стремление к лучшему, к удовлетворению все возрастающих потребностей. Но все это может быть достигнуто, лишь поскольку человек обладает разумной природой и согласует свои чувства и чувственные потребности с разумом. Разум является верховным началом в любых жизненных ситуациях.

Человек свободен поступать по своему усмотрению, свободен в выборе тех или иных действий. Но если он безрассудно отдается чувствам и пренебрегает доводами разума, то он становится рабом своих страстей, игрушкой чувственных вожделений, уподобляется животному.

Отсюда мыслителями делался вывод о великом значении «нравственной философии», призванной формулировать основные принципы этики, нравственного поведения людей в обществе, или «внутренней свободы» (нравоучение), с одной стороны, и «внешней свободы» (правоучение) — с другой. «Нравоучение, — писал Кунцицын, — предписывает цели, которые человек в виду иметь должен; право определяет только внешние деяния, предоставляя человеку на произвол избрание целей; нравоучение склоняет людей к добродетели, право — к справедливости» (II, 210).

Кратко существо этих принципов сводилось к тому, что ни один человек не должен использовать других людей как средство для своих целей, памятуя о том, что *«человек имеет право на все деяния и состязания, при которых свобода других людей по общему закону разума сохранена быть может»* (II, 222).

Ссылаясь на ту же теорию естественного права, просветители выступали против порабощения человека

человеком. Они показывали несостоятельность теории, согласно которой люди по природе своей неравноценны: одни якобы созданы рабами, а другие — господами. «Права первоначальные принадлежат всем людям, ибо они основываются непосредственно на самой природе, которая во всех людях одинакова. Недостатки духовных и телесных сил не могут служить основанием к лишению кого-либо прав первоначальных... Притязания европейских народов на свободу и собственность кочующих племен в разных частях света совершенно противны сему началу» (II, 240—241).

Просветители полагали, что, подобно тому как отдельный человек может защищать свою свободу и жизнь от посягательств тиранов, так и народ имеет право отстаивать свою самостоятельность от посягательств внешних врагов. При этом они исходили из того, что сохранение свободы является общей целью всех народов, больших и малых, независимо от цвета кожи.

Просветители ставили вопрос о причинах, обуславливающих восхождение общества от примитивных первоначальных форм к более сложным вплоть до современной. При решении этого важного вопроса они оставались на идеалистических и метафизических позициях, хотя и высказали ряд исторических догадок.

Согласно воззрениям просветителей, прогресс человеческого общества обуславливался действием разума, характером и уровнем развития идей, которых люди придерживаются в повседневной жизни.

Когда-то, в незапамятные времена, человек вышел из животного мира. Но в отличие от животных, наделенных грубыми чувствами и инстинктами, человек в силу испытываемой им нужды выработал в себе разум, общественные навыки.

«Природа, — писал Куницын, — явственно отличила человека от прочих животных. Способности его ясно доказывают, что он предназначен жить в обществе. Науки, искусства, религия, достижение высоких и благородных целей суть плоды общежития. Образование рода человеческого происходит постепенно, одно поколение пролагает путь другому к дальнейшим сведениям. Напротив того, прочие животные только в совокуп-

лении и порождении имеют связь между собою. Редко, и то по единообразному инстинкту, бывают одно другому полезны» (II, 294—295).

Для того чтобы человечество могло развиваться и совершенствоваться, люди, согласно теории просветителей, должны были допустить соглашение о создании общества на добровольных началах на основе взаимных уступок, взаимоуважения и взаимопомощи.

Просветители были далеки от идеализации первобытнородового строя, или, по их терминологии, «уединенного», дикого состояния, когда люди жили в тяжелой нужде, испытывали постоянный голод, страдали от стужи, зноя и других стихийных явлений, находились в состоянии вечной вражды с другими племенами. К тому же в самой первобытной орде никакого равенства не было, сильные угнетали слабых, все решала грубая физическая сила, с естественными правами людей на свободу никто не считался, да и о самих правах в тех условиях не могло быть и речи.

По мнению Попугаева, род человеческий есть «сложное целое». И для того чтобы общество стало гармоничным, в нем «добро долженствует превосходить зло несравненно», ибо, «когда род человеческий приближается к точке совершенства, количество добра увеличивается, зла уменьшается, отдаляется *обратно*» (I, 332).

Раз так, то не правы те, кто идеализирует «естественное», или «дикое», состояние человеческого рода, когда находят в нем то, чего там нет. «Посему в диком состоянии, на степени общественности самом низком, зло превышает добро, и завидовать сему состоянию или хвалить оное есть несправедливо. Доказательство, что человек в диком состоянии не есть счастлив, есть образование общественности» (I, 332). Право, наоборот, «почерпает свое учение из чистых начал разума» (II, 210). Будучи окружены разного рода опасностями, люди, стремящиеся к счастливой жизни, начинаютмышлять о том, как отвратить эти опасности, как защитить слабого от сильного, справедливость — от ее нарушителей. «В течение жизни своей он (человек.— II. Щ.) убедился опытом, что безопасность может быть

достигнута только посредством соединения его с другими для отвращения случающихся нападений совокупными силами» (II, 296).

Стало быть, переход людей от «естественного состояния» к гражданскому обществу и далее к государственному устройству продиктован стремлением людей к взаимной безопасности, к сохранению и упрочению частной собственности. Исходя из этого, Куницын возражает «сенсуалистам», доказывавшим, что целью государства является благополучие граждан, в то время как государство пользуется правом принуждения, что не согласуется с благополучием. Он также не соглашается и с «рационалистами», утверждавшими, что целью государства является «усовершенствование рода человеческого», его познавательных сил и нравственности.

«То и другое мнение,— писал Куницын,— равно несправедливы, ибо усовершенствование познавательных сил и нравственности зависит от свободы человека... Усовершенствование познавательных сил и нравственности тогда только быть может, когда человек пользуется свободой» (II, 297), когда появляется частная собственность, которую необходимо оберегать от тех, кто на нее покушается.

Появление частной собственности, согласно Куницыну, происходит на стадии «пастушеского состояния», когда начинают развиваться семейные отношения, зарождается «нравственная любовь» между мужем и женой, родителями и детьми, возникает имущественное неравенство и рабство. Однако на этой стадии нет еще частной собственности на землю. Она появляется лишь на более высокой ступени развития человеческого рода — на стадии земледелия. «Пастушеские народы,— утверждал Куницын,— не имеют даже понятия о земельной собственности. Она рождается не прежде, как когда люди примутся за обработку земли. Труды и изживание, употребленные на обработку почвы, заставляют людей подумать о присвоении земли в постоянную собственность» *.

* А. П. Куницын. Энциклопедия нрав. Избр. соц.-полит. и философ. произведения декабристов, т. I. М., 1951, стр. 605.

Переход от пастушеского состояния к земледелию сопровождается, по мнению просветителей, появлением государства. Государство не навязано людям какой-то сверхъестественной силой извне, а возникает в результате договора между членами общества и правителем. При этом обе стороны берут на себя определенные обязательства и улаиваются строго их выполнять.

Если в пастушеском состоянии верховная власть должна обеспечить безопасность общества от внешних врагов, то в земледельческом состоянии «государство, как оборонительный союз земледельческого народа, отличается от пастушеского общества преимущественно тем, что оно в состоянии защищать все права, принадлежащие людям» *, т. е. защищать уже частную собственность не только на стада животных, но и на землю.

Развитие скотоводства и земледелия приводит к необходимости меновых отношений. Появляются торговля, деньги, «искусство» (промышленное производство). В государстве возникают новые богатства, а у самого государства — обязанности по защите интересов своих членов. «Итак,— заявлял Куницын,— государство есть общество, учрежденное для всегдашней защиты всех прав человеческих в пределах известного пространства земли противу всякого рода опасностей. Цель государства как оборонительного союза есть безопасность внешних совершенных прав сочленов оногo» **

Хотя теория происхождения государства у Куницына носит идеалистический характер, в ней содержатся важные догадки о том, что государство возникло исторически, что оно призвано охранять не только граждан, но и частную собственность имущих классов. В самом государстве, по Куницыну, нет имущественного равенства, нация состоит из двух различных классов — «владельцев земли и жителей», первые занимают господствующее положение, вторые — подчиненное.

Поскольку государство призвано охранять интересы своих сограждан, то «самая величайшая польза для

* А. П. Куницын. Энциклопедия прав. Избр. соц.-полит. и философ. произведения декабристов, т. I, стр. 605.

** Там же.

государства есть справедливость, а самое величайшее зло — несправедливость». Поэтому законы должны быть всеобщими, т. е. одинаковыми для всех граждан, предоставляя им «равные права и обязанности». В связи с этим просветители ставили вопрос о характере законодательной, исполнительной и бюстительной власти, перечисляли их права и обязанности и определяли характер взаимоотношений между ними. Они весьма высоко оценивали идеи Ж.-Ж. Руссо о народном суверенитете и сами всюду подчеркивали суверенность народных прав, часто напоминали о том, что для достижения той или иной государственной цели верховная власть должна ограничиваться законными средствами. При нарушении суверенных прав народа правителями за народом остается право на расторжение общественного договора и устранение правителей.

Правители не могут самовольно изменять форму государственного правления и устанавливать деспотию, не нарушая суверенных прав народа. «Но если верховная воля так устроена, что от оной необходимо проистекает нарушение прав, то никто не имеет должности ей повиноваться» (II, 319). За народом остается право «сопротивления насилию» правителя. Такое сопротивление совершается или по «положенным законам», или «по общим началам разума».

«Подданные имеют право требовать от властителя, чтобы он не нарушал коренных законов государства, ибо чрез каждый двусторонний договор обе стороны приобретают одна противу другой право принуждения» (II, 327). Стало быть, «только народу принадлежит свобода учреждать, исправлять и перемешать оное», т. е. государственное, правление.

Просветители — противники деспотии и крепостного права

Немало страниц в своих трудах просветители отвели характеристике форм государственного устройства. Строго отличая одну форму от другой, они требовали не смешивать конституционную, или ограниченную, мо-

нархию с монархией абсолютной, или неограниченной, республику демократическую с республикой аристократической. Монархические формы правления они делили на наследственные, избирательные и смешанные, в другом отношении — на ограниченные, неограниченные и деспотические. Демократические республики в свою очередь, по их мнению, делятся на неограниченные и ограниченные. В демократической республике, заявлял Куницын, «народ в совокупности имеет все права, какие в монархии принадлежат лицу физическому, а в аристократии — верховному сословию» (II, 332).

Просветители были решительными противниками тирании и деспотии. «Когда монарх употребляет силы государства противу государства или не для цели общества, когда с подданными поступает как с рабами, лишая их первоначальных и производных прав, то таковой образ правления называется *деспотическим*» (II, 334), — писал Куницын, явно порицая эту форму.

Просветители осуждали тиранию как форму государственного правления, которая не отвечает человеческому разуму и общественному договору, так как народ никогда не является врагом самому себе. Правитель не должен нарушать гласное или молчаливое соглашение с членами общества, он может требовать от последних исполнения в рамках установленного закона, и то лишь для достижения не личных, а общих целей. Правители не могут самовольно изменять форму государственного правления и устанавливать деспотию, не нарушая суверенных прав народа.

Просветительская концепция мыслителей никак не могла мириться с тиранией, от кого бы она ни исходила — от монарха или аристократической олигархии.

Бестужев, Пнин, Кайсаров склонялись к конституционной монархии. Полугаев был сторонником парламентарной монархии. Парламент у него занимает более высокое положение, чем монарх (см. I, 311).

Хотя со страниц журнала «Не все и не ничего» Кречетов и апеллировал к царствующим особам и правящему классу помещиков, пытаясь толкнуть их на путь просветительской деятельности, однако это не дает права считать его приверженцем царской власти.

Как видно из дошедших до нас материалов, Кречетов замышлял ограничить монархию, считая, что во главе государства должен быть поставлен Закон. Этому Закону в одинаковой мере должны подчиняться как управляемые, так и правители. По показаниям Малевинского, Окулова и других недругов Кречетова, последний намеревался, «свергнув власть самодержавия, сделать либо республику, либо иное что-нибудь, чтоб всем быть равными». Монархов Кречетов предлагал переименовать из коронованных особ в блюстителей законов. «Если же монарх сего наблюдать не будет, то да подвержен он будет сего своего сана лишению; сему же подобно и каждый судья и каждый помещик подвержен быть должен» * За подобное вольнодумство царское правительство жестоко расправилось с Кречетовым, осудив его на бессрочное заключение в крепость.

Резкие суждения об абсолютной монархии высказывал также Куницын. Для него абсолютная монархия и тирания — синонимы. «Употребление власти общественной без всякого ограничения есть *тиранство*, и кто оно производит, тот есть *тиран*. Никто не имеет права быть *тираном*, ибо никто не может быть без законных пределов в употреблении власти» (II, 284). Сам он склонялся к республиканской буржуазно-демократической форме правления, ратовал за создание представительных органов, которым принадлежала бы законодательная власть в стране.

Реакционер и мракобес Рунич настроил на Куницына донос, в котором изобразил «Право естественное» как произведение антинравственное, богомерзкое, подлежащее немедленному изъятию и уничтожению, а его автора рекомендовал отстранить от преподавания в учебных заведениях **.

Жестокая расправа с Куницыным взволновала и возмутила передовое общественное мнение России. Отражая эти настроения, А. С. Пушкин в «Послании к цензору» писал:

* М. Корольков. Поручик Федор Кречетов. «Былое», апрель 1906, стр. 49.

** См. А. М. Скабичевский. Очерки истории русской цензуры. Спб., 1892, стр. 131.

Ты черным белое по прихоти зовешь;
Сатиру пасквилем, поэзию развратом,
Глас правды мятежом, Кулицына — Маратом.

Беспощадная расправа царского правительства с инакомыслящими наглядно свидетельствовала о реакционности самодержавия, о том, что оно, являясь диктатурой класса крепостников, совершенно не помышляло о каких-либо уступках даже весьма скромным требованиям просветителей. Это рассеивало их иллюзии. В России созревали исторические предпосылки для выступления на общественной арене плеяды дворянских революционеров.

Вопрос о дальнейшей судьбе крепостного права в России с каждым годом становился острее. Естественно, что в идеологическом арсенале просветителей, являвшихся носителями антифеодальной, в конечном счете буржуазной идеологии, этот вопрос занимает одно из центральных мест. Они рассматривали крепостное право как огромное общественное зло, как социальную несправедливость и нередко открыто протестовали против крепостнических порядков, ратуя за новые, по существу буржуазные, общественные отношения. Правда, субъективно сами просветители нередко испытывали острую вражду к власти крупного капитала и особенно к эксплуатации им народных масс. Однако они вынашивали представления о более гуманных отношениях, чем те, которые нес с собой побеждающий капитализм.

Просветители отмечали в России четыре основных сословия: земледельческое (крестьянское), мещанское, дворянское и духовное. Все их симпатии были на стороне земледельческого сословия. Так, Пнин, ставя вопрос о земледельческом сословии в России, с возмущением писал: «Как можно, чтобы участь толико полезнейшего сословия граждан, от которых зависит могущество и богатство государства, состояла в неограниченной власти некоторого числа людей, которые, позабыв в них подобных себе человек, человек, их питающих и даже прихотям их удовлетворяющих, поступают с ними иногда хуже, нежели с скотами, им принадлежащими. Ужасная мысль! Как согласить тебя с целию граждан

ских обществ, как согласить тебя с правосудием, должествующим служить оным основанием?» (I, 193).

Просветители были убеждены, что крепостное право, которое они часто называли рабством, несовместимо с общественным благополучием и просвещением, сковывает духовные силы народа, порождает страдания и бедствия в обществе, убивает у людей даже любовь к родине. «Где рабство,— писал Попугаев,— там нет патриотизма, разность интересов родит одно корыстолюбие. Там философу не позволено быть другом человечества, но может ли там быть и философ? Семена добродетели там падают на камень, терние порока находит только пристойную землю!» (I, 288).

Куницын в своих лекциях настойчиво доказывал, что «люди, вступая в общество, желают свободы и благосостояния, а не рабства и нищеты»*. Он проповедовал свободолюбивые идеи о том, что «никто не может так далеко распространять право своего владения, чтобы чрез то нарушены были права других людей; ибо нарушение справедливости не может служить основанием права. Отсюда,— заключал Куницын,— следует: 1) никто не может приобрести права собственности на другого человека ни противу воли, ни с его на то согласия, ибо право личности состоит в свободе располагать самим собою. Следовательно, произвольное завладение человеком противно праву, согласие же лица не может служить предлогом завладения, ибо право личности неотчуждаемо; 2) никто не может завладеть собственностью другого, ибо таковое завладение было бы нарушением права» (II, 246—247).

Просветители считали, что благополучие всего общества и каждого гражданина зависит не только от степени просвещения и свободы личности, но и от строжайшего соблюдения права частной собственности. В решении этого вопроса ими было проявлено необычайное единодушие. «Собственность! — писал Пниц,— священное право! душа общежития! источник законов! мать изобилия и удовольствий! Где ты уважена, где ты

* А. П. Куницын. Энциклопедия прав. Избр. соц.-полит. и философ. произведения декабристов, т. I. М., 1951, стр. 634.

неприкосновенна — там только благословенна страна, там только спокоен и благополучен гражданин. Но ты бежишь от звука цепей! Ты чуждаешься невольников. Права твои не могут существовать ни в рабстве, ни в безначалии, поелику ты обитаешь только в царстве законов. Собственность! Где нет тебя, там не может быть и правосудия» (I, 191).

Буржуазный принцип священности и неприкосновенности частной собственности просветители считали важнейшим завоеванием человеческого разума. Острие этого требования у просветителей было направлено против помещиков, своевольно распоряжавшихся собственностью крепостных и тем самым подрывавших экономическое развитие страны.

Просветители требовали от царизма издать соответствующие законы по охране собственности крестьян. «...Самый важнейший предмет, долженствующий теперь занимать законодателя, есть тот, *чтобы предписать законы, могущие определить собственность земледельческого состояния, могущие защитить оную от насилий,— словом, сделать оную неприкосновенною*» (I, 194).

Наряду с этим просветители высказывались против прикрепления крестьян к земле, ратовали за право свободного передвижения, что, по их убеждению, могло способствовать, с одной стороны, развитию в стране промышленности, нуждавшейся в рабочей силе, с другой — освоению свободных земель окраин России. Труд свободных людей, доказывали просветители, более производительен как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Особенно это подчеркивал Кайсаров. Так, высказываясь за развитие в России промышленности по примеру передовых стран Западной Европы, он писал, что, «разумеется, если крепостной, а не свободный человек занимается на фабрике каким-либо трудом, то, поскольку он делает это против воли, можно ли от этого ждать хороших результатов? Каждый без труда согласится со мной, если я скажу, что в тех государствах, где люди прикреплены к земле, для развития фабрик имеется много препятствий» (I, 378). А раз так, то «крепостное право в России должно быть полностью уничтожено» (I, 382).

Продолжая развивать антикрепостнические идеи своих предшественников — просветителей второй половины XVIII в., Пнин, Бестужев, Попугаев, Пассек, Кайсаров, Куницын, однако, стояли в основном на позициях мирного преобразования общественных отношений, на позициях распространения просвещения и гуманных принципов среди всех слоев населения.

Требования просветителей не отличались строгой последовательностью и целенаправленностью. Осуждая крепостное право как пережиток варварства, как главный тормоз социально-экономического и духовного развития страны, просветители в отличие от Радищева не ставили вопрос о революционных преобразованиях в стране, не апеллировали к народу.

Свои мечты об освобождении крепостных и общественных преобразованиях русские просветители обычно связывали с деятельностью так называемого просвещенного монарха. Эту точку зрения, пожалуй, наиболее рельефно выразил Пнин в своих произведениях (см. I, 201).

Одновременно просветители большие надежды возлагали на благоразумие и гуманизм самих помещиков, воспитанных на рационалистических философских идеях XVIII в. «Владельцы! — писал Пнин. — Позвольте мне спросить вас: справедливо ли предавать труды, попечения, судьбу крестьян ужасной неизвестности, повсеминутному страху лишения своих приобретений? Скажите, не для того ли мы живем в обществе, чтоб друг другу доставлять взаимную помощь, взаимную безопасность, взаимный покой и счастье? Взгляните на себя — вы увидите, что они такие же люди, как и вы; и когда вы ропщете против оказываемой вам несправедливости, когда вы готовы мстить покусившемуся на вашу собственность и когда плоды трудов ваших почитаете неотъемлемым вашим приобретением, то ужели достойны осуждения крестьяне, имеющие одинакие с вами от природы чувства, когда жалуются на жестокость некоторых бесчеловечных владельцев, вопиют против несправедливости, отъемлющей у них сверх наложенной на них подати плоды труднейших работ их и промыслов?» (I, 202).

Просветители считали, что главную силу общества составляет народ, а не крепостники. Кайсаров прямо утверждал, что «силу и цвет нации составляет весь народ», что «в самом народе больше всего надо ценить того, кто приносит пользу обществу, а не тех, кто наподобие трутня живет за счет чужого труда». При этом на первое место Кайсаров выдвигал крестьянское сословие, которое «всем доставляет пропитание».

Проблема просвещения и общественного воспитания

Исходя из того что разум определяет характер общественных отношений и призван прокладывать путь к светлому будущему, просветители сосредоточили главное внимание на выработке рациональных принципов, которыми должны руководствоваться люди в общественной жизни. Согласно учению просветителей, передовые слои общества должны нести в народ просвещение и воспитывать людей посредством идей рациональной философии, формировать человека в подлинного гражданина и патриота, прививать ему высокие гражданские и нравственные принципы, гуманизм и бескорыстие, воодушевлять на все, что способствует общественному благополучию, счастью и прогрессу. В этом плане особенно примечательны трактат А. Бестужева «О воспитании», философские элегии и оды И. Пнина, труд «О политическом просвещении вообще», оды и элегии В. Попугаева, «Послание к русским» А. Куницына.

Наиболее полно и систематично эти идеи были развиты Бестужевым в трактате «О воспитании». Сам Бестужев воспитал пятерых сыновей, четверо из которых приняли активное участие в восстании декабристов и были осуждены, а пятый за принадлежность к семье «бунтовщиков» был сослан на Кавказ.

В своем трактате Бестужев исходит из принципов французских материалистов XVIII в. «Все доказывает нам, — заявлял Бестужев, — что человек при рождении своем не расположен ни к добру, ни к злу, но что приносит только способности к восприятию тех нужд, коих

он сам собою удовлетворить не в состоянии, страстей более или менее стремительных, смотря как телосложение и свойство его расположено от природы» (I, 83).

В духе просветительской философии Бестужев рассматривал «душу» родившегося человека как своего рода *tabula rasa* (чистую доску), считая, что эта «душа» будет подвергаться воздействиям извне и ее можно воспитать как угодно. Все зависит от обстоятельств и условий жизни, в которых окажется ребенок, от воздействий воспитателей и вообще окружающей среды, где случайность может играть не последнюю роль.

Бестужев прямо ссылается на «Эмиля, или о Воспитании» Ж.-Ж. Руссо, давая тем самым понять читателю, на кого следует ему опираться в вопросах воспитания.

В другом случае Бестужев в духе просветительской философии XVIII в. заявляет: «Человек рождается в невежестве, но не в заблуждении. Когда он в состоянии понять заблуждение, то в состоянии понять и истину. Но как не все заблуждения, так равно и не все истины могут быть детьми понимаемы; следовательно, надобно начинать с самых простейших и дойти по степеням до самых сложнейших; иначе натвердят детям слова вместо понятий. Уста произносить будут истину, когда разум понимать будет заблуждение. Вот неудобство, которого наипаче должно избегать, когда занимаются наставлением детей» (I, 127).

Указанные принципы просветительской философии французских материалистов XVIII в. были положены Бестужевым в качестве краеугольного камня трактата «О воспитании».

По мнению Бестужева, «предмет нравственного воспитания вообще состоит в том, чтобы приуготовить стечение обстоятельств, наиболее удобнейших к открытию сих (заложенных в человеке.— И. Щ.) способностей, соответственно назначению каждого человека и пользам общества, коего он член» (I, 124).

Подобно другим просветителям Бестужев убеждает оберегать человека от ложных понятий и губительных страстей, от необузданности чувств и сословной напыщенности и роскоши. В воспитании подрастающих поколений решающее значение имеет правильно разрабо-

танная система, основанная на принципах рациональной философии, личный пример родителей, старших, воспитателей, у которых слово не должно расходиться с делом, которые должны не только словом, но и делом готовить молодежь к «гражданским добродетелям», к «душевному величию и патриотизму».

Общественное воспитание, цели и задачи которого определяются интересами государства, призвано, по Бестужеву, научить людей жить в обществе, соблюдая общие интересы и правила добродетели, ставя общественные интересы выше личных выгод, приучая людей оказывать друг другу необходимые услуги, проявлять уважение к личности, открывать дорогу дарованиям и талантам независимо от сословного происхождения. Всестороннее развитие личности зависит от общественной среды, от развития разума и воспитания чувств. Однако забота об общественном благоденствии и счастье людей не снимает вопроса о личном благоденствии и счастье. «Счастье частных людей, — доказывал мыслитель, — есть великий предмет гражданского общества, ибо как может, сказать им, счастливо быть общество, когда члены его, в особенности взятые, несчастны?» Отсюда Бестужев делает просветительский вывод: «Государство тогда только счастливо, когда оно любит своими соотечественниками» (I, 135).

Подробно Бестужев говорит о военном воспитании дворянских детей, где особенно сказывается классовая ограниченность его нравственно-философской системы. При издании трактата отдельной книгой Бестужев сделал серьезные отступления вправо.

Большое значение отводил просвещению и воспитанию В. П. Колычев, о чем наглядно свидетельствует его стихотворение «Письмо о пользе учения» (1781), пронизанное горячим призывом к сильным мира сего дать свободу уму, содействовать совершенствованию наук и искусства, поощрять развитие механики, оптики, физики, химии и других наук. В самой науке главными наставниками Колычев объявлял Гассенди, Лейбница, Ньютона, Мопертюи, Локка, Эпикура, Сократа, Вольтера и других мыслителей, которые, «прогнав невежества всю тьму», своими знаменитыми

трудами «принесли велику пользу нам», отворили «дверь храма мудрости», учили отличать ложь от истины. Особо высоко Колычев ставил научные заслуги Ломоносова, называя его «великим мужем».

Бестужев, Пнин, Попугаев, Кречетов и другие просветители искренне верили в то, что дворянство и просвещенные монархи, к разуму и сердцу которых они апеллировали, могут облагодетельствовать человечество, если возьмутся за выполнение изложенных выше принципов.

Рациональная философия и правильно воспитанные чувства должны, по мнению просветителей, привести к открытию истины, могущей служить факелом на пути к благополучию человеческого рода. Такая истина превышает всяких частных и сословных интересов. Такая истина открыта философами, но она — не по вине философов, а по вине правителей — не претворена в жизнь. «Итак, не философов должны обвинять мы, — писал Попугаев, — что они неясно открыли истину, но правителей, не пекущихся о просвещении народа и почитающих просвещение вредным народному благу» (I, 285).

Пнин считал идеалом гражданского подвига деятельность Радищева, трагической смерти которого он посвятил стихотворение (см. I, 177). Но для того чтобы достигнуть истинного благополучия общества и дать возможность каждому человеку выполнить свой гражданский долг, надо распространять просвещение, нравственно перевоспитывать людей, прививать им добронравие, человеколюбие. В связи с этим Попугаев, Куницын и Кайсаров намечали единую программу просвещения для всех сословий, тогда как Пнин и Бестужев на первом этапе сохраняли программу обучения для каждого сословия в отдельности. Характерно, что Попугаев написал работу «О политическом просвещении вообще» (1804), подразумевая под последним воспитание юношества на достойных подражания исторических примерах того, как великие люди посвящали свою жизнь установлению общественного благополучия. Отсюда Попугаев делал вывод о том, что история не может сводиться к «пышной генеалогии», из истории должны быть исключены тираны человеческого рода, ибо их

пример может быть заразительным для других. История, по его мнению, должна преподноситься в «философском духе», воспитывать положительные нравственные принципы, воодушевлять на высокие деяния. Вместе с тем она «должна явить, каким образом и почему процветали области, каким образом действовало правление и законы на благо общественное, какие законы и какое правление устроили благоденствие людей, как распространялось на государства просвещение, каков был ход, какое направление давало оное народу и само получало» (I, 324).

Проблема просвещения и нравственного перевоспитания людей, как видно из изложенного, занимала важное место в общей системе учения просветителей. Просветители наивно верили, что самодержавие и образованные дворяне немедленно откликнутся на их предложения, воспримут основные принципы их учения, займутся переустройством общества, отменят крепостное право, проведут разумное законодательство. Это было искреннее заблуждение просветителей, веривших в силу разума и рациональной философии.

Материалистические идеи в творчестве просветителей

Наряду с распространением идей французских и английских материалистов в Россию в начале XIX в. начинают проникать идеалистические взгляды Канта, Фихте, Шеллинга, а также таких реакционных философов-мистиков, как Штиллинг, Эккартсгаузен. Проповедниками шеллингианской философии на русской почве были профессора Велланский, Давыдов, фихтеанской — Шад, кантианской — Срезневский, Рубан и др. В русской философии разбираемого периода шла борьба между прогрессивными и реакционными, материалистическими и идеалистическими течениями. Она являлась своеобразным отражением той общей борьбы, которая развернулась в России между идеологами феодально-крепостнической реакции, с одной стороны, и идеологами антифеодальных, просветительских сил — с другой.

Из философских произведений, появившихся в России в конце XVIII в., большой интерес представляет анонимный трактат «О мире, начале его и древности», опубликованный в 1784—1785 гг. в журнале Новикова «Покоящийся трудолюбец» *. Этот трактат написан в духе философов-материалистов второй половины XVIII в. Правда, автор спешит застраховать себя от возможных преследований со стороны церкви, заявляя, что не имеет «другого намерения, кроме того, чтобы исторически только показать, что думали до нас о сотворении мира и происхождении рода человеческого» (II, 414). Но, излагая воззрения древних мыслителей, автор вольно или невольно высказывает свое отношение к ним.

Особенно примечательно, что автор высоко оценивает космогонические воззрения древнегреческих материалистов Фалеса, Анаксимена и Анаксимандра, Гераклита и Анаксагора, а также взгляды античных атомистов Левкиппа, Демокрита, Эпикура, Лукреция и др. Автор с сочувствием останавливается на тех местах в учении древнегреческих материалистов, где они говорят, что мир никем не создан и существует вечно, что он беспределен в пространстве, а миров в космосе бесчисленное множество. Автор подчеркивает, что отдельные миры и планеты, согласно учению древних атомистов, возникли из мельчайших материальных частиц естественным путем, без всякого вмешательства providения. Однажды возникнув, миры не пребывают в покое, а подвержены постоянным изменениям или «беспредельной превратности», одни из них возникают, другие разрушаются. Теорию древних атомистов автор называет «возвышенной», исходящей из «удивительных успехов, приобретенных греками в миропознании». Что касается точки зрения жрецов, выступавших против атомистов, то автор характеризует ее как «слабое воззрение», исходящее «из ложных, предвзятых ими поня-

* Судя по стилю, характеру аргументации, обилию ссылок на древних писателей и особенно на произведение «О природе вещей» Лукреция, автором его мог быть профессор философии и логики Московского университета Д. С. Аничков. По мнению Л. Б. Светлова, автор трактата — Андрей Болотов. (См. прим. ко второму тому).

тий», из «закоснелых древних предрассудков» (II, 425), которыми были заражены невежественные и темные массы. Теорию Анаксагора о вихрях автор сравнивает с учением Декарта и явно осуждает тех современников этих выдающихся мыслителей, кто выступал против их теории происхождения миров, отрицал круговращение Земли и возможность жизни на других планетах.

Автор трактата умело использовал страницы «Покоряющегося трудолюбца» для пропаганды материалистического учения древних философов о неуничтожимости материи и материального мира в целом и о возможности гибели лишь отдельных миров. В этом и заключается огромное значение трактата.

Когда на Западе и в России стали распространяться субъективно-идеалистические кантовские идеи, то в числе первых, кто выступил с критикой их слева, были Лубкин и Осиповский. В этом отношении заслуживают внимания «Письма о критической философии» (1805) и «Начертание логики» (1807) Лубкина, «О пространстве и времени» (1807), «Рассуждение о динамической системе Канта» (1813) Осиповского.

В «Письмах» Лубкин доказывает, что кантовский априоризм страдает произвольностью и бездоказательностью и ведет к «философическому самоотречению».

Лубкин решительно возражает против кантовского деления объективно существующих предметов на «вещи в себе», которые будто бы недоступны человеческому познанию, и на явления, с которыми человек только и имеет якобы дело (см. II, 7—8).

По мнению Лубкина, если согласиться с Кантом, что понятия времени и пространства существуют только в нашем представлении, что они «основаны в нашей душе» и не являются отвлечением от реальных предметов, то «мы о предметах не более будем иметь познания, как сколько они ограничивают (*modificieren*) сил души нашей понятия о времени и пространстве; иначе говоря, мы чувствуем и познаем не вещи, а изменения находящихся в нас понятий о времени и пространстве» (II, 8).

Время и пространство наряду с материей Лубкин и Осиповский считали объективно существующими, доказывая, что их нельзя рассматривать в отрыве от ма-

териальных предметов, ибо они не формы созерцания, а «необходимые принадлежности бытия вещей».

«Что ж касается до времени и пространства,— писал Лубкин, — столь тесно соединенных с представлением каждой вещи, то оные не суть ли паче необходимые принадлежности бытия вещей, нежели свойство или образ наших о вещах представлений?.. И в чем будет состоять бытие вещи, когда она сама в себе будет *нигде, никогда?*» (II, 12).

Не менее решительны возражения и Осиповского против кантианского учения о времени и пространстве.

Приведя убедительные примеры, опровергающие кантовский априоризм относительно времени и пространства, Лубкин и Осиповский резюмируют свои выводы, настаивая на том, что бытие вещей немыслимо вне пространства и времени, что предметный мир может существовать только во времени и пространстве, что время и пространство есть «образ» (форма) бытия.

В связи с проблемой времени и пространства Лубкин ставит вопрос: откуда человек черпает понятия о конечном и бесконечном в природе? По мнению Канта, «конечные вещи не могут нам дать понятия о бесконечной величине, о бесконечной делимости. Но понятие пространства включает в себе понятие бесконечного протяжения, бесконечной делимости. Следовательно, понятие о пространстве получено не от конечных вещей, каковы суть все чувствуемые предметы, но основано в самой душе» (II, 13).

Приведя это субъективно-идеалистическое положение Канта, Лубкин возражает против него, противопоставляя кантовскому априоризму материалистическую трактовку:

«Очень справедливо, что конечные вещи сами по себе и непосредственно не могут дать нам понятия о бесконечном. Однако ж самая их конечность показывает, что пределы их могут быть распространены или уменьшены. И когда мы без противоречия в понятиях не можем остановить распространения или уменьшения пределов, тогда по необходимости приобретаем понятия о бесконечном возрастающем или умаляющемся. Итак, не самая ли конечность вещей содержит в себе основа-

ние понятия о бесконечности, основание, на котором мы, утверждаясь, тотчас образуем в себе сии понятия? И без понятия о предельности каким бы образом могли мы достигнуть до понятия бесконечности?» (II, 13).

Уже в самой постановке вопроса о противоречивости (антиномичности) конечного и бесконечного у Лубкина чувствовалась живая диалектическая мысль, которая была свойственна философии Канта в учении об антиномиях. При этом Лубкин апеллировал к так называемому закону воображения.

«По закону воображения, — писал он, — всегда противоположенные между собою понятия одно другое возбуждают. Почему непосредственно понятие конечности возбуждает или рождает понятие о бесконечности. Но сей закон воображения откуда получил свое начало, как не от ощущения многообразия и противоположности в предметах?» (II, 13—14).

Однако, критикуя Канта, Лубкин не мог по достоинству оценить диалектическую природу кантовских антиномий, не понял их глубоко прогрессивного значения в истории философии.

Лубкин и Осиповский возражали против того, чтобы рассматривать движение, покой, форму (фигуру), все части прикладной математики только как нечто мысленное, не имеющее отношения к предметам. Они считали, что движение, покой, форма существуют в самих предметах, что математические понятия являются отвлечением от окружающей действительности.

В «Рассуждении о динамической системе Канта» Осиповский выступает в защиту опытного естествознания, против априоризма в науке, он высказывается за то, чтобы не навязывать а priori законы природе, а выводить их из нее самой на основе всестороннего и глубокого изучения действительности.

С помощью математического метода, по Осиповскому, проверяется, насколько достоверно или недостоверно понимают люди законы природы. «Ежели вы слышите или читаете, что философ природы постановляет а priori какой-либо закон ее, то, буде он не доказывает его с математическою строгостию, не полагайтесь на слова сего философа с искреннею к нему доверенностию,

как бы сей закон ни обворожал воображение, но испытайте прежде его на оселке строгости математической, и тогда только считайте его вероятным, когда он выдержит сию пробу» (II, 161).

Осиповский был сторонником атомистической теории строения материи. Однако он считал, что атомы (стихийные вещества), из которых состоят все тела, не являются пределом делимости материи. Он не исключал того, что по мере развития химии, возможно, удастся обнаружить делимость самих атомов (см. II, 163—164).

Отношение к «динамической системе» Канта носило у Осиповского односторонний характер, мыслитель обходил молчанием вопрос о вечности материи и ряд диалектических идей, высказанных Кантом при разработке им динамической теории.

Другой просветитель, Пнин, по существу рассматривал время по-пьютоновски, как нечто существующее независимо от природы и мировых тел. Время изображалось мыслителем как своего рода «непостижимая пучина веков», которой подвластны окружающая нас природа и все мировые тела, растительные и животные царства, а также человек. Пнин указывал, что отдельные миры возникают, развиваются и гибнут, тогда как время остается неуничтоженным, оно не имеет ни начала, ни конца, оно существует даже тогда, «когда еще ничто рожденья не имело».

Жизнь отдельных планет, народов и царств и тем более отдельного человека по сравнению с вечностью времени представляет, по Пнину, только «единой жизни миг». Время объективно, «неискоренимо», его нельзя ни на мгновение замедлить или ускорить. Что касается мирового пространства, то оно, по Пнину, заполнено тончайшей материей, так называемым эфиром, в котором вращается «эфирных множество миров».

В философской оде «Солнце неподвижно между планетами» Пнин в художественной форме пропагандирует гелиоцентрическую теорию неба, бесконечность вселенной, бесчисленность миров.

Природа, доказывал Пнин, являет собой «бытий всех зримых обща мать» (I, 232), т. е. природа является матерью всего сущего, всего живого, в том числе человека.

Материалистические воззрения Осиповского, Пнина, Лубкина и других просветителей не были свободны от деистических непоследовательностей. Это особенно заметно у Лубкина в «Рассуждении о том, возможно ли правоучению дать твердое основание независимо от религии» (1815) и в «Начертаниях метафизики» (1818—1819), у Пнина в его философских элегиях.

Однако бога Пнин рисует не с позиций ортодоксального христианина, а с позиций вольнодумца. Он не трепещет перед богом, не испытывает перед ним покорности и смирения, а ставит ядовитые вопросы о том, почему же бог допускает угнетение человека человеком, почему в обществе господствуют бедствия и страдания, проливаются слезы и кровь невинных. При этом поэт-философ говорит, что не может ни увидеть, ни постигнуть существа бога, а только воспринять его на веру. Чтобы постигнуть существо бога, человек сам должен стать богом, а пока этого нет, «пароды рошщут на творца».

Вопросы логики и теории познания

В 1807 г. Лубкин выпустил в свет «Начертание логики». Предметом логики он считал «изыскание истины». Логика, говорил мыслитель, является «наукою здраво и основательно судить о вещах, а не искусством ученого тонкоумия, к чему очень немногие имеют время» (II, 26). При этом Лубкин не отрицал начисто «ученые спекуляции», которые иногда бывают полезны, но полагал, что заниматься ими каждому излишне. Философствующий ум «должен иметь в виду не только логическую необходимость последования одной истины из другой, но и всеобщее между всеми соотношение и всеобщую гармонию» (II, 28).

Лубкин утверждал, что познание совершается трояким образом: историческим, математическим и философским. Под историческим он имел в виду познание, получаемое от окружающих предметов посредством воздействия их на чувства. Этот вид познания он считал «первым и низжайшим», которое предшествует другим

видам познания. Математическое познание является более сложным и потому более высоким по сравнению с историческим. Здесь уже познается количество, протяженность, состав предметов, а также их «двигательные силы». Философское познание — высший вид познания. Именно с его помощью познаются «причины какой-либо вещи», а также связь, союз и отношения вещей. Решающее место у Лубкина отводится разуму, который опирается на данные чувства как исходные положения.

«Итак, философствование состоит в объяснении бытия, состояния и качеств вещей или в сравнении между собою уже приобретенных общих сведений о вещах, дабы посредством одного можно было вывести новую какую-либо истину, которая была дотоле нам еще неизвестна или недовольно известна и темна» (II, 31).

На вопрос, кого же можно считать философом, Лубкин отвечал, что только того, кто дает объяснения «причинам множайших», а не одним единичным вещам, кто «приобрел навык и легкость судить о представляющихся нам вещах правильно и достаточно и который удобно может усматривать, что в какой вещи может быть почтено за истинное, и таковые свои рассуждения твердо доказывать» (II, 32).

Однако такое определение философии все же Лубкина не удовлетворяло. Он ищет более конкретного определения, исходя из того, что от философии отделились физика, медицина и ряд других наук.

«...Судя по нынешнему состоянию и содержанию философических наук, — писал Лубкин, — можем мы назвать философию системою тех сведений, которые человеку яко человеку знать нужно для спискания благополучия» (II, 32). При этом он ссылается на древнегреческих философов, которые считали философию любовью к мудрости, а сама мудрость трактовалась ими как «умение достигать благополучия». Но чтобы достигнуть благополучия, человеку необходимо хорошо знать «свою природу» и природу тех вещей, которые его окружают.

Перед философией Лубкин ставит задачу выяснить, понять и объяснить, что представляют собой человек и

окружающие его вещи, откуда они произошли, каково их назначение. Поэтому философию Лубкин делит на *теоретическую*, или *умозрительную*, которая учит о свойствах вещей, и *практическую*, или *деятельную*, которая дает нравственные правила и наставления для повседневного поведения, для жизни в обществе.

Лубкин отдавал себе отчет в том, что и богословие ставит в своем учении «почти» те же вопросы, что и философия, но к их решению оно подходит с диаметрально противоположных позиций, с позиций откровения, воспринимаемого на веру, а не человеческого разума и опыта о «естестве вещей». Чтобы не вызвать нападок со стороны церковников, Лубкин в весьма осторожной форме проводит отличие философии от богословия.

В споре между материалистами и идеалистами о взаимоотношении души и тела Лубкин склоняется к материализму. Он считал, что душа есть порождение материального субстрата и находится в прямой зависимости от последнего. «Самих себя мы ощущаем чрез самих же себя, а вещи внешние — посредством чувственных органов нашего тела. А посему не можем не допустить некоторого весьма тесного союза между душою и телом, по силе коего душа наша некоторым образом зависит от тела» (II, 38).

Однако Лубкин не сводил духовную деятельность к пассивному восприятию действительности или к пассивному ее отражению. Как бы ни была велика зависимость души от тела, она, вооружась благоразумием и рассудком и накопив «довольное количество идей», должна управлять человеческим телом, его наклонностями.

Одним из признаков активности души Лубкин считал внимание, которое есть не что иное, как «склонность и расположение души познавать какую-либо вещь преимущественно перед прочими». Вниманию, как таковому, не беспричинно и не произвольно. Разбирая вопрос о человеческих способностях, о воображении и памяти, Лубкин полагал, что они основываются на ассоциации идей, или их сопряжении.

Проявление умственных способностей немислимо без определенных идей или понятий, которые хотя и

возникают в голове, но сами в итоге определяются внешними предметами.

«Под словом *идея* вообще, — утверждал Лубкин, — разуметь надлежит всякое в душе сознание или ощущение того, что от души отлично. Но поелику предметы, о которых в душе бывает сознание, суть многообразны, то оттуда происходят и разные виды идей» (II, 45).

В свою очередь идеи Лубкин делил на чувственные и разумные, простые и сложные, особые и отвлеченные. Поскольку дупа не может помнить все однажды возникшие идеи, то она соединяет идеи, имеющие сходные черты или «общие приметы», распределяет их на известные классы или разряды. Общие понятия образуются путем отвлечения от конкретного.

По отношению же к мыслящему субъекту идеи, говорил он, бывают истинные и ложные, ясные и темные, раздельные и слитные, достаточные (полные) и недостаточные (неполные), соразмеренные и несоразмеренные, поверхностные и подробные, отрицательные и утвердительные.

Совершенство, или «добродетель», идей определяется тем, насколько они являются ясными и полными или достаточными и подробными. Для приобретения ясного и достаточного понятия о вещах необходимо иметь «искреннюю наклонность души к познанию» и достаточное внимание, а также «совершенство чувств» (если дело идет о чувственных предметах) или довольно образованный и подготовленный разум (если познанию подлежат то, что недоступно чувствам).

В специальном разделе своей книги Лубкин доказывал, что идеи обозначаются определенными словами, или терминами. При употреблении терминов он рекомендует избегать «обобщенных», «неопределенных» и «пустых» терминов, а употреблять термины «постоянные» и «определенные».

Лубкин подробно останавливается на характеристике суждений, предложений, силлогизмов, говорит о их свойствах и особенностях. Он убежден в том, что отрицательные суждения дают нам неполные и недостаточные понятия о вещах, поэтому «любителю истины долж-

но более стараться о приобретении суждений утвердительных, нежели отрицательных» (II, 59).

Понятие об истине и действительности чего-либо, по Лубкину, мы основываем: «1) посредством *внутреннего нашего чувства, или сознания*; 2) посредством *чувств внешних*; 3) посредством *раздробления идей и соображения оных*; 4) посредством очевидной *нелепости* противного положения и, наконец, 5) посредством *свидетельства других* людей, которым мы должны верить» (II, 76).

Под «внутренним чувством» Лубкин имел в виду наш разум, или «собственное сознание души», которое удовлетворяет нас как в собственном бытии, так и в том, что в нас и с нами происходит.

Он полагал, что это «внутреннее чувство» является надежнейшим источником всего того, что с человеком и в самом человеке совершается. Но человек подвержен разным страстям, болезням, которые ведут к неправильным, искаженным представлениям. Поэтому нельзя слепо полагаться на «внутреннее чувство», а необходимо сверять его со свидетельством других людей, не проявлять торопливость и пристрастие. Лубкин стоял на позициях материалистического сенсуализма, заявляя, что если «внутреннее чувство», т. е. разум, удостоверяет нас в том, что с нами и в нас происходит, то «чувства внешние удостоверяют о бытии вещей, вне нас находящихся, и показывают нам качества оных. Чувства внешние находятся в известных органах нашего тела, перемены в коих, происходящие от действия внешних предметов и ощущаемые чувством внутренним, доставляют нам об сих предметах сведение» (II, 78).

Лубкин подвергает принципиальной критике точку зрения скептиков (или, по его терминологии, «сцептиков»), которые сомневаются в существовании внешнего мира и «утверждают, что наши внешние чувствования не могут нас уверять о бытии внешних предметов, а еще менее об их подлинных качествах» (II, 79).

Лубкин полагал, что чувства, если они находятся в нормальном состоянии, дают нам верное изображение внешних предметов, так как «чувства наши назначены

для того, дабы посредством оных могли мы получать о внешних вещах сведение» (II, 80).

Лубкин решительно возражал тем, кто подобно Локку доказывал, что вторичные качества — «тоны, вкус, запах, степень мягкости или твердости тел и проч. суть только в рассуждении состояния наших чувств таковыми» (II, 9), т. е. будто бы существуют не объективно, а только в наших чувствах.

«Из сего, однако ж, никак еще заключать неможно, что оные в рассуждении вещей суть ничто или что вещи вовсе не имеют тех качеств, с каковыми представляются. Искусственное превращение цветов, напр[имер] из голубого в зеленый, в красный или желтый, доказывает, что и вещи нечто в себе имеют, почему производят в нас о себе такое, а не другое чувствование» (II, 10).

При этом Лубкин добавлял, что, говоря о том или другом качестве вещи, мы не знаем точно, в каком количественном соотношении находятся между собой объективное содержание предмета с субъективным представлением его в нашем сознании. Но, несмотря на это, вторичные качества объективны, они присущи самим предметам, а не только нашим чувственным представлениям.

Лубкин ставит вопрос «о заблуждениях, предрассудках и обманчивостях», усматривая причины заблуждений в самом человеке или вне его.

К заблуждениям он относил «обманчивые доводы и паралогизмы», когда случайное берется за существенное, допускаются мнимые доводы, истинный средний термин в силлогизме подменяется мнимым и т. д.

Но в вопросе о критерии истины Лубкин целиком стоит еще на позициях метафизического материализма. Правда, он немало говорит о значении «опытного познания», но подобно другим домарксовым материалистам по существу сводит его к чувственным восприятиям, экспериментам и наблюдениям.

Однако человеческое познание, по Лубкину, не может удовлетвориться только чувственным познанием и наблюдением, не может остановиться на этом. Люди хотят знать не одну внешнюю сторону предметов, но и их сущность, их внутреннюю природу, а также взаимо-

отношения между «наружным» и «внутренним», их причины. И здесь на помощь чувствам приходит разум, логическое мышление.

Лубкин высказывался за сочетание практических познаний и умозрений, на которых основаны, доказывал он, все достижения физических наук, их, так сказать, зрелость.

Лубкин призывал не бояться встречающихся затруднений в познании действительности и не останавливаться перед ними, «не ослеплять себя тщетным самолюбием, что мы уже достигли истины», а помнить о том, что наше знание безгранично, что мы постоянно приближаемся к истине.

Как сторонник материалистической теории познания и один из первых критиков гносеологического скептицизма и агностицизма, А. С. Лубкин сыграл положительную роль в истории русской философии начала XIX в., в развитии и укреплении в России материалистической традиции. Несомненен также его вклад в разработку теории логических учений.

* * *

Философские, социологические и общественно-политические идеи разобранных нами мыслителей были далеко не одинаковы. У каждого из них есть свои особенности. Однако, как мы видели, у них есть и много общего. Прежде всего их объединяет искреннее сочувствие угнетенному народу, стремление путем распространения в стране просвещения и через внедрение высоких нравственных идеалов убедить правящие сословия отказаться от крепостного права и всех сословных привилегий, проявить заботу о благе народа. Социологические концепции просветителей покоились на теории естественного права и общественного договора, из которой они делали антикрепостнические выводы. В области философии мыслители проповедовали в основе своей материалистические идеи, которые, однако, нередко страдали деистической ограниченностью и непоследовательностью.

Своим философским, социологическим и общественно-политическим учением просветители конца XVIII—

начала XIX в. подготовляли идейную почву для декабристов.

Развитие философской и общественно-политической мысли в России в период после появления «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и до работ декабристов мало изучено в нашей литературе и еще меньше известно широкому кругу читателей*. Настоящее издание до известной степени восполняет этот пробел и знакомит читателя с совокупностью произведений русских просветителей конца XVIII — начала XIX в.

Большинство включенных в этот двухтомник произведений не издавалось со времени их первой публикации и представляет библиографическую редкость. Впервые публикуются рукописи Ф. В. Кречетова «План юридический (том первый)» и В. В. Попугаева «О благополучии народных тел»; впервые также увидит свет на русском языке диссертация А. С. Кайсарова «Об освобождении крепостных в России». В издание не вошел труд В. Ф. Малиновского «Рассуждение о войне и мире», поскольку он за последние годы публиковался дважды: в Избранных общественно-политических сочинениях В. Ф. Малиновского (М., 1958) и в сборнике «Трактаты о вечном мире» (М., 1963). Некоторые работы, хронологически относящиеся к предшествующему периоду, но оказавшие большое влияние на просветителей конца XVIII в. и никогда не издававшиеся или не перепечатывавшиеся, помещены в приложении ко второму тому.

* Из работ, посвященных характеристике русского Просвещения конца XVIII — начала XIX в. следует отметить большой труд известного литературоведа В. Н. Орлова «Русские просветители 1790—1800 годов» (1950), работу И. Н. Кравец «Т. Ф. Осиповский — выдающийся русский ученый и мыслитель» (1955), его же статью «Письмо о критической философии», опубликованную в «Вопросах философии» в 1952 г.

Л. Б. Светловым осуществлены публикации в книге «Из истории русской философии XVIII—XIX вв.» (1952) и «Московский университет и развитие философской и общественно-политической мысли в России» (1957).

Названные авторы, несомненно, проделали большую научно-исследовательскую работу, внесли ценный вклад в освещение этого периода

Пользуясь случаем, выражаем признательность сотрудникам сектора истории философии народов СССР Института философии АН СССР за ценные советы, сделанные при подготовке данного издания к печати.

Разумеется, настоящее издание не претендует на полноту, а лишь кладет начало систематической публикации произведений, относящихся к интересному и насыщенному сложной борьбой периоду в истории передовой философской и общественно-политической мысли в России.

И. Я. Щипанов

Петр Иванович
ЧЕЛИЩЕВ

ПОДРОБНЫЙ ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЯ МОЕГО

1791

27 1-я часть. От Санкт-Петербурга
V до Шлюшенбурга

Во вторник, в 5-м часу пополудни, с квартиры выехал я с господином подполковником Михаилом Николаевичем Аксаковым (который меня провожал за Невский монастырь до реки Невы) и, остановясь в Невском монастыре, слушал вечерню и молебен; потом, напав на пристани Черной речки до города Шлюшенбурга того города жителя мещанина Алексея Иванова Горячего и сына его Петра лодку за пять рублей пятьдесят копеек и в 8-м часу простившись с господином Аксаковым, при совершенно тихой и благорастворенной погоде с людьми своими пятью человеками поехал рекою Невою. Проехавши шесть верст и фарфоровые заводы, в 11 часов пристал к своим четырем баркам, пришедшим ко мне с годовою провизиею; тут я, напившись чаю и отужинавши, ночевал.

28-го числа, в среду, в 3 часа пополуночи, поехал от тех своих барок и, проехавши 14 верст, для отдыха гребцам и обеда людьми остановился в 8 часов у тони, или рыбацкой пристани, Гришиной (за оную тоню рыбаки платят в казну в год полторы тысячи рублей). Напившись здесь чаю и отобедавши, поехали в 10-м часу.

В 1-м часу пополудни, от Гришиной топи отъехавши шесть верст, пристали к харчевне корчмы, и я, близ оной отобедавши, поехал во 2-м часу. А в 8 часов пополудни ж, переехавши от той харчевни двадцать верст,

для ужина пристали к харчевне Пескам и, близ оной поужинавши, отвалили в 9 часов. Проехавши от нее 14, а от Санкт-Петербурга всего 60 верст, 29-го числа в 1-м часу пополуночи, в четверток, приехал в город Шлюшенбург.

В оном городе городничий Федор Гаврилович Панфилов; при канале артиллерийский майор Иван Матвеевич Муравьев и капитан Христофор Яковлевич Герман; у них нет привычки помогать против им данного предписания проезжающим, а еще менее прочитывать инструкцию их должностей, и для того самая достоверная сделана у них привычка отвечать молчанием на справедливые просьбы просящих проезжающих, а потом при них же пойдти в гости к тем, на которых просят, дабы не только оставить без удовольствия, но даже досадить и обидеть; и за сим-то благорасположением немного им время остается думать о починке и о порядке канала. Здесь я, отслушав утреню, литургию и молебен в соборе и отобедавши в квартире, за наймом почтовой лодки пробыл до двенадцатого часу...

3—9 4-я часть. От Свирского монастыря
VI до истоков реки Свири из озера Онега

...Проехавши... от Александр-Свирского монастыря сухим путем 25, рекою Свирью 144, итого 169 верст, в 6-м часу пристали к погосту Вознесенскому, где исток Свири в озеро Онего... Живущие как около сего погоста, так и по обе стороны реки Свири дворцовые и экономические крестьяне¹ (а помещичьих нет) очень бедны, затем что у них хлебопашество за неспособностью к тому земли, а притом и за неурожаем так мало, что им своего хлеба не становится и самому богатому на полгода, а бедному и еще меньше, а покупают хлеб в Ладогe. Скота у них также мало, а у многих, кроме одной лошади, и совсем нет; снискивают же они себе весьма бедное пропитание от делания новых галиотов², которых, по объявлению Андрея Михайловича Косякова, строится ежегодно разной величины на реках Паше, Сермаксы и Свири от трех до четырех сот, полу-

чая за работу с галиота пять и шесть человек, в 6 и 7 месяцев на своем хлебе, от 3-х до 4-х сот рублей, кроме оснастки и железного кузла; ездят на них с Петрозаводска с грузом в Санкт-Петербург, другие семьянистые нанимаются в Усланку и в прочие вышеписанные заводы, где кому ближе от дому на налето в работники, а в дальние города в работу не ходят; а зиму живут все дома за неумением никаких ремесл, без заработков, праздно, а только ходят некоторые изредка в ближние свои леса за медведями и убивают малое число птиц: глухих тетеревей, полевикув и рябчиков; хотя ж они в реке Свири и ловят рыбу — щук, лещей, окуней, плотиц, внизу реки черных, а вверху — белых сегов, однако ж от нее они небольшой имеют прибыток, а только довольствуются сами. При всей же таковой их бедности они столь честны, что я в некоторых местах забывал, останавливаясь, свои вещи, но они возвращали их мне, догонявши на дороге, и я, в проезд свой по Свири любопытствуя обо всем знать, не слышал ни от кого, чтоб они у проезжающих или промеж себя учинили когда-нибудь воровство или иное что вредное. В оном погосте ввечеру отслушал всюнощную, а во вторник, 10-го числа, литургию и в дьячковой избе отобедал.

10—13 4-я часть. От истока реки Свири,
VI озером Онегом до пристани Пигматки

... (По преданиям словесным известно происхождение следующее в сем монастыре. Когда своенравные старообрядцы в Соловецком монастыре упорством здравому рассудку и законодательной власти навлекли на себя строгое наказание от царя Алексея Михайловича, тогда оставшиеся ханжи с учителями своими разбрелись в разные стороны, между которыми тысячи полторы скрылись в Палиостровском сем острове и монастыре. Воинский наряд после помянутого наказания в Соловках возвращался уже обратно к Москве и, может быть, ни намерения, ни приказания не имел, чтоб заехать к ним для их обращения, но развращенные их умы и расстроенные страхом воображения такое им вдохнули

отчаяние, что засели в церковь деревянную числом до полутора тысяч и с своими настоятелями и там в страшном заблуждении мнимого их страдальчества сожглись беспощадно.

Достопамятно еще и то в сем монастыре, что в него посылались знатные особы княжеских фамилий на заточения и пострижения, но какие именно, то за похищением летописцев, за невежеством живущих ныне в нем добаться не можно. На нем показывают еще пещеру каменную, в которой будто преподобный Корнилий спасался; в нее ход из деревянной часовни; тесная сия ущелина не имеет довольно места, чтоб лечь и вытянуться человеку, не имеет ни окна, ни печи, ни горна, ни же крышки для защиты от дождя, снега и ветров; и для того думать надобно, что это баснь, выдуманная лжеверием, а простодушным суеверием подкрепленная).

В оном монастыре отпраздновавши храмам и отслушавши 13-го числа, в пятницу, литургию, покопавшись в их бумагах, пообедавши, поехал с помощью попутного ветра в половине 2-го часа пополудни.

Отъехавши от монастыря 15, а всего от Вознесенского устья и погоста озером Онегом 275 верст, в четыре часа пополудни ж пристали к Суземской, или Данилова раскольникыего монастыря, пристани Пигматке.

По правой, или по Вытегорской, стороне озера Онега есть чья-то стеклянная фабрика, но работа оной не дошла до моего сведения. А левая сторона озера, занятая частию корелами, говорят, имеет множество жителей, которые по изобилю железных руд имеют множество частных железных заводцев; в некоторых из них, сказывают, делают нарочитый уклад³ невысокой цены и порядочное количество. Живущие по обоим сторонам Онега дворцовые и экономические крестьяне почти все раскольники, живут очень бедно, ибо хлебопашества у них еще меньше, нежели у крестьян, живущих по Свири, да и урожай гораздо хуже, а привозят себе рожь, овес и ячмень водою, покупаячи без мало что не на весь год в городе Ладоге и Вытегре, на что зарабатывают деньги, отходя мужчины в Петербург и Петрозаводск в разные работы, иные на целый

год, а другие на лето, а оставшиеся дома жгут в Петрозаводск для продажи на заводы уголье, гонят деготь и ездят с грузом с Петрозаводска в Петербург, а больше никакого промыслу не имеют...

14 **5-я часть. От пристани Пигматки**
VI **до Воицкого золотого рудника**

...Проехавши от Пигматки 13 верст, остановился в раскольничьем скиту, называемом Пельеки, в котором ходил смотреть их деревянную часовню, в коей празднуют они Вознесение Господне; здесь, поколь перепрягали лошадей, пробыл на улице с полчаса. (Тут мне удалось видеть славное обольщение богатых раскольников под именем богоугодного подаяния. Петербургский богатый купец, торгующий мукою, знатный в расколе, присылает ежегодно кулей по сту муки для раздачи бедным. Сия милостыня не столь полезна нищете принимающих, сколько тщеславию подающих, ибо на квадрате ста верст длины, на 80-ти ширины, где паходятся все нищие почти поголовно, велика ль милостыня сто кулей и что она может помочь во всеобщей сей нищете? Но мне скажут, ежели сто человек пришлют по сту кулей, то бедным там нищета не будет страшна. Однако ж я знаю, что присылает только один, да и то может быть с складки. Да хотя бы и десять тысяч кулей присылали, то какая б из того была выгода, ибо сим самым только приучались бы лепивые бродяги к вящей праздности, а может быть, к порокам и злодеяниям. При сей раздаче видел я великое пристрастие в раздатчиках: они не смотрели на старость, на немощь и на бедность просящих, а давали скорее и больше девкам, которые помоложе и красивее, да мужикам, которые поздоровее, поспособнее к работе и поопрятнее одеты. Я видел одного бедного крестьянина, приехавшего за полтора ста верст на лошади за сею дачею; он думал, что его лошадь не подоймет сие лестное ему подаяние, но, получив только полпуда худой муки, поехал с великим роптением и неудовольствием)...

В обоих сих монастырях всякий день в часовнях отправляют они сами, без священника, заутрени, часы, обедни, вечерни, молебны и панихиды, в праздничные ж и воскресные дни — всенощные и погребают также без священника своих умерших, а обедни у них никогда, как они сказывают, не бывает.

По последнему межеванию отмежевано под сей сбор отщепенцев⁴ со ста верст длиннику и верст 80 широты земли. В нарочитом сем пространстве довольно находится жителей не природных, а чаятельно с разных мест спешшихся. Я, проезжая от самой Пигматки до скита Таинского селения, что составит близ осьмидесяти верст, не нашел ни одной церкви, а всякое селение под именем скитов имеет свою часовню и с колоколами, в которых они производят молитву, и, чаятельно, собственными своими обрядами, потому что они во время молитвы вход иноверцам в самую молельню восприецают, а хотя и пускают смотреть в особое отделение, но и то в маленькое стекло, то оное самое доказывает, что в отсутствие чужих зрителей есть непременно у них какие-нибудь противу закону обряды или непозволительные враки или улучения чиноположений, которых либо они боятся или стыдятся. Всякая часовня по сим скитам и во оных монастырях разделена на две части, в которые не только вход, но даже и крыльцы с разных сторон. По их словам, одна половина для мужчин, а другая для женщин, но я не надеюсь, чтоб мнимая сия к женскому полу холодность была искренна, и думаю, что ежели они лишают себя обращения в часовнях, то награждают со излишеством при выходе из оных. Обширный сей край покрыт общественно и всеместно густым туманом лжеверия и буйства, повсюду видны знаки коварного их обольщения, которое тем легче усиливается над душами, чем глубже нищета простирает свои отрасли по суеверной черни. Сия молитва их состоит в чтении заутрени, часов, вечерни и молебна, которые им читает почти безграмотный поселянин безо всякой расстановки и понятия, а прочий народ кладет свои листовки, то есть по четкам поклоны, и, чем больше оных положит, также что больше сожжет перед образами

свеч или побольше накурит ладаном, тем более мншт, угодил всевышнему...

6-я часть. Описание Воицкого золотого рудника

...(Означенный горный офицер Толстой, томяся от скуки и голоду, за несколько лет пред сим, не зная, что делать в сем пустом, голодном и холодном краю, для провождения времени собирал кусочки между выбро-
санных руд целыми горами из штуфы; и когда собрал их нарочитое количество, вздумал их своим старанием переплавить и посредством химического разрешения добыл, бедняжка, с фунт и больше чистейшего золота. Но видно, что хорошие химики не всегда хорошие министры и политики. Он вздумал, ежели весть в изобретении его дойдет только до Петербурга, то непременно будет награжден и осчастливлен. Оставалась ему одна трудность: сыскать лестницу, по которой бы взлесть до монаршего престола! На этот конец показался ему манежный олоонецкий генерал-губернатор Тутолмин весьма способным, и для того отправил к нему свое найденное золото и просьбу о награждении его труда. Г. Тутолмин, яко ревностный сын отечества, золото взял, а просьбу сжег в камине. Он при первой своей поездке в Петербург не забыл взять изящный тот металл с собою и, представя ко двору, умел так расхвалиться своими подвигами и расхвалить свое рачение, что схватил Владимира первой степени и отменное благоволение. Бедный же виновник богатого сего откровения обязан стал быть безотлучным в той пустыне, а может быть, чрез то стал и причиною, что правительство, проснувшись, потерши с глаз дремоту, вздумало опять возобновить рудокопные работы, которые в земных недрах от сонливого правления долго закрытыми лежали, да и, несмотря на мнимую бодрость, ныне сказуемую, опять упадет в беспечность, когда увидит, что не одна земная, но и влажная стихия сильными своими препонами защищают сокровища, хранимые в их недрах).

19—22 7-я часть. От Воиц золотого рудника
VI до истока Выг-реки в Белое море
и приморской деревни Сорокиной

...Выгорецкий исток в море близ их деревни считается по всему поморью самою изобильною сельдяною добычею, самая лучшая и выгоднейшая их пора с августа до декабря месяца. Они ловят их неводами и захватывают целыми лодками; закупая гишпанскую соль у города Архангельска, солят они их в большом количестве, другую часть коптят, а малую часть из оных и всю весеннюю и летнюю сельдь вялят и сушат на солнце, чем во весь год по большей части и питаются. Сбывают же оных, как и добываемую ими семгу, приезжающим к ним купцам зимою то к городу Архангельску, то в Санкт-Петербург. Сколь жалко, что драгоценный сей и изобильный дар природы, который не уступает изобилием своим и добротою голландцам, еще не могут довести до совершенства и до надлежащей выгоды, которою пользуются богатые те республиканцы; но мы о том станем говорить впредь. Кроме ж оных показанных, другого никакого промыслу не имеют...

27 21 13-я часть. Описание губернского
VII VIII и приморского города Архангельска

...Записные ж раскольники, или, по собственному их наименованию, староверы, самую малую часть составляют городского общества, ибо по нынешней, четвертой ревизии число их состоит из ста семидесяти трех душ — мужеска 57, женска 116 — посадского чина, и по большей части незнающие грамоты природного языка. Но и сие малое их общество составляет трех сортов людей, последующих со взаимными между собою распрями трем главным о вере толкам поповщины и беспоповщины, терзающим более ста лет православные российские церкви. Все сии секты имеют своим основанием правила, изложенные в книге московского Макарьевского собора для исправления и утверждения церковных обрядов, Стоглав именуемый. Между напи-

санными в той книге обрядами за главные неприменяемые и за догматы веры приемлемые раскольников почитаются: 1) пятиперстное сложение ручного креста; 2) осьмиконечие из чего бы то ни было сделанного креста; 3) двоекратное произглашение псаломской речи Аллилуиа; 4) седьмочисленность к служению литургии просвир; 5) обхождение во время служения по солнцу; некоторые славянские слова и речи в церковных книгах, кроме Библии, почитают вечными и непеременимыми. Исповедники сих догматов проливали свою кровь за ненарушимое своей веры хранение, но таковая вредная государственным интересам народная гибель превращена в мир и тишину законами премудрой Екатерины Второй.

Оные три разные причины или толки последователей московского Макарьевского собора разделили от православной веры на три спорные о вере стороны взаимными о человеческих в церковных чиноположениях преданиях волнующие; но часть сего рода людей не сомневается принимать и у себя содержать для отправления по старинным книгам для отправления подлежащих богослужений российских православных церквей посвящаемых нынешними нашими архиереями священников, а другие с презрением сие положение отмежут, почему неслыханные в прежних веках имена поповщины и беспоповщины произошли, третьи же, даниловщина, из лихо ревнители своих отеческих преданий. (Пустынные раскольниковские жилища в Архангелогородском уезде поповщины и беспоповщины имеются в лесах, близ Белого моря, на берегах Зимней страны, под названием Онуфриевского и Игнатиевского скитов, а перекрещеванцев даниловщины главное, пустынное, многолюдное и богатое жилище — в Олонецкой области, между Онегским озером и Белым морем, при вершинах Выг-реки, впадающей в Белое море, а потому сие раскольниковское обиталище — Выгорецким общежительством. Во всех сих отдаленных от городов селениях обоего пола раскольники живут и питаются наподобие монахов знатными подаяниями из внутренних областей и городов чрез нарочных, отправляемых почитай ежегодно из сих жилищ путешествен-

ников, получаемыми). Всех нынешних российской православной церкви сынов вменяют за еретиков, истинным крещением не просвещенных, и единоземцев своих россиян — отступниками от церкви, и, в их общество принимая, перекрещивают, затем что выше всякого изъятия почитают известное старинных московских патриархов правило: «Еретическое крещение несть крещение, но паче осквернение» (церковный потребник Иосифа патриарха, печатанный в Москве 165 года, лист 569). И потому в прежние времена россияне всех иностранных европейцев, западной церкви христиан, до царствования Петра Великого называли и писали некрещеными (Уложение 1648 года, 20 глава, 70 статья).

...Годовая в городе Архангельске ярмонка начинается со вскрытия реки Двины, а оканчивается перед закрытием; весною на барках, каюках и плотах из верховых городов привозят всякий хлеб, пеньку, сало, смолу, железо и прочие продукты как для отпуску за море, так и на вольную в городе Архангельске продажу, и оным привозным на барках и каюках хлебом довольствуется сей город и его уезд, но и другие поморские города и деревни по причине неурожая снабжают себя на целый год. Привозимую ж промышленниками с Груенланда, Новой Земли и прочих подобных тем мест на мореходных судах в сентябре месяце рыбу треску, палтусину и прочую и морских больших зверей кожи и сало, оставшееся за продовольствием иностранных кораблей, архангелогородские купцы отправляют водяным и зимним путем во внутренние российские города.

Во оном городе имеется казенного ведомства от приказа общественного призрения построенных фабрик и заводов:

1-я. Прядильная и полотняная фабрика, в которой по заведению надлежало было быть множество разного звания девиц для обучения их прясть и ткать; но поелику с самого с начала зачали собирать всякую сволочь, то матери доброго жития своих дочерей туда идти и не допустили; а особливо когда они приметили, что за работу работницам ничего не платят и на всякое непотребство их попускают, да и слышали еще пустые

слухи, пропущенные от некоторых недоброжелательных голов, а может быть, и от немцев, что будто те, которых на фабрике обучат, уже совсем домой не отпустятся, то вселившийся в матерей страх вместо омерзения совершенно истребил охоту навсегда отдавать своих детей в сие обучение и сим пресеклось полезное сие постановление. (А в мое время, уж в приезд мой на фабрику, нашел я только с 10 непотребных пьяниц, у которых ничего не было сработанного. Магазины, мне сказали, заперт и нет ключа, итальянские самопрядки и товар за замком, комиссар в отлучке; показали ж мне самых дурных и к употреблению негодных два куска накольной парусины⁵. Что ж касается до строения, то это пустое и ничего не значущее, вода от них далече, двор тесный, засоренный, грязный и к белению неспособный, пресов нету, ложилен не спрашивай; после сего, читатель, спроси, чего искать осталось, а я скажу в ответ: славны бубны за горами!) Но вот мое мнение о полотняных заводах и фабриках:

Весь край вокруг города Архангельска до Холмогор, восточный, южный и большая часть западного берега Белого моря — многолюдные раскольниковы скиты, заселенные острова и уездные деревни наполнены великим множеством пряж всякого роду: все они перепрядают мягкий шенкурский лен весьма тонко, ровно, гладко и крепко, но чрезмерно медленно по причине их простых, неспособных одноручных прялиц. Сию дорогую пряжу перетыкают они зимою по разбору в парочитом количестве в полотна разных сортов, как-то: парусина, регентух, меховина, верховья, начасья, салфеточное, скатертное, посредственное и самое топкое, плотное и широкое, голландскому не уступающее полотно. Взяв во уважение сие число прядельных и ткальных рук, если бы они пряли на хороших итальянских самопрядках и имели бы верное место, где б без труда их работа скоро заплачивалась, то бы, приохотившись, перепрядали в год по крайней мере в семеро, а из этого первая бы польза истекла та, что из сей означенной мною округи армия бы вся по всем чинам и флотская парусинная оснастка были бы снабжены полотном добрым и недорогим. Чтоб приучить к выше-

речепным мною самопрядкам, бесспорно, необходимы означенные фабрики, но надобно на то деньги, сведение, старание, бескорыстие, а особливо честность начальника; и завести бы сии фабрики не по огромности, а большим числом, то есть по волостям, дабы вперить и распространить знание и охоту по семьям прясть сим образом. Но важное дело в сем случае есть беленье и лощенье,— вот на что правительство должно обратить свое внимание.

Место самое для беленья способное есть город Архангельск, ибо оно совершенно сходствует с Голландиею: там приморский воздух, тот же и здесь; там пресная вода перемешана с морскою, та же и здесь; там болотные, низкие и тундристые места, те же и здесь; там прилив и отлив водный, то же и здесь; там порт многочисленных кораблей, то же и здесь; там белят во время стужи, а здесь хотя и горячий и Италии не уступающий климат, но довольно для беленья прохладен; следует только завести то же рачение и те же труды и употребить то же старание, то почто не ожидать нам таких же полотен, как и у голландцев? Известно уже, что англичаны и голландцы полотны наши к себе отвозят и, оные перебелив и вылощив, опять нам с великою накладкою цены продают обратно.

Отведаем изъяснить наши мысли о сей полезной части государственной экономии; если мнение мое покажется странным своею новостью, то по крайней мере усердие мое заставит всякого доброго сына отечества извинить слабое сие начертание. Мне никогда не правилось, когда солдат рассуждал о министерстве, черноризец о военных действиях, судья об мореплавании, министр об астрономии, хлебопашец о мануфактурах, а женщины о философии; я всегда держался пословицы: «Знай всяк сверчок свой колчок». Сему правилу следуя, посмотрим, кому следует поручить означенные заводы или фабрики.

Я рассматривал разного роду мужчин по степеням, тампераментам, карахтерам, по склонностям их и по знаниям; но не нахожу никого, кто б совершенно мог выполнить потребное благоустройство в сем заведении. Итак, обращаются к тебе, драгоценнейшая половина

земнородных жителей! Вы, без которых ничто в человеческих обществах не может прийти в совершенство, ежели не пособием вашим, то по крайности одобрением, вы, обремененные узами рабства владыки господ ваших, возжигая одним взором огонь мщения, ненависти и кровавых браней между несправедливых ваших утешителей, возвращаете тем же взором сладостные плоды блаженного мира и общественного блага; от слез ваших лиются кровавые токи, а от улыбки реками протекает везде, всему, всегда животворное блаженство; вы, коль в добродетель углубитесь, то Картуш нечестий устыдится, а скользнете по слизкой стезе пороков, то человеческий род в беззакониях вмиг погрязнет! Устойте оставить на час склонность вашу к уборам и к непадобным украшениям наружных прелестей ваших; верьте мне: они вам ненадолго нужны! Что тленнее, как и самая красота ваша? Посмотрите, прелестные создания, на благоуханную сестру вашу розу, царицу садов! Сколь близко ее утро от вечера: едва расцвести успеет, то стебель ее уже подъел червь ветхости! Украсьте ваши души, займитесь полезным и основательным разумом, устыдите осудителей вашей ветренности, которую они одну только вам в удел и оставили!

(...Ежели сие начертанье кому покажется мечтою, то признайся, о читатель, что и мечтательность сия тебя веселит! Да на что нам все доброе, приятное и добродетельное считать пустым суетным? Не все то, что не было, еще невозможно. Испорченный нрав человека ужель нам дает право отменить всякое благоустройство в роде смертных. Путь, по которому шествуем в краткой нашей жизни, стоит равно как направо от добродетели, так и налево от пороку. Если нежность его чувств, обуревание страстей и стремительность его нужд и желаний несколько шагов его с пути истины и заманит к пороку, то совесть, невинность и сокровенный глас добродетели не умолкнут, пока он опять не ступит на стезю прямую. Итак, не дивись, читатель, и не считай за сумасбродство мои положения; они мудрены, новы, но не противны возможности. Доколе всякая небывалость беспечною нашею порицаться ста-

нет небылицею? Что бы вы сказали, любезные соотечественники, если б свободный дух какого-нибудь мечтателя, подобного мне, при нашем царе Алексее Михайловиче вздумал бы прорешить великие дела победителя северного Александра — Карла XII? Вы бы, конечно, сказали: «Этот сумасброд бредит, он хочет писать о человеке, а говорит о божестве». Без мала не толь же положение и теперь?

Начнем строить! Хозяйство, вспомоществование частных людей и сии маленькие сборы, что в раздроблении так малыми кажутся, дадут нам довольно великую сумму на сие великолепное, полезное и восхитительное здание сердцу, распаленному общественным добром. Обширная площадь на берегу Двины, в средоточии самого города или по концам оного, смотря по пристойности, украшена с одной стороны огромною громадою, по которой гордая архитектура выстилает изящность своих пропорций, составляет первую точку нашего предмета. Пространная его внутренность окружается разными строениями и корпусами, из которых иные на житье, другие на работы)...

27—29 15-я часть. Описание Архангелогородской
VIII губернии уездного города Холмогор

Старинный город Холмогор лежит под 64-м градусом и 23-ю минутою северной широты и под 56-м градусом и 2-ю минутою долготы на западном берегу Двины и при вытекающих из той же Двины особыми проливами, или рукавами, и опять в нее впадающими реками Куропалке и Холмогорке, окружающей город; по ним ходят большие двинские суда, ловится рыба сига, щуки, окуни, палимы, сороги, лещи, ерши и елцы. Положение места, где городское строение, приятное и по большей части ровное...

Купечество и мещанство сего города живут бедно; главный же их торг состоит в откупе целых барок, каюков и плотов, нагруженных всяким перемолотым в муку и переделенным в крупу хлебом; которые двинские суда приходят к Холмогорам вскоре по вскрытии вод,

плавучи к Архангельску из разных нижних городов, а особливо с Вятки, Устюга, Вологды и Шенкурска, и для продажи прежде холмогорским жителям, стоят чрез целый месяц, что у них и называется годовою ярмонкою; и, накупивши барок, каюков и плотов с хлебом, идут, насколько наличный капитал позволит, для перепродажи на иностранные корабли и тамошним гуртом торгующим купцам, на тех же судах отвозят в город Архангельск и другие, где хлеб не родится, города; притом еще имеющие изрядный капитал на своих мореходных, стоящих в городе Архангельске судах для морского звериного и рыбного промысла ездят к берегам Северного окияна до Килдьюина и откупают в городе Коле разные морские рыбы и морских зверей кожи и сало у живущих там лопарей и продают сало в Архангельске для отпуску за море, а рыбу свежую, соленую и сухую вместе с откупною у крестьян своего уезда семгою отвозят в столичные города Москву и Санкт-Петербург, куда также стадами отгоняют и своего уезда холмогорских коров и быков. Мещане ж, не имеющие по своей бедности для оных оборотных торгов наличного денежного капитала и кредиторов, нанимаются у достаточных работниками, ездят на мореходных судах лоцманами и работниками, работают при адмиралтействе, бирже и заводах. Впрочем, обыкновенными городу, получаемыми из Архангельска и Москвы товарами хотя и торгуют, но по неимению дворянства не дорогими, а по большей части пужными для крестьянства.

Фабрик и заводов нет, а только имеется четыре встряных мучных мельницы.

В городе Холмогорах: купечества мужеска — 70, женска — 65; мещанства мужеска — 514, женска — 575; мореходцев мужеска — 69, женска — 55; церковных причетников мужеска — 36, женска — 45; разночипцев мужеска — 85, женска — 112; казенного ведомства обывателей мужеска — 25, женска — 34; при разных должностях мужеска — 79, женска — 77; по торгу, промыслу и в разных работах мужеска — 28, женска — 83; итого мужеска — 906, женска — 1046, а обоего мужеска и женска пола — 1952 души; в числе их масте-

ровых резчиков из кости 8, а медников, портных, сапожников, столяров и маляров очень мало, а прочих ремесл мастеровых и совсем нет. Женщины упражняются в плетении грубых кружев, в пряже льну и в тканьи полотен...

Сей город Холмогор достопамятен прошествием чрез него троекратно на север Петра Великого, в 1693, 1694 и 1702 годах, почему на берегу речки Куропалки, против собора, где он изволил выходить на берег, просил я помянутого господина городничего на самом том месте поставить сделанный мною деревянный крест с следующею надписью: *Изуй сапог твой, место бо, иде же стоиши, коснулася нога Петра Великого, отца отечества, и потому свято.* Еще славится оный город произведением в 1711 году против самого города на двинском, облегающем с одной стороны Двиною, а с другой от города — речкою Куропалкою, Кур-острове, в погосте и деревне того ж названия, на свет славного в ученом свете мужа, статского советника, Императорской Санкт-Петербургской академии наук профессора, Стокгольмской и Бононской члена Михаила Васильевича Ломоносова.

Я ездил с городничим и почтмейстером на то место, где родился помянутый Михаила Васильевич Ломоносов, и любопытствовал, не увижу ль каких отменных на нем знаков, но не нашел ничего. Опустошенное сие, совсем лежащее печально место широтою четырнадцать сажен, длиною сажен до сорока с огородами принадлежит к пыне живущему, положенному в подушный оклад казенного ведомства крестьянину Андрею Михайлову Шубнову, стоит на крутом берегу, над небольшим из Двины в Куропалку проливом, среди строенья деревни Кур-острова, лицом на юго-запад. Среди бывшего при нем огороде выкопана небольшая сажилка, а прочего имущества его никаких и знаков не остается, кроме места. Положение окрестности сей деревни обширно и величественно; возвышенные его окружности представляют пахотные нивы, приятные и пространные, стадами и табунами всегда испещренные дуга, а низкие вокруг пологи имеют вид песчаных степей, которые ежегодно от наводнений двинских и куропаль-

ских увеличиваются; северо-западную сторону его облегает вдали большая еловая роща, которая, украшая селение, защищает его отчасти и [от] свирепства северных ветров. Природа и труды человеческие потщились сие место обложить изящнейшим горизонтом. Изобильнейшие воды окружают повсюду пашни и сенокосы, прерываемые несколькими лесами и многочисленными холмами, которым наибольшую предадут живность близъ лежащий город, великое множество погостов и многочисленные разных родов селения. Трудлюбие многолюдных поселян, великое плавание судов вверх и вниз по Двине, по Куропалке и по разливам, звон и шум городской и селений, к тому же изобилие рыб, птиц и всяких для жизни потребностей должны составлять наипрелестнейшую картину, когда натура облачается в радостную одежду приятной весны. Сии то счастливые часы одарили нас, может быть, великим сим писателем и взожгли в нем сие пламя к славе. На оном месте просил я господина городничего поставить мною сделанный монумент с нарисованною картушкою и надписями, приложенными при сем. Сей монумент поставлен против города Холмогор, за рекою Куропалкою, что в 70-ти верстах вверх города Архангельска пудасом, или рукавом, из Северной Двины протекает, на острове Кур-острове, в погосте того же названия, в деревне того же имени. Он просто сделан из досок и укреплен к земле небольшими сваями на некотором возвышении; невысокую его и четвероугольную остроту поддерживает пятичетвертной куб; высота всего памятника имеет 4 аршина. Он выкрашен белую краскою; на 8-ми же его сторонах по нумерам подписано и нарисовано черною краскою следующее:

1) На косяке вверху:

Аллегорическая нарисованная картушка с изображением венка финикового и лаврового, кадуцей с крылами, две трубы, лира Аполлонова, глобусы, квадрант, колбы, телескоп, карта и книги. На остроте обелиска змея, означающая вечность.

2) Вверху на косяке:

На сем месте родился Михайло Васильевич Ломоносов, статский советник, Императорской Санкт-Петербургской академии наук профессор, Стокгольмской и Бононской академий член, 1711 году, а умер в Санкт-Петербурге году, -го числа. Тело его предано земле в Александро-Невском монастыре, душа его отлетела в райские селения, а могила его украшена изрядным надгробным камнем из белого мрамора, сделанным в Италии, любовью и почтением к ему великого Российского канцлера графа Михаила Ларионовича Воронцова.

3) На косяке вверху:

Сей слабейший и маловажный памятник, в знак своего высокопочитания, воздвиг проезжающий из Санкт-Петербурга и возвращающийся туда же секунд-майор Петр Челищев, не имея ни времени, ни способов восставить достойное и лучшее здание сему великому мужу. 17²⁹VIII91.

4) На косяке вверху:

*Московский здесь Парнас изобразил витию,
Что чистый слог стихов и прозы ввел в Россию.
Что в Риме Цицерон и что Вергилий был,
То он один в своем понятии вместил;
Открыл природы храм богатым словом Россов,
Пример их остроты в науках — Ломоносов⁶.*

5) На тунбе под первым косяком картуш:

На горке, представляющей его могилу, стоят два щита: на одном — герб М. В. Ломоносова, на другом — его вензель; по сторонам две пальмы, составляющие листвием своим сень и венок; в боку заходящее солнце, в другом боку луна и несколько звезд в облаках тучных и мрачных; на щитах сидит ночная птица сова, покрывающая их своими крылами.

Умолкший уж давно Афин и Римлян дар
Витийством громких слов владети над сердцами
Воззвал от долга сна сей северный Пиндар
Лирической трубой и звонкими струнами.

Сей сельский Холмогор лишь стер свой мрак с очей,
Напрягся, поднялся, взлетел, объял природу,
Возжег в веках свещу гисторией своей
И книгу древних Росс разверз земному роду.
С Невтоном исчислял в морях алгебры груз,
В хаосе вихров был Картезию соперник,
Схватил рукою цепь планет и звезд союз,
Держал, что Птоломей, и Тихобрах, Коперник.
От тайны недр земных измерив и открыв,
Наскучил опытом ползущим в изысканьях,
Вдруг к созидаанью свой дух гордый устремив,
Скупую химию настиг в своих ристаньях
И мощною рукою от персей исхитил
Прекрасну дочь ее младую мозаику;
И, не насытись тем, столь алчен к славе был,
Подъял на рамена мысль страшну и велику,
Что даже петь Петра, отца отечества,
Хвалу вселенной, венец племен Славенских.
Но тут восстал на брань чин строгий естества
И рек: «Иди ж к ему! В полях он Елисейских».
Здесь счастье ему еще оставило в удел
Свой вящий к славе дар в час пагубной години:
Ученый свет взрыдал, и мир преклонный зрел,
Что смертью он извлек слезу Екатерины.
Читатель! Воздохни, коль ты сын верный Россов.
И вспомнив, содрогнись, каков был Ломоносов!

Петр Челищев

Во оном Кур-островском погосте две церкви: одна — каменная, другая — деревянная. Каменная двухэтажная: вверху — храм Казанской божией матери, внизу — великомученицы Екатерины. Деревянная одноэтажная — великомученику Димитрию Селунскому. Здесь побочь пустого Михаила Васильевича Ломоносова места живет означенный крестьянин Шубной, брат Федоту Ивановичу Шубину, профессору скульптуры.

В двух верстах от города на той же стороне Двины и Куропалки, где город, погост и деревня Верхний Большой Никольский Матегор; в нем каменная церковь о трех престолах: 1-й — воскресению Христову, 2-й — великомученицы Параскевы, 3-й — Николаю чудотворцу. Здесь живет состоящий в подушном окладе государственный крестьянин Евсей Федоров Головин, его жена Марья Васильева — родная сестра Михаила Васильевича Ломоносова, мать профессора Михаила Евсеева Головина.

В Холмогорской округе казенного ведомства крестьян: экономических мужеска — 3665, женска — 3688; черносошных мужеска — 10 950, женска — 11 720; крепачьих⁷ мужеска — 66, женска — 88; итого мужеска — 14 681, женска — 15 496, а обоего мужеска и женска пола вообще — 30 177 душ...

$\frac{29}{VIII} - \frac{6}{IX}$ 16-я часть. От уездного города Холмогор
до начала Шенкурского уезда
рекою ж Двиною

...(Да не покажется читателю удивительно, что я так тщательно все часовни замечаю; но это имеет важное побуждение и дает причину заключить много. Где часовней много, там церкви почти везде в небрежении, попы не учены, не рачительны, невсжи и пьяны, а потому самому нравы гораздо наклоннее к расколам; из того следует, что расколы, по моему примечанию, в рассуждении закона не суть важны, но заслуживают важнейшего внимания политических голов, ибо к чему годится такая секта, которая общественную пользу считает чужою, чуждается, убегает, ненавидит и прячется от общественных прав и узаконений, наблюдая оные только из корыстолюбия и из страху наказаний; в молитвах своих, которые чтут первым долгом божества, не упоминают имя государя, следовательно, его внутренно не признают власти, видимо считая еретиком; сограждан своих не называют соотчичами, но погаными и врагами, гнушаясь с ними есть, пить, знаться, обходиться и иметь дело. К чему годится, говорю я. многочисленная сия сволочь, управляемая десятью обманывающими над тысячами обманутых, рассылающая ежегодно по всей России своих лжепроповедников для обращения простолюдинов и ленивцев в коварные их сети? Повсюду слышно: жалуются попы, дворяне и купечество на побег к ним людей; да в том бы и нужды не было, видится, все равно, эти люди в том месте или в другом, были б только в России; но вот розница: они подговаривают людей трудолюбивых, из земель самых плодородных и изобильных и поселяют оных в

своих непроходимых болотах, где ничего не растет, следовательно, уменьшают в государстве руки работающих, а умножают рты тунеядцев. Что ж выйдет из сего? Что навлечет отечеству нашему со временем за следствие пагубные сии переселения? Между многочисленными причинами, рассудку открывающимися, о нынешней дороговизне хлеба повсюду не время ли уже поставить в первые нумера сии зловредные и незаконные происки ухищренных сих льстецов? Но сие все вид еще, пока они в страхе, пока не знают еще своей силы и своего числа, пока нет единомыслия, пока нет еще замысловатой обширной головы — словом, пока нет Силлы, Мария, Юлия Кесаря, Кромвеля. Читатель! Загляни в историю, не во всяком ли политическом корпусе найдешь семена к их падению: в Египте гордость и пышность деспотов, в Персии усыпляющая роскошь царей, в Греции распря и противуборствие в умственных телах, в Риме раздор дворянства и черни; и так, спускаясь до наших времен, мне видится, я ощущаю пагубные сии зародыши, уже насжииваются в мрачных сих норах, в гнездах невежества и в душепагубных сих скопищах. Но опустим зановесу на гибельную сию картину, от коей сердце содрагает, и да не подымет оную всевышний!)

22—25 27-я часть. Описание Новгородской епархии
XI первоклассного Белозерского Кириллова
 монастыря и уездного Новгородского
 наместничества города Кириллова

...(Я ни в одном монастыре не видал такой бедной трапезы, как у них. У архимандрита с помянутыми игумнами стол всегда в келье и чрезвычайно дурной, например из чайника чайная трава, что выбрасывается, он употребляет на ботвинью зимнюю и крепко расхваливает. Он, правду сказать, почитается из самых ученых наших монахов и из лучших проповедников, к тому же трезвый чрезвычайно человек и постник большой; но к чему служат сии добрые качества, когда

попущение его, обветшалый дух и нерачительность общественно все расстроили? Там нет ни нравов, ни благочиния, ни радения ни в чем и ни в ком: архимандрит никогда не приходит за трапезу, наместник за поем пьет беспросыпно месяца по два, казначей без казны и без просвещения, и братья, приходя с своими ставчаками и ложками за трапезу не на покрытом столе, обсевши кой-как, насилиу разделили с шумом беднейшую их и невкусную пищу; а ежели они при мне не напились до-мертва, то это для того, что у них не только вина и пива не было, но даже и дурного квасу в обрез стало)...

10—12 31-я часть. Описание Большого Тихвинского
XII монастыря и уездного
 города Тихвина

...В Тихвинской семинарии, имеющейся в монастыре, в проезд мой церковнических детей обучалось до тридцати пяти, в малом народном училище купеческих и мещанских детей — до пятидесяти. Понятие ж и охота их к науке, а также поведение и знание учителей за краткостью времени мне неизвестно. Не мудрено, что только учеников в народном училище, потому что жители все расколыщники.

12—21 32-я часть. От Тихвинского монастыря
XII и города до Санкт-Петербурга

...(Сия пустынка достопамятна тем, что доказывает, сколь небрежительно пекутся начальники об вверенных им частях; ибо в малом сем местечке бедный поп, от того что никогда туда никто не заезжал, доведен, может быть, бедностию до кнута. На сию мысль попал я вот как: глухая сия точка России облегается со всех сторон на сорок верст дремучими лесами и непроходимыми болотами, редкие ее малочисленные и бедные соседства отлежат не ближе как в десяти верстах со всех сторон. Итак, ясно видно, сколь глухое сие место

способно для воровской пристани; и можно с вероятностью сказать, что пустынка сия с самого ее начала держалась работами беглых и повинных строгости законов.

...По упразднении монастырей по новому штату остался сей забвенный край без жильцов и попечителей; он приписан стал к ближнему погосту. Безграмотный кутейник ⁸, из оных боясь попасться в солдаты, быв безместным и зная, что изрядная разведена тут пашня и сенокос, выходил себе указ дьячковский и поселился в ней. Но чтоб развестись хлебом и строением, надобны были работники, а на то деньги, а для денег богомольцы, а для богомольцев служба; но для службы не было поппа, в богомольцах охоты, а в нем грамоты, то он решился без дальних хлопот принимать к себе беспашпортных прохожих, которым, чтоб не скучать, то позволил им для общей пользы запастись и по доброй молодежи. Дело было и пошло своей чередой, да раздумье взяло, не спросили б ответа. И для того с общего приговору решился он пропустить слух, будто к нему приходили воры и его мучали, пытали и венками жгли. После сего, кажется, ему бы должно было проситься прочь от сего места, но он, побыв только шесть лет дьячком, поехал в Петербург и удостоился сана священника и во оном пробыл четыре года. Славный злодей атаман Репка и Гуляев, его есаул, порядочно было зажили под его прикрытием и частенько в окрестностях пощупывали помещиков, богатых крестьян и проезжих посадских, отчего дороги с Ладоги на Свирь и к Тихвину стали было почти непроходимыми. Я, проезжая в Соловки, сам не без основания этих бродяг опасался. Но скоро теплое их гнездышко дошло до слуху обоих начальников губерний: исправникам послались строгие повеления, команды воинские усилились, сотским и жителям погрозили и пагубная сия сволочь, перехватанная частию в самой пристани, отослалася ко суждению судов. Поппа, у которого нашли воровские пожитки, спрятанные даже под престолом, отослали куда следует. А в обратный уже мой проезд из Архангельска ожидали уже по погостам круг Тихвина его к наказанию.

Несчастному сему скажите, начальники, что за причина его бедствия? Может быть, он и не один подобный ему в России. Духовные начальники! Когда б заведены были порядочные у вас школы, был ли бы этот человек принужден искать убежище в сих страшных жилищах волков и медведей? Когда б вы, рассматривая прилежнее его невежество, не допустили эдак близко к бескровной жертве, то не стал бы престол всевышнего хранилищем окровавленной добычи; учитель нравов и истолкователь Евангелия не томился бы жалостно под тяжкими ударами публичной казни, в соблазн и поношение всех служителей церкви. Объясня вину верховных пастырей церкви, обращаюсь к вам, незаконные самовольцы, врученной власти вам нашими монархами. Скажите мне, раскормленные питомцы роскошью и праздностью, как можете вы пышными знаками почестей украшаться монархов ваших, их обременять неумолкающими и усильными требованиями то чинов, то знаков, то денег, то вотчин, когда под итог вашего нерачения загнанная истина молчит, невинность стонет, все степени страждут, никто не находит своего права, а вы, величаясь, напрасно просыпаете ненадобный век в вредном вашем для всех изобилии. Понимаете ли вы, беспечные тунеядцы, начто вам сказано, что губернаторы не суть судьи, что для того, чтоб вы в одном губернском городе не принуждены были быть безотлучны, а, оставив бы правосудия течение на судей, присматривая строго за ними по ведомостям, ездили бы беспрестанно по ведомствам своей губернии, исправляли бы пороки, стремление к злу отвращая, направляли бы склонности к общественной пользе и, находя сокровенные дары щедрой природы, приводя их в просвещение, изливали бы трудолюбие, изобилие и блаженство народам, вам врученным. Вы же вместо вспоможения удрученным насылаете только указ за указом ко взысканию, не справясь, каковы обстоятельства, каковы годы и каков их жребий. Жестокие, когда у вас сторают целые селения и даже целые города, то кто видал вас, чтоб вы поспешно к бедственному сему приключению прискакали и в виде отца утешительного старались бы изведать самых разоренных, и если им

не вовсе загладить их убыток, то по крайности облегчить их жребий ласковым приветствием? А вы тут-то с кровожадным своим поверенным насылаете им разорительные ваши повеления, тут-то и взыскивают с них наистрожайше положенные подати, тут-то и родятся ваши пагубные ревизии, тут-то и усилятся предписания о строении по плану...

Если б не было несчастных, верно б не было и злых. Доколе вы, викарные владыки народов, нерачением, незнанием и корыстолюбием своими ввергать станете род смертных в несчастье и напасти? Доколь священные законы благоустройства государственного проричать станут единственно своеволие владычествующих, бедство подчиненных и казни страждущих под игом вашим? Почто не доискиваетесь вы до источника разнообразных пороков, бедствий и злодейств? Отрите мрак очей ваших, войдите подробно в хижины поселян всех степеней — вы найдете их источник, болезнь, лекарство, блаженство их и ваше. Смотрите: повсюду бедность, праздность, скука; повсюду малая прибыль, а величайший труд. Сколько ж должен человек скорее наклониться к злу, нежели к добру? Самый и климат зовет народ наш к праздности, а праздность, известно, мать пороков. В чужих краях дает крестьянину щедрая природа девять месяцев на работы, а три — на отдохновение; у нас же четыре месяца на работы, а восемь — на обременительную праздность. Там же по многолюдству поселян пахарь должен пропитать пять душ, а у нас приходится, верно, больше осьми, то есть жену, старого, малого, дворян, служащих, духовных, солдат, штатских, купцов, посадских, рукодельцев — весь северный край, по строгости климата не пашущий, — и отправляете хлеба в чужие края! Вот отчего наш крестьянин, видится, и есть изнурен! Он четыре месяца дено и ношно обливается потом неусыпно, а восемь печется на печи. Чтоб отвести от зимнего неделия, почто не заведете вы фабрик по всем глухим краям? Экономия губернской казны и самопроизвольное подаяние откупщиков и подрядчиков довольную уже на то вам даст сумму. А ежели вы еще да пресечете на время сребролюбивую вашу склонность и покажете

искреннюю склонность к общественному благу и выиграете доверенность, то вас засыплют деньгами дворяне, купцы и все степени. Как можно подумать, что губернии, которые снабжают всю Европу льном и пенною, не имеют еще общественных контор, которые б могли укрощать разорительную хищность сребролюбивых иноземцев! Как можно думать, говорю я, чтоб мы столько платили за свои материалы, а за их переработку, выдумку и руку мастера? Увы, надменные ушельцы в кабинеты ваши! Почто вы просыпаете в них жизнь, толикими способами снабденную к славе отечества, к пользе государя и к блаженству народному, чтоб после быть или недостойно повышенному, или бесчестно в другое место переименованному, или опуститься в глубину вечности телом и душой, не оставив ни малейшего знака о имени вашем потомству! Почто не обрабатываете сокровищ, сокрытых в недрах земных, у нас их так много, а мы платим англичанам за их миллионы, ирыберцам⁹ за иглы даже тысячи; что платим и голландцам за сельдей, а сами имевши стерлядей, белую рыбицу, осетров, белугу, семгу и прочие сокровища вод. Астрахань и Крым не могут ли нас снабдить вином, шелком и шерстью? Урал и обширные губернии любезного нашего отечества могут ли когда исчерпнуться в рудных своих жилах? Твердый, penetrating и созидательный разум россиян требует только ободрения, чтоб затмить в науках, художествах и в рукоделиях все народы европейские. О, если бы в помянутой сей пустыне были у вас заведены фабрики и заводы разных родов, например мельницы пильные и хлебные, кожевенные, стеклянные и глиняные заводы, то были б, может быть, сии вородержатели и разбойники самые благочестивые, полезные и талантами удивительные люди! Ах, если мое суетумудрие когда-нибудь дойдет до слухов ваших, то не браните моей дерзости! Чувствительность моя не терпит сих упущений, и кровь сих несчастных преступников брызнула даже до моего сердца)...

Василий Васильевич
ПАСЕК

[ЕКАТЕРИНА II]

Е — сли разум нам природа
К благу общему дала,
То почто одна порода
Над другою верх взяла?
Нудить быть своей рабою,
Делать слепо, что велит,
Дыша тнусною злобою,
Смерть невинности сулит!

К — рови ближних насытившись,
На престол злобы взошла.
Прав природы отщетившись,
Варварства во след пошла.
Благом общим почитает
Прихоть выполнить свою.
Чем же ее насыщает?
Гибелью людей. Пою.

А — х, я с толку чуть не сбился,
Голосом не тем запел.
В мыслях сильно углубился,
Высоко было задел.
Что мне нужды до породы
Сильной, барской, мужика.
Се последни сумасброды,
А тех власть есть велика.

Т—ощи силы, перо тупо
Мочь их свету показать,
Но хоть слабо, грубо, глупо,
Нужно нечто мне сказать.
«Первая глава престола
Силы, власти и злобы
Вздумала, поднявшись с дола,
Собирать со всех плоды.

Е—ресь всюду распростерла,
Будто бог ее послал,
Чтоб тому главу сотерла,
Кто против ее восстал.
Люди, слепо чтя уставы,
Пожь приняли за закон.
И, опившись сей отравы,
Червь им кажется дракон».

Р—азум, воля и свобода
Стонут в узах, вопия:
Долго ль чтить нам сумасброда,
Кровь сосуща, как змия?
«Правды солнце озарило
Ныне нашу слепоту,
Лжи завесу нам открыло,
Видим ясно пустоту».

И—го, бремя и оковы
Рабства тщитесь вы сложить,
Будьте вольны и готовы
К благу общему служить.
Горды стены истребите
Самовластия царя,
Песнь небесну вострубите,
Сердцем к вышнему паря.

Н—еба, всех и вся создатель,
Тайны ведущий сердец,
Щедрый благостей податель
Ты наш царь, вождь и отец.
Се приносим мы на жертву

Чувства чисты и любовь.
В честь твою и нам бессмертну
Льется в жилах наших кровь...

А—рушителя покоя,
Изверга природных прав
Правда, став в лице героя,
Свергла, власть его поправ.
Кто ж он был? Чтоб было гласно
Имя варвара сего,
Первы буквы сложив, ясно
Будешь видеть ты его.

[ВОЛЬНОСТЬ]

В—ольность, вольность дорогая,
Многие про то твердят.—
В чем же часть ея благая,
Глаз на то не обратят.

А—стронома мозг крутится,
Следуя природы мрак.
Много стоит утвердиться,
Правда ль то или призрак.

Р—ушить власти все пределы,
Дать природе вольной ход,
Тотчас станут умы зрелы,
Плавая, не пойдут вброд.

В—сплыв на берег пойдут смело
Злобы цепи разорвать,
Кои душу их и тело
Тщились в рабстве содержать.

А—да власти потрясутся.
Видя правду в торжестве,—
Полубоги все смятутся,
Зря себя в ничтожестве.

Р—ай, рай, правду возвещая,
Ныне отверзаю вам.
Будьте тверды, не дерзая
Мнить подобным быть богам.

А—лчность, жажду утоляйте
Тем, природу что крепит.
Долгом себе поставляйте
Ближнего покой хранить.

[ЛИКУЙ, О ВОЛЬНОСТЬ!]

Ликуй, о вольность, дочь природы!
Народ, разрушив власть царя,
Воздвиг нетленной храм свободы
На месте злобы олтаря.
В нем жертва лести не воскурится,
Не будет в нем боготвориться
Обманом славый бог земли.
Священна правда там правитель,
Невинных мощный покровитель.
Вот что изрек народ. Внемли.

<Спешите, дети, мной избранны,
Казнить мучителей своих,
Достойны быть они поправны>.

Се путь лежит ваш пред глазами,
Ведущий прямо рая в сад.
Оставьте грусть и плач с слезами
Тому, мешал кто в лицу яд.
Спешите по нем, шаги удвойте,
Кричите ура и песнь воспойте.

[ЛИКУЙ, О ВОЛЬНОСТЬ! (вариант)]

Ликуй, о вольность, дочь природы!
Народ бессмертну власть приял!

На гибели царской породы,
Курильник правды осиял.
Народы храм твой восстанавлиют,
Чистость сердц в жертвы приготов[л]я[ю]т.
Низвергли народы истуканов.

Шествуй, царей покоритель,
Пред курильник во премудрый храм.
Спеши, славны[й] лжи победитель,
Истреблять зло мздоимства там.
Сумасбродам к святым сотри веры.
Возьми с французов ты в сем примеры.

Распрости повселя успехи,
Совершенный славы предмет твой:
Преврати тьмы завес в утехи,
Возобнови связь дружбы, покой.
Завистным зрит Европа оком
На плывущи к те[бе] добры потоком.

О вольность, жнив покров, коссов,
Французов ты предводитель;
Защитник будь народа Россов,
Святых прав его учредитель,
Утверди храм те[бе] посвященны[й],
Игом царей нарушенны[й].

Горы, поля, моря, реки
И степи орашенны.
Под знаменем твоим веки
Твоим взором преисполненны.
Блажен народ торжествует;
Право естества существует.

Довольствуешь труды ученых,
Пастухов и землепашцов,
На суше и море торговых;
Изгнатель ты туниядцов,
Каратель распрь, ухищренья
Смертию без щады прошенья.

Цари, с вольным вы народом
Дерзнете вестъ брань кроваву.
С уничиженным рабов сбродом.
Готовьтесь пить отраву.
О вольность, бог справедливой,
Просвети род сей кичливой.
Истреби род сей кичливой.

Александр Феодосьевич
БЕСТУЖЕВ

О ВОСПИТАНИИ

1798

О воспитании частном

Воспитание вообще есть наука, каким способом образовывать, научать детей так, чтоб они учинились полезными и приятными для семейства своего, для отечества и были бы в состоянии доставлять и для самих себя благополучие.

«Легче,— говорил Теофис,— дать жизнь, нежели добрую душу». Вот что воспитание должно постановить себе правилом. Все доказывает нам, что человек при рождении своем не расположен ни к добру, ни к злу¹, но что приприсит только способности к восприятию тех нужд, коих он сам собою удовлетворить не в состоянии, страстей более или менее стремительных, смотря как телосложение и свойство его расположено от природы. Воспитать дитя — значит употребить его естественное расположение, его свойство, его чувствительность, нужды, страсти на его усовершенствование или на учинение его таковым, каковым быть ему желает; сие значит показать ему, что ему любить и чего убежать должно, и снабдить его всеми теми средствами, которыми он может или приобрести желаемое, или избежать того, что ему ненавистно кажется; сие есть возбудить желания его к известным предметам и от других воздержать. Страсти, удачно направляемые, то есть полезно и для него и для прочих устремленные, сопровождают к добродетели, но оставленные буйству оных или худо направляемые учиняют его порочным и злым.

Некто славный нравоучитель² воображал, что воспитание все может произвести над человеками и что все они равно удобны к восприятию образования, какое дать желаешь, поелику известно, как должно располагать их пользами; но опыт нас научает, что есть таковые дети, в разуме которых не можно возжечь никакого сильного впечатления, есть такие, которые ни к чему не пристрастны, есть робкие и отважные, есть опять ленивые, которых беспрестанно понуждать надобно, и паходятся таковые, которых с трудом можно воздерживать. Есть имеющие природные дарования, другие тупы, у иных членосоставление слабо, у иных крепко, есть нравы тихие или возмутительные, недопускающие к себе никакого ограничения; мы видим души поверхностные и слабые, коих ни к какому предмету устремить не можно, как есть между тем таковые, коих разум так стеснен, что никакое средство неудобно к чему-нибудь его побудить. Следственно, обманываются те, которые полагают, что воспитание во всяком человеке произвести может все, чего желаешь; воспитание распространяет только полученные от природы способности; оно тогда только с успехом сеять может, когда землю таким образом естество приуготовило, что может она соответствовать тем попечениям, которые для нее употреблены будут.

Самое начальное воспитание сперва занимается образованием, возвращением, укреплением тела, научает, как должно в пользу себе обращать члены, учреждать надобности, воздерживать волнение страстей, естьли оные противны его благосостоянию; сие первоначальное воспитание предопределяет в воспитывающемся те существенные способности, которые производят влияние на все продолжение жизни. Но родители не обращают довольно внимания своего на сию первейшую часть воспитания, они поручают детей пощению кормилиц, потом смотрительниц, исполняющим умы воспитанников своих страхами, ложными понятиями, пороками и глупостями, какими они сами заражены; и из их рук выпедших детей увидишь привыкших ко лжи, обманам, к малодушию, обжирству, к неге. То развращаемые угождениями и ласкательством, то не-

временно исправляемые, они находятся уже исполнены противоборствующими страстями, многими обдерживающими их заблуждениями и предрассудками, до самого последнего конца жизни их мучащими и которых последственное воспитание, хотя бы и блаторазумно было, не в состоянии уже истребить. Первые самые минуты жизни, вообще сказать, бывают пренебрежены, но заслуживают, чтоб подумано было об них с лучшим вниманием; они всегда почти определяют человеческой нрав. Платон приписывает падение Кирова престола³ тому, что по смерти дети его поручены были воспитанию женщины, которые, угождая возражающимся страстям, не побуждали их к добродетелям, кои были бы их достойны.

«Ты человек,— сказал Мепандр,— то есть животное, более всех к переменам счастья расположенное». Взяв сие за основание, воспитание не должно быть поверяемо женщинам, которые вместо того, чтоб укрепить дитя, расслабят его еще более, нежели как он сотворен от природы. Непостоянство жизни человеческой заставляет богатых принять непременно законом, дабы они детей своих не к роскоши, тщеславию, нерадению и беспечности приучали, но чтобы заблаговременно упражнениями и трудами укрепляли их тело, предваряли разум против нечаянных поражений рока. Ничего нет несчастливее, как видеть детей, воспитанных родителями тщеславными, привязанными к чувственным наслаждениям, к нежностям, ибо подобное воспитание заставит их почувствовать всевозможные огорчения, какие только в жизни вообразить можно. Оно отъемлет у людей ту доброту, то действие, то сильное сложение, которые приличествуют их полу. Расслабление, леность и роскошь производят бесполезных членов обществу и тягостных самих себе. Дети, приучившиеся к пышности, нежности, видя себя беспрестанно обслуживаемых, могут быть в продолжение жизни весьма несчастливы, когда увидят себя лишенными тех пособий и покоя, которые привычки постановила им необходимостью. Что принадлежит до женщин, они должны иметь воспитание больше мужественное: оно, придавая им силы, сделает их способными раждать детей с большею

крепостию, оно отвратит их от множества слабостей, болезней, каким они обыкновенно бывают поработаны. Но от самой нежной юности воспитание, кажется, поставило себе предметом, чтоб ослабить у детей тело, разум и сердце помрачить ложными понятиями, губительными страстями, а наипаче тщеславием, которому более всего стараются споспешествовать; впоследствии воспитания, вместо того чтоб истреблять вредные впечатления, полученные от кормилиц, смотрительниц и иногда от слуг, которым бывают дети преданны, их обыкновенно утверждают еще и учиняют оные непременно. И каким образом родители или наставники, бывши исполненные сами заблуждениями, предрассудками, страстями, тщеславием, могут подумать об исправлении недостатков первоначального воспитания? Каким образом отцы и матери, папыщенные своею порокою, подстрекаемые гордостью и привязанностию к богатству, объятые развлекающею их роскошью, нарядами, модами, могут истребить в детях ложные понятия о сих вещах, от самых нежных лет ими внушенные? Воспитание обыкновенно ныне есть не что иное, как вдохновение страстей и тех привычек, какими люди сами бывают возмущаемы; надлежит самому иметь доказательное воспитание, дабы быть в состоянии сопровождать детей по пути, ведущему к добродетели.

Пример родителей, так как мы уже сказали, делает детей или добродетельными, или порочными. Сей пример есть для них непрерывная неправильная наука, которая сильнее действует над ними, нежели часто повторяемые уроки. Отец пред очами детей своих есть существо самое превосходнейшее, самое могущественнейшее, то, которому они более всего стараются учиться подобными.

Что может тут произойти, когда родители непостоянны и без прав. Дитя мгновенно получает желание подражать тем людям, которые им управляют, поелику они почитают их сведущими о средствах, доставляющих им удовольствие, ибо подражать значит не что иное, как испытывать средства, которые употребляя другие получают свое удовольствие или счастье. Тщетно развращенные отцы твердят детям своим: «Делайте то только,

что вам говорят, и не делайте ничего того, что вы видите нас делающих». Воспитывающийся сокровенно возразит ему: «Хотя ты волен в действиях своих, однако ты поступил бы иначе, если бы случилось для тебя какое-нибудь удовольствие, которое ты скрыть от меня должен, но я, невзирая на твои наставления, тебе последую».

К частному воспитанию и к всегдашним почти гибельным домашним примерам присоединяются еще обыкновенно вредоносные общие предрассудки, ибо молодой человек, вышедши из рук своих родителей и наставников, поражается первее всего развратными примерами, не слышит, как только учения ложные, находит, что все окружающее его состоит в вечном противуречии с теми правилами, в которых бы его наставить можно было; из сего он составляет заключение *поступать как и прочие*; здравые понятия, которые, естли случайно и впечатлелись в его воображении, тотчас истребятся; он предается стремлению и отрекается от правил, служащих как будто к тому только, чтобы почитать их ему смешными и странными, затворяющими только путь, ведущий его к благосостоянию.

Без сомнения, много есть таких родителей, которые чувствуют важность доброго воспитания, знают преподавать оное сами, но сколько есть таковых, кои весьма малое имеют понятие, в чем состоит воспитание, и еще и того менее таковых, кои бы имели способности преподавать его сами и назирать над оным со вниманием. Иногда отец, занятый своими делами, другой, предан[ный] своим удовольствиям, забывают, что у них есть дети. Там мать, в рассеяние погруженная, помышляет только о нарядах, о забавах своих, о любовных хитростях и должностию почитает весьма низкою детьми заниматься. Таким-то почти образом дети разных состояний людей обыкновенно преданы бывают в руки домашнего смотрения, ничему полезному их не обучающего; в сем-то обхождении дети провождают время, тут паучаются они представлять лице тщеславия и, не быв ни от кого упрекаемы, паучаются господствовать над своими слугами. Ничего столь успешно не перенимают, как познание о тех преимуществах, которые порода и

богатство предоставили им к обладанию; самые первые уроки, ими получаемые, суть уроки высокомерия и пороков, ничем уже впоследствии не изгладимых.

Выходя из-под начала слуг и надзирательниц, дитя предается в руки наставника, почасту нимало не имеющего тех качеств, которые бы споспешествовать могли к образованию разума и сердца его воспитанника; но когда счастливый случай представит и такового, имеющего хотя бы и самые редкие качества, однако тщетно будет сообщать оные ученику непослушному и издавна развращенному. Кротость несовместна при воспитании высокомерном; строгость опять его возмущает и приводит в негодование его родителей, хотящих, чтобы кровь их уважена была даже и в глупостях, чинимых их детьми. Таким-то образом наставник, всегда воспящаемый⁴, оставляет своего ученика неприязненной судьбе его, не занимает нимало успехами его знания.

Большую частью родители и вовсе не стараются обрести просвещенных наставников, ибо достоинства других для них чужды или бывают предметом их презрения. Благородный ничем более не занимается, как своею порокою, богатый уважает только единое свое богатство; и оба они то только и представляют себе, что как может бедный ученый удостоиться внимания таких людей, каковы они суть. Тот, коего назначили они попечителем к детям своим, не иначе видится им как наемник, как слуга, единое от них уничижение заслуживающий. Отец просвещенный только может во всей силе чувствовать важность препоручения залога, смотрению другого поверяемого, таковой видит в наставнике сыну своему почтенного друга, принимающего бремя воспитания, как к его, так и к потомственному благосостоянию споспешествующего. Несмысленный же, презирающий речение о сыне своем не понимает, что от него зависеть может как счастье, так и честь всего его семейства. *Ты препоручил сына твоего рабу для воспитания, говорил древний мудрец⁵ отцу богатому и скупому: хорошо делаешь! Ибо вместо одного, ты будешь иметь двух рабов.*

Итак, когда мужское воспитание почти повсеместно пренебрежено, то воспитание женщин, долженст-

вующих быть супругам, матерями, кажется совершенно забыто. Музыка, танцевание, шитье — вот обыкновенно почти вся наука, преподаваемая младым девицам, долженствующим некогда управлять семействами. Вот те совершенства, те качества, которые требуются от того пола, от которого зависит благополучие наше! Мать думает, что она много делает, когда мучит дочь свою бездельницами, долженствующими быть для самой се предметом пренебрежения и дочери внушить такое ж о них понятие. Но сии мелочи представляются столь важными для большой части матерей, что учиняются повседневно неисчерпаемым источником негодований, гнева, а для дочерей — источником слез и отчаяния. Вместо того чтоб обратить сердца их к добродетели, вместо того чтобы заставить их познать должности, которые им некогда исполнять должно, вместо того чтоб украсить разум познаниями, удобными освободить их от скуки, в продолжение их жизни более, нежели мущин, обременяющей, воспитание их, кажется, печется о том только, чтобы дать им совершенное понятие о нарядах, тщеславии, о модах, о собраниях, балах и театрах, не думая вовсе о внутренних украшениях разума. Преподают уроки волокитства, приучают их к владычеству, которое они в совершенные лета обыкновенно распространяют, наставляют правилам, как можно возбуждать страсти, вместо того чтоб они совершенное от них имели отвращение.

Не должно удивляться, если видишь женщин, возрощенных иногда в таковых правилах, что не имеют они нужных качеств, споспешествующих общему и частному благополучию, и не знающих и самим себе доставить постоянное счастье.

Не надобно удивляться, видя их впадающих тогда в сети, волокитством поставляемые, находя их бессильными, дабы посредством душевных качеств остановить своих обожателей, которых красота их на несколько минут обольстила. Девица, которой воспитание ничего лучше не представило, как искусство прельщения, не замедлит показать сего на опыте, когда почувствует, что она свободна; вот следствие хитростей и беспорядков между супругами, вот следствие женского развращения,

излишество коего влечет обыкновенно к раззорительным забавам и к удовольствиям преступным; от сего-то рождается та пустота разума, что естли красота их уже увяла, то учиняет их бесполезными, несносными в обществе, беспокойными и заставляет их или в пронырствах, или в мрачном набожничестве искать своего утешения от скуки, их пожирающей.

Сие очевидно, что жалостное воспитание, женщинам преподаваемое, производит их слабости, неосторожности, легкомыслие и беспорядки в обществе, которые, учиняя их несносными себе и досадными, оканчиваются наказаниями, собственными их слабостями навлекаемыми. Родители, быв без всякого расположения, не думают порядочно научать сии чувствительные существа, не стараются вооружить их против опасностей их собственного сердца, не помышляют вдохнуть в них твердость и добродетель, можно сказать, что они опасаются, чтобы возвышение разума и сердца не отняло чего от приятностей тела. Они не видят сего, что просвещенный разум придает красоте более величества и что добродетель учиняет сию красоту более любезною и занимает место ее, когда она существовать уже не будет. Как скороувядающие цветы, женщины сотворены нравиться только на пекоторое время. Следовательно, не должно ли стараться учинить сие почитание вечным, которое им в рассуждении красоты их оказывают? Сколько красота имеет прелестей, когда она сопровождается стыдливостию, дарованиями, благоразумием, добродетелями! Женщина благообразная и добродетельная есть зрелище самое восхитительнейшее, какое только природа представить может взорам нашим.

Пол прелестнейший, пол, созданный для распространения сладости и удовольствия в жизни, да не отвратится просвещать разум свой, ибо нужные познания не повредят их приятностей. Да потщатся более всего приготовить сердце свое, природою ко всем гражданским добродетелям расположенное. Да будет сие единственное средство, которым они навсегда будут нравиться; сим получают они лестнейшее владычество, нежели то, которое, раждаясь от их прелестей, мгновенно исчезает; сим останоят они свои чувствования и возбудят их, когда

закон того востребует, обратят к себе почитание самое чистосердечное, самое твердое, самое желаемое, и не то, которое рассыпают обманщики, ищущие только воспользоваться слабостью их и легковерием; они будут почтены, отличены во всю свою жизнь, в престарелости и в уединении найдут в своих усовершенствованиях утешение; они насладятся общим уважением, искренностью, предпочитаемую шумным увеселениям и сим ничего не значущим забавам, ничего более не производящим, как мгновенное удовольствие и скуку непрерывную.

Всяк, достойно о сем предмете рассуждающий, признается, что примеры, предъявленные римскими и лакедемскими женами, могут убедить нас к признанию, что женщины, направляемые воспитанием более мужественным, удобосклонны к восприятию величия душевного, патриотизма, восторгов славы, твердости, бодрости — одним словом, великодушных страстей, заставляющих стыдиться сих преданных неге и роскошью изможденных муштин.

Не можно никоим образом сомневаться, что поведение женщин имеет влияние самое чувствительнейшее на нравы муштин. Следовательно, все заставляет нас признать, что доброе воспитание, данное самой любезнейшей половине человеческого рода, произведет удивительную перемену в другой. И каким образом сего и прочих гражданских добродетелей достигнуть можно, как не воспитанием учрежденным? * Итак, когда видим, что и в недрах самых лучших семейств совершенное воспитание бывает редко, требуя многих вспомогательных оному от природы, от знания и обстоятельств дей-

* К сему счастливому преобразованию сердец, от общественного воспитания ожидаемому, подает сладчайшую надежду высочайшее покровительство, которым ее императорское величество всемиловейшая государыня императрица Мария Федоровна удостоивать изволит воспитание благородных девиц, благоволив возложить столь драгое попечение на священную свою особу; таковое покровительство сопровождается равномерным благоволением и рачением о распространении просвещения, о учреждении новых училищ и о исправлении воспитания всеавгустейшим супругом ее всемиловейшим нашим императором Павлом Петровичем: благополучны училища, под сению таковых покровителей и попечителей процветающие!

ствий; когда человек, одаренный всеми добродетелями, редкими качествами, характера приятного и кроткого, неутомимой твердости, глубокого знания о человеке и о раскрытии его разума, единственно занимающийся направлением своего воспитанника, не дающий почувствовать ему, что он им руководствует; когда, говоря, сей человек, невзирая на столько способствующих ему средств, имеет еще нужду, чтобы воспитанник его был счастливого от природы расположения, чтобы родители и окружающие его имели нравственный характер; когда один злой или глупой слугитель при мгновенном приближении может опровергнуть попечения многих лет; когда во все продолжение времени он, так сказать, не должен делать ничего, что бы не было или приготовлено, или к пользе употреблено в действие к усовершенствованию воспитывающегося; когда деяния, а не слова; когда пример больше, нежели наставления, опыт вместо правила должны быть образованием человека; когда должность и поведение наставника так должны быть сокрыты от взора воспитывающегося, чтобы он не приметил, что его обучают, но что наставник при нем как сотоварищ, как поверенный, как друг; когда дитя любопытством вестися должно к познанию, свободою к трудам, забавами к упражнению; когда даже в многочисленном обществе так мало находится людей, кои могли бы в настоящем их состоянии дать приличное детям воспитание, и когда, словом сказать, делают оное претрудным рассеянность и склонность к забавам, отвлечения, от тщеславия и гордости происходящие, должности гражданские, предрассудки и заблуждения, почти повсеместно распространившиеся и существенно воспитанию противоборствующие, чрезмерная любовь родителей к детям своим, неуместная бережливость в рассуждении здоровья, мелочное угождение предлагать им всякие услуги, даже и в то время, когда они вовсе нужды не имеют, излишние попечения, производящие в детях некоторое малодушие, некую душевную слабость, удобные истребить всякой род бодрости, чувства собственных сил своих, неважные отличности, малые и ничего не значащие выгоды, вовлекающие наставника в самые трудные обязанности, которые чтобы хорошо

исполнить, потребно пространное знание, просвещение и совершенство характера, наконец, развращение нравов, противу коих законы и беспрестанно бывают в борьбе, — все сии препятствия, недостатки не явно ли возвещают, сколь мало можно получить выгод от воспитания домашнего и скольких еще останется неудобств от него опасаться. Вот как частное воспитание способствует мало к произведению отменитых членов общества!

И наконец, обращаясь на все состояния, увидишь, как в простом народе разные причины противоборствуют должному направлению нравов. Бедность и невежество, смерть родителей, нерадение отцов, нужда исправлять свои работы, множество разных других упражнений сих разрядов граждан, трудами только своими имеющих пропитание и которые, лишены быв, так сказать, рассуждения, не имеют ни малейшего понятия ни о добродетели, ни об отечестве, ни о нравах, иногда развращенные примерами господ своих, нередко размученные изнурениями, они становятся злыми и вовсе не способными вдохнуть детям своим чувствования честные.

Естьли сии рассуждения довольно доказательны о слабости частных воспитаний, то сколько сказать можно в пользу воспитания общественного и сколь оно действительно предпочтительнее первого, невзирая на неизбежные несовершенства и его сопровождающие!

О воспитании общественном

«Законы воспитания, — говорит Монтескый, — суть первые приемлемые впечатления; и поелику они приуготовляют нас к гражданской жизни, то каждое семейство должно быть управляемо по правилам великого семейства, все в себе заключающего». Следственно, необходимо нужно, чтобы во всяком государстве воспитание юношества было соглашено и совмещено с природою, с предначертанием и с правилами правительства.

Всякой род правительства имеет свое свойство, свой предмет и свое особенное основание. Его свойство

состоит в постановленном законоположении, имеющем целию известный предмет; его предмет есть та точка, к которой оно существенно привлекается; и его основание есть действующая пружина, предмет сей исполняющая. Из сего общего понятия о правительстве ясно означается, что его основание есть часть самая существеннейшая, которую, так сказать, можно назвать его душою, и есть самое начало, приводящее машину в движение, дающее ей жизнь и силу. Из чего непосредственно заключить и постановить за неперменное правило должно, что сие начало, которое учреждает, одушевляет и укрепляет государственное тело, есть причина самая важнейшая, причина, коею учредители воспитания должны более всего заниматься, которая должна сильнейшим образом впечатлеться в разуме каждого члена общества.

Все правления, следуя Монтеスキю, могут подразделяться под тремя видами, кои суть *республиканское*, *деспотическое* и *монархическое*. Республиканское — в котором государство управляется многими, где знатные и народ совокупно управляют, как было в Риме и как ныне в Голландии; деспотизм — где государь есть властитель беспредельный, имеющий право на жизнь и смерть своих подданных таким образом, что единая его воля составляет все законы, как в Турции; монархия или единопачалие — где один пользуется властью беспредельною, но управляя по законам постановленным и определенным, как в России, в Гишпании и проч.

Из всех сих правлений монархическое есть, без всякого сомнения, самое лучшее и самое совершенное, менее всех разным неудобствам подверженное; деспотическое есть несправедливое и мучительское; республиканское всегда близко к своему разрушению, где одного честолюбца довольно для опровержения оного. Римляне служат довольно достаточным к сему примером в лице Юлия Кесаря. И потому остается лучшим монархическое, где государь, наследуя государство, всегда занят сохранением того величества, какое имело оно у его предшественников; и хотя он имеет власть перемещать законы, но делает сие для того, чтобы, когда

онные недостаточны, учинить их лучшими и совершенными, и совсем не для того, чтоб, уничтожая законы, понизить их и, сим воспользуясь, постановить власть беспредельную. Но какое бы правление ни было, надобно признаться, что естьли желать, чтоб оно было прочно и непоколебимо, то необходимо потребно, чтоб оно сообразовалось свойству и духу народа и которое всего бы менее поработено было превратности непостоянства человеческого. Никакое другое не может лучше сообразить все сии преимущества, кроме монархического, где государь есть отец, а подданные его суть дети.

Вот самая необходимая для юношества наука, вот самый существеннейший пункт в системе предполагаемого воспитания! Особливо никому столь не нужно знать постановления государства своего, как юношеству благородному, а паче к военному состоянию определенному, ибо, чувствуя доброту законов, оно тем с большим рвением защищать как их, так и отечество стараться будет.

Читая историю, дух природного любопытства заставляет нас с нетерпеливою стремительностию обратиться на всеобщие происшествия, от которых душа наша потружается в удовольствие и в отвращение, в радость и отчаяние, взирая, как изменения великих государств или свойство и участи начальствующих действователей на позорище мира сего в нас могут сделать впечатление. Когда рассматриваем, каким образом великие государства восходили до самой высочайшей точки величества своего, как исчезали под собственными своими развалинами, как благоденствовали внутренними учреждениями, как вспомоществовали соседям, их окружающим, как были жертвою междуусобных враждований, повергающих их в бездну злополучий, или, пакопец, как стремились они к отъятию прав человечества, следуя вдохновению правительства, под которым они находились, — словом, когда снесем все сии обстоятельства, когда разберем действия и их причины, когда сообразим все пути добродетели и порока, познаем постепенное их на каждого особо влияние и всех вообще на все государственное тело, — тогда уравнение сие откроет нам, что все предприятия, деяния и происшествия в истории,

зрению нашему представляющиеся, все многообразные обычаи, постановления, как гражданские, так и духовные, разные системы государственные и касающиеся до нравов, самое состояние государств, их начало, их узаконения, их величество, колеблемость и самое разрушение должно приписать естеству и силе *воспитания*. Оно небольшую Афинскую область возвело на самую удивительную степень величества и славы; оно сохранило удивительную крепость и суровую дисциплину Спарты в продолжение семисот лет и Рим заставило почитать дивом всего света *. Но небрежением воспитания мудрость, добродетель, храбрость и могущество Афин, Спарты и Рима остались известны только по истории.

Сии понятия о правительствах не ясно ли убеждают нас, что сие воспитание производит общественные постановления и что оно есть оных следствие. Оно произращает нравы, учреждает могущество, должную деятельность, благополучие народа; оно соглашает начальствующих с повинующимися, страсти примиряет с законами, веления с природою. Когда народное спокойствие утверждается на благонаправии, воспитанием впускаемом, тогда основание его будет прочно и незыблемо; но если воспитание не образует юношества, тогда, без сомнения, развращены нравы, тогда увидите человека, лишенного прав своих, собственности, похищаему алч-

* Римляне не имели учрежденного воспитания, но вознаграждались оное нравами, общим мнением, ведущими воинственный народ ко всем оного усовершенствованиям. Как в престарелых, так и в юношах беспрестанное соревнование одного к другому в приобретении славы, устремление побеждать неприятелей, отличать себя подвигами мужественными и великими, самые малые отличия, но в велико поставляемые, были следствием самых изящнейших добродетелей, благодарства славнейших деяний, добронравия народного характера. Иногда сказанная полководцем похвала, оратором речь, справедливые награждения, чрезвычайная строгость во образе всякого рода жизни, и, что более всего, общие и частные примеры, семейственные наставления заменяли то, что бы общественным учрежденным воспитанием в то время едва ли с лучшим успехом произвести возможно было. Рим был оное воспитание, училище целого римского народа,

ною и все поглощающею жадностию и корыстолюбием, бессильного, гордынею подавляемого, и самую невинность, наглостию и силою угнетаемую.

У древних общественное воспитание было одинаковое для всякого члена общества. Сын война, генерала, священнослужителя, судии, последнего класса гражданина и начальника народного были воспитываемы, питаемы и одеты одинаким образом. Едва младенец достигал шестого года возраста, как отечество и[с]требовало его от родителей, которые с охотою оному поверяли. В нынешние времена невозможно, чтобы всякий разряд общества воспитываем был одинаким образом. Воспитание может быть повсемственное, но не одинаково, общественное, но не единственно. Довольно, естьли крестьянину, ремесленнику и проч., не смешивая их состояний, нравоучение предпишет исполнять постоянно должности, приличные их званию; наставит быть всякого справедливым, научит соглашать пользы свои с пользами другого, вспомоществовать взаимными пособиями, сохранять обоюдную любовь с ближними, отвратит от ненавидения, яко порока, уничтожающего общественное согласие, поелику всякое общество есть взаимное соглашение, которого твердость зависит от частей, оное составляющих. Наставление, самое для людей важнейшее, принимаемое как в частности, так и в общем составе, состоять должно в том, чтобы заставить каждого почувствовать, что разделенными пользами не можно споспешествовать к составлению продолжительного благополучия, что оно есть следствие взаимных содействий каждого и всех вообще на все целое. Следственно, люди хотя не могут получить одинакового воспитания, то по крайней мере можно образовать их вообще и обратить умы их к известным предметам, дать известную степень одинакости в страстях народа и его направлениях. Нет двух человек, совершенно один с другим сходствующих, смотря как на сложение тела, так и на способности разума; однако находится общее сходство как в поступках, так и во мнениях всех людей вообще. Например, два гишпанца не имеют сходствий между собою, но во всей нации заметишь важность, угрюмость, суеверие, нерадивость к трудам.

В Лакедемоне⁶ воспитание не только что было чрезвычайное, но превращало некоторым образом природу человеческую, возбуждая все ее действия. Спартанец, исключенный из совета 300 членов, восхищается, что отечество его имеет 300 человек более, нежели он, достойных доверенности одного; юноша, распростертый пред жертвенником Дианы, умирает под ударами, не произнося ни единого слова, не показывая ни единого знака скорби и неудовольствия*; молодой человек в предназначенном сражении охотнее соглашается умереть, нежели остаться побежденным; жена приносит жертвоприношения за то, что муж ее предал живот свой, спасая отечество; и матери почитают своим благополучием, что сыны их пали на Левктрианском сражении⁷, в то время как другие оплакивают живых, но побежденными возвратившихся.

Преходя потом от воспитания спартанского к нравам римлян, увидим, сколько сии нравы способствовали в продолжение столь долгого времени врачеванием своим недостаткам законов, постановлениям, богослужению и сколько даже награждали погрешности оных. Видим, с одной стороны, как излишество власти родительской умерялось кротостию ее употребления; зрятя совмещенными свобода разводов и бесчисленность супружеств, в продолжение многих веков беспрестанно совершавшихся, страшное бесчеловечие наказательных законов и отческое сострадание о жизни гражданина, частые беспокойства, но не происходящие никогда возмущения, правила утеснения в системе правительства и непоколебимые основания свободы в деяниях частных граждан, непомерная гордость сената и чрезвычайное воздержание в сенаторах, ненависть народа к сенату и снисхождение сената к распрям народным, омерзение к монархии и удивительная доверенность к

* Все древние писатели с удивлением говорят о сем неудобопонятном терпении, которое спартанские юноши имели во время их бичевания. Сие ежегодно совершалось пред Дианним жертвенником для того, говорит Ксенофонт, что тот, который преносит мучения сии в продолжение нескольких минут, пользовался должайшее время похвалами и почтением народным. Утверждают, что многие из них умирали под ударами сей пытки, не испуская ни единого вздоха.

беспредельной власти диктатора. Мы видим, как нравы торжествовали над самым даже суеверием. Тщетно нисходит порок под видом почитаемого божества для восприятия между людей своего пристанища: нравы изгоняют его с негодованием. Видим добродетель, чтимую Лукрециею⁸ в то время, когда торжествуют распутства Юпитера, когда непорочная весталка боготворит бесстыдную Венеру.

Сам опыт показывает слабость законов без нравов. Когда общество развращено, врачевания, прилагаемые распутству народа, учиняются обильным источником пущего развращения. Ценсура, определенная для назидания над нравами, претворяется тогда в страшную инквизицию*, в орудие притеснения и мстительности, посредством коих несколько человек открытым лицом нападают на безопасность общественную. Ценсура сия вместо того, чтоб истребить растление нравов, воздерживает его и распространяет. Возлагает постыдную лихву на общественное развращение, на распутную жизнь, на самые даже преступления. Вместо того чтобы воздерживать души от низкости и измены, они исполняют общество подлыми доносителями, гнусными наемниками, отваживающимися покровительствовать пороку и предавать гонению добродетель, их презирающую. В таком обществе увидишь самую даже веру неисчерпаемым источником пороков и преступлений. Там святилище бога истины преобразено в торжище, где печестивый осмеливается покупать очищение грехов своих на счет бедного удела, отъятого им у сирого и вдовицы, мысля сею жертвою приобрести спокойствие невинности и истребить угрызения порока.

Естьли воспитание в Спарте, нравы без воспитания в Риме, иногда общественное паучение без воспитания и нравов имели великое преимущество, то каких успехов, каких действий ожидать можно тогда, когда все сии совокупленные силы вместе были бы направлены на предмет общественного блага!

Естьли Ликург силою воспитания мог образовать народ, воинственный до безумия, народ, которого ни не-

* Гишпаниа.

счастье, ни сила, ни отважность не колебали; когда воспитание в сей Спарте могло в женщин влиять величие души и удивительную силу воображения, то для чего нельзя возродить в них теми же средствами чувства столь же высокие и великодушные, учняющие их более полезными своему отечеству, более приятными их супругам и более уважаемыми от чад своих? Когда воспитание противуестественное могло производить над людьми столь сильное могущество, для чего же воспитание, которое, вспомогствуя природе, способствуя к раскрытию оной, не имело таковой же власти?

Естьли добродетель царствовала в Риме в недрах гражданского несогласия и посторонней войны, между беспрестанною борьбою высокомерия и вольности, патрициев и народа, сената и трибунов, под законами непостоянными и правлением переменным, где вера без нравоучения и богослужение было развратное, — то не может ли она являться во всем блеске в недрах тишины и спокойствия, в правлении постоянном и благоустроенном, тут, где вера старается возвысить нравы и способствуют спокойствию законов.

Естьли рассудок, толикократно удерживаемый, гонимый, иступлением и силою попрамый, невзирая на толикие препятствия, произвел удивительные перемены в Европе, то чего не можно ожидать от него, когда он ободрен и защищен будет правосудием, когда законоисполнители призовут его на помощь, да придаст он святость их решениям?

Естьли степени просвещения нашего снабдили нас, так сказать, силою преодоления над самою природою и заставили ее действовать по желаниям нашим; естьли могущественная человеческая рука может измерять обширное пространство воздуха, управляет громы, укрощает ветры и воды, растениям и животным дает новые невидимые силы, создавая, так сказать, как в тех, так и в других новые роды, образует новые влаги; естьли, словом, разум человеку дал столь сильное владычество в физическом мире, — то для чего ж не можно надеяться получить господствования в мире нравственном? Естьли бы направить шествие разума человеческого и отвлечь его от тщетных упражнений, обратя его

совершенно к предметам, пользы общественные составляющим, то таковое над миром нравственным препо-
беждение соделалось бы причиною непременности как
счастья, так и добродетелей общественных и столько
явилось бы преимущественно, что не стали бы более
оное почитать невозможным привидением. Обществен-
ное воспитание может только произвести все сии
пользы!

Так, действительно, воспитание общественное есть
единое только средство к восстановлению всего того, что
относится к истинному просвещению, к восстановлению
в совершенстве всех выгод, всех добродетелей, каковые
общество иметь должно. Там люди познают, в чем со-
стоит сие общество и какие суть его обязательства, чего,
в частности, многих воспитаний приобрести не можно.
Тут истребится причина общественного расслабления,
от несогласия и разделения проистекающая. Привычка
от самого детства жить вместе в таких летах, в которых
побудительные причины к разделению редки, скоры и
удобнопреходящи, укрепит общее соединение, приобу-
чит граждан взирать друг на друга как на части одного
тела, как на детей одного отца, как на членов одного
семейства. Неравенство состояний и имений, поставлен-
ных на одной черте, истребит несчастные свои дейст-
вия, произведет связь, непосредственно всех паровне
поставляющую, и глас могущественный, глас природы,
возвещающий и напоминающий человеку беспрестанно
об оной, обретет граждан, всегда к тому расположенных.
Дети не будут оставлены сему скучному уединению,
учиняющему душу их пусту и характер дикообразным;
общество их собратий даст заблаговременно сию нуж-
ную силу, в течение жизни их столь необходимую. При-
учаясь чувствовать нужду в равных себе, во взаимных
забавах, летам их свойственных, оци привыкнут быть
внимательными и благодарными; и сия беспрестанная
мена их усердных друг к другу услуг возродит в душе
их нежную любовь к обществу и чувствование взаим-
ные между людей зависимости. Они научатся подвер-
гать волю свою воле других, быть кроткими, прилеж-
ными, чувствительными, благодетельными, ненавидящи-
ми упрямство, презирающими исступление гнева и

научатся ограничивать пределы естественного побуждения к свободе. Тут соревнование откроет дарования, ибо награждения воздадутся за отличные достоинства, чего в домашнем воспитании никак произвести не можно.

Но сколько общественное воспитание ни должно быть неисключительно для всякого члена общества, но нельзя, однако, не поверять детей воспитанию частному семействам знатым и вместе добродетельным, людям испытанным и честным, где отец относительно чад должен быть владыка, судия, законодатель и в сии ограждения законы уже не вступают. Там отец семейства, быв добрым гражданином, окончив подъятые в пользу отечества своего труды, окруженный младыми леторасльми⁹, естьли отдохновение свое полагает в приготовлении на служение государству по себе преемников, с честью и славою заменить его должностующих; естьли его правила, наставления, а что более пример действуют живо над сердцами его чад; естьли он вливает в них свой дух да отечество его приобретает новых сподвижников, во всем ему подобных; естьли из сего училища, в котором ничто не убивает духа, не отнимает способностей, не устремляет ко вредным страстям, не теряет времени, посвященного попеременно трудам и учению; из сего училища, говорю, естьли явятся юноши здоровые, благорассудительные, с совестью и верою соглашенные и в продолжение бдительного воспитания предохранены от всех бедствий, с молодостию их сопряженных; когда под надзиранием сих родителей слабые силы тела укрепятся, душа, облекшись в велелепие, восприимет величество и человек явится на позорище мира сего знаменитым предметом, внимание всех на себя обращающим; когда сим первым основанием приобретается сильное сложение тела, твердость духа; когда утвержденный в правилах добродетели и чуждый всякой неблагопристойности расположится любовию и искренностию к ближнему и составит приятнейшее для сердца своего упражнение; когда возымеет необманчивое понятие о достоинствах, о счастье, взирая на оные не по титлам и не по богатству, но по их сущности; когда от юности с презрением посмеется превозносящейся гордыне и, не поколеблясь, пребудет во всю свою

жизнь в трудах и подвигах чести неутомим, невзирая ни на какие опасности, предприимчив, смел, готов на все отважиться, куда честь, должность, отечество его призывает; когда, словом сказать, юноша, наученный повиноваться родителям, научится иметь повиновение к начальству и приобретет от союза семейственного, любви братской любовь к союзу гражданскому, любовь к отечеству; когда домашнее согласие родит тишину и согласие общественное; наконец, когда все жертвы, творимые в пользу дома, посвятит общей пользе своих сограждан — тогда, без всякого сомнения, полагаться можно на воспитание частное; но, по многоразличным и сказанным уже обстоятельствам, таковые бывают редки, и потому нужно для соблюдения единообразия наставлений оставлять малейшую часть граждан воспитанию семейственному или частному.

Таким образом, проходя все виды частного и общественного воспитания, разумея все вообще состояния, обратимся теперь к воспитанию благородного юношества, а особливо предназначенного к состоянию военному. Но чтобы порядочно войти в нужные части оного, рассмотрим, что такое есть благородство и какие его в рассуждении государя и общества обязанности.

О благородстве

Благородством именуется между нами отличность, обыкновенно воздаваемая происшедшим от показавших великие услуги отечеству, и государи в знак благодарности к оным сим отличают их от прочих, то есть изъявляют им противу других более уважения *.

* «Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем, обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородное». Грам. дворян. 785 году¹⁰.

«Добродетель с заслугою возводит людей на степень дворянства.

Добродетель и честь должны быть оному правилами, предписывающими любовь к отечеству, ревность к службе, послушание и верность к государю и беспрестанно внушающими никогда не делать бесчестного дела». Наказ Ком. о учрежд. нов. Уложения¹¹.

В другом случае государь, почитая личное достоинство гражданина или воина, дает право дворянства в том расположении, что получающий продолжит те отличительные способности и добродетели, учинившиеся причиною его возвышения. Вследствие чего возвещает об нем: «Что такой-то, служа с пользою отечеству своему, отличается от прочих сограждан отменитою степенью почести и имеет за то основательные причины требовать от них благодарности. Что естли поведение его будет соответствовать сим намерениям, то общество для собственной пользы своей должно оказывать особое ему уважение».

Но естли владеющие обществами законом постановили, чтобы предавалось в наследие титул благородства происходящим от людей, славными делами отличившихся, то сие не иначе как в том намерении, что благородные, имея преимущественные выгоды, могут получить лучшее от родителей своих воспитание, приобрести правила чести, великодушные чувствования, разум и сердце, тщательно приуготованные. Из сего не явственно ли следует, что благородные, получающие столь малою ценою сие великое преимущество, должны восчувствовать, сколько обязаны они показать преданности отечеству, чтобы заслужить по достоинству толико знаменитое наследие. Что отличность сия не в ином намерении учинилась наследственною, как чтобы тем оживить их в юности еще сущих и заставить последовать примеру своих предков, чтобы соблюдали они те же правила, какие соблюдаемы были их родителями, то есть защищали бы мужественно свое отечество, беспрестанно старались бы приобретать таковые же способности, какими те себя ознаменовали, и поддерживали бы память их мудростию, мужеством и заслугами превосходными, ибо благородство от того, кто обладает оным, требует большей привязанности к своему отечеству, нежели от прочих, потому что, чем более он от него получает, тем более должен оказывать к оному ревности и усердия. И кому ж более в отечестве принимать участия, как не благородному? Ибо имущества дворянина в недрах оного заключаются, для которого отличности и почести изобретены,

Но большею частью благородные не стараются подражать предкам своим в добродетелях, и чего ж можно ожидать от такового благородства? Единного развращения! Нередко увидишь дворянина, влачащего жизнь свою в деревнях, не оказывающего ни малейшей заслуги государству и ко вреду трудолюбивого гражданина и храброго воина кичащегося своим преимуществом, ищущего происками своими себе отличия, уважения, почтительных титулов за то, что и дела, и происхождение его покрыты неизвестностью. Не вправе ли таковому благородному каждый гражданин говорить: «Когда ты получил от предков своих выгоды и права благородства, но подражать им не стараешься, недостойн сего звания и наследствовать оное не заслуживаешь, ибо забыл ты благотворное обладателей намерение, что дано тебе преимущество предков твоих во уповании, что ты явишь себя им подобным. Тогда действительно уличить такового можно, что заслуги суть способность личная, в потомков при рождении не пресекающаяся; тогда ему сказать можно, что лучше бы тебя в то время почитать правом сим, когда бы ты заслужил его сам, что послужило бы и другому, подобному тебе, поощрением и вернейшим средством к истреблению невежественного твоего хвастовства, гордиться храбрыми делами дедов твоих, которым ты последовать не старался». Почтение и цена человека, говорил Монтань, заключаются в его сердце и расположении. Вот истинная его честь!

Многие благородные, основываясь на предрассудках и тщеславии, мыслят, что бытие их существенно превосходит прочих сограждан и что вещество, из коего они сотворены, есть другого рода противу прочих. «Благородные, — говорит Николь, — ослеплены даже до того собою, что мыслят о себе, что благородство их есть характер, им природный». Другой моралист сказал: «Что естьли порядочно рассмотреть благородство, оно не что иное есть, как дар нечаянного случая, достоинство другого». И естьли что в самом деле страннее сего, как славиться тем, что не есть собственное? Однако те, кои ничего, кроме сего, не имеют, говорят об нем не преставая; но вся слава в гробницах их отцов. К чему служит слепому [то], что отец его имел хорошее зрение?

Вести род свой от того, кто с похвалою служил обществу, — значит быть обязану ему последовать.

Истинное благородство, говорит Ювенал, есть сама добродетель. И потому благородный без достоинства и дарований, благородный низкий и ползающий, благородный, унижившийся своими долгами, распутствами, — словом, благородный без добродетели есть совершенное противуречие сему имени. Тот только благороден, кто служит с пользою своему отечеству; благородный тогда только достоин почитания, когда он благородно поступает. Он не заслуживает отличия от толпы народной, когда его добродетели породе его не уподобляются.

Катилина, происходивший от древней римской фамилии, имел смелость упрекать Цицерона неизвестностию его происхождения. «Я признаюсь, — отвечал консул, — что имя мое начинается мною, но ты бойся, чтобы твое тобой не окончилось».

Всем таковым благородным сограждане их опять сказать могут: «Естьли вы действительно происходите от крови сих великодушных воинов, некогда посвящавших себя отечеству, то докажите ваше происхождение деяниями благородными и таким образом заставьте нас о вас мыслить, как мыслили мы о ваших предках. Естьли вы происходите от благодетелей отцов наших, не обходитесь с порождениями их с пренебрежительною высокомерностию. Естьли вы хотите быть уважены, заслужите сие вашими добродейаниями, непременно привязанностию к священным законам чести. Естьли вы отличенные члены общества, не учиняйтесь сообщниками злых, которые, руками вашими сокруша все, уничтожат наконец и ваши преимущества, приведут вас в состояние простолюдимов, которых вы имели бесчеловечие или, так сказать, глупость сами пренебрегать».

Истинное правило нравоучения предписывает благородным, определившим себя к оружию, людям знатным и на вышние степени возведенным отличать себя едиными добродетелями и познаниями, приличествующими их званию. Оно запрещает им предаваться поведению низкому или порокам, могущим уподобить их самой презрительной подлости, поелику благородство означать должно величие души, хотение твердое и по-

стоянное блюсти священные права пекущегося об нем и награждающего его государя и отечества. И рассматриваемый каждый из них в особливости должен усовершенствовать разум свой изучениями мудрыми и необходимыми, быть примером чистоты нравов, воздержания, правосудия, общего доброхотства. Словом, учреждения порядка и разделения блага на всех его окружающих. Сие суть неперемennые благородных правила, без которых ни они, ни общество, плодов себе от них ожидающее, счастливо существовать не могут и как государю, которому служат, так и тем, над коими имеют власть, вредными учинятся. В сем состоит истинное благородство, и таким образом благородное юношество в учрежденных к вящему образованию училищах должно быть приуготовляемо! И если по предначертанию сему воспитание их окончено, тогда можно будет ожидать, что молодой человек изъявит все то, чем с честью и славою показаться можно в действии; тогда с прилежностью останется рассмотреть, к каким он общественным должностям — в достоинстве ли гражданина или воина — употреблен быть может.

О воспитании военном относительно благородного юношества

Известно, что война всем народам учинилась необходимою и род человеческий должен неисклyчительно нести иго ее и переносить тягость, вследствие чего каждое государство имеет войска, и искусство военное, учинясь неперемennым, потoлику стало во уважение, поколику содержит добрый порядок и способствует общественному спокойствию. [Так как] человек военный потoлику отличен, поколику тщится исправить должности, кои его состояние ему определило, то, чтоб поставить молодого человека на стезю сего превосходного достоинства, чтоб дать уразуметь ему о его обязанности в чине воина, нужно, чтоб воспитание поставило неперемennым долгом научить детей *повиновению* яко первой добродетели военной. Чтoб воспитающиеся в рассуждении искусства военного имели сие главнейшим правилом, что, *кто умеет повиноваться, тот умеет*

повелевать. Вследствие чего надобно, чтоб молодые люди учились тут дисциплине таким образом, как бы имеют дело с неприятелем; чтоб училище сие представляло небольшую армию; что повиновение долженствует быть первейшим основанием, чтоб воспитание руководствовало их по самой точнейшей строгости и во всей той важности, какой требует наука военная. «Вообще их обучать надобно тому, что офицеру и генералу знать принадлежит, как войну вести, как предводительствовать армиею»*.

Сие воспитание должно внушить им твердость и величие душевное, приучить их от самых нежных лет взирать на смерть с бесстрашием; и чтоб возродить в них сию великодушную добродетель, должно посеять в разуме их чувство чести, любовь к отечеству, желание приобрести уважение от сограждан своих, страх потерять оное чрез поведение презрительное или нерадивое. Оно, покоря волю детей, их склонности, привычки рассудку, должно предупредить пустую гордость породы, величающейся родословною своих предков и уверяющей благородных, что кровь их чище прочих сограждан. Воспитание должно постановить пределы запальчивости их, со временем в зверство превратиться могущей, чувствительностию к человечеству, даже среди сражений сопровождать их долженствующею. И в сих летах, кои удобны принимать всякие впечатления, должно дать почувствовать им все должности, заключающиеся в отношении прочих с ними в обществе живущих, каким они обязаны почтенным к оказавшим им благодеяние, как обходиться с великими и малыми, с богатыми и бедными, с друзьями и неприятелями; отвратить их от праздности яко начала всякого зла и пороков; приучать к опрятности, чистоте, умеренности и поведению, в общежитии необходимому. И наконец, как бы многочисленны ни были по многообразию случаев и обстоятельств отношения, сие воспитание попечительно да наставит, что должно им быть справедливыми и благодетельными ко всему роду человеческому, что несчастье, кому-нибудь учиненное, мо-

* Рассужд. о устан. Кад. корп., стр. 3.

жет обратиться на их самих, несправедливость, товарищу оказанная, взаимно отплатится. Естьли кто ударит кого, уверить должно, что и тот взаимным образом отвечать ему может. Словом, приучить, чтоб они обходились с другими таким образом, как бы с собою желали, и не делали бы того, чего себе не хотят. Естьли возгордится кто своими дарованиями или успехами, да тщательно таковой усмирится и дастся почувствовать, что слуга и даже самой малейший человек заслуживает уважения, как сотворенный им подобно.

Из сего видно, что, обучая молодых людей наукам, должно их научать добродетели, ибо мало еще имеет тот знания, кто выучил иностранные языки, математику, историю, географию и проч. Но когда не наставлен в науке правоучения, уважения к самому себе, когда не тверд в расположениях чувств душевных, не расположен с патриотическим рвением исправлять общественные должности и сими приобретенными познаниями не устремлен к общему добру,— то государство от такового пользы получит мало. В человеке без страсти быть преданным своему отечеству, без любви к славе увидишь его в самого себя только заключенного, мыслящего единственно о себе одном, о собственной пользе, не заботясь нимало о пособиях, о жертвах отечеству, от него ожидаемых. Итак, потщимся поселить в юные разумы истинное просвещение, сердце и разум подвигнуть к добродетели и все душевные способности возбудить к патриотизму и любви ко славе. Таким образом, соглашая науки с добродетелями, приуготовим юношество к тому, чего желаем: характер его будет образован, знание их прочно и полезно.

О главном попечителе и наставниках

Но кому вверить должно сохранение толиких правил, толикую важность в себе заключающих? Кто будут сии попечители общего блаженства, восстановители нравственности, которым поручить можно драгоценные залоги семейств, да учинятся истинными сынами отечества?

Сии суть, без сомнения, те, которых характер

составляют достоинства, знание сей должности, почтение от общества заслуженное, испытанная честность, правосудие, бескорыстность, добрые нравы и приверженность к благу общему. Сии-то добродетели должны занимать столь важное и благородное главных попечителей место. От таковых только ожидать можно великой деятельности в наставлениях, утверждения истины во всей силе ее во мнениях каждого. Под руководством таковых только попечителей явятся те достойные наставники, которые будут в себе заключать все способности, все нужные качества, удобные для образования юношества. Они, зная, что все зависит от сих воспитателей, не иначе позволят вступить в знаменитое сие общество как по строжайшем испытании их знания, их нрава, склонностей, правил жизни. Они не допустят никакого гнусного наемника, ради пропитания и корысти должность сию воспринять намеревающегося; и, имея назирание над воспитанием, тщательно награждая их по мере отличностей, без сомнения, вскоре произведут достойных занимать столь важные места наставников, кои, избираемы бывши посредством поставленных учреждений, не на одной воле их основанных, и направляемые законами, составят род почтенного сословия, которому без опасения поручать можно воспитание юношества, не заимствуя великого множества большею частию бесполезных иностранцев. Таким образом, и во всех местах, где общественное воспитание учреждено, естьли строго рассматривать, отличать и обеспечивать состояние стараться будут таковых, какие описаны, наставников, чрез что произведут между ими соревнование, желание пользоваться столь выгодным местом, толикими преимуществами, и, следовательно, наверное, заключить можно, что составит благородное общество воспитателей, возвышенное превыше всех предрассудков, учинившееся совершенно способным к восприятию творческого дела. Они-то соделают воспитание необманчивым, прочным и непоколебимым. Посредством таковых только воспитателей сей мудрый попечитель может привести в действие вышепредписанные правила и согласить направление законов с разумом юношества.

И [так] как воспитание не иначе основано быть может как на подражании, то мудрые учреждения, желая сотворить людей, ни о чем не должны пеших более, как о том, чтоб сколько можно лучшим образом направить шествие сих наставников, кои служить должны юношеству примером. И хотя сии люди не будут иметь совершенного сходства, многие далеко отойдут от образца, некоторые превзойдут оный, однако большая часть по крайней мере будет иметь общие черты подобия, и сии-то черты сотворят *характер общественный*. Доведя наставников сих к сему предмету, общественный характер в них заключающему, можно ожидать, что родятся в юношестве все добродетели, человека общественного составляющие.

Но какую выгоду может приобрести юношество от училищ общественных, когда не принимают за основание, что избрание превосходных наставников, распространение нравоучения, утверждение нравов составлять должны истинное воспитание и что сии суть только средства, кои способствовать могут к употреблению молодого человека с пользою; когда пренебрегаемо сие первейшее правило, что естьли хотеть, чтоб проистекло благо обществу от воспитываемого юношества, то воспитатели молодых людей должны быть люди с познаниями, имеющие нравы кроткие и поведение дознанное, украшенные всеми теми добродетелями, кои могут послужить примером воспитывающимся и учинить впечатление на все продолжение их жизни *, поелику молодые люди ничему так скоро не последуют, как видимому поведению своих воспитателей, всегда с ними обращающихся **. Но иногда почитают, что сделано уже довольно, когда число их наполнено и когда учинена без разбору и испытания доверенность людям, ни мало-

* «Все зависит от удачного выбора начальствующих и учителей, одаренных здравым разумом, а не заразившихся надутым видом и угрюмостью». Рассуждение о установлении Кадетского корпуса.

** «Дитя есть самый лучший копист всех наших, а паче худых поступков. Без науки, без прилежания и рассудка перенимает и точно повторяет все, что видит и слышит, наипаче от тех, кого любит и почитает». Рассужд. о устан. Кад. корп.

го понятия о воспитании не имеющим; когда не следуют сим мудрым правилам Платона, *что те только могут быть счастливы, кои добродетельными управляются*. Воспитание своенравное, сопровождаемое педаанством* и пристрастиями, востревожит учащихся, отвратит от учения, смешает и помутит понятие о справедливости. Люди невоздержные, нетерпеливые, характера непостоянного не способны к воспитанию юношества.

Мы видим, что при самых лучших учреждениях воспитания, когда нет хороших наставников, ожидаемого успеха не последует. Ибо тот не вовсе еще способен к воспитанию, который кажется снабден пужными к оному сведениями, но когда не имеет сих существенных способностей: снисхождения, смешанного с твердостью, великого терпения, непорочного нраву, возвышенных чувств, истинного богопочтения и той степени разума, учиняющей его способным приравливаться к слабостям детей и творящей его им другом; такового к должности толико важной употребить не должно. Имеющий же сии достоинства и склонен бывши к трудам, хотя бы был и необширного разума, получит тотчас потребное знание и учинит сколько достойных воспитанников, столько, без сомнения, и просвещенных граждан.

Взирая на воспитателей ученых и невежествующих, многознающих и непросвещенных, без сведения науки обхождения с детьми, вы увидите их с воспитанниками своими ведущих беспрестанную борьбу; неприлежанию, нерадивости, шалостям противоположающих позорные брани, жестокие выговоры, частые наказания, содержащих детей в беспрестанном детстве, учиняющем их невольниками, рабами и не допускающем познать причину, в училище их собравшую. Вы увидите таковых воспитателей, учащихся не укрощать страсти, но

* «Педаанство есть сушая пагуба воспитания юношества вообще, а благородного особливо. Ежели должно выбирать из двух зол меньшее, то лучше взять учителя некоторым недостатком подверженного, нежели педаанта, учением своим надутого и во всем поведении столько же нестерпимого, как и смеху достойного». Рассужд. о устан. Кад. корп.

погашать, истреблять их до основания, взирая на них как на плачевный дар природы*; и дети, находясь под таковым надзиранием, в беспрестанном принуждении, видя в наставниках своих лютых только властителей, употребляющих власть сию для их мучения, ведущих их к постыдному уничижению, принимают личину лицемерия, и вот следствие, что они в летах самой невинности и чистосердечия становятся обманщиками. Как

* Плутарх уподобляет страсти ветрам, без которых корабль не может иметь своего направления. Они не что иное суть, как движения душевные, возбуждающиеся от предметов, воображению нашему представляющихся. Все страсти имеют в виду какое-нибудь благо, удовольствие или счастье, хотя оные впоследствии и ложны иногда являются. Например, скупой при виде полного кошелька не может не изъяснить радости своей, потому что страстен к богатству. Сладострастный, видя хорошую женщину, не может не желать ее наслаждения, потому что он страстен к утехам. Стоики и другие моралисты призывали страсти болезнями душевными, кои истреблять должно для нашего успокоения и блаженства; но ныне, напротив, полагают, что страсти человеку необходимы, которые не погашать вовсе, но только усмирять чрезмерное оных воспаление должно. В противном же случае сие значить будет, что из человека хочешь сделать машину, когда желаешь истребить до основания его страсти. Конечно, есть из них опасные, вредные и преступные, но есть, напротив, другие, сами по себе приятные, полезные, похвальные и невинные. Страсть к игре есть предосудительна, если предметом ее гнусное корыстолюбие; но страсть к трудам есть всегда достохвальна, когда человек, предаваясь оным, имеет в виду пользу общую. Не тот человек добродетелен, который вовсе страстей не имеет, но тот, который с тщательностью их побеждает и не допускает себя быть увлечену их силою за пределы добродетели и должности. Человек, не чувствующий ни любви, ни зависти, ни удовольствия, ни печали, ни надежды, ни страха, — словом, učinившийся мудрым стойком, есть не что иное, как неподвижная глыба, кою ни в какое нельзя употребить действие. Каким образом, в самом деле, возможно бы образовать, воспитать юношу, не чувствующего пристрастия к награждениям и отвращения к наказаниям? И сколь бы мало кто ни входил в исследование страстей, увидит, что они сами по себе ни хороши, ни худы, а учиняются таковыми по употреблению, из них производимому; поелику всяк человек рождается с нуждами и с желанием оные удовлетворять, к тому ж по врожденной способности расположен чувствовать печали и удовольствия, когда все понуждает его устремиться к приоб-

скоро удалились они от взора своего надзирателя, свергают с себя его принуждения и слепо попускаются неограниченным страстям своим, от которых прежде страх один удерживал. Если молодой воспитанник имел таковых наставников, если он вышел из училища, тогда увидите его торжествующего, получивши свободу от порабощения своею правию своих воспитателей и трудным школьной жизни обязанностям; и, не получа твердого правила, как показаться в обществе, к тому же, когда присоединится богатство и неуместная любовь родителей,— то он неминуемо потеряется и сам себя не познает. Отчего необходимо последует, что он будет, так сказать, истребляться в жизни нечувствительной и рассеянной, отличность свою предположит в поспрамительном шутовстве * и буйности страстей. Воспи-

ретенцию последнего и устранению от себя печали, то из сего и происходит, что страсти человеку присущи, неразделимы от его природы, согласны бытию его, необходимы к его сохранности. Страсти в направлениях своих столько имеют многообразных видов, что не можно войти во все оных подробности, кои суть бесконечны, но довольно сказать, что все они полезны, если обращены к благому предмету, если обузданы рассудком, если силою оного стремления их воздержано, установлено, учреждено или, взирая на обстоятельства, распространено до известных пределов. Сократ был по природе своей склонен к разным порокам, как-то: к наслаждению чувств телесных и к услаждению вкуса; но чрез беспрестанное прилежание к последованию гласу разума он совершенно преодолел себя от суетных усилий порочных своих склонностей.

* Сие весьма удобно приметить можно, что всякий молодой человек, имеющий пристрастие шутить или, так сказать, веселить беседу на счет ближнего, бывает по большей части человек тщетный, ничему не наученный и к общественным должностям редко употребительный, поелику лучшее расположение ума своего устремляет на то, чтоб шутить, сказать острое слово. И хотя чувствует иногда, что презираем, но делать нечего, переменить нечем, и потому принимается опять за ремесло общего весельчака и сим старается хотя мало поддерживать себя в обществе, надеясь оставить за собою имя *бойкого*. Но к несчастю, сие весьма редко удается, ибо кроме желания быть шутом надобно иметь искусство от природы. Сей же самый, будь хорошо научен в училище и понятия его лучше образованы, то никогда не предастся невежливому сему пристрастию. *Охота говорить красно есть признак человека злого характера.*

тывающийся естли не будет понимать воспитание, им полученное, как сопровождение его к вышним достоинствам, естли, выходя из училища, не употребляет праздного времени своего на изучение законов и правил правительства, естли не будет иметь желання приобрести в совершенстве знание искусства военного — таковое воспитание тщетно будет и бесполезно, которое вместо того, чтоб сделать ему честь, а государству пользу, послужит только к тому, чтоб его упизить, учинить несчастливым, вредным и недостойным навсегда своего отечества. Тогда с Сенекою спросить можно: какие суть сии плоды, которые мудрое воспитание обещевая, похитило великое число самонужнейшего времени и образовать было должно на все продолжение жизни?

Воспитание молодых людей требует, чтоб обходились с ними с кротостию и хладнокровием, наставники их имели бы поведение твердое и непременноющееся.

Надобно, чтоб воспитывающиеся признавали сами заслуживаемое ими наказание, так равно и получаемое ими награждение; надобно, чтоб они видели справедливую причину строгости и снисхождения, ибо всякая оказанная суровость заставит признавать наставников своих за ненавистных тирапов, а в другом случае неуместные оказываемые ласки примутся от них знаками слабости их смотрителей.

Хорошие наставники, имея твердое и беспристрастное поведение, могут заставить воспитанников своих себе последовать; поелику видя, что все творимое воспитателями есть честно и самая честь ими уважаема, всякие противные оной поступки презрены и нетерпимы, придет ли в воображение воспитывающимся, не имеющим никого пред глазами, кроме своих наставников, подражать кому-либо иному? Сим-то единым способом можно произвести в них чувство чести и отвращение всего того, что чести недостойно. Сие-то заставит их действительно уважать воспитателей во время делаемых похвал за хорошие поступки и осуждения за худые; или, видя пред собою добродетельных и достойных наставников, захотят ли потерять к себе

их почтение, когда глубоко в сердцах их впечатлено, чтоб беспрестанно им последовать *

И как известно, что все люди вообще, какого бы возраста ни были, равно управляемы бывают мнением, и не столько сущностью самого события поражается их воображение, как мнением об том человеке, который о каком-нибудь говорит действии; следуя сему правилу, знаменитый, покрытый ранами воин, украшенный торжественными знаками, может только говорить о мужестве и способностях военных. Судия почтенный и справедливый да провозглашает правосудие и уважение к законам; гражданин, лучшим образом служивший отечеству, да внушает чувства любви и почтения к сей общей причине рождения каждого **. И естли, во-

* «Естли при кортусе или воинском училище пайдутся подобные учителя, то об успехе и благосостоянии оного сомневаться не можно; буде же по несчастию таких людей не достанет, то тщетны будут все предписания и все старания о произведении благодария и успехов. Без таковых учителей совершенных офицеров произвести не можно». Уст. Кад. корп.— В военном училище число наставников большею частию составляют офицеры, следовательно, должно быть избрание их самое строжайшее. Надобно стараться определять таких, кои бы все то заключали, что составляет честного и благородного офицера, чтоб служба их была ознаменована опытами нескольких кампаний, поведение их совершенно изведено. Офицеры же, только что выпешдшие из училища и в то же время определенные к воспитанию, есть зло ощутительное и вред юношеству не малый наносящее.

** И как добрые основания постепенно утверждаются, и потому не можно ли найти естли не всех вдруг, то произведением вышепредписанными правилами довольного числа испытанных, просвещенных и честностию украшенных воспитателей? Есть много людей благородных, почтенных, с честью в военном и гражданском состоянии служивших, кои с пользою занимать могут места старших надзирателей; есть довольное число училищ, отколе можно наполнять прочие места смотрителей. (Предполагая, что общие правила во всех училищах одинаковы.) И воспитываемых и наученных в училищах общественных, обращенных к общему предмету, прошедших довольно поприще в гражданской жизни, следовательно, знающих, в чем состоит связь общественная, гораздо лучше употребить можно к должности надзирания, нежели избранных другим каким образом. Известно уже, что начальные черты воспитания глубоко изображаются в душе и остаются на целую жизнь неизгладимыми. Следовательно, в сии лета возра-

обще сказать, наставники сии будут избираемы не по случаю или прихотям, как обыкновенно почти в таких случаях бывает, но по личным достоинствам; если исполнены они любовью к ближнему, общим доброжелательством ко всем людям, ко всему роду человеческому; если они ласковы, снисходительны, со всеми и между собою учтивы, благопристойны, добронравны, гневу и горячности не подвержены — то можно ожидать, что дети, видя подобные примеры, учинятся совершенными гражданами. И кто может после сего усумниться в превосходстве сих наставлений над наставлениями, преподаваемыми каким-нибудь тунеядцом? Кто усумнится, чтоб не произвели сии люди действия благие и спасительные?

Летá вступления в училище

Воспитать, научить дитя, открыть разум его — значит помогать делать ему испытания, сообщать те, которые приобрели сами, внушать понятия, мнения, самим себе составленные. Испытание превосходное или разум, более очищенный наставниками, есть следствие их примера и удобства отроческих лет, во время которых приемлемые впечатления учиняются неизгладимыми. Любовь к отечеству, уважение к начальству, почтение, отдаваемое ученым, и проч. основаны суть на опыте, извлеченном от сих предметов, внимание наше на себя обращающих.

Человек ставится таковым, каков он есть, или действием собственных своих испытаний, или от дру-

ста нужно положить основание характера общественного и начала упоминаемых выше сего добродетелей, то такой человек, который употреблен бывши по состоянию своему к должностям обширнейшим и к жизни деятельной, рассказывая о каком-нибудь происшествии, удобном ко внушению сих гражданских добродетелей, может утвердить то собственным опытом или очевидным своим свидетельством. *Неупотребляемые* же в должности мужеские не могут в слабых еще и только что возникающих детских душах напечатлеть мужества, твердости духа, дать понятие о славе истинной и ложной, ибо таковые внушения тот токмо учинить может, кто все сие приобрел опытом.

гих оные получая; воспитание его образует. Из глыбы, способной только к чувствованию, из состава, едва оживленного, он при помощи образования становится мало-помалу существом опытованным, истину познающим и, смотря по членосоставлению, каким первоначальная материя его определила, являющим впоследствии более или менее разума.

Во время детства человек утверждается в привычках добрых или злых, то есть в действиях полезных или вредных как для самого себя, так и для прочих.

Вначале младенец с великим трудом ходить научается, но по силе упражнений ног своих приобретает навык, удобно ходит, останавливается, когда путь ему преграждают. В самом нежном младенчестве человек произносит крик или невнятные звуки, но понемногу навыкающий язык выговаривает слова и потом научается в скорости их сообщать.

Следственно, в воспитании и в правоучении понятия наши суть не что иное, как действие навыка. Если наставники сообщают питомцам своим познания истинные и если сии познания согласны с опытом, то воспитанники получают понятия здравые и в привычках пристойных утвердятся; когда же познания их лживы, то состав, приемый детьми из чаши заблуждения, претворит их в злых и безрассудных.

Мнения людей не иное что значат, как соединение истинных или ложных понятий, учинившихся для них обыкновенными по силе повторения оных в их мозге. Если с детства приметится, что понятие о добродетели приложено к понятию безвредных удовольствий, к истинному счастью, к должному уважению и почитанию; если развратные примеры не опровергнули впоследствии сие счастливое соединение понятий, то можно твердо увериться, что дитя, наученное таким образом, соделается честным человеком, почтенным гражданином. Когда же от самой нежной младости человек, заимствуя от воспитателей своих понятия, будет счастье свое полагать в породе, в богатстве, в нарядах, то удивительно ли, что он соделается тщеславным, сребролюбивым, гордым?

Сам разум есть не иное что, как привычка судить о вещах здраво и вскорости разбирать, что соответственно или что противно нашему благосостоянию. То, что называется *побуждение нравственное*, есть способность с поспешностью и безостановочно судить о всем, взору нашему представляющемся. Сие побуждение, или скорость суждения, происходит от привычки, приобретенной частым употреблением. В физическом нашем состоянии мы устремлены побуждением нашим к предметам, кои в состоянии произвести удовольствие нашим чувствам; в нравовании, напротив того, мы замечаем скорое чувство почтения, удивления, любви к деяниям добродетельным и отвращение к бесчестным, которых уклонение от истинного правила мы познаем при первом на них взгляде.

Скорость, с каковою сие побуждение, или нравственное *ощущение*, производится в действо людьми просвещенными и добродетельными, заставила многих моралистов думать, что способность сия нераздельна от человека и при рождении им с собою приносимая; как в сущности оно не что иное есть, как плод рассуждения, привычки, научения показующего, как с выгодно должно употреблять естественные наши расположения, внушающего чувствования, какие мы иметь должны. В нравовании, так как и в художествах, вкус, или способность хорошо судить о изящностях произведений людей, есть искусство, приобретенное наукою, большей части людей, однако, вовсе не известное. Человек без учения, дикий, простолюдин, не имеет ни побуждения, ни нравственного вкуса, о которых мы говорим; он судит, вообще сказать, весьма худо; чернь одобряет иногда самые великие преступления героев и победителей и творящих самые наглые насилия, неправосудия провозглашает великими людьми. В нравовании рассуждение и привычка научают нас здраво и поспешно судить и быстрым мгновением ока обнимать красоту и безобразие деяний человеческих. Человек, тогда только почитается умным и рассудительным, когда избирает истинные средства к доставлению себе своего счастья; он неблагоразумен, несмыслен, невежда, если берет противную сторону.

Удовольствия человека тогда не противоречат здравому рассуждению, если споспешествуют к доставлению ему благосостояния твердого, предпочитаемого наслаждениям преходящим. Действия в человеке навсегда суть рассудительны, если способствуют приобретению существенного блага, на вреде других не основанного. Человек, предводительствуемый разумом, не хочет, не желает, не творит иного, кроме истинно полезного; не теряет никогда из виду того, чем он себе и существам, живущим с ним в обществе, обязан. Вся жизнь общежительного существа должна быть сопровождена беспрестанным как на себя, так и на прочих вниманием.

Сии рассуждения, равно как и прежде предложенные, заставляют нас восчувствовать всю важность доброго воспитания; оно единое может образовать существа разумные, силою навыка добродетельные, удобные соделать собственное свое счастье и споспешествовать благополучию других. Мнения, желания, страсти, пользы, понятия о добре и зле, о чести и бесчестии, о пороке и добродетели мы приобретаем сперва воспитанием, потом утверждаем оные обхождением. Если сии понятия верны, соглашены с опытом и рассудком, мы становимся существами рассудительными, честными, добродетельными; если же они лживы, если ум наш исполнен заблуждений и предрассудков, мы становимся нерассудительны, не способны ни к своему, ни к взаимному с прочими благосостоянию.

Следственно, во время детства истинное воспитание может положить твердое основание и прочность свою; и потому тщетный бы прилагали труд, если б желали утвердить в правилах воспитания такового, который вступил уже в юношеские или совершенные лета.

Дети должны вступать в училище от пяти до семи лет возраста. Но если возразят: для чего так рано начинать учение? Не можно ли преподавать оное лучше в летах более зрелых? То можно спросить равно: какие ж будут те правила и можно ль дать предполагаемое направление, когда дети долее останутся в домашнем закоренении, усиливающим ложные правила? Не увидим ли их самих собою нечувствительно претво-

ряющихся в своенравных, лживых и опасных? Естьли скажут, что из детей, принимаемых и в зрелых уже летах, выходит довольное число благодетельных, благовоспитанных и наученных, и из того заключат, что принятый метод предпочтительнее всякого нового введения, но сие заключение будет несправедливо, хотя многими и одобряемо. Таковые случайные успехи происходят не оттого, что метод установления хорош, но приписать должно опыте качествам и дарованиям воспитывающихся, что опыте были бы сие знатнее, естьли бы приняты были правила воспитания более верные и более сходные с природою как в рассуждениях учения, так и принятия детей в означенные лета. Читатель может представить себе опыты, чинимые новейшими естествоиспытателями для познания силы растений. Он увидит, что почки груш, яблоней и проч. покрываются толстыми слоями воску, но растительная сила пробивается сквозь толстую сию обмазку; что почки крепкие, невзирая на препоны, разворачиваются и расцветают подобно тем, кои бывають оставлены природе, хотя несколько и позже, но почки слабые и худо образованные остаются навсегда под оболочкою. Вот изображение принятых правил и следствие, из оных проистекающее.

Мы видим большую часть детей, имеющих семь лет от рождения, потерявших уже в кривизнах заблуждения; видим детей, принимаемых в училище 10, 12, 14 лет и более, кои, не получивши воспитания при начале, не только с великим трудом исправляются, но и вовсе без исправления остаются, ибо пороки их учинились им привычкою. Многие из них, бывши развращены, возмущают беспрестанно учителей, а примерами своими и, что всего более, своими вредоносными советами портят безвозвратно большую часть своих товарищей. Мы прежде сказали, что человек от природы не имеет никакого решительного расположения ни к добродетели, ни к пороку; но воспитанием и учением открываются в нем начала добродетелей, и они-то направляют его к совершенству, тщательно истребляя начало порока. Когда ж воспитание юноши имело нерадивое и погрешительное смотрение, когда дана была

полная свобода его склонностям, принявшим глубокое впечатление и учинившимся как бы природными, тогда невозможно уже преодолеть оные. Сгиб, крепко на материи изобразившийся, никогда не изгладится, и материя прежнего виду своего не получит. И потому на что предаваться опасности, для чего не стараться направить юношество на стезю истины начиная с таких лет, когда можно оную учинить удобною и чистейшею, а особливо естли она открываема будет учреждениями постоянными, путеводителем мудрым и просвещенным.

В прежних рассуждениях было говорено о воспитании домашнем, о невозможностях иметь оного, разве стекутся все к тому споспешествующие обстоятельства; о воспитании общественном, о его преимуществах над домашним и пользах, каковыя отечество может от него ожидать, естли оно применено к свойству и духу народному; о благородстве, о качествах оного, о вредном направлении большей части благородных к самомнению о своем происхождении; о правилах, каковыми им быть должно и какие их обязанности в отношении к государю и обществу; о главных попечителях воспитания, о нужде иметь достойных надзирателей, наставников, какие свойства их, как их избирать и что без таковых надзирателей и наставников при самых совершенных учреждениях никакого успеху от воспитываемого юношества ожидать не можно; что естли воспитание состоять будет в одних науках, к званию токмо каждого относящихся, то сие не есть воспитание, а собственно, так сказать, школьное учение; что истинное воспитание состоит в соединении сих наук с истинным просвещением, в направлении молодых людей к общему предмету *любви отечества*, в произведении *нравственного и народного характера* и, наконец, о летах вступления в училище. Теперь следует приступить к самым правилам нравственности, или той цели, которой мы хотим достигнуть; но прежде, нежели начнем исследовать средства, ведущие к нравственному воспитанию*, оп-

* Что принадлежит до воспитания физического, то нельзя лучше заимствовать оного, как из Уст. сухо. Кад. корпуса и из Собрания учреждений касательно воспит. в России обоего пола благород. и мещанс. юношества.— Имея целию нравствен-

ределим цель сию, да путь наш соделается чрез то удобным и надежным.

Общие понятия о нравственном воспитании граждан сего отделения

Какой есть или, лучше сказать, какой должен быть предмет нравственной части воспитания сего отделения? Вот что предлежит к разрешению.

Душа человеческая при рождении своем находится в таком же, так сказать, состоянии наготы, как и тело; она не имеет ни понятия, ни желаний; она ко всему беспристрастна, даже к пуждам своим. Способности чувствовать, мыслить, хотеть она имеет, но причины, разверзающие оные способности, находятся вне ее. Сии способности, сии силы не во всех равны, но все они во всяком человеке находятся. В то самое время, как рождается он на свет, они составляют часть его бытия. Дикий человек может одарен быть оными в вышшем степени, нежели человек просвещенный; но отсутствие сих внешних причин, необходимо нужное для открытия оных, заставляя их, так сказать, оставаться в бездействии и без движения в одном, тогда как стечение причин, соединяющихся для открытия их, в другом возбуждают всю деятельность. Невтон, может быть, был бы токмо неустрашимый стрелок, если бы родился между ирокойцами¹², и самый лучший стрелок из ирокойцев учинился бы Невтоном, когда бы находился в тех же обстоятельствах.

Неравенство, существующее между одним человеком и другим, не столько происходит от первоначального неравенства, находящегося между способностями чувствовать, мыслить, хотеть, сколько от разности причин, соединяющихся для открытия оных. Сии причины

ное воспитание, которое столько же необходимо, как физическое и ученое, мы займемся оным как теперь, так и впоследствии сего издания; и поелику, судя по известным на российском языке творениям, сей предмет совершенно нов и для употребления удобен, то он распространяем будет здесь столько, сколько важность оного заслуживает. В рассуждении же ученого скажем на своем месте вкратце.

суть те обстоятельства, в которых находится человек; и из сих обстоятельств те, кои происходят от воспитания, суть главные и, следовательно, больше влияния на таковое открытие имеющие. Итак, предмет нравственного воспитания вообще состоит в том, чтобы приуготовить стечение обстоятельств, наиболее удобнейших к открытию сих способностей, соответственно назначению каждого человека и пользам общества, коего он член.

Цель сего отделения состоит в том, чтоб быть полезну обществу посредством приобретенных познаний искусства военного. Польза же общества состоит в том, чтобы найти в них в военное время неустрашимых защитников, а в мирное — рачительных граждан в усовершенствовании знания своего и должности, возбуждаемых страстями, удобными привести к добродетели, к уважению законов и к чувствованию отвращения к сомнению или гордости, к которым, кажется, как уже сказано было выше, сей разряд людей беспрестанно стремится.

Итак, предмет нравственного воспитания каждого человека сего отделения есть соделать стечение обстоятельств удобнейшим к открытию их способностей относительно к сему назначению и пользе общества. Определив предмет, постараемся рассмотреть средства.

О наставлениях и нравственных разговорах

Правило, столь хорошо сочинителем Емиля¹³ объясненное, по которое было бы несоответственно начертанию общественного воспитания, состоит в соединении наставления с действием и правила с опытом. Воспитание одного человека весьма различествует от воспитания многих. Частный наставник, всегда находящийся при своем воспитаннике, может по своей воле располагать успехами; он может даже пользоваться теми, кои случай представляет, — словом сказать, он может следовать сочинителю Емиля, поколику снабден просвещением, правилами наставления, постоянством. Но общественный наставник, хотя всеми сими качествами одаренный, может ли, следуя тою же стезею, надеяться получить таковой успех?

В плане, здесь начертаваемом, мы не обременим приставленных к воспитанию таковыми попечениями, поелику весьма трудно и невозможно найти в них того просвещения, какое по методу Емиля воспитателю потребно. Нельзя также требовать сего и от *надзирателя нравственного* *, которому вверено общее смотрение за сею частью; ибо какие знания, добродетели и твердость в нем ни предположить, то все его попечения о воспитанниках своих не позволят ему действительно учинить то, в чем с великим трудом едва ли успеть можно при воспитании одного человека. Итак, мы при-

* Сему надзирателю нужно быть избрану (как мы прежде сказали в примечании о избраниях наставников на стр. 92 [116] второй части сего издания) из состояния военного, которому, кроме того, чтоб быть независиму от всех других должностей, надобно быть человеку известному, испытанному, почтенному, честному, знающему должности военные и гражданские и сведущу в предписаниях, законом общественному сему воспитанию определенных. Надобно ему иметь еще одного или двух, смотря по числу воспитываемых детей, помощников, имеющих таковыя же способности и дарования. Прочие наставники или учителя избираются из общественных училищ: люди, которые бы не подвластны были никакой низости, были бы воспитаны в должной свободе и непринуждении, мысли имели вольные, нрав к раболепству непреклонный — словом, таковые, какими предписывает им быть человеколюбивый и благонамеренный учредитель воспитания, в гла[ве] IX Опыта о настав. и обуч. в собр. учрежд. и предп. касательно благор. и менш. юнош., стр. 239. «Чтобы достигнуть предполагаемого намерения, то есть дабы из сего заведения произвести подданных, отечеству полезных, надобно необходимо воспитателям и всем приставникам хранить в сердцах питомцев своих веселость, вольные действия души и приятное учтивство, чему быть не можно, ежели сего во всем обществе во всякое время и при всяком упражнении наблюдать не будут. Отвергнуть надлежит печаль и уныние от всех живущих в доме. Быть всегда веселу и довольну есть прямой способ к произведению людей здоровых, доброго сердца и острого разума. Сей образ жизни для них и для всех, кои в добрых делах обращаются, необходимо потребен». Число сих последних будет соответственно числу воспитанников, что зависит должно от порядка распределения их на возрасты и на классы. Учреждать все сие обязан нравственный надзиратель. Мы не войдем здесь в прочие подробности распределения и обратимся, повторяю, к единой нравственности, о коей никогда особенно говорено не было.

нуждены отказаться от метода, претворяющегося тотчас неверным и неудобоисполнительным, когда захотим простерть оный от воспитания частного к воспитанию общественному. Мы довольны будем и тем, если достигнем того, что, возможно, и не вмешаемся в план мысленных и невозможных совершенств*.

Если невежество отцов и суеверие матерей вселяют в душу детей предрассудки и ложные правила нравственности и веры, если заблуждение и порок распространяются и увеличиваются больше от вредных на-

* Чтоб нравственному воспитанию быть в совершенстве и не подлежать вредоносным разнообразиям, то нужно бы, кажется, чтоб строения сего отделения юношества соединены или, когда уже обстоятельства не позволят по крайней мере, сближены были одно к другому, дабы с лучшего удобностию главному попечителю и прочим можно было восстановить необходимую единообразность характеров между гражданами и не ошибиться в предназначениях к званиям, к которым дети по имени такого-то училища определены быть могут, в такое звание, к которому они не имеют желаний и неспособны. Следовательно, в сие училище нужно поместить всех детей, кои бы как к военному, так и гражданскому состоянию приуготовлялись так, чтобы воин к гражданскому званию, а судия к военному способны были, чтоб отечество имело как в тех, так и в других в нужде равных защитников. Установление сухопут. Кад. корп. таким образом учреждено. Итак, когда воспитанники обоих сих состояний будут находиться в одном училище, то нужно, чтобы был еще один нравственный надзиратель, и смотря также по числу, к сему состоянию определяемому, были бы даны ему помощники. Должность его есть преподавать науку законов и по правилам сих нравственных разговоров наставлять юношество примерами гражданских добродетелей. Сие училище, без сомнения, должно находиться в столице как в месте, где можно удобнее найти учителей, где стечение дарований из всего государства находится, где присутствие правительства внушает с большею деятельностью надзирать над вверенным столь важным предметом. В великих империях правило сие может иметь исключение: в них они могут быть расположены как в столице, так и в других лучших местах государства. Но строения сии должны быть расположены таким образом, чтоб никакие внешние предметы не развлекали детского внимания, ибо, если допустить сие, допустить к оным свободный вход всякому и выход, когда воспитывающемуся за благо рассудится, тогда не будет уже нужды ни в каком предписании, не надобно никакого правила, поелику всяк входящий сообщает свои и всяк из отлучающихся детей заимствовать будет те, кои воображению его легчайшим к исполнению представляются.

ставлений, во младенчестве получаемых, нежели от чего-либо другого, то для чего не можем мы основать и распространить силу истины и добродетели наставлениями, совершенно оным противными?

Для чего сим совокупным заблудениям, сим ложным правилам, которыми обременяют память детей, невозможно противоположить истинных правил правосудия, благотворительности и всех гражданских добродетелей?

Для чего вместо некоторых понятий, повергающих дух в порабощение, не можно употребить таких, кои творят его благородным и возвышенным? Для чего говорить с видом презрения ты *червь земной*, не говоря никогда, что человек есть *царь природы*, поколику почитает законы ее, и что соделется непавистисйшим чудовищем, коль скоро учинится злым и подлым?

Словом сказать, для чего вместо сих разговоров, сих действий, сих примеров, разверзающих душу к восприятию опасных страстей и преступных чувствований, не можно другими разговорами, другими действиями, другими примерами обратить их к деяниям полезным и великодушным?

Человек рождается в невежестве, но не в заблуждении. Когда он в состоянии понять заблуждение, то в состоянии понять и истину. Но как не все заблуждения, так равно и не все истины могут быть детьми понимаемы; следовательно, надобно начинать с самых простейших и дойти по степеням до самых сложнейших; иначе натвердят детям слова вместо понятий. Уста произносить будут истину, когда разум понимать будет заблуждение. Вот неудобство, которого наипаче должно избегать, когда занимаются наставлением детей.

Главный попечитель есть, без сомнения, тот человек, от которого все распоряжения должны зависеть; но как должности его многосложны и пространны в рассуждении всего относящегося к воспитанию, то и не можно его обременить никакими частными занятиями, и часть, которая предлежит нашему рассуждению, должна быть поверена, как мы уже сказали, *нравственному надзирателю*. Сие будет важнейшею и благороднейшею из его должностей. Достоинство, слава его

должности, уважение, с коим она будет соединена, почитение, каковое прочие наставники или воспитатели внушать будут детям к сему начальнику, качества, коими одарен должен быть человек, на коего возложены таковые попечения,— все сии обстоятельства придадут большую силу его наставлениям и утвердят истину во всей силе мнения.

Время учения должно быть всегда поутру, ибо душа, не быв еще погружена в рассеянности дневные, лучшим образом может принимать нужные знания и предаться истине, сведению ее подлежащей. Наставление должно продолжаться не долее получаса, дабы не ослабить силы скукою и не требовать от детей должайшего внимания, нежели каковое прилагать они в силах.

Предмет сей части воспитания не есть учить науке, но должностям. Не должно здесь заниматься определениями (definitions), но предписаниями. В сем-то состоит великое искусство нравственного надзирателя. Он должен скрывать все то, что производит впечатление, собственно, так названной науки. Он должен предполагать себе токмо истину, которая есть или по крайней мере долженствует быть только целию оной и единственным следствием. По счастью, правила, управляющие действиями человеческими, столь же ясны, столь же просты, колико заблуждение и педанство знания, стремящиеся помрачить ясность, мрачны, многосложны и бесконечным подлежат сомнениям. Итак, надзиратель нравственности всегда должен иметь пред очами своими возраст и назначение своих воспитанников, прибегать ко всем средствам, могущим возбуждать детское внимание, к коим он обращает речь свою, дабы соделать наставления свои гораздо яснейшими, прочнейшими и скуки не наводящими, употреблять в пользу сколько возможно происшествий, коих они были причиною или свидетелями,— словом сказать, он должен употреблять все те средства, которые ум, здравое рассуждение, опыт и познание разума человеческого, в детях, к коим он обращает речь, внушить могут, и тогда нечего ему будет опасаться, что наставления его будут безуспешны.

Я различаю *наставления* от *нравственных разговоров*. Первые должно преподавать один токмо год, другие же должны продолжаться во все время воспитания. Первые чинимы будут сообразно предписанному законодателем порядку, а другие зависят будут от воли нравственного надзирателя сообразно всегда с означенными законом предметами. Первые повторяемы будут каждый год тем же самым порядком, дабы дети, которые после будут приняты, могли ими пользоваться, другие же не будут подвержены тому же самому закону, поелику они не должны быть располагаемы по одному и тому же порядку. Итак, рассмотрим, каким образом можно располагать *наставления* и какие должно назначить предметы для *разговоров*.

Не творите другим того, чего не хотите, дабы вам творили. Вот первое правило нравственности, коего толкование и применение должны служить предметом первого порядка наставлений.

Творите для других добро, елико возможно вам сотворить для них. Вот второе правило, долженствующее быть распространено во втором последствии наставления.

Сии два правила, коих объяснение заключает в себе все понятия о *правосудии* и *благотворительности* или добродетели, должны быть последуемы двумя другими правилами, знаменующими *правосудие* и добродетель в отношении гражданина.

Храните законы, свято почитайте определения верховной власти, защищайте отечество от нападений неприятельских, от злоумышлений, возмутителей и мятежников. Сие третье правило должно быть предметом третьего последствия наставлений.

Доставляйте отечеству все те выгоды, какие только состоят в возможности вашей; не остановитесь в пределах, законами только предписанных, но устремляйтесь делать для него всякое добро, какое только любовь ваша вдохнуть может; да польза оного учинится вашим верховным, единственным законом. Вот четвертое правило, которое должно быть объяснено в четвертом последствии наставлений.

При изъяснении сих двух последних правил законодатель соображаться будет образу правления, в котором он находится, и последствиям, могущим случиться в приложении правил сих к уложению или к его поставлениям. Предмет толикой важности всегда затруднителен, и потому нужно, чтоб весьма ясно был расположен.

Все сии четыре рода наставлений должны заключаться в курсе нравственности, всякий год повторяться долженствуемому. Но дабы истины, которые в оном будут преподаваться, оставались наилучшие впечатлениями в памяти детей, то можно приказывать тем, кои весь курс кончили, начинать его с следующим годом снова купно с детьми, кои проходить будут оный в первый раз. Сим способом каждый воспитанник слушать будет два раза сряду полный сей курс правоучительных наставлений. Во второй год потребуют от них нечто больше, нежели в первый. По окончании каждого дня наставления нравственный надзиратель делать будет то тем, то другим некоторые в рассуждении сего предмета вопросы. Вопросы сии заключать будут в себе сомнения для объяснения, события для рассуждения по предписанным правилам. Сие упражнение, которое продолжаться имеет полчаса, за коим следовать будет преподавание наставлений, принесет в одно и то же время тройкую пользу. Первая состоять будет в обращении детей к внящему вниманию, заставляя их беспрестанно оказывать опыты оного. Вторая послужит к приобщению их применять общие правила к частным приключениям и разгонять всякое сомнение, могущее встретиться уму их. Наконец, третья польза послужит детям, в первый раз курс сих наставлений прошедшим, к утверждению вразумения преподаваемых в нем правил и истин, пред теми детьми, кои проходить будут курс в следующий год. Естьли нравственный надзиратель, сделавши вопрос, не получит приличного ответа, то он покажет оного погрешность, предложит его же другому и так далее, доколе не дано будет ему надлежащего ответа. Ежели вопрос не будет еще решен до окончания наставления, то нравственный надзиратель сделает краткое изъяснение

правила, от коего должно зависеть разрешение сомнения или предложенного события, и сам решит с большею ясностью. Дети, кои не будут внимательны, должны быть надзирателем наказаны по правилам, о которых говорено будет ниже.

Как скоро дети окончат второй курс нравственных наставлений, то должно начинать с ними *нравственные разговоры*, за оными следующие. Оратором будет сам нравственный надзиратель. Все дети общества, окончившие второй курс наставлений, слушать будут, так как я сказал, во все время их воспитания. Они будут иметь еще право приходить слушать оные и по выходе своем из училища. Для сего упражнения имеет быть назначено полчаса, непосредственно за часом наставлений следующие. Вот предметы, каковые могут быть предписаны в рассуждении сего законом.

Им дадут познать все то, чему их учили; сердцу их внушат истины, прежде уже разуму их доказанные нравственными наставлениями; им дадут уразуметь, что такое есть добродетель и с какими она соединена приятными услаждениями; они узнают, что значит отечество, какие предоставляет оно им блага, каковую должны они иметь к нему любовь и благодарность *. Не-

* В сии-то лета нужно положить основание сих спасительных, сильных и решительных страстей патриотизма и желания прославить себя великодушными делами. Здесь-то нужно нравственному надзирателю употребить всю свою деятельность в применение великих примеров древности к летам юношей, да восчувствуют молодые воины всю силу оных и познают, как многие войска и многие государства одолжены спасением своим великим умам, силою владычествующей страсти патриотизма обладающим. Мы не потому чему приписать должны все изобретенные редкости художеств, как сильным и решительным страстям: они должны не иначе быть разумеемы, как семенем изобретательного духа и мощною пружиною, обращающего людей к знаменитым деяниям. Чрез сильную страсть разумеется предмет столь для нас необходимый, что жизнь наша учиняется нам тягостною и несносною, естли мы им не обладаем. Таковые страсти только в состоянии заставить презирать опасности, мучения, самую смерть и устремить нас к предприятиям самым отважнейшим.

Катон¹⁴, бывши еще молод, сопровождаемый своим надзирателем, при входе в Силлины чертоги приметил отсеченные головы осужденных, спросил: «Какое чудовище поразило толи-

бесполезно повторить здесь, что как в сих разговорах, так и в нравственных наставлениях постановление правительства должно всегда обращать на себя внимание нравственного надзирателя.

Потом представят им истины, противные предрассудкам общего мнения, и приуготовят таким образом средства к исправлению и просвещению оною.

Сии чувствования, сия надежда, каковыя можно внушить с большею удобностию воспитанникам сего

кое число римлян?» «Силла»,— ему отвечали. «Как можно! Силла поразил их и Силла еще жив?» По ему возразили, что одно имя Силлы обезоруживает всех граждан. «О Рим! — Катон тогда воскликнул, — колико жалостно твое состояние, когда ты в обширности стен твоих не заключаешь ни единого добродетельного гражданина и когда ты не можешь никого более вооружить против тиранства, как такмо слабые мышцы юноши!» По сих словах, обратясь к своему надзирателю: «Поддай мне,— сказал он ему,— свой меч; я скрою его под свою одежду, нападу на Силлу и умерщвлю его.— Катон жив, и Рим еще свободен!».

Тот же самый Катон, когда убежал в Аттику, понуждающим его спросить о себе оракула в храме Юпитера Аммона отвечал: «Оставим оракулов женщинам, слабым душам и невеждам». Человек с характером, человек от богов независимый как жить, так и умереть умеет сам собою: он с равнодушием предстает своей судьбине, знает ли он об ней или не знает.

Надобно, чтоб Пожарский и Минин воодушевлены были сильными страстями, устремясь пожертвовать первый своею жизнью, а другой всем своим имением для спасения своего отечества. Пожарский под Москву — пред войсками и, невзирая ни на какие препятствия, презирая козни Зарудного, Трубецкого, освободил Москву — Россию от ига польского, от самозванцев. Его умеренность и великодушие заставили отказаться от подносимой ему на российской престол короны — он избрал с прочими законного наследника. Вот примеры, коим украшать должен нравственный надзиратель свои наставления и разговоры.

Сильные страсти выводят нас из случаев неизбежных, името люди освобождаются от самых отчаянных обстоятельств. Они внушают им, что делать и говорить должно. Нужно для сего предмета привести сказанную Аннибалом воинам своим речь при Тизинском сражении¹⁵, и восчувствует всяк, что может произвести ненависть к неприятелям и страсть к славе. «Товарищи,— говорит он им,— небо предвещает нам победу. Римлянам, а не вам надлежит страшиться. Нет убежища для слабых, естли будем побеждены, умрем без робости. Какой залог может быть вернее сей победы? Какой знак покрови-

отделения, должны совокуплены быть с теми, кои могут искоренить вначале сказанный порок *гордости*, коему подвергает их назначение и благородство. Потом да будет главнейшим предметом нравственных разговоров чувствительное изъяснение нужды равенства *

тельства богов может быть чувствительнее? Они нас поставили между смертию и победою».

Когда македоняне, изнуренные под бременем войны, просили Александра, чтоб он распустил их, тогда величие и желание славы внушило сему герою сей горделивый ответ: «Ступайте, бегите, подлые и неблагодарные! Свет мною и без вас побежден будет. Александр найдет везде подданных и воинов, где только обретет человек».

Кардинал Ришелье говорил, что человек слабого духа находит невозможность и препятствия даже в самых неважных предприятнях, в то время как самое отважнейшее кажется удобным человеку, твердую душу имеющему; пред сим горы уравниваются, а пред другим малые бугры в горы превращаются.

С сих лет, повторяю, когда всякое впечатление остается на всю жизнь, нужно возбудить молодых людей думать о себе, что естьли они будут внимательны к сим наставлениям и разговорам; естьли будут обращены прилежно исследовать истины, познания и все те совершенства, какими разного рода великие люди себя ознаменовали,— то от сего произойдет та польза, что всяк будет мыслить о себе, что и он таковым же учинится, столько же прославится, когда не перестает продолжать исследовать причины, тех возвысившие, я, следовательно, когда будет находиться в подобных обстоятельствах, таковым же себя окажет. Невзирая на различность, от природы каждому предполагаемую, лучше человека возвышать, уверять, что он все может, нежели унижать дух его, что называется, поселить гордость благородную, возвышенную, которую не уничтожать, но восстанавливать во всяком человеке нужно. И поэтому не должно никогда говорить: «Ты противу такого-то никогда не успеешь, ибо ни дарования, ни способности твои сему не соответствуют». Сие значит погрузить человека в вечное уныние, навек сделать робким, недеятельным.

* Здесь не разумеется сие пагубное и наглое равенство, не признающее никакого над собою начальства, но то, которое постановляет напыщенного знатностию и богатством своим честолобца наравне с бедным, то равенство, которое одним токмо достоинствам отдает преимущество, наконец, то, которое права каждого гражданина, как сильного, так и слабого, как богатого, так и бедного, уравнивает в законе: что твердый глас его равен каждому состоянию и всем равно ощутителен. Неисключительное определение всех состояний детей в сие училище подведет, без сомнения, под одну черту знатного и незнатного и, следовательно, утвердит во всей силе гражданственной равенство.

человеческого; в них представляют им почтение, каковое должно иметь к подобным себе, изобразят, сколь презрительно высокомерие и сколь низко быть тщеславным, научат, что власть без добродетели и достоинство без заслуги суть истинные причины надменной глупости, и дадут уразуметь, что кротость есть истинный знак возвышения души и превосходства разума; с ними рассуждать будут о взаимной зависимости людей, основанной на взаимных нуждах*; о признательности, каковой требуют обыкновенные труды ремесленных состояний в государстве, о ужасной неблагодарности, каковую должно возбудить в детях ненавистью к тем, кои гнусными поруганиями презирают и труды их, и бедность их состояния.

Надзирателю должно вразумлять воспитанников, в чем состоит счастье народное; что человек по состоянию своему есть член общества; под сим видом должен он жертвовать своею свободою, как скоро она не соот-

* При сих объяснениях нужно им дать совершенное понятие в рассуждении самого себя и сим самым познанием довести к открытию того, чем они обществу подобных себе обязаны. Рас толковать, что, как бы различность, существующая между людьми, велика ни была, все согласно стремится, как то примечено, приобрести удовольствия и убежать от ч а л и. Следственно, малейшее рассуждение каждого вразумить должно о обязанности каждого к существам, озаренным понятием, равносклонным, чувствительным, как и сам, коих пособие, привязанность, уважение, снисходительность необходимы суть к его собственному благополучию во всякую минуту его жизни. И вот правило, которое всякий в обществе живущий человек иметь и говорить должен самому себе: «Я чувствителен, и все доказывает мне, что прочие таковы же суть, как я, так же способны чувствовать удовольствие и оторчение, я стараюсь приобрести первое и убегаю последнего, следственно, мне подобные существа имеют те же желания и те же страхи. Я ненавижу злотиворящих мне или противуполагающих препятствия моему благополучию, следственно, я учинился бы предметом ненавистным для всех тех, коих бы хотению воля моя или действия воспротивились. Я люблю спешествовавших моему собственному благополучию, почитаю составляющих приятное мне существование, и потому, чтоб быть взаимно любиму, почтену, уважаему от существ. мне подобных, и я должен спешествовать к их пользе, благосостоянию, творя для них всевозможное». На сих-то столь простых и естественных правилах должно положить молодому человеку основание своей жизни.

ветствует благу общественному; что он не иное что есть, как часть целого; и в сем качестве всякая похвала, заслуживаемая его добродетелию, превращается в похвалу общественную, которую приписывают члену какого-нибудь тела, части здания, части машины, когда говорят, что они с пользою занимают свое место, и производят желаемое действие.

Ежели таково есть отношение части к своему целому, ежели благо общее должно быть главным предметом частных людей, то равно также справедливо и то, что счастье частных людей есть великий предмет гражданского общества, ибо как может, сказать им, счастливо быть общество, когда члены его, в особенности взятые, несчастны? Что ежели частный человек должен обращать внимание к обществу, то в награду за сие общество должно его вознаграждать благом соответственно сему вниманию. Должно внушить детям, что первое благо, которое общество должно делать своим членам, есть питать в них сильную к себе приверженность и что государство тогда только счастливо, когда оно любимо своими соотечественниками; люди же счастливые суть те, кои сердечно привязаны к обществу, всегда доставляющему пищу их ревности и великодушию, которое есть обширное поле к упражнению их дарований, добродетельных страстей. Им дадут понятие вообще о правиле, определяющем порядок отправления всякой власти, что власть управляющего должна быть сопряжена с пользою и приятностью для управляемого.

Распространимся далее: есть добродетель, рождающаяся от чувствования, людям общего, но в различных степенях, когда воображение их начинает действовать. А дабы сия добродетель могла возродиться в людях, коим она наиболее необходима, надобно, чтобы чувствование, оную производящее, было возбуждаемо с большим попечением. Сия добродетель есть *человеколюбие*, а чувствование сие есть *сострадание*. Дабы воспитывающиеся знали, что находятся им подобные, кои могут претерпевать, как и они, бедствия, надобно, чтобы воображение их приобрело довольно деятельности, чтобы могло представить им сии болезненные изоб-

ражения и их, так сказать, привести вне себя, дабы они совмещали в понятии своем то же, что и страждущий. Сие есть недостаток в воображении, учиняющий глупцов жалость печувствующими и детей слабоумных являющий к сему ощущению неспособными. Вот отчего происходит, что большею частью знатные и богатые люди столь мало имеют человечества, поелику они никогда не страдали, никогда не размышляли, что значит страдать,—состояния, в которых наижелательнее, чтобы обитало человечество, поелику оно, обладая ими, принесло бы более, нежели в других состояниях, пользы! Таково есть и сие отделение граждан, в коих сия добродетель имеет обыкновенно мало силы, потому что чувствование, производящее оную, обыкновенно весьма слабо и не столь деятельно. Воспитание должно у врачевать несчастье сего состояния; оно должно возродить чувствование сострадания, дабы возбудить в нем добродетель человеколюбия. Притом разговоры, о коих мы упоминаем, могут споспешествовать к сему предмету паче, нежели всякое другое средство. Естьли будут соображать лета, в каковые воспитанники могут оные слушать, и те годы, в которые переставать уже должно преподавать, то увидят, что разговоры, к сему предмету относящиеся, найдут воображение воспитанников в сем состоянии деятельности, которое действительно удобно для такового чувствования.

Из числа важных предметов нравственных сих разговоров есть также внушить детям, к выходу же готовящимся, о обязанностях супружеских, показать им права и должности, соединяющиеся с приятными наиповованиями отца и супруга. Бедствия, с которыми сопряжено порочное безженство, холодное равнодушие к сему состоянию, волнования, в юности происходящие, скука, следующая за оною в старости, должны быть описаны живейшими красками и, представляя взорам их добродетельных супругов, окруженных нежными плодами их любви, во всей силе страсти, надобно показать сие самыми трогательными изображениями*.

* Нравственные разговоры относительно к сему предмету должны быть преподаваемы одним токмо воспитанникам, окон-

Представя им супружество состоянием самым приятнейшим в обществе *, надобно показать, что оно есть самое священнейшее, самое нерушимое из всех договоров. Да впечатлеют в памяти их все те причины, кои должны соделать оное предметом уважения всех людей и достойными ненависти и проклятия всех дерзающих осквернять непорочность оного. Первоначальный долг отцов и супругов составлять будет часть сих разговоров **. По сем представить благородным

читающим свой курс воспитания. Посему самому оные должны быть редки и при каких-нибудь особых случаях. Нравственный надзиратель посвятит сим разговорам те часы и дни, кои будут наиприличнее и в которые дети не столько будут заняты.

* Нужно обращаться в рассуждении сего нравственному надзирателю на учреждения о браках древних законодателей, какие постановлены были средства и какому наказанию и посмеянию подвергались те, кои в беззении жизнь свою проводили. Наказание безбрачных, говорит Плутарх, состояло в исключении от игр гимнических ¹⁶ и в том, что им должно было выходить зимою совсем нагими на общенародную площадь для воспевания насмешливых песней против безбрачных. В Спарте колюстой старик сверх наказания лишен был всякого уважения, от молодых людей престарелым должного. Один составившийся воин, знаменитый своею храбростию, вошел некогда в собрание; сидевший подле его молодой человек отрекся уступить ему место, говоря: «Ты не имеешь сына, который бы мог когда-нибудь уступить мне свое место»; и сей смелый ответ вместо того, чтоб возбудить ропот, одобрен был общим той беседы рукоплесканием. Хотя сии средства к народоразмножению суть и не прямые, однако из сего видно, что в прежние времена почиталось оное главнейшим предметом. Многие события из греческой истории заставляют нас думать, что были у сих славных республик, каковы Спартанская и Афинская, разные на сей предмет учреждения, и одно из оных, приводимое Диодором Сицилийским, ясно нам сие доказывает. Эпаминонд, смертельно на сражении раненный, был при последнем дыхании. Пелопид, приближившись к нему: «О друг мой,—сказал,—ты умираешь, не оставя отечеству ни единого чада!» «Нет,—отвечал Эпаминонд,—я оставляю двоих: победу Левктрскую и Мантинейскую ¹⁷». Счастлив тот век, блаженна та страна, где порождение чад есть первый долг гражданина и где человек, умирающий бездетным, имеет нужду в двух победах, чтоб загладить сей проступок!

** Говоря о всем том, что относится к нравственным наставлениям и разговорам граждан сего отделения, обратимся к прочим и, не касаясь до распределения оных, вкратце пред-

Воспитанникам, сколь нужно и полезно к должности воина и гражданина присоединить знание словесности, знание хорошо писать, объяснять мысли свои; что многие великие люди столько же почитали ее нужною, сколько и всякое другое преимущество. Парнасс и поле Марсово равно обильны лаврами; что хотя корона, окропленная в водах Ипокрены¹⁸, не столь блистательна, как та, которая омочена кровию неукротимаго врага, но воин-гражданин, которого разум превышает сферу обыкновенных познаний человеческих, во сколько раз превосходнее кажется в глазах сограждан против того, который добродетель свою в числе только сражений полагает! Итак, да возбудят в них страсть к словесности, к чтению; они, занимая их приятным обра-

ложим средства, нужные для образования юношества каждого из сих состояний. Правила нравственных наставлений и сих разговоров должны быть те же и для тех, кои служат обществу вообще своими дарованиями, какие предложены для военного и гражданского состояний, с исключением только в нрав[ственных] разговорах того, что непосредственно к назначению каждого отделения относится. Что ж принадлежит до отделения, в коем заключаются те, кои служат обществу своими руками, то и в рассуждении их нравственные наставления без малейшего исключения должны быть непрременны с предложенными; но нельзя того же самого сказать о правоучительных разговорах, ибо цель оных состоит не столько в наставлении, сколько в образовании нравственного характера. Сия цель требует некоторых различий в средствах, и сия средства зависят от разности назначений сих двух отделений. Я преиду в молчании все то, что должно быть общего в составлении сих разговоров, в рассуждении воспитания сих двух отделений, и покажу только между ими различия. Оные суть: у одних, о кои мы довольно говорили, есть гордость, а у сих, напротив, *низкость*, то есть те, кои служат обществу своими руками, подвергаются сему пороку низкости столько, сколько другие гордости. Иного нет средства к истреблению сего порока, как нравственные разговоры, кои должны быть предписаны законом и состоять в возвышении души воспитанников, во внушении им понятия собственного своего достоинства, в познании истинного величия, истинной славы; им покажут, что каждый может приобрести все посредством своих дарований и добродетелей. А чтоб сильнее впечатлеть истину сию в душе детей, нравственный надзиратель соберет все события, могущие утвердить опую и которые бы могли возвеличить власть сию над разумом и сердцем. Следовательно, главнейшее искусство воспитания сего отделения состоит в предуп-

зом, откроют путь к истинному их благополучию, укажут разность между человеком, блуждающим по мрачному пути знаний, привычкою и долговременностью составленных, и тем, который во цвете лет своих истинным светом по стезе должностей своих руководствуется. Одного увидят они невежеством своим и законченостями повергающего сограждан своих в различные несчастья, другого — повсюду вспомоществующего страждущему человечеству. И потому нужно, повторяю, возродить в них страсть к словесности, ибо она приведет их к удобству познавать людей в различных состояниях жизни, прольет свет на их должности, чего бы без ее пособия достигать было должно чрез многие годы и многочисленные испытания.

По правилам сих нравственных разговоров рассказывать им, что значит звание, к которому они определяются; внушить права гражданина и воина в отношении должностей их и сим приучить их действовать честным и полезным образом во время войны и мира, чтоб они всегда соблюдали характер свой; возвеличить силы душевные, да свободно переносить могут всякие труды и тягости; что стоит только с твердою реше-

реждении в сих детях зловерного уничтожения, к которому род их кажется всегда расположен, в почитании самого себя, во внушении, что человек, уничижающийся пред собою, в собственных глазах своих не способен ни к великим страстям, ни к великим добродетелям; нужно говорить о трудолюбии, сравнивать пагубные следствия праздности и скуки с пользою и удовольствием, с трудом сопряженными, показывая им долг, коим обязаны они добродетели, и уважение, каковое принадлежит честному человеку, в каком бы состоянии он ни находился. Знатный гражданин должен быть описан теми же красками, как знатный военачальник и как знаменитый судия. Путь к бессмертию и славе должен открываться пред последним гражданином, равно как и пред верховнейшим начальником государства. Следовательно, нравственность быть должна одна и правила ее непеременимы. Должности могут переменяться по обстоятельствам, в которых люди находятся; но правила, от коих должности сии проистекают, суть общи и независимы от обстоятельств. Основаны будучи на отношениях природы и общества, они должны быть общи богатому и бедному, человеку частному и возвышенному на достоинства, сулье и священнослужителю, начальнику народа и простому гражданину.

тельностью возжелать приобрести сию бодрость духа, и приобретешь ее без усилия; что нужно беспрестанно обращаться на самого себя, побеждать склонности, влекущие к наслаждениям, к неге, от должностей и военного порядка устраниющих. Тогда навык послушания и отрицания самого себя будет утвержден, разум на различные случаи военной жизни приуготовлен, сердце навсегда будет готово отражать покушения разврата и постыдных пороков, нередко достоинство военного человека безобразящих. Тут да познают они, что, кто начальствует над своими страстями, беспрестанным противу их сопротивлением, тот никогда не будет в опасности подвергнуться излеществам и стремительности распутства, кто с охотой и удовольствием подвергается трудам и заботам военной жизни, тот свободно подвергается должной подчиненности и никогда не будет роптать на строгость службы. Тот, кто может жертвовать своими собственными выгодами благу общему, не будет никогда иметь желаний захватить оные от других и, зная, что жизнь его и вольность состоят в благе общем и от него неразделимы, будет сохранять оные во всех как залог священный и неразрешимый. Бодрость душевная, истинного воина означающая, состоит в том, чтоб отречься самого себя; поелику не нечувствительность к опасности составляет характер его, ибо он наперед знает то, что предлежит ему к претерпению в сражении,— но твердая и неизменяемая решительность исполнять должности свои вопреки всем препятствиям и несоответствиям. Различными примерами утвердить в них мысль презирать порок, под какими бы он видами соблазна ни представлялся, указывая оным, что не было ни одного государства, могущего сохранить себя, когда развращение, разрушая пределы должности, ослабляло дисциплину и попускало пореваться¹⁹ страстям по воле их направления. И потому нужно, чтоб молодые люди обращены были к полезному употреблению времени, к избежанию всякой праздности, повергающей обыкновенно молодых людей в постыдное бездействие, в распутство. Надобно, чтоб не думали они, что наука бесполезна воинам и что храбрости одной для них довольно. Храбрость без просвещения

есть не что иное, как безрассудность или зверство. Учение, рассуждение, знание могут только учинить человека в службе полезным государю и отечеству, которых он долженствует быть подпорою и защитником.

Сказав все, что принадлежит к благородному званию воина, как должно им управлять своим оружием, нужно дать почувствовать, чтоб оно ни в каком ином случае употреблено не было, как на защищение токмо истины и своего отечества; чтоб они знали ценить истинную честь, не смешивая ее с тщеславием, высокомерием, наглостию — с постыдными пороками, могущими ввергнуть их в совершенное презрение; что истинная честь и храбрость никогда незатменны, терпеливы, непривязчивы, рассудку завсегда послушны, великодушием исполнены; чтоб они при случаях защищения чести помнили сей великодушный ответ римлянина, вызов получившего: «Завтра нам идти в сражение с неприятелем — действие определит, который из нас имеет больше храбрости и кто лучший гражданин; ты вспомни, мой друг, что жизнь наша не нам, а отечеству принадлежит». Наконец, нужно также предложить им о должностях, связывающих их с теми, противу которых должно принимать оружие, что им надобно быть человеколюбивыми к побежденному неприятелю. Не быть таковыми значило бы почитать воина зверем дикообразным, если бы определить, что он не должен знать прав человечества и природы, а особливо если бы он рожден в государстве просвещенном. Что действия оружия переменчивы и что тот, кто слишком пользовался своими победами, может также подпасть в свою очередь тому же неприятелю, над коим производил свои непомерные жестокости.

Вследствие взаимных общественных обязанностей, всеми просвещенными народами должных быть принятыми, военный человек да поражает своих неприятелей, представившихся ему токмо вооруженными и противящимися, и не производит мщения сколько несправедливого, столько и бесполезного над неприятелем обезоруженным или над смиренным земледельцем. Почему нужно наставить благородных юношей, определенных некогда быть начальниками, да возымеют истинное

понятие о военном деле и свойственное просвещенному человеку чувство жалости. Строжайшая дисциплина да обуздывает ненасытное вожделение, распутство варварского и невежливого солдатства и, сделавшись по справедливости благородными начальствующими, которым честь должна быть руководством, да не унижутся они пороком гнусного корыстолюбия и да не уподобятся тем мздоимцам, которые из изнеможенного народа иссасывают последнюю каплю крови, после ужасов войны оставшуюся.

Сии правила, которые честь и нравоучение военным людям предписывают, были великодушно сохраняемы Сципионом, Тюреннем, Катинатом; оные будут сохраняемы всеми теми, кои истинную славу * предпо-

* Слава есть отзыв честной похвалы, говорит один славный писатель, соединенное согласие, поддерживаемое общим удивлением; но она всегда должна иметь предмет полезное, честное и справедливое, не на чудесности или на одном блеске основанное, но на добродетели, направляющей усилия дарований к счастью народов.

Знаешь ли, сказал Плиний Траяну, в чем состоит истинная слава государя? Триумфальные врата, статуи, самые храмы и жертвенники временем изглаживаются, забвение от земли их истребляет, но слава героя, поставляющего себя превыше беспредельной своей власти, умеющего укрощать и обуздывать оную, есть слава неуязвимая, которая, стареясь, расцветает.

В чем уподобился Геркулесу сей дерзкий молодой человек (говорит Сенека об Александре), который искал славы, не зная ни ее самой, ни ее свойства, ни ее пределов и почитающий добродетелию счастливую свою дерзость? Геркулес не для самого себя побеждал, но проходил пределы света для того, чтоб поборствовать, а не разграблять мир. Сей герой, сей враг злых, мститель добрых, восстановитель тишины на земле и на морях не имел нужды в победах. Но Александр, склонный к грабежу от младенчества, был опустошитель государств, бич друзей и неприятелей, поставляющий высшее благо свое в том, чтоб учиниться опасным всем народам, который не вообразил сего, что преимущество сие не одному ему свойственно, но и всем диким зверям и даже самым гнусным из животных, ядом своим бояться себя заставляющих. Оба они заслужили славу, но один имел в предмете пользу общую, а другой — пользу свою, на вреде всего известного тогда мира основанную; и для того должно показать, чтоб всяк человек любил истинную славу, зная притом, что она может быть и по конце жизни его, дабы гроб не остановил его, не сделал преткновения духу его и твердости, ибо тот, кто славу не да-

читают корысти, страсти обыкновенно душу слабую и низкую изъявляющей. Сребролюбие несовместно ни с благородством, ни с великодушием, ибо, по выражению сего слова, человек великодушный есть тот, который, получа от предков душу великую, благородную и твердую, жертвует всеми сими презрительными и низкими пользами выгодам прочным и неперменным, заключающимся в приобретении совершенного уважения от людей честных и в привязанности к правилам чести. «Чрез храм добродетели,— говорил Цицерон,— достигают в храм славы». Военная храбрость и в государствах сильных роскошью уничтожается, где счастье свое воин славе предпочитает. Римляне бедные, но упоенные славою своего отечества целый свет покорили; обогащенные же корыстями, чрез сребролюбие впали в междоусобные несогласия; а между тем, измождаясь роскошью, столь непобедимые воины учинились презренным стадом невольников, дрожащих под игом самых низких и презрительных тиранов.

Сими и подобными сим наставлениями и разговорами, молодые благородные люди, будучи руководствуемы, достигнут в храм истинной славы; следуя сим правилам, будут отличны, уважены и чрез то пренесут имена свои в потомство, учиня себя в памяти его почтенными и дрожайшими.

Вот предметы, долженствующие быть предписаны законом для наставлений и нравственных разговоров. Пример должен соответствовать наставлениям и разговорам.

лее, как по краткости жизни своей измеряет, есть раб мнения и минутного от себя на людей внимания; кто, говоря, предпочитает славу незрелую и скоропреходящую славе медленной и продолжительной, таковой великого не предпримет. Но преносающий себя в будущее, утешающийся одним воспоминанием дел своих, подвизается для всех веков так властно, как бы он был бессмертен. Пусть современники откажут ему в справедливой славе, им заслуженной, их внуки ее ему воздадут; и его воображение представляет имя свое во временах грядущих. Желание прославить себя в потомстве есть восторг, возвеличивающий, возносящий нас превыше самих себя и нашего века; и всяк оный отвергающий недостойно ощущать важность его. «Презирать славу,— говорил Тацит,— значит презирать добродетели, к оной сопровождающие».

О примере

Человек есть животное подражательное. И в самом деле, из всех родов животных люди по физическому своему расположению и большому совершенству чувствительности наиболее расположены ко взаимному друг другу подражанию. Сие подражание есть род нужды, обнаруживающейся с самого младенчества, которою воспитание должно воспользоваться для выполнения предмета, к коему природа, по-видимому, оное предназначила. Главный попечитель, нравственный надзиратель и наставники суть образцы, которые закон должен противопоставлять детям сего отделения в предлагаемом нами здесь начертании воспитания. Они должны споспешествовать сему предмету беспрестанными примерами правосудия, человеколюбия, кротости, снисхождения, трудолюбия, ревности ко благу, признательности к отечеству, почитания законов. Присутствие детей будет им напоминать о важности их звания и побуждать к оказанию во всякое время в поступках своих той благопристойности и кротости, каковые внушить может сила примера и подражания.

Почему необходимо нужно, чтоб сделано было особенное предписание наставникам, которое должно быть сообщено и объяснено им нравственным надзирателем, прежде нежели вверена им будет важная сия должность, и оное надлежит им напоминать по крайней мере два раза в месяц согласно с предписанными законом правилами. Мы предполагаем, что нравственный надзиратель совершенно уже сведущ в своих должностях и в тех обязанностях, кои непосредственно от него зависят.

Он должен остерегаться делать когда-либо выговор в присутствии воспитанников наставнику. Еслили кто-либо из них окажется недостойным или неспособным к отправлению вверенной ему должности, то должен он уведомить о том главного попечителя воспитания и ожидать от него повелений.

Еслили потребно будет произвести каковую-либо перемену, то она должна быть учинена со всевозможною скоростью, какую токмо обстоятельства допустить мо-

гут. Если же худое поведение наставника будет известно воспитанникам его, то исключение его должно им быть объявлено; если же не знают они проступка его, то также не должны знать и наказания за оный *; надобно чтоб они были в том мнении, что наставник добровольно отказался от должности, которую оставить имел он справедливую и лестную причину.

Попечитель воспитания должен тщательно смотреть за поведением наставников, примечать, исполняют ли по предписанию, и наставлять их в случае, когда примечена будет в том нужда.

Главнейший предмет наставлений относительно к наставникам состоит в том, чтобы научить их тому, каким образом должны они ответствовать на вопросы, каковы могут предложены быть от детей о различных предметах, могущих возбудить в них любопытство. Поелику величайшая польза сего начертания общественного воспитания есть та, чтоб избавить детей от влияния заблуждений, дабы истина могла с большею силою впечатлеться в душах их, а как мы не предполагаем, чтобы наставники были готовы совершенно ко всякому сделанному детьми вопросу, чтобы могли дать детям истинные и справедливые понятия обо всем том, что может возбудить в них любопытство,— то мы почитаем, что лучше предпочесть молчание, нежели с отважностью делать необдуманные или непристойные летам их ответы.

Во всякое время, когда ученик предложит наставнику вопрос, разум его превосходящий, то сей должен советовать ему, чтоб он спросил о сем нравственного надзирателя, а самому чистосердечно признаться, что он не в состоянии удовлетворить оному. Сей способ доставит вдруг две величайшие пользы: он предупредит принужденную заразу предрассудков и заблуждений и, дав детям полезный пример к уважению, каковое

* «Последуют, конечно, случаи, что такие наставники заслужат выговоры и, может статься, запрещения быть в сем доме. При детях сего делать не должно; но дабы и в обществе им от того не было оскорбления, для того употреблять умеренную строгость». Собр. учрежд. и предп. касат. воспит. обою пола благор. и мещ. юношей, стр. 233.

должно иметь к истине, приобучит их не столько стыдиться невежества, сколько заблуждения.

Но дабы произвести самую величайшую пользу от общественного воспитания, то главный попечитель должен обратить всех при оном училище находящихся, как-то: надзирателей, наставников и домашних служителей * — к сему великому предмету равенства в юношестве, из различных состояний составленного. Они будут к тому способствовать примером своим, поведением и разговорами. Они оказывать будут презрение гораздо сильнейшее, нежели наказание, всегда, когда произойдет между воспитанниками какой-либо спор о знатности породы; они споспешествовать будут к тому совершенным равенством и одинаковостию попечений и стараний, предупреждая всякое впечатление, могущее возродиться о преимуществе и отличии, избегая всякого пристрастия, — словом, способствовать будут всеми возможными к тому средствами, дабы утвердить сие желаемое между различными состояниями соединение.

Другой предмет, о коем должно нам упомянуть, есть учтивство и честность поведения. Поелику учтивство есть по необходимости главнейший предмет воспитания людей, назначенных жить в обществе, то не должно упустить одного в начертании воспитания сего отделения. Оно должно произойти больше от примера, нежели от правил; должно более возложить сие попечение на нравственного надзирателя ** и наставников,

* Вместо собственных слуг могут употреблены быть с совершенною пользою к смотрению за детьми честные и довольно служившие солдаты: им были бы сии места полною наградою и спокойствием, а юношество не имело бы пред глазами примеров развращения. «Крепостных своих служителей ни под каким видом никому в корпусе для услужения не иметь, что и во всех таковых для воспитания учрежденных местах накрепко запрещается». Уст. Кад. corp., стр. 74. Слуги сии обыкновенно не имеют никакого правила своему поведению; и как свобода их неограничена, то, становясь развращенными, вовлекают в разврат разными угождениями господ своих для того, чтобы самым лучше можно было своевольничать. Расположение строений, свобода отлучаться во всякое время и служники сии, под именем *дядек* разумеемые, бывают причиною испровержения самых превосходнейших учреждений!

** Дабы возродить сию необходимую в благородных людях учтивость, надобно, чтоб главный попечитель и нравст-

как ближе к детям находящимся и, следственно, более способных к поправлению их погрешностей и к представлению им примеров, по коим они должны образовывать себя. По сей-то причине одно из главнейших качеств каждого наставника сего отделения будет сие учтивство и сия честность в поведении, которые должен он примером своим сообщать своим воспитанникам, удаляя их равномерно от грубости и притворства. Когда в воспитанниках возродится по примеру сих наставников сия простота, сия приятная откровенность в обхождении, которые предполагают или невинность сего возраста, или последнюю степень совершенства в науке жить с людьми, то они вступят в общество с большею удобностию и внушат к себе в оном больше уважения и дружества.

Чтение книг, которые должно предложить для воспитанников сего отделения *

Мы предложим чтение романов для обоих детей, достигших таких лет, кои назначены для слушания нравственных разговоров. Но какого должны быть

эти надзиратели были в таком состоянии, чтоб могли иметь каждое воскресенье обоюдо по сторонам собрания, на кои дети разных возрастов, бывши приглашаемы, приучались к обхождению, к учтивости, к той людскости (полагая, что воспитанники из училища во все продолжение воспитания к родственникам не отлучаются), каковых они не могут иметь между собою. Хорошо бы делать для них чрез месяц такие публичные собрания, где бы они могли свободно видеть своих родителей, знакомых и прочих, говорить с ними, со всяким танцевать и приучаться таким образом к образу светской жизни; надобно, чтоб зрители были всегда между ними, внимали бы, что они говорят, что от других слушают, кои по возвращении должны исправлять их погрешности, доводя их всегда до признания, что они действительно во время собрания говорили и занимали; из сего произойдет та польза, что дети не будут связаны в мыслях своих, привыкнут к откровенности и не будут подлежать никакому принуждению, зная, что, о чем бы они ни разговаривали, что бы ни делали, воспитатели, не осуждая, их исправят, поставляя их всегда на путь истины. Следовательно, нет нужды делать наряд вопросам и ответам для воспитанников, когда готовят их показать публике.

* Что чтение книг полезно, сие известно всякому, и доказывать, распространяет ли оно свет или препятствует к

рода сии романы и какое должно употребить время на таковое чтение?

Каждое государство имеет свои чудесности, свои добродетели и злодейства. У всякого народа во всяком веке, во всяком правлении различные состояния общества представляют тому примеры. Рубище беднейшего гражданина и блестящее одяние знатного прикрывают часто величайшие добродетели и гнуснейшие пороки. Око любомудра проникает сквозь сию завесу, между тем как зрение простолюдина ослепляется только блеском и видит одно рубище.

На таковых-то событиях, представленных нам историею всех веков, должны быть основаны романы, о коих мы упоминаем. Великий человек, который есть ирой оных, должен быть всегда взят из состояния тех, для коих назначено чтение оных. Искусство писателя должно состоять в представлении с большею славой гражданских и воинских добродетелей, к оказанию ко-

просвещению,—значит предавать себя посмеянию; значит то же, естли бы кто стал доказывать о солнце, что оно светит или свету не производит. Немного надобно доводов, чтоб показать истину в своем виде. Оставляя новейших любомудров уверять подобных себе, что просвещение не может быть от книг получаемо, предложим чтение, для просвещения и возвышения души удобное, и в книгах лотчимся находить к сему пособие. Но будем и в самой пользе согласно с г. Руссо умеренны, ибо, как говорит он, «излишнее употребление книг умерщвляет учение и ни к чему другому не служит, как к произведению дерзновенных невежд». И в самом деле, сколько от учения отнимают книги в тех училищах, где библиотека открыта всякому, где позволено читать все, что в руки попадает, и молодые люди, никем более как несозрелым, слабым рассудком будучи руководствуемы и блуждая, так сказать, в пространстве различного рода писателей, редко останавливаются на прочных и непоколебимых основаниях, ибо хотя бы в собрании книг были и лучшие сочинители, но находятся из них многие друг другу противоречащие, отстранившиеся от правил общих, которые возникающий ум, читая без разбору и без предводителя, развлекается между их понятиями или принимает неправую сторону. Естли книги такого рода позволить читать, так это в то время, когда воспитанники приготовлены к выходу из училища, когда понятия совершенно раскрыты, и то с руководителем, человеком истинно просвещенным, честным к общему благу и спокойствию устремленным. «Книги и учение,—сказал Роннефукольд,—должно подвергать рассудку, а не рассудок книгам».

торых наиболее имеют случай люди сего состояния, в описании самыми худыми красками пороков, коим наиболее они подвержены, в распространении сих начал любви к отечеству и к славе, кои поселены уже разными образами в душе детей, во внушении им сего возвышения характера, который тем явит себя величественнее, если не занят будет богатством и знатностью.

Желательно, чтобы предмет романов был почти истинным событием или вымышленным, но несовершенно, где бы сочинитель в том уверил читателя. Невероятно, колико бы таковое расположение учинило чтение возбуждающим.

Множество хороших сочинений сего рода падающих соделывает гораздо удобнейшим собрание предлагаемых нами романов касательно до воспитания. Польза, каковую б произвело сие чтение, известна всем тем, кои знают, колико сила нравственных чувствований должна иметь влияния над образованием характера и на открытие страстей.

Но кроме романов надлежит каждый год собирать всякие происшествия, могущие произвести то же самое действие, и печатать оные в пользу воспитанников; сим способом они непрестанно пред глазами будут иметь полную историю добродетелей; и хотя летосчисления сего рода бывают иногда весьма кратки, однако они никогда не прервутся, если не станут их ограничивать одним каким городом или народом, но когда будут они объимать отечество и даже род человеческий, к коему они принадлежат.

Для сего чтения должно определить вечер *. Самое лучшее средство дать детям приятное упражнение, удаляющее от них сон, не подвергая их скуке, которой

* Нужно здесь сказать, что при вступлении дети не должны иметь времени для сна более десяти часов; потом, как лета их будут возрастать, надобно, чтоб время сие уменьшалось таким образом, чтоб в последнем году воспитания ограничивалось семью часами. Чтоб успеть в сем постепенном уменьшении, не применяя часа вставания, который должен быть один и тот же для всех возрастов, надобно определить час, который ложиться надлежит спать при разных переменах.

должно тщательно избегать в каком бы то ни было начертании общественного воспитания, состоит в учреждении сего порядка чтения, всегда предоставляя детям переменять оное по своей воле *. Сие покажет новую пользу сего учреждения. Наконец, ко всем сим пользам присоединится еще другая: внушать детям охоту к чтению и ускорять сим образом успехи наставления.

К романам можно присовокупить трагедии, могущие произвести те же самые действия, каковые и нравственные разговоры. Таким же образом можно употребить жития славных мужей, описанные Плутархом, и предпочесть оные всем прочим по тем причинам, кои представил Монтань и которые славный сочинитель Емиля столь красноречиво объяснил. От сего чтения произойдут две другие выгоды. Ежели бы начинали оное чтение, когда кончили воспитанники историческое наставление, то б оно было весьма полезно для лучшего сохранения в памяти и оно могло бы пособить общему недостатку всякой истории, какая бы она ни была. Поелику история, быв назначена представлять обширность великих происшествий, описывает нам больше деяния, нежели человеков. Она представляет их во отношении их с обществом и с должностями, от одного налагаемыми, никогда не описывая человека во внутренности его жилища, в недрах его семейства, среди друзей. В описании же особенной жизни людей бывает совсем иное. В оной видят и человека и героя. Будучи отцом, супругом, другом, судиею и полководцем, он представляется во всех сих видах и отношениях; его видеть можно тут и на театре и вне оного. Вот причины и выгоды сего чтения.

О награждениях

Две страсти, из коих одна мала, опасна, уничижительна, и другая — возвышающая характер к величеству, к благородству, к пользе, проистекают из одного и того

* Не должно ни единого из детей принуждать лучше читать такую-то книгу, нежели другую. Каждый наставник должен иметь разные экземпляры сих собраний для удовлетворения различным вкусам воспитанников.

же источника. Сии страсти суть *тщеславие* и *любовь к славе* и происходят от *желания отличиться*. Сие желание, знак и действие общественности, возбуждает равно как варвара, так и просвещенного, как несмысленного, так и мудрого, бездельника и честного человека; сие желание обнаруживается почти при самом начале жизни и которое сопровождает человека даже до гроба; сие желание производит ту или другую из сих страстей, смотря худо или хорошо оно было направлено. Оно учиняется тщеславием в одних, любовью ко славе в других; оно великолепно золотит колесницу богатого и поощряет в сражение неустрашимого воина; оно поражает кинжалом Лукрецию; оно побуждает Креза тщеславиться своими сокровищами и руку Сцеволы в горящие уголья повергает ²⁰.

Итак, рассмотрим, каким образом употребление наград, споспешествуя успехам детей, может приуготовить желание отличиться и произвести не тщеславие, но любовь к славе.

Естьли хотя мало рассуждать будут о сем важном предмете, то уразумеют, что он должен произойти от двух причин — от качества награждения и их назначения.

Всякая отличность есть награда, но не всякая награда есть отличность. В частном воспитании награды не могут ни споспешествовать, ни управлять желанием отличиться, потому что частное воспитание имеет недостаток в уравнительных предметах и, дети воспитывающиеся у родителей, вовсе почти не имеют средств, могущих возбуждать в них сие желание к отличию. Награды сии должны быть совершенно существенные, ибо *награды мнения* там токмо существовать могут, где мнение действительно имеет свою силу. Напротив того, в воспитании общественном награды, основаны будучи на едином токмо отличии и когда оные благоразумно будут направляемы, легко учиниться могут предметом желаний, поелику любовь к отличностям сильно возбуждается между множеством и близостию тех людей, от которых желаешь отличать себя.

Маршал Вилларс весьма часто говаривал, что два только удовольствия, которые вкушал он наиощути-

тельное в своей жизни, были: получение наград в училище и победа.

Любовь к отличности определит качество наград в сем начертании; и, поелику оные могут быть вещественные или *награды мнения*, мы употребим только последние да сим приучим детей ничего не желать более, как славы. Мы увенчаем главу, например, лавровым венком, но не дадим ему лучшей против прочих одежды; ибо таковой род отличности может возбудить в них чувство тщеславия; не определим также лучших яств, чтоб не произвести склонность к обжирству; не освободим от обыкновенных с прочими упражнений, ибо таковое исключение представит глазам его праздность и покой приятными.

Итак, сие начертание общественного воспитания не будет в себе заключать иных наград, кроме тех, кои заключаться должны в общественных мнениях. Законодатель возымеет попечение о вымышлении сих отличительных по заслугам наград и о определении относительной оных силы соответственно относительной силе заслуги, за которую они назначены. Венок победы есть венок мира; венок, украшавший чело борца, и венок, каковой отличал главу победоносного начальника, имели равную существенную силу, но неодинаковую, однако, силу во мнении. Род заслуги, за которую оные были определяемы, придавал им одинаковую важность, и степень отличия, который они показывали, были единою их ценою. Следовательно, должно указать разные роды заслуг, за кои надлежит давать различные награды. Да удостоят первую за деяния благородные, величие души возвещающие, и, рассмотрев потом предметы касательно всех частей, на кои разделиться должна система воспитания, определяют для каждой особо награды отличившимся из детей; и да определяют награде и предмету степень, соответственную важности оных; да учредят оную для тех, которые отличили себя в разных упражнениях относительно физической части воспитания, для тех, кои оказали опыты смелости и мужества, для тех, которые избавили товарища от угрожавшей ему опасности, для тех, кои оказали наиболее внимания и остроты в разных

родах наставлений, для тех, которые успевают в науке, к коей они прилепились, но с тем условием, чтобы они не лишились права на сию награду какою-нибудь особенною погрешностью. Два раз в год имеет быть раздача сих наград, дабы учащение не уменьшило оных силы и редкость не ослабила ожидания оных; что для верного их распределения нравственный надзиратель учинить должен список тем предметам, которые каждый из учащихся заслужил своею отличностию, и причинам, лишаящим его награды; наконец, при наступлении времени раздачи производить будет оную следующим порядком.

Да соберут всех детей в одно место. Те, кои кончили курс нравственных наставлений, могут допущены быть к раздаче. Для предупреждения зависти и пагубных оной следствий нет более действительнейшего средства, как заставлять награждать и чтить заслугу тех самых, которые б могли сами показать к оной род зависти.

Тот, кто чтит или награждает заслуженного человека, приобщается некоторым образом славы его, и сего мнения довольно для погашения в душе его всякого чувствования зависти.

По проговореции нравственным надзирателем краткой речи о совершенном беспристрастии правосудия и по увещевании, сим юным судиям внушенном о наблюдении должностей оного, он начнет именованьем детей, отличившихся в продолжение шести последних месяцев великодушными и благородными деяниями; он описывать им будет заслугу каждого из сих деяний и представит оные под тем видом, каковой почтет он наиспособнейшим, чтобы дать восчувствовать относительную оных силу. Дети подтвердят суд по сему предложению; они сами провозгласят деяние, заслуживающее быть увенчанным и решат еще относительную заслугу других деяний. Голоса все подавать будут неисключительно, и большинство оных решит суд всякий раз, когда главный попечитель с нравственным надзирателем не будет находить оного несправедливым; в таковом случае они докажут им заблуждение их и исправят их суждение.

От сего первого суждения приступят к другому, касательно до награды, определенной за вторую заслугу, и таким образом поступать будут даже до награды предмета не столь важного. По окончании раздачи награждений объявление оной отсрочит до ближайшего праздника. Приготовленным шествием соберутся дети в церковь. Заслуживший первый венок идти будет первым среди сего торжественного хода, сопровождаемого всеми отличившимися в одном предмете, но неодинакие дарования имеющими. Каждый из них следовать будет за оным в порядке, каковой определит заслуга дел.

Получивший вторую награду пойдет в сопровождении своих совместников, наиболее отличившихся, и таким образом даже до последнего, получившего последнее награждение. Если один из сих отличившихся каким-либо великодушным делом заслужил еще награду за другой предмет, то он получит сию новую награду, но не оставляя места своего, назначенного ему степенем заслуги великодушного его деяния. Последнее место между отличившимися в сем роде деяния должно быть почтеннее, нежели первое между теми, кои отличились иначе. Таким-то образом внушат детям неложные понятия о заслуге и различных ее степенях.

Дети, не заслужившие никакого отличия, заключат сие шествие.

Вход в церковь должен быть свободен каждому, и особенно родители будут приглашены на сие торжествование. Как скоро все соберутся во храм, нравственный надзиратель провозгласит имена победителей и назначенные им награждения; он, восхваляя справедливость младых судей, скажет краткую речь о уважении и славе, истинную заслугу сопровождающих.

Вместо того чтоб делать уничижительные укоризны не заслужившим никакого награждения, он поощрит их, да учинятся они достойными оных. Все, что может ослабить или истребить силу души и повредить нравы юношества, должно быть тщательно избегаемо в сем начертании общественного воспитания,

Обряд сей имеет окончиться приличным сему предмету гимном, и дети, награждение получившие, должны сохранять во все время отличительные знаки своей заслуги.

От сего учреждения тотчас узрят пользу, произойти из оного должествующую. Юношеству внушат благородное соревнование, не подвергнув его опасностям, обыкновенно с оным сопряженным. Сим способом вознаградят заслугу и предупредят зависть. Возвышенность и благородство души водворятся не только в сем состоянии людей, но даже и в тех, кои наименее к оным расположены. Понятие о личном достоинстве больше возымеет силы; желание отличиться пременится в благородную любовь к славе, а не в пагубное тщеславие. Любовь к справедливости произносить будет суждения, и истинное понятие заслуги и разных ее степеней равным образом к сему сообщатся. Одним словом, связь обстоятельств, поспешествующих к раскрытию нравственных способностей юношества, породиться только может от сего учреждения.

О наказаниях

Для юношества нет нужды делать наказательного уложения, но должно все сие доверить честности и просвещению главного попечителя и надзирателя нравственного; власть их не должна ограничиваться, ибо причины, могущие побудить к употреблению оной во зло, слабы и неважны, качества, требуемые от управляющих наказания, противны расположением души, оправдывающим сие недоверие, обстоятельства, учиняющие неудобоисполнительным или опасным, естьли сделать для сего особое уложение, будут столь часты, что лучшее в сем случае средство состоит в том, чтоб учредить некоторые общие правила, к предмету сему относящиеся, и оставить благоразумию главного попечителя и нравственного надзирателя попечения споспешествовать намерению законодателя, не входя в сии подробности, которые не только что могут привести в замешательство, но даже сделаться бесполезными и опасными.

Большая часть сих правил должна быть более отрицательная, нежели положительная. Должно говорить более о том, чего не должно делать, нежели объяснять с мелочною подробностью все то, что должно делать.

Надобно запретить всякого рода телесные наказания; никто да не имеет права таким образом наказывать дитя за что бы то ни было. Законодатель не восхощет, чтобы средства, назначенные к возрождению чувствования личного достоинства, были мешаемы со средствами уничижающими; чтобы те, кои служат к подкреплению тела и духа, были совокупляемы с средствами, тому и другому вредящими, — одним словом, чтобы средства, назначенные к образованию граждан, были смешиваемы с средствами, удобными производить токмо рабов. Опыт доказывает, что дети, приобывшие к побоям, лишаются обыкновенно оной телесной силы и естественной чувствительности, обильного источника толиких общественных способностей; они соделываются подлыми, лицемерными, притворщиками, злыми, мстительными и жестокими; с самого младенчества приобучаются к ощущению внутреннего удовольствия, подвергая других бедствиям, коих они жертвою учиняют.

Другое учреждение предупредит злоупотребление позорных наказаний. Как в обществе малолетних детей, так и во всяком другом часто употребление сего рода наказаний и великое число тех, на коих оно возлагается, уменьшает степень и силу оных. Как в сем, так и в других обществах наказания сии, основанные на едином мнении, должны быть употребляемы с осторожностью*; они должны быть токмо назначае-

* Надобно, чтобы всякое наказание было редко, дабы учащением оных наказания не лишились важности своей. Всякого рода наказания тотчас теряют силу свою, когда они обыкновенны становятся. И в сем случае сила бесславия зависит много от умеренности его употребления. Бесславие есть *наказание общего мнения*; однако ж частые его впечатления на мнения немало его уменьшают. Пример подтвердит сию истину. Отечество находится в самой крайней опасности. Неустрашимый гражданин поспешает к оному на защищение, подвергается всем опасностям — успех вознаграждает его отважность. Он возвращается от славного своего предприятия,

мы за преступления или проступки, кои по качеству своему самим мнением осуждаются к бесславию. Правила, долженствующие предупредить злоупотребление сих наказаний, общи как для сего, так и для других обществ.

Дабы с точностию наблюдать сии правила, должно запретить злоупотребление сего рода наказания и предписать только умеренное действие оного; надобно представить имеющим право показывать неудобство приобщать детей взирать с беспристрастием на уменьшение или потерю почтения их сотоварищей; законодатель покажет им, колико сие неудобство может погасить в них чувствование любочестия и собственного своего достоинства, которое с толиким тщанием внушать им стараются; он покажет, каким образом можно располагать различные сего рода наказания для соразмерения степени

покрытый ранами. Народ благославляет героя, и общее мнение богам его уподобляет. Опасность сия в тысячу раз возобновляется. Тысяча граждан един за другим стремятся защищать отечество, и всяк из них возвращается увенчанный славою. Спасение отечества принадлежит равно последнему, как и первому из них: отважность у всех равная. Народ чувствует, что добродетель и храбрость с обеих сторон были равны, но геройство последнего пражданина будет ли иметь ту же степень впечатления в общем мнении, как и геройство первого? Какое будет следствие сего мужества, сих действий? Последний не получит той меры мнения, каковую имел первый, и сей лишится всего того, что имел тот в преимуществе пред прочими.

Применим сии правила к бесчестию, и мы увидим, что как весьма умножившееся число героев уменьшает во мнении людей достоинства геройства, так и число обесславившихся людей, весьма увеличившееся, уменьшит поношение; мы увидим, что в наказаниях, как и в наградах, мнения сила уменьшается, по мере как возрастает число людей наказанных или награжденных; мы увидим, наконец, что как для одних, так и для других оба вышепоказанные средства будут недостаточны, если общество не будет приготовлено принимать сильно в обоих случаях впечатлений, если дети или большая часть из них не знают цены мнения или понимают об оном весьма мало. И потому надобно, чтоб о чести и бесславии столько внушено было воспитывающимся, чтоб они честь предпочитали жизни, смерть бесчестию, и тогда можно будет увериться, что как награды, так и наказания мнения будут действительны.

ми преступлений, долженствующих быть наказанными сим родом наказания; он покажет, наконец, каким образом должно оное объявлять и предупреждать великое зло, произойти от того могущее. Ежели дитя учинит позорное преступление и ежли оно известно токмо детям, с ним живущим, в смотреии у одного наставника находящимся, то должно дать почувствовать детям, сколь нужно в сем случае быть им молчаливыми и не открывать прочим преступления их товарища. Наказание его в сем случае будет строго, но оно не будет всем объявлено; оно будет известно токмо детям, в смотреии у одного наставника находящимся. Но ежли позорное преступление всем известно, то и наказание должно быть всем же известно, и нравственный надзиратель придаст весь вид наказания, каковой требуют качество преступления и необходимость внушить к оному омерзение; но в сем случае виновный, пред всеми обесславленный, не потеряется ли в отношении добродетели? Чувствование учиненной подлости и пренебрежение в общем мнении не истребит ли в нем действия всех причин, которые б могли его исправить и соделать лучшим?

Для предупреждения зла сего, кажется, следующее средство может весьма быть действительно. Нравственный надзиратель по совершении позорного наказания проговорит сильную речь о следствиях преступления и бедствиях, за оным следующих; паконец, обратясь к виновному, он ему скажет: «Права, каковое имел ты на дружбу и почтение твоих сотоварищей, ты лишился, однако возвращение оного в твоей еще находится власти. Благородство одного дела может истребить поносность другого; счастливая перемена может исправить зло позорного развращения. Когда ты вновь заслужишь наше почтение и дружество, то драгоценное сие право возвращено будет с таковым же всеобщим восхищением, и я, который по закону есть ваш общий отец,— я буду исполнителем обещания, которое произношу тебе именем моих детей и твоих собратий». Я представляю читателю попечение рассмотреть сугубую пользу, от наказания и прощения проститекающую.

Приступим к другим общим правилам относительно к сему предмету.

Наконец, дабы соделать звание нравственного надзирателя более почтительнейшим и должности его полезнейшими, надлежит ему предоставить еще право употреблять некоторые роды наказаний. Лишение, например, некоторых яств или некоторых увеселений, но таким образом, чтоб лишение сие продолжалось не долее одного дня. Главному попечителю принадлежит право определять строжайшие наказания как в рассуждении качества их, так и продолжения.

Нравственный надзиратель и наставники, когда нужно будет делать выговор или наказывать, сохраняют все спокойствие и холодность духа и не предадутся тем движениям, тем стремлениям, кои означают страсть и от оной происходят. А чтобы внушить детям наибольшее уважение к истине и наибольшее омерзение ко лжи, надобно, чтобы оные никогда не оставались без наказания, и нужно также учредить, чтоб имеющие право наказывать уменьшали тяжесть наказания всегда, когда за проступком следовать будет искренное признание.

Клевета да накажется строжайшим образом, как и всякое действие, обнаруживающее злобу сердца и подлость. Напротив того, оказывать должно всякое снисхождение к погрешностям, происходящим от остроты или живости, как таких достоинств, которые нужно более возбуждать в сих летах, нежели истреблять.

Со всевозможным рачением убегать должно всякого пристрастия и неправосудия. С точностию входящие в расположение разума человеческого ясно увидят в нравственном характере молодого человека опасные следствия, от чувствования неправосудия и обвинения причиненных нравственным надзирателем происходящие. В воспитании общественном с большим еще тщанием должно остерегаться сего порока, поелику случаи к соделанию оного бывают чаще и следствия, произтекающие из оных, пагубнее. Если нравственный надзиратель или наставники приметят, что они против желания учинили неправосудие воспитываемому, то

должны немедленно оное загладить и не оказывать никакого противуборствия в рассуждении признания своей ошибки. Нравственный надзиратель иметь будет попечение о наблюдении беспристрастия и правосудия наставниками и побуждать их поступать по предписанному уставу всякий раз, когда они вольно или невольно сделают упущение по предназначенным им должностям.

Вот общие правила, по коим должно располагать употребление наказаний, отношение оных очевидно ко всеобщей системе нравственного воспитания. Посмотрим теперь, какое есть отношение правил касательно до веры.

О вере

Возраст, который посвятить должно духовным наставлениям, есть тот самый, который назначен нами для нравственных наставлений. Всякое воскресение сии должны следовать за другими, и нравственному надзирателю должно быть поручено сие последнее наставление. Ни на кого, говорю, другого не должно быть возложено сие попечение, как нравственного надзирателя, как человека, которого верховная власть избрала для исполнения ея должностей; да и на что без нужды увеличивать число наставников, и не лучше ли нравственный надзиратель, имеющий способности, искусство преподавать наставления, должность сию исправить может, нежели всякий другой человек, занимающийся другими предметами.

Поелику не должно из детей делать идолопоклонников и изуверов, то законодатель не упустит ни единого средства, могущего дать им простейшее, но страннейшее понятие о божестве, исключая тщательно из своих правил все выражения, удобные соединить понятие сие с вещественными изображениями, к которому влечение разума человеческого естественно.

«Не усиливайтесь,— говорит он будет им,— познать существо бытия, которого обожать вы должны, но удовольствуйтесь знать, что существо его не состоит ни из чего того, что вы видите, осязаете, знаете или

что вы можете знать. Поелику он есть творец всего существующего, то неизмеримое и непостижимое пространство разделяет творение с верховным создателем. Конец и начало никакого не имеют к нему отношения, ибо он всегда был и всегда будет.

Будучи совершенно невещественное существо, он не имеет иного отношения к вещественному, кроме того, что оное создал и сохраняет. В сей части вселенной, на коей мы живем, человек есть изо всех такое существо, которое наиболее им облагодетельствовано и которое по сему самому наиболее должно иметь к нему признательности».

Почтение и любовь к верховному существу заключают в себе часть обязанностей, от сей признательности проистекающих, другая часть состоять будет в том, чтобы соответствовать назначению, какое человеку определено. Первое следствие сих должностей будет предметом духовных наставлений, второе — предметом нравственных наставлений.

Таким-то почти порядком нравственный надзиратель должен давать детям понятие о божестве и изъяснять их должности относительно к оному. Здесь более означено порядок мыслей, нежели каким образом должно оные им преподавать. Нравственный надзиратель изобразит понятия сего в настоящем своем значении и учинит их удобными для каждого возраста*.

Отправление домашнего богослужения должно соответствовать правилам, нравственным надзирателем постановленным; небольшое число простых и кратких молитв, по исполненным ясными правилами всеобщей нравственности, должны быть всякий день повторяемы поутру и ввечеру детьми в присутствии наставников. Безмолвие и важность сопровождать будут сие ежедневное моление.

* Как наставления и разговоры нравственные, так равно и сии духовные должно нравственному надзирателю распределять с великою осторожностью, на степени возвышения понятий, в рассуждении возраста воспитывающихся, дабы несоответственными летам им предложениями не обременить память их, не затмить понятий и сие самым не истребить умственных способностей.

Вот все, что общность сего начертания позволяет здесь сказать до веры касающегося. От учреждения зависит пополнять сию часть системы нравственного воспитания.

Общие правила, на коих должно быть основано ученое воспитание детей сего отделения

Множество понятий, мыслей и различных мнений; великое число предрассудков, от невежества происходящих и временем утвердившихся; непрестанное противоборствие между теми самими, кои их испровергают; невозможность принять в общественное воспитание ту часть полезных мер, предложенных в рассуждении частного воспитания; препятствия, встречающиеся со всех сторон всякому предначертанию преобразования относительно к сему важному предмету,— вот причины, соделывающие предмет сей толь трудным и многосложным. Нужно искать путеводителя в природе, и надобно соображать понятия свои непременно ее начертанию. Итак, потщимся наблюдать порядок, которому следует она в постепенном разверзании умственных человеческих способностей, и установить по оному постепенный порядок наших наставлений. Рассудим о времени, каковое оно употребляет, и разделим наше по сей мере. Применим наставления наши слабостям детей; остережемся начать тем, чем должно кончить; не побежим, где должно идти тихо, и не подвергнем опасности опровергнуть здание тогда, когда бы оное нужно воздвигнуть и довершить в короткое время.

Понятие или впечатление, приемлемое в душе по случаю предмета, действующего на чувства, есть первое действие разума; без оного тщетно б предметы действовали на наши чувства и душа не получала б никакого об них познания. Способность *понимать* есть, следовательно, первая в человеке обнаруживающаяся [способность], она есть первое начало человеческих познаний. Итак, сия будет первая способность, которую мы употребим, чтоб следовать великому предначертанию природы в наставлении наших воспитанников.

Вторая способность *, в человеке оказывающаяся, есть [способность] сохранять, производить и вспоминать посредством приобретенных понятий,—сия способность есть *память*; она обнаруживается с первой, но не разверзается в одно и то же самое время. Желать наиболее оную изострить в самом начале ее появления значило б препятствовать ее открытию; надобно, чтоб она достигла своей силы, дабы ею воспользоваться. Сколько злоупотреблений, заблуждений и пороков в наставлении происходит от незнания сего правила!

Воображение есть третья способность, в человеке оказывающаяся; он составляет и соединяет понятия об окружающих его вещах или изображения и представления об оных посредством понятия, приобретенного и памятью сохраненного; он их сближает, смешивает, соединяет и делает из оных состав, коего части произведены памятью, приобретены будучи понятием. Сия третья способность обнаруживается весьма скоро; однако она требует многого времени для открытия, поелику имеет нужду в великом употреблении первой и открытии второй. Без многих понятий идеи, о коих мы говорим и которые оными приобретаются, были б не в столь великом числе и не столь часто возобновляемы, чтобы можно было избрать из них такие, которые могут вместе между собою соединиться; и без открытия способностей памяти разнообразность понятий была бы в рассуждении сего бесполезна, потому что не можно бы было возобновлять идеи, к приобретению которых они способствуют. Вот для чего греки называли муз *дщерями памяти*. Способность воображения направляема будет в нашем начертании по тому порядку, на коем природа основала открытие оной.

Четвертая способность человеческая есть [способность] *рассуждать*. Она показывается весьма рано, но последнею открывается. Не должно мешать появлению умственных способностей человеческих с их открытием. Первое бывает скоро, а последнее медленно и постепенно. Открытие способности рассуждать есть по-

* Из сего явствует, что здесь говорится токмо о способностях человеческого разума.

следнее, поелику действия оной гораздо труднее и многосложнее. Они состоят не в соединении и составлении понятий о *вещественных бытиях*, что суть дело воображения, но понятий уже распространенных отвлечением понятий о качествах, свойствах, отношениях и пр., о всех тех бытиях, которые ничего не имеют вещественного и которые суть токмо подобия того, что видим и мыслим, и чистые отвлечения, то есть отвлечения существенности. Одним словом, предметы понятий, кои суть следствия действий сей способности, отличные совершенно от существенных бытий, не иное что суть, как понятия метафизические, составленные нами, когда мы отъемлем, так сказать, от сих бытий все то, что в них есть существенного, и отделяем действия наших рассуждений о бытиях от самых бытий, оные возбудивших.

Вот для чего Платон, хотя показать различие, находящееся между человеком и богом, сказал: «Творец дает существо всему, что ни воображает; понятия его рождают бытия. Напротив того, сотворенное существо понимает токмо чрез отвлечение существенности и ничтожность есть следствие его понятий».

Довольно кажется того, что сказано нами о действиях *способности рассуждать* для показания, что сия способность есть последняя открывающаяся, а следовательно, последняя ж, которую должно употребить в сем начертании воспитания.

Установив сии правила, приступим к применению здесь оных, рассмотрим влияние, каковое должны они иметь на особенные наставления каждого последующего отделения, на кои разделено быть должно сие благородное юношество. Итак, начнем истолкованием системы ученого воспитания, которая должна быть употреблена для сего отделения, коего назначение имеет непосредственнейшее отношение к благоденствию общественному.

Иван Петрович
ПНИН

ГРАЖДАНИН

1798

Что есть гражданин? Тот ли, который, достигши места, хитростию и пронырством им занимаемого, доколе почитает оное, доколе может оно питать его гордость и алчность? Тот ли, который, поработен будучи постыднейшим страстям, на то только употребляет могущество, ему данное, чтобы не щадить имения и жизни своих сограждан? Тот ли, который, испровергая законы чести и справедливости, на сих плачевных развалинах общественного блага воздвигает бранный памятник своего счастья? Тот ли, который, убежден будучи гласом совести о своих пороках или неспособностях, под видом притворной любви к отечеству похищает звания, долженствующие предоставлены быть просвещенной и скромной добродетели? Не сей ли, наконец, с суровым оком, нечувствительным сердцем самолюбец, для которого благополучие государства есть не иное что, как пустое название, и коего душа, в презрительную беспечность погруженная, не ощущала никогда сего чувствования, соединяющего человека с подобным ему, столько ж неспособный соболезновать о несчастиях, как и радоваться об успехах своего отечества? Нет, конечно, титул гражданина не принадлежит существам, толь преступными злоупотреблениями себя уничижающим. От общества отверженные, они не оставят по себе ничего более, как бесславие и презрение, в

их жизни их преследовавшие. Что ж есть *истинный* гражданин? О вы, которым хочу я представить образ одного, внеслите! *Истинный* гражданин есть тот, который, общим избранием возведен будучи на почтительный степень достоинств, свято исполняет все должности, на него возлагаемые. Пользуясь доверенностью своих сограждан, он не щадит ничего, жертвует всем, что ни есть для него драгоценнейшего, своему отечеству, трудится и живет единственно только для доставления благополучия великому семейству, коего он есть поверенный. Столь же беспристрастный судия, как закон, которого он есть орудие и которого справедливые решения никогда не причиняли слез угнетенной невинности, — он есть тот человек, который, завсегда следуя по стезе добродетели, посвящает себя совершенно всем полезным должностям: то налагая узду закона на беспорядки, общество возмущающие, то возбуждая трудолюбие, поощряя торговлю, ободряя все художества, отдавая, предупреждая бдительностью своею несчастия, которые непредвидение или заблуждение могли бы некогда являть на соотечественников его. Он есть хранитель государственного сокровища, который, зная, что залог, попечением его вверенный, часто бывает плод трудолюбия, предпочитает богатству, на грабительстве и злодействе основанному, славу честного и бескорыстного человека. Он есть тот воин, который подобно Курцию¹ ввергается в бездну, у ног его разверстую. Наконец, он есть тот, который, будучи добрым отцом, нежным супругом, почтительным сыном, искренним и верным другом, являет всем почтением своим к законам и нравам живой пример гражданских добродетелей.

Вот, вот каких граждан отечество признает за истинных своих детей!

НА ВОПРОС: ЧТО ЕСТЬ БОГ?

1798

Сего нам существа определить не можно!

Но будем почитать его в молчаньи мы:

Проникнуть таинство бессильны всех умы,

И чтоб сказать: что он? — самим быть богом должно.

**ЧУВСТВОВАНИЯ РОССИЯНИНА,
ИЗЛИЯННЫЕ ПРЕД ПАМЯТНИКОМ
ПЕТРА ПЕРВОГО,
ЕКАТЕРИНОЮ ВТОРОЮ ВОЗДВИГНУТЫМ**

1798

О ты, который от целой вселенной заслуживаешь уважение! Ты, который, оставя пышность и величие престола, сложив с себя венец и порфиру, не возгнушался облечься в простейшую одежду ремесленника, чтоб устремиться в отдаленные от отечества своего страны — страны, славившиеся тогда своими художествами, искусствами и науками, коих благотворный свет не касался еще мрачных пределов утопавшего в невежестве государства твоего, и которое воспринял ты просветить, вознестъ и учинить благополучным. Каких трудов, каких пожертвований стоило тебе исполнение сего спасительного намерения! Но, руководствуемый благом общественным, ни на какие не взирав ты опасности, превозмогал все препятствия, не щадил самого себя. Обширный разум твой, соглашенный с добродетелями твоего сердца, объемля все, что способствует только к благосостоянию народов, и проникая в самые сокровенные действия политики, больше ко вреду, нежели ко благу человеческого рода обращенной, с каким удивительным предвидением умел ты обратить оную ко благу, извлечь из оной те пользы, которые при всех своих попечениях, усилиях и деятельности не успел ты довершить, предоставив сие последующим векам! О ты, кою премудрости ягодами наипитава Россия, Россия, для которой ты один сделал более, нежели вся она учинила для тебя! Ты, который ничего для себя

не хранил, но все разделял с твоим народом, удовольствия свои почерпал из удовольствий своих подданных. Ты, который жил единственно для своего народа и был ему во всем примером, нет, не одному ему — ты служишь примером целому свету. Удивленный и восхищенный великостию деяний твоих, если вопрошаю самого себя, откуда, из какого источника произошли оные, чистейшая благодарность изливается тогда вместе с слезою и сердце вещает мне: «Из любви к отечеству, из любви к своим подданным». Великий Петр! Солнце Севера, слава русского народа, тень великодушная, прости слабости моих выражений!

ПИСЬМА ИЗ ТОРЖКА

[Письмо первое]

1798

Почтенный издатель!

На сих днях один из моих приятелей, живущий в Санкт-Петербурге, любящий чтение и русскую словесность, зная также и мою к ней привязанность, прислал мне в подарок книгу, недавно из печати вышедшую. Чем будучи чрезмерно обрадован, с жадностью начал я читать оную; и как читать привык я с рассуждением да и не всему тому верю, что в книгах печатают, то сделал я на оную замечания, которые, при сем к вам сообщая, покорнейше вас прошу поместить их в журнал ваш, если только найдете того достойными.

*Верное лекарство от предубеждения умов*¹. Перевод с немецкого Михаила Антоновского. В типографии Государственной Медицинской Коллегии, 1798 года.

Г. сочинитель сей книги самым жесточайшим образом вооружается противу *книгопечатания*. Вот предмет, на который устремил он наипаче свои стрелы. Но как в избрании расстояния, по-видимому, г. сочинитель весьма худо, а может быть, и совсем не соображался со своими силами, искусством и дарованиями, то потому нимало в предприятии своем не успел и ни одна из стрел его до желанной им цели не достигла. Упоенный желчию, не щадит он никого; писатели суть для него не иное что, как развратители, соблазнитель и враги общества, старающиеся посеять в сердце оного семена пороков и заблуждений. На любителей чтения и словесности равно изрыгает он хулу и брань. Кни-

гопродавцы суть для него самые гнусные люди, коих алчба к корысти есть источником нравственного зла. Словом, г. сочинитель не как благоразумный критик, который, видя заблуждения разума человеческого и проницая в самые сокровенные намерения некоторых писателей, которые, блеском своего красноречия помрачая истину, стремятся распространять ложные понятия и извредные учения, кротким и снисходительным образом обнаруживает пагубные и притворные их мнения и ясностью своих доводов склоняет на справедливую сторону, — но как деспот решит и осуждает все, что только не согласуется с образом мыслей его. Если бы Юпитер вверил ему перуны свои, то в мгновение ока узрели бы мы здание наук, столько веков созидавшееся, испроверженным. Уничтожать или истреблять что-нибудь на тот конец, дабы вместо того восстановить или учредить гораздо лучшее и полезнейшее, означает мудрость и человеколюбие; в противном же случае есть знак невежества и злости. Но приступим к разобранию самого дела. Г. сочинитель открывает непримиримую вражду книгопечатанию и между тем уважает науки. На стр. 40 говорит он: «Я крайне жалеть стану, буде подумают, что я покушаюсь на художества и науки; напротив, я торжественно воздаю справедливость оным, каковую они заслуживают, и, говоря сие, повторяю, что без оных человек был бы жалкое творение, что бремя невежества и бедности более тяготило его» и проч. и проч. Не ясно ли из сего видно, что г. сочинитель, как я сказал, превозносит науки, находит в них величайшую пользу и признает невежество пагубным и ужаснейшие бедствия производящим. Но пусть позволит теперь у себя спросить: чрез что же наипаче учинились науки известными, посредством чего приведены в сей приятный порядок, в сию удобность, с какою видим мы их теперь преподаваемыми, что может лучше сохранить их от едкости времени и жестокости неприятелей? Посредством чего сообщение мыслей от одного конца вселенной до другого учинилось легчайшим, что было причиною успехов разума человеческого, помощю чего, вопрошаю, разлился свет наук, озаривший мрачную юдоль, по которой блуждали человеки, устра-

няясь от истины, и проч.? Не одолжены ли мы всем сим преимущественно изобретению *книгопечатания*? Не можно ли по справедливости назвать оное подпорою наук и художеств? Итак, г. сочинитель, прославляя науки и купно осуждая книгопечатание, сам себе явно противоречит. Может быть, он уважает и предпочитает те только науки, которые в письменных, а не печатных книгах содержатся, но почему того он в печатной же своей книге не доказал. А токмо восклицает на странице 9: *«Изобретено книгопечатание, и крепость духа потерялась в буквах!»* Равно как бы воскликнул: изобретены ножи, и люди стали резаться; изобретены веревки, и люди стали давиться. Прекрасное следствие!

Г. сочинитель вспомнил бы, сколь возрождение наук было медлительно. Каких недостатков, каких заблуждений были они исполнены во время своего младенчества; и если теперь видим мы их в зените совершенств, то, конечно, сие отнести должно паиначе к свободе тиснения. Там, где разум в тесных заключен пределах, где не смеет прейти границ, ему предположенных, там всегда найдет философов-льстецов, писателей низких и ползающих, защищающих иногда самые нелепые мнения вопреки истине, дабы не подвергнуться гонению, которого всякий человек страшится. Там всегда найдешь книгопродавцов совершенными рабами вкуса публики, принужденных удовлетворять развращению и приноравливаться к порокам, чтоб сохранить себя от нищеты и разорения, которому нетрудно подвергнуться в подобных случаях. Там, наконец, увидишь, что временем введенные в обыкновение заблуждения бывают признаваемы за неоспоримые аксиомы. Но где нет стеснения разуму, где поощряются науки, где отличаются дарования, где покровительство защищает ученого от бедности, там заблуждения и пороки нечувствительно исправляются, странные мнения опровергаются очищенным рассудком, просвещенная добродетель, честность и благонравие, распространяя ветви свои, осеняют веру, сохраняют ее и учиняют более священную. Стоит только обратить взоры на Голландию и Англию, как на такие страны, которые по справедливости назвать можно убежищем гонимого

невежеством рассудка, где науки не имеют никаких препоц, где книгопечатание совершенно свободно, то ясно увидят, что нравы, обычаи и самая вера в продолжение стольких веков не только не повреждались, но, напротив того, пребывали всегда во всей своей силе, и внутренняя тишина никогда чрез то не была возмущена. Следовательно, ни науки, ни книгопечатание не причиную тех зол, на которые сочинитель жалуется, и если худые книги, выключая известного числа худых, терпимы между добрыми книгами, то по той же самой причине, по которой худые люди терпимы между добрыми: то есть чтоб от крутой нетерпимости не сделалось крайнего опустошения и чтоб неосторожным исторжением плевел не исторгнуть и пшеницы, и сие согласно с откровением. И следовательно, всякий тот гражданин, который бы равнодушно взирал на всякие добрые и худые книги в государстве своем, не *есть развратник своего отечества*, как говорит сочинитель на стр. 49, но есть мирный гражданин, знающий свое дело, пользующийся добрыми книгами и из худых что-нибудь доброе извлекающий. Я бы не кончил и должен бы был написать такой же величины книгу, как сочинителя, если бы на все хотел делать мои замечания.

«Прилежите к чтению *дейописаний* и научитесь из оных познавать *естественного человека*; ищите его между *народов* еще грубых, неученых и неиспорченных» (стр. 45). Что сие значит? Как найти *естественного человека* между *народов* еще грубых, неученых и неиспорченных? Если под именем *народа* разумеем мы не иное что, как великое общество людей, соединившихся между собою, живущих под установленными законами, сколь, впрочем, законы сии ни были бы жестоки, несправедливы и странны, то вместо *естественного человека* будем мы везде обретать человека *гражданственного*. Но далее: «Научайтесь между ними познавать человека в его *дикости*, в его привязанности к свободе, в его великости и его бедности» и проч. *Дикий*, или *естественный, человек* есть такой человек, который живет сам собою, без всякого отношения к другим, не знает иных законов, кроме законов природы, руководствуется одними токмо естественными по-

буждениями и сам собою оные удовлетворяет. Следовательно, искать *естественного человека* в обществе было бы смешно и безрассудно. Впрочем, к чему послужит *прилежание к чтению* такого *дейописания*, которое не иное что представляет, как дикость, бедность, жестокость и зверство человека? Вот бред или сумбур его мыслей, достойный толико желаемого им всесождения. Сочинитель возмечтал, что слова его будут приняты за слова оракула, а того себе и не представил, что книгу свою выдает в осьмомнадесять веке, в таком веке, где рассудок с особенною тонкостию и подробностию привык входить в существо и порядок слов и вещей. Чтоб склонить человека на то, на что хочешь, надобно самыми живейшими красками изобразить ему того все выгоды, все пользы, всю приятность; надобно, чтоб он ясно видел и уверился, что то состояние, которое ему представляешь, пред тем, в котором он находится, несравненно лучше, преимущесвеннее и может доставить ему прочное благополучие. Без сего никогда желаемого успеха не получишь и всякие побуждения останутся тщетными. Г. сочинитель имеет совсем особенный и ему токмо свойственный образ взирать на предметы и на благо нравственное.

Не к истории *дикого человека*, который умственно ныне токмо разумеет быть может, но к истории *человека гражданского* паче всего прилежать нужно. Ибо, чтоб достигнуть познания настоящих правил жизни и нравов; чтоб распознать мрачные пути человеческого сердца, открыть предрассудки разума, разбирая их в самой тонкости; чтоб дать цену силе навыка; чтоб указать бесконечную разнообразность характеров; чтоб различить добро существенное от случайного; чтоб рассмотреть установления, возвышения держав, их постепенное к славе и добродетели направление, поспешность, с каковою великие сии здания клонились к падению и опровергались; чтоб открыть пользы и погрешности правительства; чтоб уразуметь, каких требуют от нас жертв наши должности в достоинстве граждан и человеков и какие первоначальные причины, побуждающие нас оные нарушить; чтоб составить себе правила мудрые и великодушные добродетели в

общежитии, наконец, чтоб ощутить примером и опытностью пользу добродетели и вред порока,— вот для чего, повторяю, нужно прилежать к чтению таковой истории, прилагать к ней глубокое внимание и рассуждать с оною. Наука сия есть одна, которая лучше послужить может к образованию в гражданственном человеке характера и направить его к совершенству добродетели, к утверждению чувствования чести, добродетели, праводушия. История покажет примеры великих добродетелей и пороков, сим самым может возжечь огонь побуждения к последованию первым и отвращению последних. Когда видят, как оживотворенные *любовию к отечеству*, сею первейшею добродетелию гражданина, *Катоны, Бруты, Курции* презирали жизнь, помышляя единственно о благе общественном, «когда видят *Регула*, идущего на жесточайшие мучения, дабы не нарушить своего слова, видят *Кира* и *Сципиона*, подающих явные опыты своего воздержания и целомудрия, видят всех сих древних римлян, столь славных и столь общепочитаемых, провождающих жизнь скудную, умеренную, трезвую; а с другой стороны, когда видят поступки вероломные, распущенные, расточительные или означающие подлое и гнусное сребролюбие в особях великих и почтенных в рассуждении сего века,— тогда восчувствуют и нимало не усумнятся о том, в чью пользу должны изъясниться и кому последовать» *. Примеры и великие действия, в истории читаемые, не могут не производить в сердце сильного впечатления. Следовательно, не к *дейописанию дикого человека*, но к истории гражданской прилежать необходимо нужно, потому что она есть, как я выше сего уже сказал, самое лучшее средство к образованию гражданина и человека служащее.

Когда бы вместо того, чтоб без всякого изъятия депотически предавать всесожжению все *тетрадки, рукописи и книги*, г. сочинитель свойственным ревнителю истины образом открыл, какие именно тетрадки и рукописи служат к развращению, к пагубе и ко вреду нравственности; какие книги распространяют заблуж-

* *Роллен*. Способ учить и обучаться².

дения, колеблют веру, превращают науки во зло, разрушают общественный порядок, прославляют порок и поносят добродетель; наконец, когда бы г. сочинитель показал, какие нужно предпринять меры, какие полезны учреждения, дабы излечить от таковых сочинений, по мнению его зараженное благонравие и истребить навсегда яд оных, повреждать сердца могущий, — тогда, конечно, величайшую бы сочинитель оказал человечеству услугу и признательное потомство сохранило бы навсегда имя его с тем почтением, каким исполнено оно бывает к усердным людям, для благополучия человек трудившимся. Но как он, видя болезнь, общественное тело терзающую, молчит о пособиях и средствах, в пользу его послужить могущих, то мне кажется, что из сего весьма справедливо заключить можно, что он не токмо есть бесполезный доктор, а книга есть весьма худой рецепт, но что в нем не видно совсем и того человеколюбия, которое, как говорит он, побудило его издать свое сочинение, если только можно назвать сочинением сбор слов и мыслей, взаимно себе противоречащих и без всякой связи и порядка нагроможденных.

Сии замечания, мною сделанные, не суть действия сатиры или тщетной славы быть возразителем — нет. Любовь к истине и моим соотечественникам была причиною оных. Вскоре надеюсь я и еще на некоторые книги прислать к вам замечания мои, если вам только угодно будет поместить оные в журнал ваш, которого я есмь усерднейший.

Читатель

Торжок. Июля 24 дня.

[НА СМЕРТЬ А. Н. РАДИЩЕВА]

1802

Итак, Радищева не стало!
Мой друг, уже во гробе он!
То сердце, что добром дышало,

Постиг ничтожества закон;
Уста, что истину вещали,
Увы! навеки замолчали,
И пламенник ума погас;
Сей друг людей, сей друг природы,
Кто к счастью вел путем свободы,
Навек, навек оставил нас!

Оставил и прешел к покою.
Благословим его мы прах!
Кто столько жертвовал собою
Не для своих, но общих благ,
Кто был отечеству сын верный,
Был гражданин, отец примерный
И смело правду говорил,
Кто ни пред кем не изгибался,
До гроба лестию гнушался,—
Я чаю, тот — довольно жил.

ОПЫТ О ПРОСВЕЩЕНИИ ОТНОСИТЕЛЬНО К РОССИИ

1804

L'instruction doit être modifiée selon la nature du gouvernement qui régit le peuple.

*J. A. Chaptal **

Блаженны те государи и те страны, где гражданин, имея свободу мыслить, может безбоязненно сообщать истины, заключающие в себе благо общественное! ¹

В чем состоять должно истинное просвещение?

Естьли бы творец миров, как говорит великий Эйлер, восхотел в безмерном пространстве небес возжечь новое светило, то лучи его не прежде бы достигли до нас, как по прошествии нескольких лет. Равным образом светильник просвещения, благотворительною рукою мудрого законодателя возженный, не прежде лучезарным сиянием своим может озарить моральную сферу, как в течение продолжительных времен. Итак, будущие веки должны служить зеркалом для настоящих дел законодателя. Творческий дух его непременно преноситься должен в сию глубокую отдаленность, в сей мысленный мир и тщательно исследовать, какое влияние настоящие предприятия его произвести могут на племена будущие.

* Воспитание должно быть согласовано с природой власти, управляющей народом.— *Шапгаль* ².

Россия со времен Рюрика множество имела обладателей. Каждый из них более или менее напечатлел на оной свое могущество, и история с довольною точностью представляет нам как все оттенки одного, так и грубость тогдашних времен. Россия имела многих обладателей, но правителей мало. *Повелевать и управлять* при первом взгляде кажется означают одно и то же, но в существенных действиях своих весьма между собою различны. Можно повелевать государством, не управляя оным, ибо власть самодержавия, истекая из единой воли, редко какую-либо цель предполагающей, зависит почти всегда от расположений духа действующей особы. Управлять же народом — значит пе- щись о нем, значит наблюдать правосудие, сохранять законы, поощрять трудолюбие, награждать добродетель, распространять просвещение, подкреплять церковь, соглашать побуждения чести с побуждениями пользы — словом, созидать общее благо и к сему единственному предмету желаний гражданина посредством начертанных для того правил, постановленного порядка и мудрой деятельности открыть всем свободный путь. И потому Домитияны и Калигулы *повелевали* Римом, но Ликурги и Солоны *управляли* Спартою и Афинами.

Из истории сих великих законодателей ясно видеть можно, сколь законы, примененные к нравственности и духу народа, согласенные с климатом и местными обстоятельствами, бывают прочны, неизменны, сильны к сохранению могущества своего в продолжение нескольких веков. Петр Великий, сей бессмертный монарх, отец отечества, между всеми своими неусыпными в пользу народа попечениями, учреждением Сена- та, дарованием прав сему верховному судилищу явил равномерно истинный дух законодательства; и Россия с сей толико славной для нее эпохи, получив опреде- ленный род правления, поступила в число монархиче- ских европейских держав. Гений сего премудрого государя, не могший терпеть никаких ограничений, ни- какой постепенности в образовании толь многослож- ных государственных отраслей, но желая вдруг обра- зовать Россию во всем ее пространстве, желая при

жизни своей увидеть оную в цветущем состоянии, предпринимал для сего нередко такие меры, которые не только не произвели желанных успехов, но впоследствии показали даже в некоторых случаях совсем тому противное. Ежели бы Петр Великий соответственно проникательности и дальновидности своей имел способных исполнителей, то, без всякого сомнения, ежели не целым, то по крайней мере половиною века ускорил бы он успехи в тех предметах, на которые простирал свои виды. Но как в таковых людях имел он великий недостаток и должен был сам образовывать их, то посему и к цели, им предполагаемой, доходил медленно и с чрезвычайными усилиями. Мысль, которая сделалась почти общею, поселилась, к несчастью, в головы великих людей, и которая даже на самого преобразователя России простерла свое владычество; мысль, чтобы *невежественным народом управлять страхом и жестокими законами*, есть сколько несправедлива, столько и противна природе. Ибо всякий народ, в невежество погруженный, означает еще свое младенчество, то есть в таком находится возрасте, в котором каждый гражданин, особенно приемлемый, далече отстоя от опытов, не зная ни прямых отношений, связующих его с прочими гражданами, ни настоящих обязанностей в рассуждении власти, им управляющей, по сему печальному своему неведению при каждом шаге подвержен бывает заблуждениям, которые, по справедливости судя, не наказания, но более исправления требуют. Возмужалый невежда подобен сильному младенцу, который, следуя безрассудному внушению своих желаний, стремится равно как к доброму, так и худому. Ежели мы видим человека, вредящего самому себе, предпочитающего зло добру, то должны заключить, что он обманывается, что воображение его заблуждает, что страсти его увлекают в оное. Ежели видим его отказывающегося от удовольствия, которым бы он воспользоваться мог, то, конечно, [он] делает сие с тем, что имеет в виду удовольствие гораздо большее, продолжительнейшее или отдаленное счастье, которое он посредством таковых своих лишений или даже чрез кратковременное терпение получить надеется. Чело-

век ни на одну минуту в жизни своей не может, так сказать, отделиться от самого себя; все, на что он ни покушается, что ни предпринимает, что ни делает,— все то имеет предметом доставление себе какого-нибудь блага или избежание несчастья. Естьли мы видим его плачущего над урной своей супруги, своих детей, своего друга, необходимых для его сердца, то видим его самого себя оплакивающего. Не хладный и нечувствительный прах исторгает слезы наши и наше сожаление, но удовольствие и благополучие, коих видим себя лишенными; сие-то мучительное чувство лишения иногда чувствительного человека ввергает во гроб. Следовательно, во всех своих мыслях, страстях, деяниях чае человек по мере своего просвещения находить свое счастье; и потому все искусство законодателя, предпринимающего начертать законы для народа, в невежестве пребывающего, должно состоять в том, чтобы частные страсти направить к единой цели, общее добро заключающей, и к коей не строгостию наказаний, удобных произвесть в душах большее только ожесточение, но чрез *просвещение* можно довести людей. Итак, рассмотрим, что такое есть *просвещение*?

Из всех политических предметов ни один столько не занимает философов, как сей. Сколько издано книг о народном просвещении! Каждый философ не упустил в свою чреду соорудить систему и предложить оную свету как самую удобнейшую, по крайншей мере по его мнению. И поистине, предмет сей по своей важности заслуживает величайшего внимания, особливо со стороны такого государя, которому самые обстоятельства споспешествуют в желаниях для образования народов, ему подвластных.

Просвещение, в настоящем смысле приемлемое, состоит в том, когда каждый член общества, в каком бы звании ни находился, совершенно знает и исполняет свои должности, то есть когда начальство с своей стороны свято исполняет обязанности вверенной оному власти, а нижнего разряда люди ненарушимо исполняют обязанности своего повиновения. Естьли сии два состояния не переступают своих мер, сохраняя должное в отношениях своих равновесие, тогда просвещение

достигло желаемой цели. Есть люди, которые о просвещении народов заключают по числу их сочинителей; то есть там, где больше находится сочинителей, там более и просвещения. По мнению сих людей, Франция должна бы почестся наипросвещеннейшею страню в свете, потому что она обильнее всех прочих своими писателями. Но сколь при всей ее блистательной учености далеко еще отстоит она от истинного образования. Ибо там, где царствует просвещение, там спокойствие и блаженство суть уделом каждого гражданина. Но доколе власть во зло употребляет доверенность, обществом ей делаемую, доколе подчиненность не перестает выходить из своих пределов и доколе равновесие гражданственных взаимностей теряется, дотоле та страна, хотя бы она состояла вся из ученых и философов, едва ли счастливое той, которая покрыта мраком невежества.

Франция, совершив ужасный переворот своего преобразования, терзая собственную свою утробу и алкая повсеместно крови, вместо того чтобы возвратить нужные силы государству, по словам ее в долговременном изнурении находившемся, вместо того чтобы укрепить его и дать всему твердое основание, призвала к себе на помощь мнимых мудрецов своих, которые, явясь в лице законодателей или, вернее сказать, истребителей, мгновенно разрушив все прежде бывшие государственные постановления, на сих печальных развалинах положили основание зданию своей толико ужасной по действию и соблазнительной по правилам конституции; но опыт показал, сколь основание сие было худо, сколь легко было оное испровергнуть, ибо жребий их отечества находится уже в руках иноземца³.

Законодательный французский совет при сочинении сей своей конституции, представленной им народу 24 июня 1793 года, совсем отдалился от настоящего предмета. Может быть, некоторые скажут мне, что сие не могло быть иначе и что в таковых обстоятельствах обыкновенно бывают таковые последствия. Разумею, они хотят сим сказать мне, что вся революция предпринята была для Бонапарте, чтобы возвести его на бурбонский престол, поднести ему титул императора и

вручить гораздо большую власть, нежели каковую пользоваться некогда могли короли французские. Согласен я, что Франция ничего не упустила сделать для славы первого консула; что ж сделала она для собственной своей славы, того я не вижу.

Но как настоящее положение Франции есть последствие ее революционной конституции, которая, возжегши пламень раздоров в самом сердце Франции, бросала пагубные искры свои даже в пределах других держав, то посему бесполезно будет рассмотреть, каким образом сословие мужей, известных своею учестностью и просвещением, могло толь несообразное положить основание законам, на которых должны покониться общая безопасность и счастье.

Сия их конституция заключает в себе более метафизических рассуждений, нежели простых, вразумительных истин. И потому не удивительно, что народ не мог разуместь оной, послику она превышала его понятия. Сумнительно, чтобы и сами законодатели хорошо разумели оную, когда основанием сей конституции приняли, во-первых, *права человека*, потом *вольность*, потом *равенство* и, наконец, *собственность*, как бы из сих прав уж истекающую. Какое разительное противоречие! Какая нелепость даже в самом основании законов! Сии законодатели метафизики, желая из естественного источника почерпнуть законы, почерпнули оные из своего воображения.

Права человека согласуются ли сколько-нибудь с *правами гражданина* и какие *права* может иметь *естественный человек*, который только умственно разумеет быть может. Дикий, или естественный, человек, живя сам собою, без всякого отношения к другим, руководствуется одними только *естественными побуждениями или нуждами*, им самим удовлетворяемыми. Доколе пребывает он в сем состоянии, доколе ничем не отличается от прочих животных. Следовательно, естественный человек, имея одни только *нужды*, не может никаких иметь *прав*, ибо самое слово сие означает уже следствие некоторых отношений, некоторых условий, некоторых пожертвований, в замену коих получается сей общий залог частного благосостояния. Человек, из

недр природы в недра общества прешедший, с сей только минуты начал познавать *права*, *дотоле ему неизвестные* и которые столько различествуют от *первоначальных нужд* его, сколько он сам различествует от *гражданина*. Всякий человек может сделаться гражданином, но гражданин не может уже сделаться человеком. Переход первого из дикого состояния в общество согласен с целию природы, переход же другого из общества к дикости был бы противен оной. Естественный человек во всякую минуту жизни своей стремится к своему сохранению, и чувство сие ни на минуту его не покидает. Напротив того, истинный гражданин на всякое мгновение готов пожертвовать собою и не столько печется о своем сохранении, сколько о сохранении своего отечества.

Из чего ясно видеть можно, сколь *мнимые права человека* противоположны *правам гражданина*. Сколь система, стремящаяся к распространению таковых прав, ведет к погибели, поселяет дух раздоров, возжигает всеобщий пожар и, потрясая самое основание царств, столько веков создававшихся, наконец оные испровергает.

От семени сего первого их закона должно было непременно произрасти *древу вольности*, коего очаровательные по наружности своей плоды, заключая в себе сокровенный яд, который, силою своею побеждая силу рассудка, воспламеня воображение, производит то бешенство и неистовство, в каковых только Франция могла дать примеры, долженствующие в летописях мира изображены быть кровавыми чертами.

Такой ли свет должны были законодатели сии пролить на те законы, от которых зависело не только блаженство настоящего, но и будущих поколений! Думая превзойти самую природу, казавшуюся для них уже слишком простою, они вопреки рассудку хотели в том настоять, что сим мечтательным путем своим достигнут народного счастья, ими предполагаемого. Но нет, сей избранный ими путь есть страшная бездна, которая не престанет поглощать народы и который никогда не доведет до дверей храма, где царствует истина, отвергающая таковые законы.

Мысль их о *вольности* не есть ли совершенно метафизическая мысль? * Принявши худо понимаемую ими природу человека за основание коренных своих постановлений, они, однако ж, не перестают в прочих отношениях своих давать себе названия граждан, налагающие на них, без сомнения, гораздо большие обязанности, нежели *мнимые их права человека*, подающие только повод к мятежам и междоусобиям.

Естьли бы они с большим вниманием исследовали человеческую природу, то увидели бы, что *вольность*, сей обоготворяемый ими кумир, есть не иное что, как призрак воспаленного их воображения, и которая никогда не была уделом человека, в каком бы состоянии он ни находился. Естьли преследуем человека во глубину дремучих лесов и из сего ужасного жилища выведем его на сцену общественной жизни, то найдем, что он в обоих сих случаях не может иметь той вольности, которую они предполагали, поелику в первом совершенно зависит он от естественных своих нужд, а во втором — от общественных законов.

Естьли человек, в диком состоянии пребывающий, мучимый голодом, покушается на отнятие пищи у другого, то, конечно, делает сие *поневоле* по чувству, движущему его к своему сохранению, по побуждению своих нужд, и сила в сем случае есть не иное что, как орудие, данное природою для удовлетворения оных. Когда бы человек вовсе не имел нужд, то не имел бы надобности и в силе, которая дотоле пребывает в бездействии, доколе чувства молчат, в противном случае вместе с оными пробуждается. И потому состояние дикости не есть, как многие философы определяют, *право сильного*, но *нужда сильного*, ибо право, как я выше сего уже показал, не может быть совместно с состоянием дикого человека и которое ничем не отличалось бы от прав медведя, волка и прочих животных, силою естественных побуждений управляемых.

Равным образом человек, вступая в общество, принимая название гражданина, перерождается, так сказать,

* Смотри Article 6. Constitutions des principaux états de l'Europe, et des états-unis de l'Amérique; том пятый, сочинение славного писателя De la Croix ⁴, страница 329.

и получает новое бытие. Увидя себя в круге подобных ему людей, имеющих одинакие с ним желания, чувства, потребности и страсти, при каждом шаге начал познавать их на себя влияние, свои к оным отношения, чувствовать, что счастье его от оных нераздельно; и сия-то нужда, которую начал находить он в них, показав ему, что и прочие равную в нем для благосостояния своего имеют нужду, открыла ему все пространство его должностей. Сии должности произвели законы, законы наложили на него узы зависимости, и человек в круге общежития, между людей сделался еще *менее волен*, нежели как он был в первобытном своем состоянии.

Но сего не довольно. Сии законодатели, дабы явить конституцию свою во всем ее совершенстве, включили еще в основание оной *равенство*, стоющее им столько крови и уничтожающее всякое право *собственности*. Вот поистине достойный плод насажденного ими древа вольности! Дух безначалия, перемешавший все гражданственные состояния, вооруживший развращенное гунеедство противу добродетели, леность противу трудолюбия, своевольство противу порядка, поправший священные права собственности и, наконец, заглушивший чувствования сердца, восстал против самого бога, опровергнув святыне олтари и храмы, воздвигнутые на прославление его величия и в которых несчастный находил единственную свою отраду.

Откуда призвали они сие *равенство*, сие исчадие раздоров? * Я не нахожу одного ни в истории протекших веков, ни в недрах природы. Какой счастливейший народ, по их мнению, управлялся безначалием? Когда природа во младенчестве человеческих обществ являла примеры сего равенства, которое упоевало их души? Нет, если бы они хотели последовать природе, то, конечно, узнали бы, что не сие гибельное их равенство, но что *неравенство* сил человеческих соединило и сохраняет людей. По сей-то причине самые бессильные соединились между собою для защищения своего от

* Смотри Article 3. De l'Acte constitutionnel; том 5, страниц 323, сочин. De la Croix.

нападения сильных и соглашением частных сил своих составили общую силу, или, что все равно, закон, долженствовавший сохранять общее в оных равновесие и предупреждать всякое в оных злоупотребление. Следовательно, от *неравенства сил человеческих* произошли общества, от обществ произошли законы, от законов стали зависеть гражданственное благосостояние и твердость.

Сих исследований, кажется, довольно, чтоб увидать, сколь система такого рода пагубна, противусловна, отдалена от истинного просвещения, от прямой цели, долженствующей заключать в себе *величайшее блаженство величайшего числа людей**. Сии исследования почитал я тем более необходимыми, поелику они касаются до весьма важных предметов как в рассуждении законодателей, так и народов. Первые могут усмотреть из оных, сколь глубокой требуют рассматрительности все вводимые вновь постановления, сколь нужно сообразоваться с духом народа и щадить его предрассудки. Народы же с своей стороны познают, сколь бедственны такого рода правления, что, сколь ни великолены права, из которых составлена была революционная конституция Франции, со всем тем, как опыт подтвердил, никто в существе самом не пользовался оными, что призрак вольности и равенства, за которым гонялись французы, вовлекая их в бездну несчастий, исчез, и, наконец, уверяется, что все состояния, начиная от земледельца до монарха, необходимо нужны, поелику каждое из оных есть не иное что, как звено, государственную цепь составляющее. Сей общественный узел рассекать опасно; напротив того, всеми мерами стараться надобно сохранять опыты. И потому от мудрости законодателя зависеть уже будет каждому из сих состояний внушить нужду взаимной зависимости, положить каждому из оных пределы, из которых выходить было бы ужасно, определить каждому состоянию его права, предписать его обязанности и уметь употребить средства для предупреждения злоупотреб-

* Таковую цель, говорит Беккарий, должны непременно иметь все законы. *Рассуждение о преступлении и наказании*].

лений, на которые неблагонамерение и эгоизм покушаться могут. Из чего следует, что когда общество для сохранения своего в неравенстве состояний имеет нужду, то требуется ли, чтобы каждое из оных имело одинаковую степень просвещения, или нет? Вот что предлежит к разрешению.

Россия, по свойству своего правления будучи монархическою державою, по сей самой причине имеет тем большую надобность в неравенстве состояний, поелику оное служит твердейшею для нее подпорою. Итак, естьли неравенство состояний столь великую заключает в себе важность для государства, то из сего следует, что каждое гражданственное сословие должно непременно составлено быть из мужей истинно достойных, опытных и благонамеренных, известных обществу сколько по доброхотству своему, столько по способностям и усердию. В противном случае круг гражданственных *должностей*, лишен будучи *надлежащих сил* для приведения оного в движение, при каждом разе будет останавливаться, будет получать сильные потрясения, и наконец участь целого общества должна будет зависеть уже от случая. Вот почему раздача государственных должностей производиться должна со всевозможною осторожностью. Опыт слишком научает нас, что всякое в сем случае лицепрятие хотя и доставляет некоторые частные выгоды, но зато наносит величайший вред целому обществу. Чрез сие-то самое рождается неуважение к гражданственным сословиям, долженствующим быть почитаемыми, и хотя неуважение сие явно не обнаруживается, но таится во глубине сердец, со всем тем не перестает оно приводить за собою презрение, а сие нередко и самую ненависть. Вот пожар, кроющийся под шеплом! Вот отчего *неравенство состояний* становится несносным, тягостным бременем, возмущает умы и нередко разрывает общественный узел.

Сколь ни многообразны государственные постановления, со всем тем все оные стремятся к сему только единственному предмету, то есть к *сохранению собственности и личной безопасности гражданина*. Нет человека (сколь бы он, впрочем, жесток и несправед-

лив ни был), который бы не признался и в сердце своем не был уверен, что собственность есть основание правосудия, источник всех гражданских законов, душа общежития и что она сохраняется по мере личной безопасности гражданина. К чему служат старание, труды к приобретению имения там, где и жизнь и смерть каждого определяются по жребию; там, где одной неистовой воли какого-нибудь паши довольно, чтоб испровергнуть счастье и лишить имущества многих честных граждан? Там всё, покрыто будучи неизвестностию, не только истребляет лучшие способности, погашает благотворный дух трудолюбия и промышленности, но даже, унижая самое достоинство человека, держит людей как бы во мраке темниц, где слышны одни только жалостные стоны несчастных и раздаются звуки тяжелых цепей их. Владычество насильства и невежества не терпит никаких прав: там всякий или тиран, или жертва. Турция служит очевидным сему доказательством. Насильство и невежество, составляя характер ее правления, не имея ничего для себя священного, губят взаимно граждан, не разбирая жертв, отчего нередко участь султана и участь последнего нищего равно бывает подвержена как бешенству первого, так и своенравию другого. В таком несчастном состоянии обыкновенно пресмыкаются народы и правители, когда темная ночь невежества лежит на очах рассудка и луч просвещения не разрывает оных. Когда гений не смеет распростерть крыльев своих, чтобы быстрым, свойственным ему полетом вознестись до селения истины. Когда вместо единодушия, вместо общей доверенности, долженствующей скреплять связь гражданской жизни, несогласие, недоверчивость и страх разделяют людей между собою. Просвещенный патриот пожалеет о участи таковых народов и в сердце своем скажет: юности, благополучны не только страны, где власть правительства, основывая на благоразумных, человеколюбивых и с целью гражданских обществ согласных правилах, главнейшим для себя поставляет законом, что, чем более гражданин уверен в своей безопасности и собственности, тем становится он рачительнее, деятельнее, счастливее, следовательно, полез-

нее и преданнее своему государству. Тогда-то *любовь к отечеству* есть тот алмазный щит, против коего ни устремленные громы врагов, ни коварные замыслы злодеев, ни бури мятежей устоять не могут. Тогда, возжегши души граждан, движет их к тем великим и чудным делам, которым, читая историю, дивимся мы и восхищаемся. Нет страсти, которая бы более ее возвышала душевные способности, была обильнее в добродетелях, в пожертвованиях, в великих примерах. Чрез нее государство соделывается страшным извне и благоденствует внутри. Искусства, художества, науки получают свои храмы. Законы находят в ней вернейшую свою стражу, престолы монархов — твердейшую свою podporу. Итак, если *любовь к отечеству*, сия столь спасительная для общества страсть, питается и укрепляется мудростию законов, охраняющих собственность и личную безопасность гражданина, то всякое просвещенное правительство сколько возможно стараться должно возбуждать оную в сердцах граждан и иметь в виду не благоденствие только некоторого числа, но всех людей без изъятия, ибо благополучие государства познается не по блеску дворов, не по великолепию придворных и беспредельной власти дворян, но по доброте правления и по состоянию народа. Собственность! священное право! душа общежития! источник законов! мать изобилия и удовольствий! Где ты уважена, где ты неприкосновенна — там только благословенна страна, там только спокоен и благополучен гражданин. Но ты бежишь от звука цепей! Ты чуждаешься невольников. Права твои не могут существовать ни в рабстве, ни в безначалии, поелику ты обитаешь только в царстве законов. Собственность! Где нет тебя, там не может быть и правосудия.

Каким же непонятным образом держится общественное здание там, где не имеет оно надлежащего основания, там, где права собственности попранны, где правосудие известно по одному только названию и где оное более приобретает посредством денег или покровительств, нежели исполняется как закон? Там все покрыто неизвестностию, все зависит единственно от случая. Одно мгновение — и общественного здания не

станет. Одно мгновение — и развалины оного возвестят о бедствиях народных.

Россия! К тебе стремятся все мои мысли, все мои желания! Дрожащее отечество! Каким приятнейшим чувствованием наполняется сердце, обращаясь к тебе! Какие восхитительные мысли обширность твоя рождает в воображении, тебя созерцающем! Твой скипетр объемлет полсвета, многочисленные народы тебе покорствуют, в недрах твоих заключаются все сокровища природы. Благословенная Россия! Слава твоя гремит посреди твоих трофеев, меч твой страшен для врагов твоих. Екатерина, плененная твоим героизмом, стремилась толико превознести тебя! Она достигла цели своей. Лавровый лес шумит вокруг тебя. Но военные бури умолкли, ангел мира принял скипетр, и сладкая тишина, сопровождаемая радостью и счастьем, оживотворяет днесь сердца твоих детей. Любезное отечество! И Александр готовит тебе славу, славу истинную, достойную сего добродетельного монарха. Он желает твоего образования, он желает расширить сферу моральных твоих способностей, он желает, да под сению лавров и оливы процветают науки и художества, да разум, сей небесный дар, воспламененный любовью к отечеству, сею первейшею добродетелию гражданина, без трепета, со всею свободою стремясь к общему добру, начертывает чертежи народного блаженства. Прияв таланты под высокий покров свой, он ободряет их своим вниманием, призывает всех к добродетели, подавая в оной собою пример. И наконец, желая поселить нравы *истинным просвещением*, составляющим основание, блаженство и могущество царств, он намерен дать полный блеск славе, приобретенной тобою посредством твоего оружия.

Какой россиянин, видя таковые попечения своего монарха, видя таковое стремление его к добру, такую любовь его к отечеству, не тронется до глубины сердца и не воспламенится жаром усердия ко всему тому, что только ни предназначает его гений. Когда пример добродетелей блистает на престоле, тогда производимые оным впечатления гораздо сильнее самого закона, ибо закон действует только в то время, когда вос-

требует того случай; пример же, будучи беспрестанно в глазах наших, служит непрерывным для нас уроком и возбуждает чувства к последованию оному. Люди с стремлением подражают всегда тем, которых почитают они для счастья своего необходимыми. Но кто же может более иметь влияния на общее благоденствие, как не государь? И потому вести людей к добродетели посредством примера в оной верховной власти есть, без сомнения, самый надежнейший и вернейший способ.

Россия заключает в себе четыре рода состояний. Первое *земледельческое*, второе *мещанское*, третье *дворянское* и четвертое *духовное*. Из сих четырех состояний одно только земледельческое является в страдательном лице, поелику сверх государственных повинностей, коим оно подлежит и непременно подлежать должно, потому что все требуемое от земледельца для пользы государства есть сколько необходимо, столько и справедливо. Всякое же другое требование есть уже зло, для отвращения коего нужно законодателю употребить всю свою деятельность. Как можно, чтобы участь толико полезнейшего сословия граждан, от которых зависит могущество и богатство государства, состояла в неограниченной власти некоторого числа людей, которые, позабыв в них подобных себе человек, человек, их питающих и даже прихотям их удовлетворяющих, поступают с ними иногда хуже, нежели с скотами, им принадлежащими. Ужасная мысль! Как согласить тебя с целию гражданских обществ, как согласить тебя с правосудием, долженствующим служить оным основанием? Великая Екатерина не могла не чувствовать нужды в исправлении сего злоупотребления, когда в премудром Наказе своем, глубоких чувствований человечества исполнением, требовала *, дабы «избегать случаев, чтоб не приводить людей в неволю (божественные слова!), разве крайняя необходимость к учинению того привлечет, и то не для *собственной корысти*, но для *пользы государственной*; однако же,—говорит она,— и *то едва* не весьма ли редко бывает.

* Глава XI, § 253, стран. 97.

Законы,— продолжает она,— могут учредить нечто полезное для собственного рабов имущества» *

Также *«весьма бы нужно было,— говорит она,— предписать помещикам законом, чтоб они с большим рассмотрением располагали свои поборы»* и проч. **

Потом присовокупляет, что *«земледельцы не могут процветать там, где никто не имеет ничего собственного»* ***.

Вот черты, достойные чувствительного сердца премудрой законодательницы! Вот истинное основание для здания гражданственного! *Где нет собственности*, там, конечно, не может быть и сей животворной деятельности, сей души общественного тела. *Где нет собственности*, там все постановления существуют только на одной бумаге. *Где нет собственности*, там круг общественных деяний едва движется, там все имеет вид изнеможенный, печальный, мертвенный и, следовательно, несчастный. Наконец, там, *где нет собственности*, где никто не может безопасно наслаждаться плодами своих трудов, там самая причина соединения людей истреблена, там узел, долженствующий скреплять общество, уже разорван и будущее, истекая из настоящего положения вещей, знаменует черную тучу, страшную бурю в себе заключающую.

Итак, самый важнейший предмет, долженствующий теперь занимать законодателя, есть тот, *чтобы предписать законы, могущие определить собственность земледельческого состояния, могущие защитить оную от насилий,— словом, сделать оную неприкосновенною*. Когда таковые законы получают свое бытие, тогда только наступит настоящее время для внушения сему состоянию его *прав*, его *обязанностей*. Тогда только с успехом внушать ему можно будет пользы, от трудолюбия проистекающие; тогда только надежным образом можно будет привязать земледельцев к земле как к источнику их удовольствий и благосостояния. Тогда только с уверительностью приступить можно к их образованию, открыть им путь к истинному просвещению,

* Глава XI, § 261, стран. 98.

** Глава XII, § 270, стран. 101.

*** Глава XIII, § 295, стран. 110.

долженствующему пролить на них целебный и благотворный свет свой, который не будет уже противоречить, но будет соответствовать пользам, от одного ожидаемым.

«Есть страны,— говорит великая Екатерина,— где во всяком погосте есть книги, правительством изданные, о земледелии, из которых каждый крестьянин может в своих недоумениях пользоваться наставлениями» *.

Благополучные страны! Почто не могу я сказать того же и о моем отечестве? Нет, Россия не в том еще находится положении. Ибо там, где правительство печется о наставлении земледельцев в ремесле их,— там, конечно, пеклось оно прежде об *утверждении их собственности*. «Сие основано на правиле весьма простом,— говорит сия премудрая монархиня,— ибо всякий человек имеет более попечения о своем собственном, нежели о том, что другому принадлежит, и никакого не прилагает старания о том, в чем опасаться может, что другой у него отнимет» **.

Но как нет ничего невозможного для такого государя, который, горя желанием добра, неусыпно ищет о распространении одного, для такого государя, который одними великими своими намерениями уже списал себе бессмертие. Нет, для Александра не может быть ничего невозможного. Сердце, которое бьется только для блага отечества, коего добродетельные свойства изображает манифест от марта 5 числа 1803 года⁵ о позволении крестьянам откупаться от своих помещиков, конечно, найдет способы и к искоренению злоупотреблений власти помещиков над их крестьянами, и к утверждению и охранению собственности сих последних. На сей конец за необходимое почитаю объяснить, что такое разумею я под *собственностью* и под *правами на сию их собственность*.

Соображаясь с настоящим положением вещей, рассудок, опыт, собственные наши законы и государственные постановления будут моими в сем случае руководителями.

* Наказ, глава XIII, § 302, стран. 111.

** Наказ, глава XIII, § 296, стран. 110.

«Прежде завоевания царств Казанского и Астраханского, — говорит г. Болтин,⁶ — крестьяне в России были все вольные и могли переходить с места на место по своему желанию. Подати они платили тогда не с душ, не с дворов, не с имения, а с пашни; имеющий во владении больше земли платил больше и сам более приобретал; ленивец, обрабатывая меньше земли, меньше платил, меньше имел выгод и меньше мог удовлетворять свои прихоти. Земли принадлежали или короне, или дворянству; поселившиеся на них должны были платить государю по установлению, а владельцу по условию.

Не мог помещик от крестьян своих требовать или взыскивать ничего сверх условного или законом предписанного, или обычаям установленного, если не желал остаться без крестьян и без дохода. А дабы от безвременных переходов крестьян с места на место не было в сборе государственных податей недомыслия и замешательства и в помещичьих работах остановки, узаконен был один срок в году, а именно в осень, о Юрьеве дне, для перехода их на другое место; предписаны были правила, как им переходить и что помещику пожилого за двор платить.

Холопы были также вольные люди и служили по *кабале* и по *летней*; а рабами были только пленники и дети их; а как и сии также под одним названием с первыми заключались, то в отличие одних от других первые назывались *кабальными*, то есть служащими по обязательству, а последние — *старинными*, или *полными*, холопами, то есть родовыми, или крепостными. В состояние первых входили добровольно из вольных людей, как-то: из чужестранцев, из мещан, из детей боярских и других чиновостояний, кроме крестьян, и, договорясь о плате, давали на себя записи, чтоб им служить до смерти того, кому они запись дали, или на несколько лет: первая называлась *кабала*, а последняя — *летняя*. Полного, или родового, холопа мог помещик продать, подарить и в приданое за дочерью отдать; а кабальной холоп был крепок только тому, к кому он в холопство добровольно обязался, по смерти ж его паки становился свободен.

Чтоб истребить бродяг, тунеядцев и не желающих быть полезными членами отечеству, запрещено было помещикам брать вольных людей к себе в услужение без обязательства письменного и в судебном месте засвидетельствованного; в противном случае ни в чем суда на таких людей помещикам давать было не веле-но, хотя бы такой человек, обокрав его, бежал: *не держи без кабалы*.

Разумели тогда, что вольность не на иной конец человеку дана, чтоб употреблять ее во 'благое и полезное отечеству и себе, что, промышляя о собственном благосостоянии, не должно забывать и того, чем каждый отечеству своему обязан. Тем, кои долг сей забывали, напоминал закон; повиноваться же сему заставляла нужда. Вольный человек не мог иметь пропитания, не причисля себя к какому-либо государственному сословию; а вошед в которое-нибудь из них, должен был подчинить себя и повиновениям того общества, которого восприим звание и учинился членом. Всякое чиновосостояние обязано было особенною должностию, службою, повинностию государству и своей собратии; праздные люди, тунеядцы ни в котором терпимы не были.

Помещики, не довольны будучи сказанною властию над кабальными холопами, стали их сравнивать с полными холопами; но они, не хотя дать себя поработить, воспротивились такому помещиков своих притязанию и, собравшись, подали царю Василию Ивановичу Шуйскому челобитную, жалуюсь на притеснение вольности их от помещиков. Царь Василий Иванович указом повелел, чтоб пленным только быть рабами, а холопам служить по-прежнему — по кабале и по летной. В сем состоянии оставались холопы до подушной переписи, в коей они в равной оклад положены с крестьянами, как сказано будет ниже.

Паки обращуся к первой моей речи о крестьянах: как запрещен стал быть им переход с места на место, тогда всяк должен был остаться на том месте, где был поселен вечно, дети и потомки его. Поселенные на землях помещичьих стали быть крепки помещикам не сами по себе, как холопы, но по земле, не имея воли ее

оставить. Запрещение перехода обратили владельцы в свою пользу и распространили власть свою над крестьянами; стали принуждать их к платежу большего оброка и требовать от них работ излишних. Крестьяне, будучи связаны, не смели им отказать ни в том ни в другом, чтоб не почтено было то за послушание, противность, бунт; понеже закон, отнявший у них волю перехода, не предписывал меры работ их и повинностей. Недоразумение пределов помещичьей власти и крестьянского повиновения произвело вначале многие споры, жалобы, возмущения; но помещики, будучи умнее и богаче, умели растолковать закон в свою пользу и сделать крестьян виноватыми. Однако же ниже в сие время имели помещики власть крестьян своих и кабальных холопей продавать, как скот, и пересаживать, как деревья, с места на место. Закон, воспрещающий делать крестьян холопами, чинить сие воспрещал. Одним только сим различались крестьяне от рабов, что степению были выше скота и деревьев. Долго существовало сие различие, полагающее некоторого рода границы помещичьей власти над крестьянами и сих преимущество над полными холопами. Крестьяне продавались, закладывались, в приданое отдавались, в последние детям оставлялись (разумея отчины) не иначе как с землею; не смели еще отделять их от земли и продавать поодиночке. Над поместными крестьянами власть помещиков была еще меньше; сих ни продать, ни заложить было не можно, понеже поместья даваны были вместо жалованья по смерти, а не потомственно и в собственность. Первый повод к продаже поодиночке подал владельцам набор рекрут с числа дворов⁷, показал тем дорогу, что можно их отделять от земли и от семейств поодиночке. Указ, сравнивший поместья с отчинами⁸, и вскоре потом последовавшая подушная перепись, которую и холопы без различия кабальных от полных поверстаны в одинакой оклад с крестьянами, утвердили владельческое притязание присвоить над теми и другими одинакое властительство право. После сего стали холопей превращать в крестьян, а крестьян — в холопей, отделять их от семейств и, наконец, продавать на вывод семьями и поодиночке. С того вр-

мени стали быть помещики таковыми ж властителями над имением и жизнью крестьян и холопей своих, каковыми по древнему закону были только над одними пленными. Нет закона, делающего лично крестьян помещикам крепостными; обычай, мало-помалу введенный, обращать их в дворовых людей прямо в противность уложенной статьи⁹ о сем и под названием дворовых продавать их поодиночке сначала был терпим, послабляем, превратно толкуем, обратился наконец чрез долгоевременное употребление в закон.

...Как крестьянин без помещика, так вольный человек без собственности быть не может. Собственность есть принадлежность свободы, так как подчинение есть относительность ко власти, к начальству. Хотя старинные наши крестьяне были и свободны, однако ж помещиков имели. Вольны они были по состоянию, а крестьянами назывались по чиносостоянию, по званию своему. По праву свободы своей могли переходить с места на место, а по долгу звания своего обязаны были подчинением, повинностию, платежом некоторого оброка тому, на чьей земле они сидели. Земли все были и суть государственные или владельческие: поселенным на государственной земле помещик есть государь. Не было таких земель, на которых бы поселенные исключены были от платежа подати поземельной. Крестьяне по праву вольности имели собственность такого ж рода, каковую имеют ныне государственные крестьяне; она состоит в движимом имении, в котором они полную и независимую ни от кого власть имеют. Заплата законом постановленное, все приобретаемое трудами их оставалось в приращение их собственности. Земля была собственностью владельческою; а плоды трудов и промыслов — собственностью крестьянскою. Собственность и того и другого охраняема была законом: крестьянин не мог отойти прежде положенного срока и не заплатя предписанного законом за пожилое и владенное; а помещик не мог ни лишнего с него взять, ни удержать у себя против воли. Довольно сказанного в показание, что старинные русские крестьяне, будучи вольными, имели владельцев и имели собственность, не имев земли; помещики владели крестьянами, не имев

власти учинить их невольниками, получали с них оброки, не могли их грабить.

...*Крестьянин* и *холоп* были тогда два чиносостояния, различные одно от другого во всех их относительностях; некоторые из них после уничтожались, а прочие и поныне существуют. В старину главное различие между холопов и крестьян состояло в том, что первые были невольники (разумея полных холопей) и податей никаких не платили. Различия, существующие поднесь, суть: дворовые люди дворов не имеют, в земледелии и промыслах не упражняются, живут неотлучно при своих господах, исправляют всякие их работы, должности, дела, питаются, одеваются, содержатся от помещика.

...Под названием численных людей не холопы, а крестьяне разумелись. Завели числение делать татары. Баскаки их, всех тех, кои жили домами, имели земли, промыслы, доходы, переписав, обложили податью и по причине сего их исчисления и податью обложения стали называть их *численными людьми*. Не имеющие домов, промыслов, собственности, каковы суть рабы, в перепись сию не входили, никаких податей не платили и о числе их было неизвестно, следовательно, и *численными* называться не могли. Ходили на войну с помещиками холопы их токмо для охранения их и услуги им; а с численных людей, то есть с крестьян, брали в службу со ста дворов по человеку в полном доспехе, на их жалованье и содержании. По причине вольного крестьян с места на место перехода должно было делать перепись им ежегодно. По переписным книгам известно было, сколько в котором уезде крестьян, следовательно, известно было и сколько с которого уезда должно выйти людей на службу, которые и собирались на сборное место в срок по наряду. Дворяне все без исключения должны были выходить на службу, и который на срок не явится, тех в списках писали в *нетях*, а после за то лишали их поместьев. Сколько должно было иметь помещику при себе холопей, о сем узаконения не было; каждый брал с собою столько, сколько мог или сколько хотел, зависело сие от их достатка и воли. Холопы наши на войне при своих помещиках ту же отправляли

должность, что при древних рыцарях их щитоносцы — ёссуеу'ы. У бояр должность сию отправляли их знакомцы и дети боярские; первые обыкновенно были дворяне, а последние — вольные люди, между коих были также и беспоместные дворяне и князья».

Не ясно ли из сего всякий видеть может, сколь государственные постановления, существовавшие во времена предков наших, по сему предмету были превосходны. Как ценили они человечество, как защищали собственность и охраняли безопасность гражданина, как холоп, крестьянин, владелец уравнины были в законе, как наблюдаемы были права каждого из них, как закон поддерживал равновесие во взаимных обязанностях сих сословий и, наконец, как сохранялся порядок во всех частях. Прекраснейшие постановления! Вы изменились со временами, вам последовали другие, кои не токмо не приносят чести просвещенному нашему веку, но унижают человечество. Ужели предосудительно будет обратиться к первоначальному источнику и почерпнуть из него законы, которые некогда составляли блаженство русского народа и которых он теперь лишен? В России государь есть законодатель; он все может, чего ни пожелает; и какой монарх находил препятствия к соделанию добра? Снять оковы с народа, возвратить людей человечеству, граждан государству есть такое благодеяние, которое делает царей бессмертными, уподобляет их божеству и налагает дань благодарности на потомство, которое в замену их тронов воздвигает им жертвенники.

Ежели мы состояние крестьян настоящих сравним с состоянием наших старинных, то какое разительное между ними найдем различие! Те были вольные, а наши — рабы; те имели собственность, а наши не имеют оной, потому что закон ее не охраняет; те имели права свои, а наши лишены их. Согласен я, что состояние некоторых из них, принадлежащих добросовестным и справедливостям любящим владельцам, не так худо; что они довольны судьбою своею в сравнении себя с другими, забывают свою неволю и благословляют своих помещиков. Но зато какое множество есть таких, которые находятся в самом бедственном состоянии, в

отчаянии влачат дни свои и проклинают жизнь свою и своих господ. <Исправить сие зло и возвратить земледельцу его достоинство состоит во власти правительства. Владельцы! позвольте мне спросить вас: справедливо ли предавать труды, попечения, судьбу крестьян ужасной неизвестности, повсеминутному страху лишения своих приобретений? Скажите, не для того ли мы живем в обществе, чтоб друг другу доставлять взаимную помощь, взаимную безопасность, взаимный покой и счастье? Взгляните на себя — вы увидите, что они такие же люди, как и вы; и когда вы ропщете против оказываемой вам несправедливости, когда вы готовы мстить покусившемуся на вашу собственность и когда плоды трудов ваших почитаете неотъемлемым вашим приобретением, то ужели достойны осуждения крестьяне, имеющие одинакие с вами от природы чувства, когда жалуются на жестокость некоторых бесчеловечных владельцев, вопиют против несправедливости, отъемлющей у них сверх наложенной на них подати плоды труднейших работ их и промыслов?> Все сие доказывает, что собственность столь же для земледельцев необходима, сколько ее почитают для себя необходимою помещики; что без нее законы не могут иметь основания, следовательно, и приступать к составлению их, не утвердя оной, было бы напрасно. Наконец, признавши *собственность*, нельзя уже лишить крестьян и прав, с нею сопряженных. Итак, рассмотрим, в чем состоять должно и то и другое?

Помещичьи крестьяне в таком находятся теперь положении, что они никакой не имеют собственности, включая величайших трудов их, прилагаемых ими на приобретение вещей, которых при всем том не могут назвать своими, потому что сами, будучи господскою собственностью, нисколько в себе не уверены. Сие ужасное злоупотребление власти помещиков над их крестьянами, /сия непомерная над ними помещиков власть, сие рабство, в котором они их содержат/, сей бесчеловечный торг, который они ими производят, столько унижают Россию пред всеми европейскими державами, что без душевного прискорбия нельзя произнести сей истины. Горестно, весьма горестно для россиянина,

свое отечество любящего, видеть в нем дела, совершающиеся только в отечестве негров, коих, однако ж, несчастную участь просвещенная Англия, несмотря на прибыльный имп. торг, лучше желает облегчить, лучше желает лишиться всех получаемых ею чрез то выгод, нежели идти против природы, противу прав человечества, столько ею почитаемых и приемлемых ею в основание всех ее постановлений. Вот поистине поступок, которым Англия приобретет бессмертную славу и который в летописях мира сохранится в пример человеколюбия. Равномерно встревожилась чувствительность внимательного ко всему монарха нашего, увидя, что наряду с животными скотами и люди публиковались в продажу. Мгновенно истребил он сей гнусный обычай¹⁰, обычай, недостойный его царствования. Россия! Каков быть должен для тебя полдень сего царствования, когда заря его так прекрасна!

Собственность, будучи двух родов — *движимая и недвижимая*, не в малое приводила политиков затруднение, когда рассуждали, какую собственность следовало бы дать крестьянам, не имеющим никакой? * Я с моей стороны желал бы, *соображаясь с настоящими обстоятельствами*, чтобы господские крестьяне имели *хотя движимую собственность* на таком основании, дабы, платя помещикам на них положенное, могли они уже совершенно по своей воле, без страха располагать ею и были уверены, что уже никто у них оной отнять не может. Следовательно, сия собственность не только должна быть *наследственная и неприкосновенная*, но помещик не должен нисколько притеснять крестьян своих в тех

* На заданный в 1766 г. от Вольного экономического общества вопрос: *что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю или только движимое имение и сколь далеко его права на то или другое имение простирались* — г. Беарде де-ла-Бей, доктор прав церковных и гражданских в Ахене, прислал в ответ на оный сочинение¹¹, которое сим обществом удостоено награды, состоящей в 100 червонных и золотой медали, и которое действительно заключает в себе все, что только глубокие сведения, основательные рассуждения и любовь к человечеству, изображенные в приятном слого, произвести могут. Смотри труды Вольного экономического общества, 1768 год, часть VIII.

приобретениях, которые они вновь сделать пожелают. В обеспечение сего нужно непременно дать крестьянам возможность к сбережению сей своей собственности *, и сия возможность есть то право, посредством которого крестьянин не только в случае насилия, делаемого ему его господином в его имении, может прибегнуть к законам и требовать их защиты, но которое простирается должно и на все то, чего требуют от них помещики противно законам, и также на все бесчеловечные поступки, которые они от некоторых несправедливым образом претерпевают. Добрые и честные владельцы не должны огорчаться сим. Законы учреждаются не для добрых, ибо, если бы все люди бы[ли] добры и честны, тогда бы вовсе не было надобности в законах, единственно необходимых для обуздания людей неблагонамеренных и злых. Вот что разумею я под собственностью крестьянскою и правами крестьян на сию их собственность. Положивши таким образом начало оной, сколь, впрочем, оно ни недостаточно и ограничено, со всем тем впоследствии произведет великую пользу. За первым шагом последует другой. Мудрые постановления и время распространят сие начало, которое при самом появлении своем прогонит уныние из жилищ земледельческих, бодрость оживит души крестьян, трудолюбие возбуждает в них свою деятельность, уверенность в самих себе даст им новые силы, и радость, исполнивши сердца их, в веселой улыбке изобразится на их мрачных лицах.

Следовательно, не находя никакой возможности к дарованию крестьянам прав в рассуждении их собственности и безопасности, мною выше означенных, равномерно и к изданию законов, по сему предмету для них необходимых **, предположим, что сии законы уже

* Она заключаться должна в скоте, птицах, изделиях, в ремесленных произведениях, орудиях для различных работ, ими употребляемых, и других хозяйственных вещах; также принадлежать сюда должны хоромные, гуменные и прочие строения, их изживением сделанные. Что ж касается до недвижимого имения, то средства к приобретению оного означены в высочайшем манифесте, от марта 5 1803 года.

** Каким же образом приступить к составлению сих законов и какие нужно для сего принять меры — все это не мое дело, но дело правительства. Я с моей стороны старался

существуют, что спасительное оных влияние на всех равно уже распространяется, а предположив сие, приступим к просвещению и рассмотрим, в чем оное относительно к земледельческому состоянию и других заключаться должно.

Дабы самым вернейшим образом достигнуть желаемой цели, дабы несомнительный успех увенчал сие толь человеколюбивое предприятие, то для сего необходимо нужно положить наперед твердое основание. Для чего не нахожу я лучших способов, как чтобы каждому из сих четырех государственных состояний определить прежде *главнейшие его добродетели, долженствующие служить средоточием его просвещения и из круга коих не должно оно выходить*, ибо, естли ревность и усердие не перестанут сопровождать исполнение сих добродетелей, тогда общество в изобилии соберет сладкие плоды оного и пользы, от такого учреждения произойти могущие, явятся в полном своем блеске.

И потому *трудолюбие и трезвость* нахожу я самыми приличнейшими добродетелями для земледельческого состояния, *исправность и честность* — для мещанского *, *правосудие и всегда готовое пожертвование собою пользам отечества* — для дворянского и, наконец, *благочестие и примерное поведение* — для состояния духовного.

Сии добродетели почитаю я для сих сословий *исключительными*. Что ж принадлежит до других нравственных качеств, то оные для всех состояний должны быть общи, ибо, чем владычество добронравия сильнее распространяется на всех граждан, тем благоденствие

только показать необходимость безопасности и собственности крестьян, с коими сопряжены бесчисленные государственные пользы; определить, в чем состоять должна сия собственность и до чего простираются должны права крестьян. Вся невозможность к изданию должных для сего учреждений и предписаний исчезнет, когда только взглянем на состояние старинных русских крестьян, которые в рассуждении сего имели все нужные постановления и законы; и когда прочитаем прекраснейшие распоряжения, сделанные недавно для крестьян лифляндских в обеспечение их собственности, их прав и их благосостояния ¹².

* Под сим разумею я вообще средний род людей в России.

государства тверже и знаменует совершенство своего правления.

Итак, из системы предлагаемого мною образования видеть можно, что она единственно клонится к тому, дабы граждан сделать *наперед добродетельными*, а потом уже *просвещенными* *. Дабы приуготовить для России россиян, а не иностранцев, дабы приуготовить полезных сынов отечеству, а не таких людей, которые бы гнушались тем, что есть отечественное, и презирали бы свой собственный язык. Нет, такие люди недостойны называться россиянами, недостойны украшаться славою, с сим именем сопряженною. Сердце россиянина должно исполнено быть благородной гордости. Россиянин должен чувствовать превосходство свое пред всеми гражданами чуждых стран; ибо он есть член такого государства, которое обладает полсветом и которое монархом своим имеет Александра. Я уверен, что, если Россия получит свойственное ей образование, то есть когда физическим ее силам будут соответствовать силы нравственные, тогда держава сия утвердит благодетельное целого мира.

Теперь следует рассмотреть, какую пользу внушение предлагаемых мною добродетелей привести может. Исследование сие начну я тем самым порядком, каковым оные мною выше означены.

Россия по местному положению своему без всякого противоречия требует преимущественнейшего внимания и поощрения относительно к земледелию, от усовершенствования и успехов коего зависит цветущее состояние сей державы. Но как земледелие чрез *трудолюбие* только процветать может, чрез трудолюбие, которое дает жизнь, крепость и силу государственному телу, то для сего и надобно сколько возможно стараться добродетель сию поселять в земледельцев, внушать им, что *трудолюбие* может доставить им обилие, довольство и благосостояние. Впрочем, ежедневный опыт слишком

* В сем случае я совершенно одинакового мнения с г. *Виреем*, который изданием своего сочинения: *De l' Education publique et privée des François* открыл много полезнейших истин относительно к воспитанию, могущих пролить свет на занимающихся сим предметом.

научает нас, что трудолюбие без *трезвости* есть то же, что тело без души, что добродетели сии взаимно себя поддерживают и сохраняют, что одна без другой никак существовать не могут. Равным образом известно и то, что для человека ничто столь не вредно, как невоздержание, ибо оное, ослабляя тело, в преждевременную повергает старость, изнеможение и сокращает жизнь. Невоздержание хотя и производит некоторые скоропреходящие наслаждения, но зато впоследствии навлекает продолжительные несчастия. Излишество вина делает человека, предавшегося оному, дикообразным, к трудам неспособным, препятствует размышлению, отвлекает от исполнения должностей, делает нерадивым, бесполезным, презрительным и нередко сопровождает к преступлениям самым ужаснейшим. Следовательно, сколь пужно поселять в земледельцев охоту к *трудолюбию* и поощрять их к оному, столь не менее того нужно внушать им пользы *трезвой жизни* и отвращение к пьянству, которое, причиняя собственное их несчастье, распространяет зло на целое государство. Сих причин, кажется мне, довольно, чтоб увериться, сколь *трудолюбие* и *трезвость*, сии толь необходимые для сего состояния граждан добродетели, крепко между собою соединены быть должны. Какой россиянин, отечество свое любящий, может равнодушно смотреть на печальные картины, взору его представляющиеся! Как возможен он утаить горестные чувствования, исполняющие сердце его! Нет, излить оные пред благостию своего монарха есть священная его обязанность. Никакая мысль, никакое наблюдение, касающиеся до польз государственных, не должны быть им сокрыты, ибо все минуты жизни россиянина должны быть непрерывными пожертвованиями для благ России, для счастья его отечества.

Взгляните на поселянина, который, окруженный семейством своим, спешит во храм для принесения сердечной жертвы всещедрому богу, испославшему ему обильную жатву. Посмотрите, какая радость сияет на лице его, как отражается она на малолетних его детях, его опереживающих. Видите, как ускоряет он шаги свои, приближаясь ко храму. Но!.. Какая вдруг перемена!.. Глаза его покидают храм и устремляются на дру-

гой предмет, близ оного находящийся! Он видит многих товарищей своих, из коих некоторые с восклицаниям простирают к нему свои руки, другие идут поспешно к нему навстречу. Мысли его развлекаются, благоговейные чувствования в сердце его умолкают, владычество примера торжествует над оными; он следует за товарищами своими, и двери не в храм истинного бога, творца зримых нами миров, по двери в шумное и бедственное жилище Бахуса отворяются, где пред кумиром корыстолюбия в бесчувственном упоении платят они дань на счет своих трудов, своего здоровья и, что всего драгоценнее, на счет самой нравственности!

Такое зрелище, без сомнения, заслуживает внимания со стороны правительства. Ибо оное, заключая в себе физическое и нравственное зло, противореча великой цели истинного просвещения, требует, дабы приняты были в рассуждении сего полезнейшие меры. Один знаменитый писатель ¹³ прошедшего века говорит, что «правительство учреждено для того, чтобы подкреплять нравственность; коль скоро оно ей противоречит, тогда становится бесполезным и теряет власть свою над сердцами».

Исправность и честность должны быть особенными добродетелями для состояния купеческого. Опыт подтверждает необходимость оных. Англичане и голландцы, служащие для всех торговых народов примером, почитают *исправность* душою коммерции. Там, где оная наблюдается, успехи несомнительны. Посредством ее получает торговля верный и твердый ход, *исправность* образует ее характер. Россия, коея торговля начинает выходить из своего младенчества, коея первейшие коммерческие державы ищут союза и дружества, сим самым доказывает как богатство своих произведений, так и влияние, которое имеет она на иностранные государства. Следовательно, весьма нужно, чтобы российское купечество возымело истинный торговый дух, питающийся и поддерживающийся только сею *коммерческою исправностию* и который в тот же час начинает исчезать, коль скоро теряет она свою деятельность. Но *исправность* без *честности*, равно как и *честность* без *исправности*, надлежащим образом существовать не мо-

жет. Купец, естьли не честен, находится всегда на краю пропасти. *Честность* только рождает доверие, толико необходимое для коммерции. Слово честного купца принимается за наличный капитал. Но всего желательнее честность потому, что она самым сильнейшим образом противится тем подлым поползновениям, к которым только гнусное корыстолюбие и бесчестие стремиться могут. Вот причины, требующие, дабы добродетели сии внушаемы были состоянию мещанскому, долженствующему почитать их для себя священными и украшаться ими.

Главнейший порок нашего купечества состоит в том, что купцы не имеют совсем сей, так сказать, *взаимной вспомогательности* и никогда не стараются поддерживать друг друга в несчастных случаях. Напротив того, богатый, видя неудачу и готовящуюся гибель бедного, не только не подаст ему руку помощи, но еще спешит притеснить его, дабы воспользоваться его несчастьем.

Купцы, довольно разбогатевшие, гнушаются быть купцами. Состояние сие кажется уже для них низким. Они хотят быть дворянами. Странное желание! Со всем тем они желают сего, и желают потому, что не почитают сего для себя невозможным. И подлинно, достигают цели своей, получают чины и делаются дворянами. Но что сказать о сих новых дворянах? Что скажут они сами о себе? Вместо ответа покажут они патент, покажут дворянскую грамоту и сто или двести тысяч рублей, вынесенных ими вместе с перерождением своим из массы общих купеческих капиталов. Сколько заслуг! Но какое последствие бывает от таковых оказанных им благодеяний? Обыкновенное. Господа купцы-дворяне, перейдя из деятельной и трудолюбивой жизни в состояние, по мнению их, гораздо блистательнейшее, делаются тунеядцами, праздными и бесполезными людьми. Живут без всяких общественных должностей и, не зная обязанностей, с сим новым званием их сопряженных, всячески от них уклоняются, довершая тем самым свою в сословии сем ничтожность.

Чины и дворянское достоинство не могут почесться наградою, приличною для состояния купеческого. Сии знаки почестей должны принадлежать только тем, ко-

торые находятся в службе гражданской или военной. Каждый разряд людей должен иметь свойственные ему преимущества. И потому, когда отличий, существующих в купеческом звании, не довольно, в таком случае законодатель может учредить еще другие, оному соответствующие. *Права граждан*, без сомнения, должны быть все *равны*, но *преимущества* их не могут быть одинаковы. Один из главнейших предметов законодательства есть тот, чтобы заставить каждого общественного члена любить то состояние, в котором он находится; чтобы купец, ремесленник, земледелец и проч., в ревностном исполнении должностей своих поставляя всю свою славу, были уверены, что хорошее поведение, честное имя и добродетели не имеют степеней различия, но требуют от всех равного уважения.

Рассмотрим теперь пользы добродетелей, назначаемых для состояния дворянского, кои суть *правосудие и всегда готовое пожертвование собою пользам отечества*. Прекраснейшие обязанности! Сколь священные должны вы быть для сердца истинно благородного! Каждый шаг ваш есть шаг к добродетели, каждая черта ваша врезывается в сердце и остается в нем навеки. Дворяне! Сколь блистательна степень ваша! Сколь отличными преимуществами пользуетесь вы в обществе пред прочими гражданами! Монархи вверили вам залог самый драгоценнейший: они вверили вам подобных вам человек, подобных вам членов общества! Сия милость есть свыше человечества. Явите себя достойными оной! Величие души должно быть вашим украшением. Облекитесь в оное, гордитесь им — вот гордость, которая может только быть вам позволена, ибо она истекает из благороднейшего источника, из возвышенности душевной. Дворяне! Возлюбите правосудие, наблюдайте его, да будет оно любезнейшим чувством вашим в рассуждении подвластных вам. Знайте, что расстояние, между вас и ими находящееся, разделяет только два сердца, что природа никогда не теряет своего владычества и что ваше завсегда уступить ему должно! <Знайте, что их покой есть ваше счастье, их счастье — ваша слава, их к вам любовь — ваше бессмертие!> ¹⁴

Правосудие, говорит Пифагор, есть соль жизни. И подлинно, оно все сохраняет, сберегает все от пореждения; делает ненарушимым и священным для нас как особу, так и имущество других. Один лишь человек есть господин над самим собою; для безопасности своей живет он в обществе. Следовательно, общество должно каждого из членов своих обеспечить наслаждение самим собою, обеспечить свободное употребление законных его прав и владение вещей, чрез трудолюбие и промышленность им приобретаемых. Из чего следует, что никакая власть на земле не имеет права лишить человека *свободы*, < (выключая преступников) > ¹⁵, *которая не иное что есть, как способность трудиться для счастья своего согласно с правосудием; ни собственности*, под коею разумеется все, что только человек имеет или доставляет себе чрез свои попечения, дарования, проворство. Человек приобретает справедливые права на все те вещи, которые, дабы сделаться таковыми, каковыми они суть, требовали употребления личных его способностей. Его работа сливает его, так сказать, с вещию, которую брал он на себя труд образовать, усовершенствовать, сделать полезною хотя бы то было для себя, хотя бы то было для других. Без безопасности, без свободы, без собственности общество делается для нас совершенно бесполезным, и жизнь гражданственная потому только для нас выгодна, что она защищает права сии от несправедливости и насилий. *Правосудие* есть основание общественного и частного благоденствия; люди потому только порочны и несчастны, что они несправедливы; все нравственные добродетели основаны на правосудии.

Равным образом от кого государь, от кого отечество должны требовать более услуг, более пожертвований, как не от дворянина, как не от того, который отличнейшими преимуществами пользуется в обществе и на которого неисчетные милости лиются с престола? Быть ежеминутно в готовности приносить жизнь свою для пользы отечества, поставлять главною целию своею любовь к общему добру, отдавать, истреблять все противящееся оному и питать в груди своей сей благородный жар, сей жар, который служит источником всех вели-

ких деяний, который торжествует над самим временем, не хладеет от веков и который, пребывая в великодушных подвигах, мир украшающих, мгновенно сообщает силу свою, мгновенно воспламеняется в чувствительных и патриотических сердцах, — вот чувствования, вот священные должности, исполнением коих обязан дворянин и званию своему, и монарху, и отечеству.

Но такой дворянин, который породю своею, а не числом оказанных им отечеству услуг доказывает свое превосходство; такой дворянин, который в достоинстве предков своих, а не в своих собственных поставляет всю свою знаменитость; такой дворянин, который, заключаясь в самого себя, ненавидя истины, насмехаясь над добродетелью и имея подлую душу, думает посредством богатства своего иметь право на почтение к себе других, — такой дворянин совершенно противоречит сему названию, доказывает презрительное свое невежество, свою тщету и наглую надменность. Такой дворянин недостоин называться дворянином, недостоин украшаться сим отличием, недостоин пользоваться правами, с дворянским званием сопряженными. Но к несчастию <у нас, как и везде>, такого рода дворян, то есть дворян по имени, едва ли не больше, нежели дворян по сердцу или по достоинствам душевным. Сие самое объясняет уже необходимость добродетелей, назначаемых мною для состояния дворянского, тем более что оно по влиянию, имеющему им на уделы, ему принадлежащие, то есть на большую часть народа, может, если только обращено будет к *правосудию и готовому пожертвованию собою пользам отечества*, надежнее и вернее споспешествовать благодетельным намерениям монарха.

Наконец, остается рассмотреть: почему *благочестие и примерное поведение* должны быть преимущественными добродетелями для состояния духовного?

Сие неоспоримо, что тот, на которого возложена священная должность проповедовать слово божие, который обязан быть наставником в вере, научать евангельским добродетелям, без коих никак невозможно надлежащим образом исполнять должностей гражданских; тот, коего устами объясняемы быть должны премудрость, величие, благодать и прочие божественные

свойства всемогущего творца, образующие душу и сердце христианина; тот, который паству, ему вверенную, должен вести по пути добродетели, смотреть за ее благонаправлением, подкреплять ее в вере, вразумлять ее в ее недоумениях, объяснять ей, что религия доставляет истинное блаженство человеку, — словом, тот, кого сан и обязанности требуют толикого знания и добродетелей для внушения их другим, — тот непременно должен сам исполнен быть благочестия, должен быть сам хорошего поведения, дабы еще более действовать на людей примером своим, нежели поучениями.

Определив таким образом добродетели каждого из четырех главнейших государственных сословий, доказав необходимую пользу внушения каждой из сих добродетелей и тем самым приуготовив твердое основание, на котором должно воздвигнуто быть величественное здание просвещения гражданственного, всякий из сего ясно видеть может, что когда все сии состояния столько различны между собою по существу своему, столько различны по своим добродетелям, то, без сомнения, должны они уже различествовать между собою как в степенях, так и в образе своего просвещения.

**Руководство к просвещению
главнейших государственных сословий в России,
кои суть земледельческое,
мещанское, дворянское и духовное**

Гражданское просвещение должно иметь главнейшею целию доставление каждому нужных познаний, дабы приличным образом исполнять должности, для которых он призван в общество.

Но как сии должности не могут быть одинаковы, потому что общество заключает в себе различные классы граждан, то из сего следует, что каждый общественный член должен иметь просвещение, соответственное состоянию, в котором он находится, ремеслу, которым он занимается, и роду жизни, который он ведет.

Естьли мы бросим взор наш на состав многочисленного народа, коего все члены соединены между собою

общим условием, то увидим, что все граждане в оном занимают места общественной пользы и что правительство, наилучшим образом устроенное, что народ наилучшейший есть тот, в котором каждый гражданин находится на своем месте, в котором никто из них не забыт, где должности во всех их степенях уважены и где правительство, обо всем пекущееся, сохраняет порядок во всех частях и защищает права каждого разряда граждан.

Приняв сие за основание и уверясь, что просвещение не должно быть для всех граждан одинаковое, остается теперь определить, в чем именно оно, в рассуждении вышеупомянутых мною состояний, заключаться должно? Я начну по порядку из оных и, не входя во все подробности, означу только главнейшие правила, могущие послужить основанием для составления тех книг, которые необходимо нужно будет приготовить для единообразного в училищах учения и нравственного граждан образования.

Добродетели, определяемые мною для каждого из сих сословий, должны быть поставлены девизами на всех *нравственных уставах*, которые для них издать нужно будет.

И потому:

1) *Трудолюбие и трезвость* да будет девизом на уставе, назначенном для училищ земледельческих.

2) Но как таковой устав не на иной какой конец издан быть должен, как чтобы самым удобнейшим средством служить к истинному просвещению земледельца, то из сего следует, что первейшее познание земледельца должно состоять в познании своего звания и своих должностей. Ибо что может быть к нему ближе самого себя? Почему и нужно прежде всего определить:

3) Что такое есть земледелец?

4) Сколько есть родов земледельцев?

5) Что значат они в государстве?

6) Что такое есть государство?

7) Как оно именуется?

8) Какой имеет оно род правления?

9) Показав, что оно монархическое, или самодержавное, должно определить:

10) Что такое есть монарх, или государь?

11) В чем состоит верховная власть?

12) Какие суть еще учрежденные власти или начальства в России?

13) Посредством чего оные действуют?

14) Познание сих начальствующих властей необходимо для земледельцев нужно, потому что они в беспрерывных находятся с ними отношениях. Одни предписывают, другие исполняют.

15) Отсюда проистекают взаимные обязанности: *обязанности власти и обязанности подчинения.*

16) В чем состоят и те и другие?

17) Кто несет общественные обязанности, тот должен также иметь и права свои.

18) Следовательно, земледелец не должен быть лишен прав, ему принадлежащих.

19) Нужно определить, что такое есть право и в чем оное состоять должно.

20) Но как из всех гражданских прав самое первейшее и самое священнейшее есть право собственности, то из сего следует, что земледелец должен иметь собственность, что собственность его должна быть неприкосновенна и охраняемая законом.

21) Тут следует сказать: что такое есть закон и кому принадлежит власть предписывать оные?

22) Что такое есть собственность и как она приобретается?

23) Определив таким образом обязанности, права, собственность земледельцев, нужно паишче внушать им пользы и счастье, сопряженные с трудолюбивою и трезвою жизнью.

24) Наконец, как никакая нравственность без религии существовать не может, то для сего надлежит дать земледельцам чистое понятие о божии, о вере и должностях христианина.

Вот главнейшие правила, которые почитаю я довольно достаточными к составлению устава для нравственного образования граждан сего сословия.

По сему уставу должно обучать чтению (возложив должность сию на приходских священников), что принесет двоякую пользу, ибо учащийся по оному не только научится читать, но непременно образом познает и те должности, которые некогда обязан он нести в обществе, познает, что такое он есть и к чему предназначается. Следовательно, печувствительно образуется со стороны нравственности.

Приходские училища должны быть для всех открыты, несмотря ни на лета, ни на возрасты.

Рассмотрим теперь, в чем состоять должно учение земледельцев

Как жребий земледельцев есть трудиться и обрабатывать землю, из которой произрастающие плоды питают всякого состояния людей, то из сего следует, что единственною целию их должно быть земледелие, которое дотоле не придет в цвстущее состояние, дотоле не достигнет своего совершенства, доколе правительство с своей стороны не употребит на то всего своего внимания, своих пособий и поощрения.

Итак, когда земледелие есть единственная цель земледельца, то весьма естественно, чтоб и учение его не на иной какой предмет обращено было, как на предмет, сему предназначению его соответственнейший. Словом, земледельца должно обучать земледелию.

Земледелие, как и все науки, имеет свои правила: может обогащаться опытом всех народов; и тщетно было бы ожидать того от времени, что познания нам доставить могут, ибо привычка в полевых работах, употребляемые способы, из рода в род переданные, удаляют даже самую мысль усовершенствования.

Для чего должно, чтобы сведущие люди исследовали без предрассудков, испытывали без страсти и предлагали без исступления все, что земледелие представить может со стороны открытий и усовершенствования. Дабы убедить недоверчивого и предубежденного земледельца, должно показать ему следствия, от опытов происшедшие, должно, чтобы он ясно видел и уверился, что то, что ему предлагаешь, пред тем, чему

уже он привык последовать, несравненно лучше, удобнее и выгоднее. Сим только образом можно распространять полезные средства, коих успехи будут несомнительны.

Образование сих земледельческих или приходских училищ должно быть столько же просто, как и предмет их.

И потому два класса почитаю я достаточными для составления оных. *Первый класс* иметь будет предметом сельскую механику, то есть сельские строения и все механические орудия, могущие служить в пользу и облегчение земледелия.

Второй класс будет иметь предметом свойства и обрабатывание земель, также свойства и сохранение семян, сбережение плодов, работу естественных и искусственных лугов, осушение болот, вычищение земли для соделания ее удобною к хлебопашеству, наконец, воспитание, приведение в лучшее состояние скота и искусство лечения оного.

Естьли учение сим предметам присовокупится к учению чтения, письма и первых действий арифметики, как то во II главе в 32 параграфе предварительных правил народного просвещения предписано, и когда оное наподобие выше предложенных мною для составления нравственного устава правил приведено будет в систематический к удобнейшему преподаванию порядок, тогда граждане сего сословия получат все нужные к просвещению своему способы. Государство в сих всеобщих питателях найдет со временем истинных своих сынов, которые, имея сердце, образованное нравственностью, а ум — учением, будут надлежащим образом исполнять свои должности, с пользою служить своему отечеству, питая в душе своей благодарность к монарху, об них пекущемуся.

Правила, руководствующие к просвещению мещанского состояния

Мещане, составляя средний род людей в России, пользуясь вольностью, не причисляются ни к земледельцам, ни к дворянству. Государство от граждан се-

го состояния много может ожидать добра, естьли только получит оно приличное направление, то есть когда правительство обратит на него свое внимание и поставит его на ту степень общественной пользы, от которой оно теперь столь далеко еще отстоит.

Мещане столько же имеют нужды в нравственном образовании, сколько и в обучении наукам, к званию их принадлежащим. Следовательно, надобно для них также заготовить *нравственный устав*, поставя на нем девизом добродетели, для них назначенные, и который по многим отношениям заключал бы в себе правила, предложенные мною выше для устава земледельческого с тою только разностию, что правила, коими будут руководствоваться в составлении сего устава, должны как можно ближе применены быть к их состоянию. Например, они могут быть следующего содержания:

1) Мещане прежде всего знать должны, что такое есть мещанин.

2) Какое место занимает он в государстве?

3) Какие суть его в рассуждении государства обязанности?

4) Какие предоставлены ему в оном права и привилегии?

5) Что нужно наблюдать ему, дабы сохранить оные, и чего избегать, дабы их не лишиться.

6) Мещанин обязан также знать все отечественные постановления, потому что сие составляет важнейшую часть его должностей.

7) Равномерно *любовь к отечеству* и к общественному добру должна составлять драгоценнейшее чувство души его. Бессмертный Минин может в сем случае руководствовать мещан по пути, ведущему к сим благороднейшим предметам *.

8) Надобно стараться возбуждать в мещанах любовь к их состоянию, сколько возможно привязывать их к оному, и дабы приобретение богатства не рождало в них отвращения к их званию, как то из опытов видно,

* История свидетельствует, что Минин, одушевленный любовью к отечеству, для спасения оного пожертвовал всем своим имением и своею жизнью.

что почти все разбогатевшие купцы гнушаются быть купцами и всячески изыскивают случаи естьли не себя, то детей своих поделать дворянами.

9) Нужно внушать им, что не в титулах состоят истинные достоинства, но в честности и бескорыстии, без коих никакие титулы не защитят от бесславия и презрения.

10) Определив права, привилегии и обязанности мещанина в рассуждении государства, надлежит показать ему, чем обязан он в рассуждении своего ближнего как подобного ему члена общества.

11) Для чего наставление в религии должно составлять часть нравственного устава.

12) Наконец, сколько возможно стараться надобно поселять в мещан, купеческому званию себя посвящающих, назначаемые для них добродетели, то есть *исправность* и *честность*, исполнение коих может только утвердить славу их и их благосостояние.

Сии правила, по мнению моему, необходимы к составлению нравственного для купцов устава, который может также служить и для мещан, различного рода ремеслам, искусствам и художествам себя посвятивших. Ибо сие неоспоримо, что самый последний ремесленник должен непременно знать как права свои и обязанности в рассуждении государства, так и обязанности свои в рассуждении ближнего и что добродетели и трудолюбие суть такие добродетели, без которых он ни благосостояния, ни счастья приобрести не может. Впрочем, издание сего устава всеобщую принесет пользу, ибо родители, обучающие у себя в доме чтению детей своих, конечно, предпочтут оный всем прочим книгам, по необходимости теперь ими для обучения чтению употребляемым, и, следовательно, до определения еще детей своих в училища приуготовят уже чрез сие половину желаемого дела.

Учебные предметы для мещан, посвятивших себя купеческому званию

Напрасно было бы исчислять пользы, получаемые государством от торговли. Для всякого, кто хотя сколь-

ко-нибудь занимался сего рода предметом, оные ощутительны. Торговля почестся может общею всех народов стихиею, ибо нет нации, которая бы более или менее не отправляла оной. Россия, как по пространному своему владычеству, так и по богатству природных своих произведений занимая первейшее между всеми державами в свете место, по сему самому требует, дабы правительство с своей стороны возможнейшее употребило внимание на усовершенствование сей толико важной государственной отрасли. Но как успехи торговли зависят от степени просвещения граждан, оную производящих, и что никакое полезнейшее учреждение, никакое намерение законодателя без сего просвещения не могут иметь надлежащего исполнения, то сие самое объясняет уже необходимую нужду в заведении таких училищ, которые бы служили особенно к нравственному образованию и обучению купцов наукам, званию их приличествующим. Словом, заведение коммерческих училищ столько же для России нужно, сколько и самая торговля.

В 6 пункте I главы предварительных правил народного просвещения пазначается в каждом уездном городе быть *по крайней мере одному уездному училищу*; следовательно, сим училищам определенного числа нет и что их может быть и более одного. Я с моей стороны за весьма полезное почитаю, когда в некоторых городах, смотря по *местному их положению* и по *состоянию их жителей*, учреждено будет по *два училища*, из которых в одном обучали бы мещан, различного рода ремеслам, искусствам и художествам себя посвятивших, а в другом обучали бы только тех, которые определили себя званию купеческому. И сие последнее по самому существу своему составит уже *купеческое, или коммерческое, училище*.

Распоряжение учения в сих училищах может быть следующее:

В первом из оных, то есть в *училище мещанском*, долженствующем состоять из двух — нижнего и верхнего — классов, в нижнем классе преподавать надлежит:

- 1) Российское чтение, чистописание.
- 2) Также чтение и чистописание языка местного, как-то: польского, немецкого, татарского и проч.
- 3) Грамматику всех сих языков.
- 4) Первую часть арифметики.
- 5) Частное познание Российской империи.
- 6) Сокращение и главные эпохи российской истории.

7) Введение во всеобщую историю и географию.

В верхнем классе:

- 1) Вторую часть арифметики.
- 2) Геометрию и тригонометрию.
- 3) Математическое и физическое познание земного шара.
- 4) Физику.
- 5) Естественную историю и технологию.
- 6) Практические знания, полезные для местной промышленности и потребности края.

Во втором училище, то есть *коммерческом*, сверх сих вышеозначенных предметов обучать нужно:

- 1) Чтению, чистописанию и грамматике аглинского языка.
- 2) Алгебре.
- 3) Купеческим счетам всех родов.
- 4) Простой и двойной бухгалтерии.
- 5) Истории коммерции и навигации, познанию торговли и товаров и, наконец,
- 6) Сокращению всего человеческого познания и диететике¹⁶.

Естьли в которых уездных городах не будет надобности в *двух училищах*, в таком случае можно все вышепрописанные *учебные предметы преподавать в одном училище*, распорядя учение оным на пристойное число классов, чрез что как ремесленники, так и купцы получают все нужные способы к своему просвещению.

Небесполезно заметить здесь, что воля, предоставленная учителям в некоторых училищах следовать собственному их в учении методу, и что неимение книг, долженствующих нарочито быть от правительства изданными к руководствованию учителей в еди-

нообразном преподавании наук,— все сие не только не может произвести успехов, от училищ ожидаемых, но даже лишает надежды увидеть оные в надлежащей их силе. Ибо хотя и есть такие учителя, на достоинства и способности коих положиться можно, однако же большая часть из них таких, которым произвольного выбора авторов для руководства своего в обучении предметам никак вверить не можно. Сие есть дело правительства, имеющего в руках своих все нужные для того способы и которое обязано стараться об издании классических книг, по коим бы должны были обучать учителя, наблюдая притом сколько возможно *единство* в методике и правилах.

**Приступим теперь к рассмотрению,
в чем состоять должно просвещение дворян**

Правительство во все времена наиболее обращало внимание свое на сие государственное сословие. Между всеми благотворительными его в пользу дворян заведениями не оставлены были и те, которые могли только служить к их просвещению. Для дворян учреждены уже были корпуса и училища, когда все прочие гражданственные состояния были правительством забыты и пребывали во мраке своего ничтожества. Наконец, время, которое на все простирает свое владычество, все преобразует, видя несправедливость, угнетавшую столь долго нижнего разряда граждан, державши их в самом глубочайшем невежестве, восстало противу оной и, желая утвердить благоденствие России, даровало ей Александра, сего кроткого, челолюбивого монарха, который едва только возшел на престол предков своих — и уже гений просвещения обтекает пространство пределов российских, переходит из одного состояния в другое и озаряет все оные благотворительным светом своим.

Дворяне, без всякого сомнения, требуют преимущественнейшего пред прочими просвещения, поелику отечество должно находить в них как храбрых своих защитников, искусных и добродетельных героев, так

мудрых, честных, справедливых владельцев и судей. Но посредством чего можно поселить в них сии толь необходимые качества? Единственно посредством воспитания, отвечаю я.

Естьли рассмотреть учреждения, для воспитания благородного юношества ныне существующие, то увидим, что большая часть оных отдалена от настоящего предмета. Все воспитание ограничивается учением, следовательно, юношество учится, а не воспитывается. В некоторых корпусах главное старание прилагают, чтобы дети умели проворно делать ружьем, хорошо маршировали; и сим с безмерною строгостию учением занимают их более, нежели учением существеннейших наук, долженствующих образовать и приуготовить их к заанию с достоинством и честью тех мест, на которые они по выпуске их из корпуса поступить обязаны. В сей механической экзерциции состоит вся тактика, в корпусах преподаваемая. Почему всякий судить может, сколь тактика сего рода удобна произвести искусных офицеров и генералов.

Поручение начальства над воспитанием благородного юношества должно от правительства самым строжайшим образом быть избираемо. Ибо что может быть драгоценнее залога, частное и общественное благоденствие в себе заключающего! Г. Бестужев в книге своей под названием «Опыт военного воспитания относительно благородного юношества» весьма основательно начертал как систему нравственного образования и учения сего разряда граждан, так и достоинства, долженствующие украшать начальника и всех имеющих над воспитанниками смотрение. Сия книга весьма полезна, особливо для такого правительства, которое печется об общественном воспитании, без коего государство не может быть ни сильно, ни счастливо. Сия книга весьма много облегчила труд мой, потому что она заключает в себе почти все, что только нужно к составлению *нравственного* для дворян *устава*, и также все *учебные предметы*, для них необходимые; почему нет надобности пазначать мне здесь нарочито правил, нужных к сочинению сего устава и метода учения для благородного юношества. Г. Бестужев изданною

им книгою * прекрасно уже разрешил вопрос, в чем должно состоять просвещение дворян. Я замечу только следующее:

Корпусы, будучи единственным местом, в которые дворяне наиболее стараются отдавать детей своих, посему самому требуют, дабы оные так учреждены были, чтоб не только приуготовлялись в них люди, способные к службе военной, но и гражданственной. Надобно, чтобы офицер был и искусный воин, и знающий судия. Ежедневный опыт доказывает нам, сколь великое проистекает от того зло, когда выпущенные из корпусов офицеры, прослужа несколько лет, переходят в статскую службу, не имея надлежащего сведения ни в гражданских делах, ни в законах, ни в отечественных постановлениях. Горестно исчислять несчастия, бывающие обыкновенным последствием сего их неведения! Нередко, занимая важнейшие государственные должности, вместо того чтобы защитить невиновного, спасти несправедливым образом притесняемого человека, не только не умеют подать ему должной помощи, но еще делаются орудием совершенной его гибели. Сие происходит оттого, что, сами будучи в невежестве, принужденными находятся прибегать к знанию людей посторонних, поручать им дела, которые бы сами отправлять должны были, и сии люди, называемые секретарями, на совесть которых не всегда положиться можно, не упускают с своей стороны малопомалу употреблять во зло доверенность, им делаемую, и соразмерно нуждам, в них оказываемым, присваивать даже власть над своими начальниками, довершая тем несчастье целой иногда провинции.

Сего довольно, чтобы восчувствовать нужду в усовершенствовании воспитания, в корпусах существующего. *Преподавание юридических наук должно непременно составлять часть оного, особливо учение отечественным законам, государственным постановлениям и отправлению дел гражданских. Офицер, таким образом воспитанный, хотя бы и был доведен обстоя-*

* Опыт воен[ного] воспит[ания] относи[тельно] благ[ородно-го] юнош[ества].

тельствами перейти в статскую службу, со всем тем он во всяком случае будет на своем месте, с честью исполнять будет свою должность и общество во всякое время найдет в нем полезнейшего своего члена. Впрочем, не странно ли всякому казаться должно, когда ни в какое состояние — ни учепое, ни художническое, ни ремесленническое — не можно поступать, не перейдя всех степеней, к сим званиям ведущих, и не показав на опыте своих достоинств и своего искусства. В службу же гражданскую определяют людей без всякого разбора, без всякого испытания, награждают их чинами, по которым обязаны они бывают занимать иногда важнейшие места, не имея других способностей, кроме того, что умеют читать и подписывать свое имя. Можно ли после сего удивляться, что статская служба не имеет надлежащего своего достоинства, не уважаема и что многие убегают оной, единственно опасаясь, дабы не попасть под начальство таких людей, которые не почтением, но презрением заслуживают. Гражданская служба по предмету своему едва ли не важнее всякой другой, ибо она, имея целию внутреннее устройство государства, основывающее покой и благоденствие народное, по сему самому требует честнейших, добродетельнейших, просвещеннейших и рачительнейших людей.

Почему в рассуждении сего за весьма полезное почитаю я, когда сверх находящейся здесь учреждены будут еще *три юнкерские школы*, с тем, естли только *желается*, чтобы дворянство существовало, не теряя прав, законами ему предоставленных. Из сих трех юнкерских школ возможно основать одну в Москве под ведением Сената, другую в Казани, а третью в Вильне под ведением попечителей тех округов, в которых они состоять будут. Учреждение сих школ должно *исключительно* быть для *дворян* и на таком же основании, на каком находится здешняя школа, с тою только разностию, что в оную предписывается принимать детей не моложе четырнадцати лет и уже первоначальным знаниям обученных; в предполагаемые же мною школы да будет позволено принимать детей от семи до девяти лет, хотя бы оные ничему еще

учены не были, а начинали учение со дня определения их в училище.

Многие благомыслящие люди давно уже чувствуют нужду в заведениях сего рода; особливо ощутительная она для родителей, желающих вести детей своих по службе гражданской; но, не имея к тому способов, принужденными бывают сколько против воли своей, столько противу склонности и способности детей своих отдавать их в корпусы, имеющие предметом приготовление офицеров к службе военной.

Распорядок учебных предметов в сих предполагаемых мною школах должен соответствовать цели их учреждения.

Вот все, что нашел я за необходимое предложить относительно к просвещению дворян; посмотрим, наконец, что сделать нужно в рассуждении просвещения *духовенства*.

Естьли мы представим себе только предмет, для которого назначаются священнослужители, естьли представим себе должности, которые они отправлять обязаны, представим себе, какового уважения требуют они к сану своему и какую силу имеют они во мнениях народных, то найдем, что правительство не все еще для них сделало. Ибо сколько есть таковых священников, которые, вместо того чтобы иметь должное просвещение, пребывают в пагубнейшем невежестве, вместо того чтобы подавать собою пример как в духовных, так и гражданских добродетелях, предаются постыдным страстям и тем самым подают повод другим к беспорядочной жизни и разврату. Словом, таких ли качеств пастырям должно верить паству? Такого ли поведения служителей должна иметь церковь? Посредством ли таковых священников должны сохраняться святость религии и твердость ее олтарей? Нет, конечно. Правительство с своей стороны обязано употребить всевозможнейшее внимание на образование духовенства, толико важного по существу своему состоянию.

Следовательно, *нравственный* для священнического звания *устав* доказывает сим необходимость свою. Сей устав, на котором *благочестие* и *примерное поведение*,

сии назначаемые для духовенства добродетели, должны поставлены быть девизом, может составлен быть наподобие уставов, выше мною предложенных, с тою только разностию, что правила, коими будут руководствоваться в сочинении сего устава, должны совершенно соответствовать предназначению священников.

Что ж принадлежит до метода учения в семинариях, сих единственных местах, в которых приуготовляются люди для состояния духовного, то оный требует некоторых отмен и усовершенствования. Для чего учить наукам на языке латинском, а не на языке отечественном? Сей издавна введенный обычай весьма много препятствует успехам учения, ибо ученик, не знающий совершенно латинского языка (и какая надобность знать его совершенно?), никогда не будет надлежащим образом знать наук, учителем на сем языке преподаваемых. Равномерно, к чему служит учение мертвым языкам? Не полезнее ли бы было вместо их обучать языкам более употребительнейшим и получившим, так сказать, право гражданства во всей Европе. Но еще более желал бы я, чтобы господа учителя вместо слишком рассыпаемых *риторических* цветков, вместо высокопарного слога, который, надутостию своею затемняя ясность мыслей, производит скуку или смех, сколько возможно наблюдали, чтоб ученики при сочинении проповедей старались писать оные самым простым, ясным и для всех вразумительным слогом, напоминая им, что они не к ученым, но к народу говорить должны и что все их красноречие должно состоять в искусстве обращать на себя внимание своих слушателей и истинами, ими произносимыми, производить желаемое в них впечатление. Для чего надобно, чтобы *наука декламации* входила в состав семинарского учения.

Не могу также не заметить при сем и того, сколь нужно правительству взять меры свои в рассуждении определения приличного священникам содержания. Сím образом истребило бы оно постыдные, уничижительные и совсем несоответственные важности священнического сана обычаи, как, например, в большие годовые праздники, то есть в *рождество Христово*,

в светлое *Христово воскресение* и прочие, не имели бы уже священники надобности ходить из дома в дом и собирать подаяния; отчего нередко являются они в толь безобразнейших видах, что подают повод думать, как бы правительство не только терпело, но даже одобряло таковые обычаи.

Предложив, таким образом, систему всеобщего образования относительно к России, остается мне разрешить последний, но довольно важный вопрос: *что может наиболее споспешествовать просвещению*, то есть посредством чего можно возбуждать и питать сей *дух деятельности*, толико потребный всем государственным состояниям к исполнению взаимных своих обязанностей?

Главнейший для сего способ есть *поощрение*. Мудрые правительства как прошедших, так и настоящих времен доказывают нам, до чего простирается всеподолевающая сила оного. *Поощрение* извлекает людей из беспечности и уныния, раждает бодрость, производит соревнование и движет душу к делам полезным и великим. Где способности и достоинства поощряются, где добродетели имеют должное уважение, там пигмеи ступают шагами исполинов, там невозможное становится возможным, дремлющий гений пробуждается и то, что, будучи предоставлено времени, требовало бы нескольких лет для совершения,— то при содействии *поощрения* вскоре приемлет конец и получает успехи. Словом, там, где правительство награждает труды, поощряет дарования, венчает славою патриотические подвиги, покровительствует искусства, художества и науки,— там всегда рождаются будущи патриоты, и художники, и ученые, и философы.

Но в таком государстве, которое находится еще, так сказать, в своем юношестве, где видны во всем одни только начатки,— в таком государстве *поощрение* наиболее нужно. И правительство, избравшее оное средством к руководствованию людей для усовершенствования их в предметах, ими занимающихся, без сомнения, избрало самый вернейший способ к ускорению в том желаемых успехов.

Одни просвещенные государи могут чувствовать нужду в просвещении народном и, следовательно, знать пользы, *поощрением* производимые. Возвратить права разума гонимому и стесненному, освободить его от уз, злым и невежеством на него наложенных, свойственно одной только мудрости. Блаженны те государи и те страны, где гражданин, имея свободу мыслить, может безбоязненно сообщать истины, заключающие в себе благо общественное!

Между человеколюбивыми и благонамереннейшими видами, любезнейшим нашим монархом на пользы отечества простираемыми, наиблистательнее всех обнаруживаются оные в учреждении министерств¹⁷, особливо в учреждении министерства народного просвещения, которое поистине назваться может деревом, а прочие его ветвями.

Почему, соображаясь с настоящими заведениями относительно к просвещению народному, скажу, что посредством только *поощрения* можно вознаградить слишком ощутительный на нашем языке недостаток как в классических, так и других книгах. На сей конец нужно правительству назначить реэстр книгам, которые почтет оно на первый раз полезнейшими для перевода на русский язык, и объявить всем в словесности упражняющимся, что лучший перевод из сих назначенных книг будет правительством принят и достойно награжден. Сим образом не только вскоре увидим мы на нашем языке необходимейшие для нас и лучшие иностранных писателей сочинения, но правительство может даже посредством сего возраждать вкус ко всему изящному и давать оному желаемое направление.

Итак, если учреждение министерств имело ту цель, чтоб, разделя государство на восемь главнейших частей, облегчить чрез то управление каждою из них и дать им всем самый легкий, удобный, верный и твердый ход, разумея, что каждое отделение, вверенное министрам, должно по предмету своему заключать в себе все к нему принадлежащее, то, приняв сие за основание, не могу я не заметить здесь, что все публичные театры сколько по существу своему, столько

и по своей важности непременно состоять должны под ведением министерства народного просвещения.

Я не войду в подробное исследование *пользы и вреда*, театрами производимых. Сие увлекало бы меня далеко от моего предмета. Всякий знает, что *то и другое* зависит совершенно от характера правительства, от направления, которое оно дает театрам, и от начальства, которому оно их вверяет. Скажу только, что театры при благоразумном попечении не менее могут иметь влияния на успехи всеобщего образования, как и училища, для сего заводимые. Сие доказывает, что они составляют отрасль народного просвещения. Я бы желал, чтоб в некоторых губерниях учреждены были театры, поручив начальство над оными людям истинно просвещенным, в сем искусстве сведущим и к отечественному добру расположенным. Следовательно, нужно для сего обеспечить также содержание актеров, из которых большая часть, здешнюю труппу составляющих, претерпевают нужду даже в самых необходимейших потребностях. Не видя никакого себе поощрения, напротив того, будучи гораздо ниже иностранных актеров поставленным и имея весьма малую цену в общем мнении, не только не возбуждаются соревнованием, но даже теряют дух, способности развивающий.

Скажу как россиянин, любящий свое отечество, что нельзя без чувствительнейшего прискорбия смотреть на состояние, в котором находится отечественный театр наш. Не скрою и того, что лучше желал бы я, дабы русский театр при всех своих недостатках предпочтен был всем прочим театрам и чтоб лучший из актеров и лучшие из актрис наших противу лучшего из актеров и актрис французских естли не вдвое, то по крайней мере равное бы с ними получали жалованье. Сие разумею я также и в отношении лучших наших танцовщиков и танцовщиц к здешним французским. Как бы то ни было, естли что можно сказать против этого, то, конечно, гораздо более еще можно сказать в пользу сего. Такое распоряжение послужит великим для русских актеров *поощрением*. Безбедность их состояния извлечет их из уныния, поселит в

них желание превосходить друг друга и таким образом, поставя их на путь славы, даст им новую душу для жизни театральной.

К главнейшим недостаткам нашего театра можно присовокупить еще недостаток в пьесах, достойных быть представляемыми и соответствующих цели сего заведения. Публика ропщет противу сего недостатка, и ропот ее в сем случае справедлив. Ибо естьли рассмотрим, отчего происходит недостаток сей, то увидим, что нет *особенного попечителя*, который бы смотрел, так сказать, над *нравственным состоянием* театра. Но как театр есть не иное что, как *школа нравов*, следовательно, все касающееся до хозяйственного театрального распоряжения может оставаться на теперешнем положении и под настоящею дирекцією; что принадлежит до назначения пьес, долженствующих быть представляемыми, до выбора пьес, которые нужно назначать для перевода на наш язык и чрез то удовлетворять недостаток, русским театром в оных претерпеваемый, также задавать собственным нашим авторам предметы для сочинения театральных пьес, обнадеживая их, что все пьесы, ими представленные и правительством одобренные, без достойного награждения не останутся, — то, без сомнения, надзирание над всем сим ни на кого иного справедливее и приличнее возложено быть не может, как на министра народного просвещения. Ибо кто может лучше и сообразнее его действовать видам правительства?

Наконец, в заключение всего остается мне сказать: когда все главнейшие государственные части таким образом приведены будут в надлежащий порядок, когда получат они свойственную им твердость и силу, тогда государство во всем своем пространстве оживится, согласие во всех его членах возродит сей *народный дух*, который в зеркале веков изобразит характер бывшего правительства, следовательно, представит эпоху благоденствия России и мудрое царствование Александра.

ЧЕЛОВЕК

1804

Зерцало Истины превечной,
Бытий всех зримых обща мать,
Щедрот источник бесконечной,
В ком счастье мы должны искать,
Природа! Озари собою
Рассудок мой, покрытый мглою,
И в недро таинств путь открой.
Премудростью твоей внушенный,
Без страха, ум мой просвещенный
10 Пойдет вслед Истине святой.

О Истина! Мой дух живится,
Паля в селения твои;
За чувством чувство вновь рождается,
Пылают мысли все мои.
Ты в сердце мужество вливаешь,
Унылость, робость прогоняешь,
С ума свергаешь груз оков.
Уже твой чистый взор встречаю,
Другую душу получаю
20 И человека петь готов.

Природы лучшее созданье,
К тебе мой обращаю стих!
К тебе стремлю мое вниманье,
Ты краше всех существ других.
Что я с тобою ни равняю,
Твои дары лишь отличаю
И удивляюсь тебе.
Едва ты только в мир явился,
И мир мгновенно покорился,
30 Приняв тебя царем себе.

Ты царь земли — ты царь вселенной,
Хотя ничто в сравненьи с ней.
Хотя ты прах один возженный,
Но мыслию велик своей!

Предпримешь что — вселенна внемлет,
Творишь — все действие приемлет,
Ни в чем не видишь ты препон.
Природою распоряжаешь,
Всем властно с ней повелеваешь
40 И пишешь ей самой закон.

На что мой взор ни обращаю,
Мое все сердце веселит.
Везде твои дела встречаю,
И каждый мне предмет гласит,
Твоей рукой запечатленной:
Что ты зиждитель есть вселенной
И что бы степью лишь пустой
Природа без тебя стояла,
Таких бы видов не являла,
50 Какие зрю перед собой.

Где мрачные леса шумели
И солнца луч не проникал,
Где змеи страшные шипели
И смертный ужас обитал,
Природа вопли испускала,
Свирепость где зверей дышала,—
Там зрю днесь дружество, любовь,
Зрю нивы, жатвой отягченны,
Поля, стадами покровенны,
60 Природу, возрожденну вновь!

На блатах вязких, непроходных,
Где рос один лишь мох седой,
В пустынях диких и бесплодных,
Где смерть престол имела свой,—
Ты все как бог устрояешь,
Ты невозможностей не знаешь,
То зиждешь селы, то градá,
То царства сильные возносишь,
Каналы чистых вод проводишь
70 И строишь пристани, суда.

Из хаоса вещей пестройных
Воззвав порядок с тишиной,

Проник до дна пучин ты водных,
Откуда бисер дорогой
Исторг себе на украшение.
Но дел великих в довершение
Щедроту ты свою явил:
Земные недра разверзая,
Металл блестящий извлекаая,
80 Богатство по свету разлил.

Какой ум слабый, униженный
Тебе дать имя *червя* смел?
То раб несчастный, заключенный,
Который чувствий не имел:
В оковах тяжких пресмыкаясь
И с червем подлинно равняясь,
Давимый сильною рукой,
Сначала в горести признался,
Потом в сих мыслях век остался:
90 Что *человек* лишь *червь* *земной*.

Прочь, мысль презренная! Ты сродна
Душам преподлых лишь рабов,
У коих век мысль благородна
Не озаряла мрак умов.
Когда невольник рассуждает?
Он заблужденья лишь сплетает,
Не зная природы никогда.
И только то ему священно,
К чему насильством принужденно
100 Бывает движим он всегда.

В каком пространстве зрю ужасном
Раба от *Человека* я,
Один — как солнце в небе ясном,
Другой — так мрачен, как земля.
Один есть все, другой ничтожность.
Когда б познал свою раб должность,
Спросил природу, рассмотрел:
Кто бедствий всех его виною? —
Тогда бы тою же рукою
110 Сорвал он цепи, что надел.

Прими мое благословенье,
Зиждитель-человек! Прими.
Я прославлял в твоём творенье
Не все ещё дела твои.
О, сколь величествен бываешь,
Когда ты землю оставляешь
И духом в облака паришь;
Воздушны бездны озирая,
Перуны, громы презирая,
120 Стихам слушаться велишь.

Велишь — и бури направление
Берут назначенно тобой.
Измерил ты планет течение,
Висящих над твоей главой.
Исчислил звезды, что с эфира
Льют свой свет в пространство мира,
В котором все закон твой чтит.
С природой связан ты судьбою:
Ты ей живешь, она — тобою
130 Свой жизненный являет вид.

Кто показал тебе искусство
Нам в звуках страсть изображать?
То наполнять восторгом чувство,
То вдруг нас плакать заставлять?
Сообразить волшебны тоны,
Проникнуть естества законы,
Таинственный предмет раскрыть,
Постигнуть вечности скрижали
И то, что боги создавали,
140 В музыке то изобразить?

Входя в круг дел твоих пространный,
Я зрю: ты знаки дал речам,
Дал мысли тело, цвет желанный
И способ говорить очам.
От одного конца вселенной
В другой край мира отдаленной
Явил ты средство сообщать
Понятье, чувство, желанье

И нынешних времен познание
150 Векам грядущим предавать.

Кто дал тебе все совершенства,
Которыми блистаешь ты?
Кто показал стезю блаженства
И добродетелей черты?
Кто подал чашу утешений
Против печалей, огорчений,
Могущих встретиться с тобой?
Кто путь украсил твой цветами
И пролил радости реками
160 В объятья дружбы толь святой?

Кто правосудие заставил
Тебя дорожке жизни чтить?
Кто сострадать тебя наставил
И благо повелел творить?
Кто в сердце огонь возжег священный,
Сей пламень чистый, драгоценный,
Которым гражданин живет,
Его что душу составляет.
Любовь к Отечеству питает
170 И твердость духа подает?

Скажи мне наконец: какую
Ты силой свыше вдохновен,
Что все с премудростью такую
Творить ты в мире научен?
Скажи... Но ты в ответ вещаешь,
Что ты существ не обретаешь,
С небес которые б сошли,
Тебя о нуждах известили,
Тебя бы должностям учили
180 И в совершенство привели.

Ужель ты сам всех дел виною,
О человек! Что в мире зрю?
Снискавши мудрость сам собою
Чрез *труд* и *опытность* свою,
Прешел препятствий ты пучину,

Улучшил ты свою судьбину,
Природной бедности помог,
Суровость превратил в доброту,
Влиял в сердца любовь, щедроту,—
190 Ты на земли, что в небе бог!

НАДЕЖДА

1805

Надежда! Что́ ты есть такое?
Пролей свой свет ты на меня,
Скажи: мечтанье ль ты пустое,
Иль луч блуждающа огня?
То зрю тебя я под венцами,
То средь пещер, между лесами,
С кинжалом, с пламенем в руках;
То вдруг исполненну восторгов
Я зрю тебя средь громких хоров,
10 В одеждах радостных, в цветах...

В различных кажешься ты лицах,
Таишь нередко цель страстей:
Преступну мысль храня в убийцах,
Возводишь их на трон царей.
Тобою *Сикст* одушевленный
Приемлет старца вид согбенный,
Чтоб к двéрям рая ключ найти;
Находит — и с душой надменной
Берет державу, крест священной,—
20 И мир готов ему служить.

Иной, тобою обольщенный,
Воссесть мечтает на престол;
Уже народ, им возмущенный,
Несет повсюду тучи зол,
Как вдруг в стремлении сем яром
Падет под гибельным ударом,
На эшафоте распростерт;
Глава отсечена катится,

Струясь, черна кровь дымится.
30 Надежда! Так твой вянет цвет!

Злодей равно живет тобою,
Как муж, исполненный доброт;
Лишь разной их ведя стезею,
Даешь вкушать им разный плод.
От двух начал ты приходишь,
Добро и зло с собой приводишь,
С желаньем быв сопряжена;
Лишь чрез него тебя мы знаем,
Коль есть желанье — уповаем,
40 А без него, что ты одна?

Ты есть ничто, коль нет желаний.
Но кто ж из смертных есть таков?
Кто из людей не полн мечтаний,
Не сделал кто из них оков?
В желаньях мы преград не знаем,
Во невозможном уповаем,
Мы любим обольщать себя,
Без нужд нередко призываем,
Чтоб только быть с тобой — желаем,
50 Скучаем жизнью без тебя.

Воззрю ли на раба в оковах,
Что век в неволе жизнь влачит,
На сирую вдовицу в стонах,
Что тощей смерти кажет вид;
Зря одного в цепях железных,
Другую зря в мученьях слезных,
Я вопрошаю сам себя:
Что держит в жизни сих несчастных?
Надежда! Дней они ждут ясных,
60 И жизнь мила им чрез тебя.

Но что ж есть в существе ты самом?
Даешь ли истинный ты плод?
Под плотным кроясь покрывалом,
Лишь обольщаешь смертных род.
О, если б кто рукой враждебной

Сорвал с тебя покров волшебной
И обнаружил нам тебя!
Тогда б пред нашими очами,
Как в зеркале, мы зрелись сами,
70 И всяк в тебе узнал себя!

Желаний наших ты зеркало,
Существенного нет в тебе:
От них приемлешь ты начало,
Ничто сама ты по себе.
Ты есть ничто, как продолженье
Не приведенных в исполнение
Желаний наших и затей.
Но от желаний кто отстанет?
Равно надежда не пристанет
80 Несчастных обольщать людей!

БОГ

ода

1805

Систему мира созерцая,
Дивлюсь строению ея:
Дивлюсь, как солнце, век сияя,
Не истощается, горя.
В венце, слиянном из огней,
Мрачит мой слабый свет очей.
Но кто поставил оком миру
Сей океан красот и благ?
Кто на него надел порфиру
10 В толико пламенных лучах?
Теченьем правит кто планет?
Кто дал луне сребристой цвет?

Кто звезды на небесном своде
Во время ночи засветил?
Кто неизменный сей в природе
Порядок дивный учредил?
Стремится к цели все своей —
Льзя ль цели быть без воли чьей?

Где есть порядок, есть и воля,
20 Которая хранит его:
Вселенной всей зависит доля
От тайного ума сего;
Но льзя ли мне сей ум познать,
Что мог по воле мир создать?

Спросил я сердце — и решение
В моих я чувствах нашел.
Ужели все, что зрю в творенье,
Слепой то *случай* произвел?
Да что ж есть *случай* сей *слепой*?
30 Лишь слов без смысла звук пустой.

Но если случай мог явиться
Такой, чтоб мир сей произвести,
То надо также согласиться,
Что случай сей не первый есть.
И льзя ль, чтобы хотя один
Родился случай без причин?

Как можно то назвать случаем,
Где зрю предмет созданий я?
Чрез опыт собственной мы знаем,
40 Что предприятию нельзя
Без воли доброй или злой
Свершиться самому собой.

Есть, стало, тайно разуменье,
Что миром управляет сим.
Исчезло все недоуменье!
Есть воля — хоть творец незрим.
Она по действию видна,
Вся ею тварь одарена.

Но кто из смертных проицает
50 Во *сущность* воли своя,
Хоть тем не мене ощущает
Чудесно действие ея?
Равно постигнуть существа
Нельзя нам *воли* божества.

О ты, кого не постигаю,
Но в ком творца миров чту я!
Кого я богом называю,
Хоть самого не зрю тебя,—
Но благость мне твоя видна
60 Вселенна дел твоих полна.

Что слышу: вопль мой слух пронзает!
Я внемлю ропот, стон людей.
Тот руки к небу воздевает,
Лия ручьи слез из очей.
Другой, не зря бедам конца,
Винит в отчаяньи творца!

«Почто, почто меня караешь? —
Вещает в торести своей.—
Детей мне данных погубляешь,
70 Что крови стоили моей:
В ком мнил иметь подпору я,
Ты то отъемлешь у меня.

Уже цепями обремененны,
С улыбкой их влачит злодей;
Добычей сею восхищенный,
Смеется слабости моей.
И не щадя власов седых,
Сосет их кровь — в очах моих!»

Повсюду слышу лишь стенанья!
80 Народы ропщут на творца:
«Доколе будешь злодеянья
Взводить на трон под сень венца?
И под щитом лучей своих
Щадить коварных, гнесть благих?»

При вопле сем небесны своды
Мгновенно, страшно потряслись,
И по пространству всей природы —
Сильнее грома — раздались
Священные слова сии:
90 «О человечество! Внемли:

Почто свой пропот ты возносишь
И ставишь бед меня виной?
В чем беспорядок ты находишь?
Вещай теперь передо мной:
Не то ли солнце и лучи,
Не тот ли месяц зрим в ночи?

Какую видишь ты премену
В системе мира? Возвести;
Окинь очами ты Вселенну,
100 Взгляни на всех планет пути,
Что я повесил над тобой;
В чем зрит нестройность разум твой?

Или не той идет чредою
Течение годовых времен?
Престали ль цвести древа весною,
Иль лето не родит семян,
Что зреют осенью златой,
Иль нет полям ковра зимой?

Иль дней твоих для сохранения
110 Я мало ниспослал даров?
Ужели в поле наслажденья
Находишь мало ты цветов?
Где только ты ступил ногой —
Там терн растет колючий, злой!

Вещайте вкупе все народы,
Чего — любя вас — не дал я?
В утробе зримые природы
Вы все найдете для себя.
Все счастье ваше в ней одной;
120 Вы сами ваших бед виной!

О человеки! Вы виною
Терпимых между вами бед!
Коль кровь сирот течет рекою
Коль правосудья вовсе нет
И суть злодейства без числа,
То ваши — не мои дела!

Где опыт, где рассудок здравый,
Что вас должны руководить?
Они покажут путь вам правый,
130 По коему должны итти.
Лишь под щитом священным их
Найдете корень зол своих».

О бог мой, милостей податель!
Ты, коим жизнь храню мою,
Отец существ и их создатель,
Возари на жертву чувств сию:
Доколь огонь духа не погас,
Услышь мой благодарный глас!

ОДА НА ПРАВОСУДИЕ

1805

Правосудие есть основание всех
общественных добродетелей.

Гольбах ¹

Блаженство смертных, царств подпора,
Злодеев страх, невинных щит,
Ты, коего трепещет взора
Порок, хоть он венцом покрыт.
Ты, кое лиц не разбираешь,
Равно щадишь, равно караешь
Рабов, вельможей и царей;
Ты, без кого б и боги сами
Не почитались бы богами
10 И не имели олтарей.

О Правосудие! Тобою
Хранится только смертный род.
Где ты — там с мирною душою
Трудов своих вкушает плод.
Где ты — там собственность священна,
Тобою твердо огражденна,
Ликует в счастливых сердцах.
Там всюду золотой рекою

Текут сокровища с тобою
20 И зрится радость на челах.

Где ты — там царствуют законы,
Там человек всегда почтен,
Там тверды в основаниях троны
И к правде путь не загражден.
Там истина без страха ходит,
Ко всем без робости подходит
И чистою своей рукой
Личину с зависти срывает,
Коварство, мщенье обнажает
30 И кажет умысел их злой.

Где ты — там равными правами
Граждáне пользуются все.
Там над породой и чинами
Заслуги верх берут одни.
Там гнусна лесть у всех в презренье,
Наружный блеск не в уваженьи,
Не чтут достоинством его.
Богатый с подлою душою
Ничто пред честной ницетою;
40 Добро превыше там всего.

Где ты — там вопль не раздается
Несчастных, брошенных сирот;
Всем нужна помощь подается,
Не раболепствует народ.
Там земледелец не страшится,
Чтобы насильством мог лишиться
Им в поте собранных плодов.
Любуется, смотря на ниву,
В ней видя жизнь свою счастливую,
50 Благословляет твой покров.

Где ты — там воин презирает
Опасности и жизнь свою.
Умру! В восторге восклицает,—
Умру за родину мою!
Я жизни ввек не пожалею,

Хотя жену, детей имею;
Паду ли от врагов моих
И более меня не будет,—
Тогда закон их не забудет,
60 Есть Правосудие для них.

Где ты — там Гений Просвещенья,
Лучами мудрости своей
Открыв зловредны заблужденья,
Ведет на путь прямой людей.
Науки храмы там имеют,
Художества, искусства зреют,
Торговля богатит народ.
Там дух зиждительный свободы,
Проникнув таинства Природы,
70 Сторичный собирает плод.

Душа покоя и устройства,
Источник всех великих дел!
Ты образуешь дух героизма,
Бессмертие есть твой удел.
О Правосудие! Не можно
Тебя нам описать, как должно;
Ты божество между людей!
Природа в красный день весною
Не восхищает нас собою,
80 Когда не зрим твоих лучей.

Где нет тебя — там все рыдает,
Все стонет, смерть к себе зовет;
Пожар вражды везде пылает,
И жертвы острый меч сечет.
Там всюду кровь течет ручьями,
Родители в борьбе с сынами,
Сыны против отцов идут.
Там сетует сама Природа,
Права отъяты у Народа,
90 И тигры агняцов там пасут.

Где нет тебя — там все несчастны,
От земледельца до царя,

Законы дремлют и безгласны,
Там всяк живет лишь для себя.
Нет ни родства, союза, веры,
Там видны лишь злодейств примеры,
Шипят пороки и язвят.
Там выгод нет быть добрым, честным,
Быть другом искренним, нелестным,
100 Там чашу смерти пьет Сократ².

Где нет тебя — там нет невинных,
Там гибнут все своей чредой;
Тот ныне жертвою был сильных,
А завтра сильных жребий злой
Ведет на эшафот кровавый.
Там совесть и рассудок здравый
Не сильны произнести свой глас.
Народы там живут без цели,
Для коей жить они хотели;
110 Горят раздоры всякий час.

Но если то должно случиться,
Что мир с своей оси падет,
Вселенна в хаос погрузится,
И солнце шар земной зажжет,—
То роковой сей день Природы
Тогда постигнет лишь народы,
Когда ты скроешься от них!
О! лучше мир пусть истребится,
И больше смертный не родится,
120 Чем жить ему в бедях таких!

Нет, нет, живи ты вечно с нами,
Храни сей мир, храни людей,
Да твой обвитый скиптр цветами
Составит счастье наших дней!
Совокупи ты все народы,
Детей единыя Природы,
Под сень державы твоя;
Владей над целою вселенной
И сей внушай закон священной:
130 Что нет блаженства без тебя!

Василий Федорович
МАЛИНОВСКИЙ

ИЗ ДНЕВНИКА

1803

С.-Петербург 21 мая 1803 года

Белозерка, 27 июля 1799

Недостатки писания в сей книге можно наградить описанием в ней недостатков России и средств к воспоможению против оных.

Недостает России людей,

»	»	законов,
»	»	просвещения,
»	»	старых генералов.

Законы переводятся; к просвещению университеты и училища назначены.

Недостает общего духа. Без духа тело мертво, следовательно, и законы и просвещение не совершенны. Родит дух общий такое правление, в коем общество имеет часть.

Недостает в столицах и даже в губернских городах благонравия.

Недостает страха божия,

» правды на судах.

О разврате и роскоши.

Более наставлений и увещания. Чтение слова божия.

Ныне есть время благоприятнейшее исправить участь России.

Монарх расположен к добру, не властолюбив, не надмен, он не презирует своих подданных, не пожалеет разделить свою власть с обществом, имея на свою часть любовь и почтение.

Пример Франции страшен для всякого исправления, но пример Франции в то же время показывает опасность дожидаться того, чтобы зло против воли сверх чаяния произвело на предуготовленную перемену.

Впрочем, пример Франции есть одно пугалище, которым пользуется недоброжелательство для отвращения от всяких добрых начинаний.

Бесспорно, надлежит России управляемой быть единым. Но не мешает, чтоб сей единый ограничен был от самопроизвольного делания зла. Спросить кроткого монарха, пожалеет ли он расстаться с сею властью русских царей рубить и вешать, сечь и засылать в Сибирь без разбору правого с виноватым, по единой досаде или лукавым наветам. Пускай ему останется власть миловать, снисходить и прощать, рассуждая случаи, непостижимые общему непреклонному закону наказаний.

Власть над войсками его, власть гражданская исполнительная неотъемлема у него. Ничто не мешает приводить в действие необходимые по пространству России скорые меры.

Но пускай судит после все поступки его министерв собрание доверенных от общества: вельможи сделаются осторожнее, имея отвечать и государю и народу. Неспособные или злые долго не останутся в силе и добрых не выгонят.

Избранию доверенных особ поставила пример и учреждение великая императрица¹.

Да призовутся сии депутаты еще раз. Они решат в своих комитетах, какие законы по какой части пристойнее России, и сообразят все разделения с целым. Как может одна голова обработать все законодательство великой империи.

Сии депутаты должны составить неперемennое собрание, переменяя свои выборы через четыре года. Все дела общественные подлежат их рассуждению, все

налоги и поборы решаются ими и, утверждаемы государем, приводятся в исполнение.

Тогда родится общий дух. Публика заниматься будет не безделицами и не пустяками, но делом и суждением о управляющих и деяниях их.

Тогда родится желание доброго мнения, уважения, достигаемого достоинствами и добродетелями. Тогда будет общее стыжение и страх порока претерпеть поругание даже прежде осуждения законом.

Подлое мздоимство на судах устранилось, изгоняемо сведением всех судопроизводств.

Раболепие, сие уродование российского права, заменится благородством духа.

24 мая

Между тем правление российское ныне есть деспото-аристократия, владыко-вельможное. Молод и непривычен монарх, вельможи исправляют власть и волю свою именем государя.

Учрежден Совет², все дела стекаются в него — военные, сухопутные, морские, духовные, гражданские, хозяйственные, разделенные на секретарства или экспедиции. В сем Совете решились и определились все важные интересы государства.

Но если что случилось худо, никто именно не отвечал. И слава доброго, также будучи разделена, не возбуждала живого участия.

Вздумали разделить дела по членам и каждому особое поручить с надлежащею властью, чтобы в упущении не отговорился никто своею посторонностью, всякий занимался своею частию, посвящая оной все время внимание.

И так вышли министры иностранных, внутренних, военных сухопутных, морских, судебных, казначейских, торговых и ученых дел.

Нет только министра духовного, но разумеется им быть здешний митрополит.

Походит, правда, сие учреждение на французское. И там есть министры внутренних дел, и военных, и проч., может, с них и взят образец.

В Совете сходятся опять в одну точку все различные части правления и соглашаются в общее устройство,— это хорошо.

Но еще и Сенату дана власть следовать поступки министров и спрашивать у них отчета в их делах. Сенат притом получил новые преимущества и большую власть. Но неудачные попытки в возражении противу указа о долголетней дворян службе в нижних чинах и полученный за то выговор³ остановили все другие представления сего уважаемого корпуса. Министр-сенатор может легче исходатайствовать высочайшее повеление, нежели убедить и согласить всех сенаторов на свое мнение. Итак, по свойству самолюбия ожидать должно, что мнение его всегда будет повеление, или он упадет; во мнении публики упал и сам Сенат, когда обнародовано, что ограничиваются его представления одними делами старых указов. Итак, он остается старым Сенатом, главным судилищем тяжёбных дел, по очереди весьма долго тянувшихся, с утомлением просителей, разоряющихся хождением и подарками секретарям.

Сии не так ленивы и роскошны. Они просиживают ночки за делами и указы подбирают по местам.

Есть и сенаторы трудолюбивые и в судопроизводстве опытные; но дело о государственном правлении — желательно б видеть сенатором великого человека. Державин предприимчив, смел и горяч с твердостью, он бы пожелал таковым быть, но покуда министр довольствуется повелевать Сенатом. Знает или нет, а кто-то и у него взятки собирает, также и у доброго министра коммерции.

Но это зло неискоренимое в России по образу ее правления, по воспитанию, недостатку истинной гордости, стыдящейся более низкости доходов, нежели умеренности расходов; лучше, считают, ехать в карете, проданной за тяжбу, нежели с честностью идти пешком.

Правительство понуждает даже брать взятки определением множества судей с недостаточнейшим жалованьем. Правительство искушает честность, оставляя ее в бедности.

Пускай будет менее чиновников, а более жалования — вмятерю. А после — за пять тысяч верст первого, кто возьмет. Но пощадить невольного дателя. Сей закон поддерживает взяточничество, делаются условия письменные наперед о разделе барыша. Иной начальник губернии ничем не корыствуется и бранит и журит судей, но унять не может, потому что его дело не законы и суды, а ружье: оно не знает, где поймать виновного.

Зачем же обременять таковых в мучение и тягость совести?! Обычай такой. В России всякой все будь. А губернаторы, тоже из военных часто, первое — случай⁴, второе — чин, а затем — достоин!

В старину просились у государя на воеводство покориться, ныне за тем же ездят.

Губернатор или сам берет, или дает волю брать: по всей России так, за исключением некоторых соединяющих с честностью трудолюбие и опытность.

Губернатор важное дело. В столице здесь судят министров и сенаторов и проч., там один губернатор все — участь великой области зависит от него и, следовательно, всей России от их попечения или нерадения, невежества или знания и проч.

Натурально он по связи и знакомству приятель всего богатого, а бедный народ — кто внемлет его стону по всей империи!

Просьба к императору и справка к губернатору.

Случается, начальники явно говорят против жестокости помещиков, но обуздают ли их неправды! Сами боятся и считают случайности и связи при дворе и в столице.

Великая беда России. Случайность и покровительство. Лишить места ничего не стоит, только захотелось вельможе. Буде нет случая и покровительства, с одною исправностью и честностью долго не усидишь.

Великий судия народов, призири на состояние России, распутство в ее столице, утеснение и неправда в отдалении раздражают твой праведный гнев, но потерпи и настави на путь истинный.

Народ в низкой степени подавлен суеверием, невежеством, рабством, лишает себя последних сил распро-

страняющимся пьянством. Каждый кабаk в селении составляет эпоху его благонравия и изобилия.

Винные откупы — разорение государству!

Напившись когда возматется народ и разрушит насильственные узы рабства!

Помыслить надлежит о освобождении заблаговременно: рабство есть поджига бунтов и мятежей.

Есть указ о освобождении по выкупу с согласия помещика⁶. Крестьян богатых и дворян расточительных довольно найдется. Но чтоб они не поссорились, одни будут много просить за увольнение, другие пожалеют дать.

Не лучше ли определить законом цену откупа и найма земли и решительно узаконить, чтоб всякого исполняющего указанные условия освобождать без уважения к согласию помещика.

Дворяне так привыкли к рабам, что думают: без них и крестьян не будет, иначе для них предоставляется новый банк для вспоможения всяким нуждам и долгам. По расчету: 100 душ куплено за 10 т[ысяч] рублей, откупу 30 т[ысяч] рублей, ежегодного дохода за наем земли 500 десятин — 1000 рублей. Итак, десять процентов долой (sic), а с капиталу еще самого верного доходу 1500 рублей.

Хотя есть достаточные крестьяне, которым легко заплатить 300 рублей с души, но вообще сия цена велика и тягостна для бедного и семьянистого мужика — лучше прибавить цену за наем земли.

Многие помещики захотят себе оставить господскую землю; привыкнув к хозяйству и будучи в оном искусны, они с пользою общества могут удержатъ свои земли. Притом же и другим нечего будет делать в деревне без хозяйства.

Положить дни работные вместо денег за наем, но трудно судить бывшего раба с господином, скажет, худо работает — нанимать работников. Цена работы, цена хлеба и цена земли будут в равновесии.

Законодательство должно быть осторожно, чтобы не завести в России, как в прочих странах Европы, крестьян безземельных, в Германии называемых мелкими людьми, а в Англии хижинниками (cottagers), потому

что, кроме хижины и огорода, ничего не имеют. Сия перемена произошла там от возвышения поземельной подати. Не в состоянии нашедшиеся платить оной, распродали свои земли и обратились из хозяев в сельские работники или разошлись по городам и поспешествовали разведению фабрик и рукоделий, от того времени свою эпоху имеющих.

Россия по своему пространству имеет нужду — не только выгоду — в обработке земли предпочтительно всем другим промыслам, которые купно с торговлею должны содержаться в умеренном отношении к ободрению сельского хозяйства, имея оной своим единственным предметом, только чтоб хозяева имели куда сбывать свои произведения.

Кто любит добродетель и отечество, должен стараться о прекращении рабства. Оно портит нрав россиянина. Сия заносчивость, запальчивость и купно низкость и раболепствие — от воспитания, житья и обхождения с рабами. Готовые жертвы гнева, они своею безответною покорностью питают то и другое и по отношению состояний между собой приучают нас самих так же поступать друг с другом. Вышних гневливость, грубое обхождение, непристойные брани и терпение подчиненных — от корени домашнего рабства. Человек приучается, с одной стороны, к неограниченной воле, с другой — к покорности и слепому повиновению. Самовольство и страх — плоды рабства.

Сие различие в обхождении вышних с подчиненными иностранцами и русскими оттого, что сих привыкли видеть рабами. Камердинер — раб, а секретарь — его брат земляк. Глубокомысленный примечатель знает сей переход или переливание мыслей.

2 августа. Именины

Неправедны русские, насильственны, утеснительны при добром сердце от сего слепого повиновения и непреодолимого терпения рабов.

О созвании депутатов

Россия велика, но не устроена, она не имеет уложения, управляется по случаю, и на злоупотребления

слишком приметные довольно считается выдать указ. Зло остается на своем корени.

Надлежит собрать депутатов для соображения недостатков и злоупотреблений всей империи, для советования о пособлении оным и для составления надежного правления и сообразных тому непременных законов. Иначе Россия пропадет, управляясь временными повелениями, одно другое разрушающими; во всем приметны то излишнее равнодушие и совершенное нерадение, то крайняя поспешность и рвение; дела на скорую руку непрочны, бесполезны.

Собрание депутатов — одно верное средство пособлению всех зол и недостатков. Оно положит верное основание общему благоденствию.

Оно 1) неопасно, 2) законно и 3) необходимо нужно.

1. Пример Франции недостойн быть упомянут: там государь поневоле собрал депутатов, не имея средства более пособить чрезвычайным долгам и недостаткам своих доходов, здесь — из единого великодушия и желания общего блага.

2. Законно сие собрание, поскольку что было когда законно в России, где воля государя есть закон России, и все по воле царствующего могущее совершиться есть законно.

3. Необходимость сего собрания доказывает недостаток законодательства и невозможность доставить оное России во всем совершенстве без общего соучастия.

Когда новоожидаемые законы без общего соучастия изданы будут, Россия по времени найдет их недостаточными и подвергнется по необходимости неудобству перемены. И тогда с шумом падет сие здание и опасностию подавит окружающих оное.

Россия довольно просвещена была и в прежнее собрание депутатов, ныне же она в самой счастливой среде. Через полвека она не будет столь же удалена от общего подражания, и между тем могут случиться и худые примеры.

Ныне самая опасная Франция представляет добрый пример порядка и твердости правления.

Известный ответ министра о медленности составления законов комиссией гласит: «Законы не суть действие единой только власти, но действие *благоразумия, справедливости и порядка*».

Если б довольно было повелеть сочинение законов, то бы уже давно оные были составлены; но мы видим в том же ответе, что Россия тщетно домогается сего быта почти целые сто лет, и мы остаемся до днесь при той же книге Уложения, в которой писаны законы «не для свободных граждан, а для рабов».

Итак, буде не составляются законы единым повелением, то нет иного средства, как общее о них советование.

Закон есть изъявление общей воли, и чтоб новое законодательство не составлено было подобно старому уложению для одних рабов, надлежит всемерно пригласить все государство к соучастию в созидании его благоденствия; и тогда будут законы действия, *благоразумия, справедливости и порядка*. Когда же они сочинятся под смотрением одного министра, они будут действием единой власти составлены и во исполнение приведены.

Комиссия о сочинении законов ⁶ не потеряет ничего собранием депутатов. Она все будет «заниматься выписками и сличением материалов». Депутаты не мешают в сей работе, но неутомимое размышление облегчится общим советованием. *Один ум хорошо, а два лучше того*.

Министр принужден теперь последовать единому своему умоначертанию во всем, что касается до безмерного пространства России, тогда он найдет себе достойных сотрудников, обогащенных опытными сведениями, тогда по соображении оных явятся «единообразие и добрые законы, которые не по одной власти, но из собственной воли все возлюбят».

Что собственною волею избирает человек, то и любит он.

«Необходимость принуждает прибегнуть к лучшим кодексам европейским», — гласит оный ответ министра и упоминает об одном из Пруссии выписанном и о другом неизвестном. По удобности из сих заимствоваться

будет для российского законодательства. Но чтоб без ошибки решить, поскольку удобны сии заемные законы российским нравам и обычаям, надобно испытать прежде, послушать чрез депутатов мнение представляемого ими народа, годится ли тот или другой иностранный закон. Без сего испытания и примеривания новые законы будут действием власти, а не благоразумия.

Справедливость и порядок требуют узнать общее мнение, выслушать противные причины и по сему соображению поступить.

Всякий хозяин строит для себя дом, как ему надобно; но великое здание законодательства, объемлющее благоденствие всей империи, должно ль соорудиться без общего сведения и соучастия?

Законоположение для народа «должно всегда сообразоваться нравственности его»: чтобы познать точно народ, рассеянный по великому пространству России, и определить его нравственность в настоящее время законодательства, надлежит его видеть и слышать в собрании своих полномочных.

По двум столицам не должно судить о нравственности россиян: обозреть их и познать настоящий образ мыслей и определить нравственность толь же трудно и медлительно, как собрание законов. Хоть бы выбрали самых искусных людей в познании природы человеческой, то всякий по-своему бы изобразил состояние жителей; депутаты каждой провинции подадут верный способ познать настоящий образ мыслей народа и степень его нравственности, сами будучи живые подобия приславших.

Но короче сказать, законоположение без соучастия законополагаемых, без совета их и представления бедственное настоящего недостатка законов. Лучше россиянам прожить еще несколько лет в обветшалой своей храмине и дождаться счастливейшего времени, когда сами [с]могут с общего совета начать новое прочное здание.

«Хорошие законы гражданские есть то наивеличайшее благо, что может дать государь своему народу». Императрица Екатерина II, чувствуя всю силу сей истины, войнами токмо развлекала свое внимание от

благодетельного намерения, но обнародование Наказа Комиссии и совершившееся созвание депутатов поныне остаются надежным и неперменным основанием российского законодательства для великодушного и благодетельного императора Александра, для почтения и любви, которые он сохраняет к ней, для довершения ее славы и благоденствия всей России, предложит сему монарху дать своему народу сие наивеличайшее благо.

Наказ Комиссии и созвание депутатов — сии суть неперменные основания законодательства, начертанные в уме и запечатленные в сердце всякого любителя отечества и верного сына России. Всякое назидание, несоответственное великому основанию, недостойно оно. Не довольно того, что «огромная машина по натуре своей идет тихо и медленно», но невозможно ожидать, чтобы совершилось оное сообразно мудрому начертанию, когда не теми строителями, которыми начато, и из других бедных материалов докапчивается.

Когда собраны будут все иностранные законы и предложены сынам России на языке их, тогда они в головах их образуются и, смешаясь с национальными мыслями, поколику могут быть сообразны оным, примутся, тогда россияне приноруют иностранное себе, поелику удобно, и на место неудобного придумают свое. Тогда явятся свои ученые законоведцы, какие находятся в просвещенных государствах.

Сообщение мыслей родит разум и познание, как ударение кремня-железа сыплет искры, так сии общественные исследования открывают истину.

Начертание к пространнейшему убеждению о собрании депутатов.

Начало и основание обществ для общего блага.

Происхождение власти.

I. Законодательная и II. Исполнительная.

I. Временная, но для непредвиденных случаев и перемен в состоянии народа и для бдения сохранения закона продолжающаяся.

II. В отношении к другим народам и своим подвластным, политическая и судебная.

1. Начальство и управление военных сил.

2. Судопроизводство.

I. Законы для народа и им устанавливаются: сам не может желать себе вреда.

II. Война и мир для народа и им решится и производится.

III. Подати им платятся и им употребление повелено управлению исполнительной власти с отчетом.

8 августа

Великая обида россиянам почитать их неспособными для составления своих законов! Доселе толь знаменитые в Европе своим мужеством и победами, они законодательством покажут, сколь великого почтения достойны по дарованиям своего быстрого ума и тонкого понятия.

Слава народа требует сего великого опыта, и кому она дорога, тот усердно пожелает обратить взор Европы на своих соотечественников, созидателей законодательства; и кто знает свой народ, тот не побоится, чтобы знаменитое его собрание постыдило себя.

Напрасно думают — страх главное побуждение россиянина: бесстрашные его дела доказывают тому противное. Поревнование ему наиболее свойственно, возбужден оным, из доброй воли он сносит труды и опасности. «На людях и смерть красна», — говорит русский. «Жить вместе и умереть вместе», — он же сказал. От того сие *удальство*, толь свойственное и обыкновенное народу, даже до вреда, ибо за недостатком достойного предмета на бесполезный и недостойный обращается.

Пусть посмотрят российский народ в лице своих полномочных соединенным, в общественных делах участвующим, когда поревнование его, обратившись к достойнейшему предмету, удивит Европу своими великими и скорыми успехами богатырскими.

Пусть иностранные толкуют о первоначальном общественном условии — оно есть токмо идеальное, русские могут основать свои права надежнее на созрении своего ума. Как дети, они были под опекою, мало от-

личны от рабов, в совершенном возрасте требуют вступить в свое наследство и управляют им сами: кто им откажет? По какому закону останутся они в вечной опеке? Чем они провинились? Когда они худо будут управляться, тогда будут наказаны лишением собственного управления.

13 августа

Чтобы облагородить русских людей, показать их разум пред целым светом и уверить их в самих себя, надлежит дать им работу законодательства.

Глас народа, глас божий. 19 августа

I

Водарившийся весною, оживи подобно ей отечество твое Россию; тебя любят сыны ее, они чают от тебя своего благоденствия, никакая досада не охладила их сердца; надеждою оно исполненные, они просят тебя, великий государь, собери их постановить надежные законы. Покажи свету уверенность свою в их любви и твое отеческое о благе их попечение. Отвергни недостойное тебя, человеколюбивый, кроткий монарх, сомнение, повели выбрать доверенных из всея империи и насладися любви и усердия всего народа — благодарность за удостоение его участвовать в законодательстве наиболее токмо умножит верность и повиновение.

Правление должно отличать от его действия. Правление ограничено, а действие его свободно.

Нетельбладт: правление не увеличивается или не уменьшается от обширности или малости областей.

«Государь не ангел» — сие великому только духу свойственное всенародное признание открыл Петр Великий.

«Государь приметил в народе своем довольно просвещения познавать цену общественного блага, дал нам случай поставить на мере обязанность верховного судилища, следовательно, возможного и прочного благоденствия империи».

Сенат обрадовался ожидаемому возвращению своих преимуществ и прав, и один из членов его с поспешностию произвел из новоождаемого постановления возможное и прочное благоденствие империи. Но Сенат по существу своему есть токмо главное в империи судилище; но от возвращения его права и преимущества не следует ни возможное, ни прочное благоденствие империи; к сему потребно другое установление, подобное великобританскому верхнему и нижнему парламенту; настоящий Сенат подобен только прежнему парижскому парламенту. Он есть по воле государя и обязан оную исполнять беспрекословно, подавая собой подчиненным местам пример повиновения.

Но между всем народом и государем есть особенная обязанность, и поставить оную на мере действительно есть то же, что основать возможное и прочное благоденствие империи.

Сия взаимная обязанность есть закон; хранилище его — собрание полномочных. Оно одно может оный по обстоятельствам и востребованиям случая изъяснить, распространить и переменить с общим согласием государя.

По непосредственному с народом сношению полномочные имеют всю силу оного, устами их вещает народ, возражение их есть возражение народа. Тут воля с силою сопряжена. Но Сенат ни на что не опирается. Он висит на воле государя и, когда отстанет от оной, падет и разрушится.

Сенаторы побуждаются награждениями государя, полномочные — любовью и почтением народа. Поколик благороднее сии, потоплику и дела, чин, ленты и имение, тщеславие и корысть не могут произвести тех дел и добродетелей, которыми удивляют любовь отечества и славы.

России свойственно переходить в аристократию; Совет или паче члены его — министры имеют ныне без всякого особенного полномочия много власти, если не столько ж, как при Петре II и начале царствования императрицы Анны.

Нельзя принудить монарха иметь более участия в делах, нежели сколько он сам желает, и потому невоз-

можно и отнять великую власть приближенных его, которую он им дает, не надеясь сам на себя по своей неопытности или желая иметь более отдохновения и досугу.

Когда государь российский сам все делает, никто не смеет мешаться в правление, но когда угодно стало государю убавить своей власти и допустить других к действительному соучастию в правлении, то уже спрашивается токмо, с кем лучше оную делить. Полузнатные и средние ничего пред самим государем, имеют право равняться с первыми вельможами, и когда сии великую власть имеют, то позволительно оным желать соучаствия, ибо между ими есть равенство по их роду, богатству и даже преимуществу, особливо по разуму и личным достоинствам; они принимают самого государя в посредники, и послику могут более добра сделать без всякой корысти и награждения, но для одной любви отечества и славы, то самые побуждения дают им преимущество.

Кроме допущения самим государем до соучаствия в управлении другое право к тому есть общий выбор, по удостоверению в усердии к общему благу и способности споспешествования оному.

Сие право столь же основательно и верно, как и то, коим государь сам удостоивает подданного своей власти в ожидании общей пользы; государь об оной печется по своему долгу и обязанности, а все общество — по природному побуждению, как сие есть неотъемлемое, неизгладимое право народа, так и средство к удовлетворению природного о себе попечения.

Сообщение государя императора непосредственное с Сенатом пресечено, и оттого, по предварительному его признанию, он обратился в немощное тело, дух равнодушия овладел членами оного; и первый удар нанесен сильным защитником прав Сената, когда он принял на себя так называемую им оберегательную власть и когда чрез него одного Сенат стал иметь сношение с государем.

Министерство разлучает государя с тем Сенатом и нарушило его права, например Сенат представляет кандидатов на губернаторство, а министр их сменяет и

указом государя новых без воли и сведения Сената определяет. По истории Сената со времен Петра I видно попеременное уничтожение его власти учреждениями Совета или Кабинета. «Императрица Елизавета подняла Сенат на прежний степень, уничтожив происками некоторых составленные новые правительства в нарушение порядка правления, отчего ослабло правосудие и возрастали упущения в государственных делах».

Сенат ненапрасно хвалится преимуществами своими в царствование сей благодетельной ему и народу императрицы. Она действительно ему давала отчет в важных государственных делах. В представлении Сената нынешнему императору о правах и преимуществах его поминается об одном: чтоб «без доносу и челобитья по одним обстоятельствам, известным Сенату, зло прекращать и искоренять. Всякий сенатор по своей чистой совести должен представить о происходящем вреде в государстве и беззаконниках, ему известных, без всякого пристрастия».

Сие право толь велико, что делало Сенат подобным великобританскому парламенту, каждый член которого имеет право представлять о всяких злоупотреблениях для искоренения оных, и оттого каждый член имеет право обратиться в закон свое предложение, буде оно принято большинством голосов.

Пускай справится Сенат в своих секретных архивах, он найдет там не упомянутое еще в своем представлении право мешаться в политические дела государей в рассуждении мира и войны; поелику чрез него издаются повеления о наборе войска, то он и удостоен был некогда таким указом, который своим примером уполномочивает его спросить государя, по какой причине повелевается набор рекрут. Императрица Елизавета гораздо прежде объявления войны прусской сообщила Сенату причины оной и не иначе как по удостоверении Сената в основательности оных повелела собрать означенное число рекрут. Сохранена государственная тайна купно с должным уважением, отличное от того наружного, которым он хвалится в царствование имп. Екатерины II, когда он приходил к ней в *своем качестве* говорить похвальные речи! В каждый

новый год или при заключении каждого мира, не зная уже, зачем он был нарушен при кроткой чистосердечной Елизавете. Сенат был верховным правительством, средним между государя и народа. Представьте его в двух положениях: во-первых, с важностью разбирающего причины войны прусской и убежденного оными повелевающего вооружения и потом приготовляющего принести поздравления государыне императрице с Шведским миром, когда одна забота — закрыть минувший страх столицы и стыд допущения себя застать в такой оплошности...

Земледелие недостаточно. Много пустых земель — населению их мешает, что захватили их господа, кто берет землю для себя, тот и обрабатывает ее. Мера дачи пустых земель 12 тысяч десятин, дай по 30-ти десятин людям истинно работающим...

«Премудрый монарх (Петр Великой), удерживая законодательную власть в лице своем, как она по *пространству и составу России* должна существовать навсегда единственно и неограниченно в особе царствующего монарха, учредил верховное место, дав оному всю исполнительную власть».

Пространства и состав России требуют исполнительной власти в особе монарха, но законодательная власть есть постоянный и неперемennyй устав общежития какого-либо народа, по особливым его свойствам и обычаям и умоначертаниям. Сие смешение двух властей, различных по существу своему (как известно последнему ученику в законоведении), смешивает все законы с единою волею государей и рождает состояние незаконности лютейшее турецкого самовластия, ибо там алкоран считается превыше воли султанской, а у нас кто священным словом удержит власть монарха! Отобразение деревень у монастырей подавало случай к употреблению сего орудия и возбуждало живейшее участие духовенства, оным управляющего.

Роскошные, пышные пастыри народа умолкли, когда наступило время расстаться со своим богатством, которое во зло употребляли, упиваясь шампанским, и каменки говорят и в банях им поливали. Один Арсений вооружился силою писания, невинен в своей совести, он явился смел и пострадал. Сибирь прибавила сим праведным число героев истины и любви отечества, пострадавших в его пустынях наравне с злодеями и извергами человечества.

«Если кто из народа приватно приобрел право определять ту персону, которой должно поручить правление, то еще не следует из того, что им также привратно приличествует и право определять основательные законы».

«Хотя законодательная власть и состоит во власти верховного правителя, однако ж подданные могут предписывать себе законы в своих делах, поелику такие законы ни целости, ни безопасности республики и ниже законам, от верховного повелителя предписанным, не противны».

Нетельбладт; ст. 275

2 октября

Как веред из нечистой крови сбирается в одно место, развращение Европы открылось во Франции. Прежде забыли уже воскресенье, а там завели и декады. Бонапарте, как второй Александр, оседлал неукротимого коня, скрывая от него свою тень. Консул на три 3 (sic) явился на коне вечным, добрый ему путь, но он желает покорением мир восстановить. После Карфагена примется и за других. Изсеченная глава исцелена, и люди дивятся и идут в след зверя.

28 октября

От славного Бонапарта восплачут сыны России, разлучаемы с отцами, матерями, женами и детьми,—

семьдесят тысяч рекрут. Не забуди звания убогих твоих!

Екатерина II не совершила законодательство; огромное ее основание, славное спаружи, не имело своего утверждения. Она полагалась на свой ум, и не в благоденствие народа, но в славу свою созидала, — слава ее призвала к себе достойной гордости и блеску удивления человеческого. Гром побед, ласкательство ученых довершили сооруженную в уме ее громаду собственной великости.

Слава человеческая обращается туда, где устремлено внимание. Она разрушает истину и ниспровергает мудрость, ее полет останавливающую.

Свобода есть истинная, как и слава, в мудрости.

Но кто обещает свободу, сам раб страстей; горе народу, который его послушает и обольстится. Раздоры, убийства, мятежи и казни — пример Франция. Сией вольности учителя сами будут тираны, любимцы народа и жертвы его пристрастия.

Но любовь правды и суда, с которою истинная свобода от бога совершается, в терпении и кротости. Просвещением народа, верою и страхом Божиим. На совете суд верный поставляется, прежде верою освященной, в недостатке первого второй страх человеческой.

Истинная свобода не сопротивляется властям установленным и не сопротивляется злу без суда, а суд от бога признает правый, на его воле основанный. Буде власти заблуждаются, терпит в чаянии суда неминуемого от бога. Суд Божий невидимо совершается по всей вселенной. Господь, прибежище убогому и благовременный в скорбях помощник, не оставляет взыскающих его.

6 ноября

Сей день семь лет сего утра не было царя в России. Екатерина II дышала еще, не смел сын ее Павел I принять власти всей и имени императорского. 7 ноября начали уже присягать, когда охолодела великая и дышать не стала. 8 ноября праздновал Павел свое вос-

шествие. Накануне сего дня, 5 ноября, ударило ее. Но весь день и самый двор признавал до утра ее имя и власть. Только ныне проснулись без царя русские. Бог их царь. Вчера первый мороз около восьми градусов и река становилась. Ныне еще более мороз, а тогда с 8 ноября начались морозы и сама Нева стала. А ныне прежде озеро за неделю, и первый снег на ночь первого ноября, а днем и лед пошел...

Василий Васильевич
ПОПУГАЕВ

ОДА НА СЛУЧАЙ ПОЗВОЛЕНИЯ,
СДЕЛАННОГО СОВЕТОМ НА ПРОПУСК
«CONTRAT SOCIAL»

сочинение славного женеvского философа Руссо,
представленное цензурою на рассмотрение

1799

Ликуй Парнас, воплещите музы,
Красуйся светлый Геликон,
И арфы сладкия союзы
Торжествен раздавайте звон,—
На крыльях слава пронесися
Дальнейший мира по конец,
Неувядаем лавр плетися
От благодарнейших сердец.

О россы, вам не запрещают
Великих гениев читать,
Пределов вам не полагают
По ним в отважный след дерзать,
Открыт вам (путь) для просвещенья,
Что Петр Великий проложил;
Амфикион¹ — ума сужденье
В пределах узких не включил.

Руссо, повсюду уваженье
Твоим талантам отдают
И быстра гения паренье
Твое — в пределах российских чтут.

Умам великим нет препоны ²

Российски мудрые законы
Их славу тщатся сохранять.

СЧАСТЬЕ

[1801]

Счастлив, кто злато презирает,
Смеется пышности, честям,
Богатств огромных избегает,
Не ходит знатных по домам!

Кто горды ласки сибаритов
Презреньем позлащенным чтет
И из наружно скромных видов
Сердца змеины узнает.

В угодность знатну господину
Кто ставит в стыд себе ласкать,
Из уваженья к роду, чину
Несчастных в бедстве повергать.

Но в тихом круге обитает
Семейства, милых и родных,
И боле счастья не знает,
Как быть в объятиях драгих.

Высокость нас не защищает,
Богатства Крезовы — от бед,
И царь на троне унывает,
И бедный счастливо живет.

ОДА НА СЛУЧАЙ НОВОГО СОЧИНЕНИЯ
Г[ОСПОДИНА] АКАД[ЕМИКА] ЛЕПЕХИНА

1801

Еще увенчан сединою,
Почтенный старостью, умом,

Лепехин! Муж, любимый мною,
Своей ты множишь славы гром!

Еще природы в изысканьи
Провед бессмертный жизни век,
При славном дней твоих мерцаньи,
Ты новы истины изрек!

Горя к познаниям любовью,
Желаньем славы вдохновен,
Как Марс в полях, венчанных кровью,
Бессмертным лавром окружен,—
Так в поле истины сражаясь,
Еще твоих в закате дней,
Сердечным жаром оживляясь,
Блестишь ты сведений стезей!

О старец, истинно почтенный,
Познаний истинный герой!
О ум великий, несравненный,
Когда окончится труд твой?
Довольно в храме Аполлона,
Довольно ты уже гремел,
Для славы россов — Геликона,
Для пользы общей — произвел.

Уж время опочить герою,
Уж время браней меч сложить,
Поникнув лавровой главою,
В покое, в тихом мире жить!
Но нет — в трудах, неутомимой,
Ты хочешь век свой проводить,
Науки отрасли любимой
Остатки жизни посвятить.

И, Фебом быв на горизонте
Европы удивленной всей,
Ты хочешь погрузиться в Понте,
Сияя алою зарей!

Блести и славься, муж любезный,
Диви еще, диви собой,
Пока не меркнет луч небесный,
Пока не скрылся гений твой.

ВОЗЗВАНИЕ К ДРУЖБЕ

[1801]

Дружба! Дар небес бесценный,
Сладкий нектар жизни сей,
Гений мира, всей вселенной,
Божество души моей!
Низлети с кругов эфирных,
Ниспади на круг земной,—
Да услышим глас в зефирных
Тихих веяньях мы твой.
В жилах наших огонь прольется,
Сердце смертно оживит,
Страшной брани огонь уймется,
Агница с волком примирит,
Гордость — изверг утеснения —
Истребится пред тобой,
В все живущие творенья
Водворится мир, покой.
Раб не будет пресмыкаться
Пред владыкою своим,
Тяжки цепи истребятся,
Зло рассеется, как дым.
Крез услышит бедных стоны,
Будет сирому внимать
И несчетны миллионы
К их лишь благу собирать.
Процветет страна счастлива
Мест Аркадии златой,
Лавр зеленый и олива
Соплетут союз с собой.

Дружба! Дар небес бесценный,
Утешитель жизни сей!

Ниспустишь на мир сей бренный,
Дай покой вселенной всей.

СУДЬБА

[1801]

О, странное судеб веленье,
Чудесный счастья оборот!
Невинный страждет в утеснении,
Злодей безбедственно живет.
Один в слезах смыкает очи,
В скорбях, рыданиях восстает,
Проводит в сетованьи ночи,
В труде поносном жизнь влечет;
Другой на розах засыпает,
Богатств в избытке и честей,
Годами радости считает,
А скорбь лишь знает чрез людей.
Один, быв иста добродетель,
Помощник страждущим в бедах,
Злочастных, сирых благодетель,
Влечет жизнь в тягостных цепях,
Лишен отеческого крова,
Жены любезной отдален,
Гоним свирепством рока злого,
В труде под полюсом согбен;
Другой, пограбя миллионы,
Покрывши кровью целый мир,
Наруша все права, законы,
Хвалы внимает лстивых лир,
Себя не чтит едва за бога,
Главой, владыкой смертных всех,
И внутрь блестящего чертога,
Пресытаясь, дремлет средь утех!
Вотще питают нас надежды,
Правдивость в мире не живет,
Здесь чаще счастливы невежды,
А добрый, мудрый слезы льет;
Венцы Кромвели получают,

Нероны — скипетр золотой,
Камиллов в ссылку посылают,
Дионам смертью платят злой.
Богиня счастья слепая
Дает все людям на случай,
Судьбою смертного играя,
Из чаши сыплет через край
Богатства, почести, почтение,
Где слышит только гул людей,—
И в то же самое мгновенье
Сбирает их рукой своей.
Сей мир есть место испытаний,
Где смертный борется с волной
Страстей, бунтующих желаний,
Одной питается мечтой;
Где мудрый втуне иссякает
В желаньи жить лишь для людей,
О бедствах ближних воздыхает
И в узах стонет — как злодей!

СЧАСТЬЕ ЖИЗНИ СЕЙ

[1801]

Зачем искать богатства,
Нам нужны ли они?
Их блеск — лишь ложна слава,
Их прелесть — смертный яд.
Единое спокойство
Есть счастье жизни сей,
Едина добродетель
Нас улаживает здесь.
Высоки чести, слава —
Суть в мире слух пустой,
Их больше по наследству,
Неправдой лъзя достать.
Монархи, здесь гремящи
Высоким саном их,
Ту ж горесть ощущают,
Те ж тягости несут.

В сем мире невозможно
Совсем счастливым быть;
Нас часто то пленяет,
Что служит ко вреду.
Лишь тот благополучен,
Доволен кто судьбой.
И, титулов не желая,
В спокойствии живет.

СЧАСТЬЕ ЖИЗНИ СЕЙ

[1803]

Смертный! Быть чтобы счастливым,
Не ищи больших честей,
Не давай сим блескам лживым
Ослеплять души твоей!
Следуй рока направленью!
В бурю ль твой корабль течет —
Смейся вихрей устремленью,
Ветер пусть твой парус рвет!
Коль вдали волна катится,
Что тебя с ним поглотит?
Втуне смертный суетится! —
Он сего не отвратит.
Смерть есть зло, — но зло мгновенно!
Миг — ее удар свершен;
Жизнь есть благо переменно,
Ныне трон, а завтра — плен!
Ныне в радостях, утехах,
В полном счастье живем,
Завтра время уж не в смехах
Мы проводим — слезы льем!
То по милой воздыхаем,
То мы стонем о родных,
И стократно призываем
Смерть в мученьях таковых.
Что ж! Какою непогоды
Злой бедой тебе грозят?
Разъяренны, пенясь, воды

Жизни вмиг тебя лишат;
Но за сей ли мир, толь скорый,
Хочешь ты всегда стонать!
Может быть, стихии споры
И безвредно прекратят —
Ветер счастливый подует,
И ко берегу приведет, —
И беда твоя минует,
И несчастье пройдет!
Для чего ж пустым вздыханьем
Жизни бремя отягчать,
Коль заботой и страданьем
Рок не можно поправлять?
Но к чему его и тщимся
Столько мы к себе привлечь?
Лучше ль жизнью насладимся,
Будет коль она лишь течь
Золотой частей стезею,
Градской черни средь похвал?
Человек, ищи покою,
Счастлив — коль его снискал.

К ДРУЗЬЯМ

[1803]

Друзья! Гоняться за мечтою,
За тенью призраков пустых,
За честью — ложной суетою —
Есть участь лишь невежд одних!
Блистать богатством, орденами,
В архивах предков вырывать,
Гордиться титлами, чинами,
В сатрапских негах утопать!
Пускай они одни стремятся,
Мня счастье в том свое найти;
Пускай вокруг их льстецы толпятся
И слух их тщатся обольстить.
Мудрец с улыбкою взирает
На титлов славы звук пустой,

Честям, всему предпочитает
Он сердце и души покой!
Он видит счастье, блаженство
В кругу друзей своих, родных,
Утех вкушает совершенство
В деяньях добрых лишь одних.
Он злато Крезов презирает;
Аттил ему ужасен меч;
В кровавых лаврах не желает
В триумфе средь народа течь.
Не ждет похвал пиитов льстивых,
По смерти — гордый мавзолей;
О благе общем нерадивых
Он плачет участь и — царей!
Он видит: и златые троны
Падут, повержены судьбой,
Тиранов скипетр и короны
Не примирят их с долей злой!
Димитрий, стражей окруженной,
Нерон в палатах золотых
Падут от черни разъяренной
И гибнут от деяний злых.
Не будем счастья в сем мире
Средь шумных почестей искать,
Не будем зреть его в порфире,
Блаженство в власти поставлять!
Но будем мы всегда готовы
Судьбу несчастных облегчить,
За правду даже несть оковы,
За обще благо кровь пролить.
Честей и злата обладанье
И власть, нам данная судьбой,
В нас лишь должны родить желанье
Мирить несчастных с долей злой,
На сильных суд давать правдивой,
Теснимого не угнетать
И добродетели тонимой
Защиту-помощь подавать.
Но коль нам не дала судьбина
Блаженства оногo вкушать,
Довольны титлом гражданина,

Не будем мы честей искать!
Невежда пусть себе стремится
За фольгой ломкою честей,—
Мудрец о сем не суетится;
С Камиллом в хижине своей
Живет на лоне он покоя,
Когда к себе его зовет,
Отечество в нем зрит героя,
Коварством лавров он не жнет.

К СОГРАЖДАНАМ

1806

Звук браней всюду раздается!
Труба военная гремит.
Строптивый враг на нас несется,
Пред ним ужасна смерть летит.—
Восстаньте, чада громкой славы,
Восстаньте, россы, величавы!
Уже враг в гордости своей
Судьбами царств располагает,
Свободе вашей угрожает!
Тебе ли, росс, расстаться с ней?

Тебе ли выю торделиву
Под иго чуждо наклонять,
Судьбу германцев несчастливу
И цепь позорну разделять?
Любовь к Отечеству святая,
Тебя на подвиг возбуждая,
Ужель угаснет пред врагом?
Тебе ль, страшившему вселенну,
Быть суетным врагом сраженну,
Тебе ль его не прёзреть гром?

Давно ли, славою венчаный,
Суворов галлов поражал?
Давно ли супостат попранный
Ему победу уступал?

Уже ли россы пременялись?
Когда сердца их сокрушились,
Коль голос славы слышан был?
Нет,— россы, в броню облакайтесь,
Как тучи бурны устремляйтесь! —
Вас галл еще не позабыл.

Вас царь к защите призывает,
Зовет Отечество спасать;
Он вашей длани поручает
Врагов вселенной поражать.
Любить вас, россы, он умеет,
Для вас и жизни не жалеет;
Явя к нему свою любовь,
Оружье грозно принимайте
И славу чистую вкушайте
За Отечество пролить всю кровь!

Воскреснут древние герои!
Их сонмы быстро потекут,
Начнутся кроволитны бои,
Победу россы обретут.
Сыны российские! Мужайтесь,
Примером предков воспаляйтесь,
Падет надутый силой враг! —
Донским врагов тьмы рассыпались,
Пожарским россы свободжились,
А Петр повергнул Карла в прах.

И вы, героев сих потомки,
Стремитесь лавры пожинать!
Пусть подвиги россиян громки
Ввек будет слава повторять!
Не нам под иго преклоняться,
Не россу чуждым покоряться,
Нет! Лучше в брани смерть вкусить.
Всевышний, правде поборая,
Тиранов злобных устрашая,
Врагов поможет вам разить.

О БЛАГОПОЛУЧИИ НАРОДНЫХ ТЕЛ

[1801—1802]

Rara temporum felicitate, ubi sentire quae velis, et quae sentias, dicere licet.

Тас., histo: cap. 1. ¹

Почтенный читатель!

В сем сочинении осмеливается тебе Автор представить общее рассуждение о благополучии народов, оснующееся на четырех главных пунктах: *влиянии просвещения на правление, твердости законов и конституций, равновесии народных классов и, наконец, коммерции*; в первой сей книге заключаются рассуждения о первых двух предметах, во второй — о следующих. Предмет важен, но, может быть, силы его недостаточны? Благосклонность!

О влиянии просвещения на правление

Многие писатели, известные своим просвещением, писали о правлении. Они открыли различные пути к счастью народов. Кто, читая Платона, Монтескю, Филанджиери, не видит возможности народного благополучия? Но, обратя взор на самые народы, [кто] не видит противного — не видит бедствия, угнетения оных то деспотизмом государей, то их правителей, то, наконец, естли сие в республике, исполнителей закона?

Неужли все умствования философов ложны? Неужли в течение стольких веков, когда просвещение возжигает всюду пламенный свой, когда всюду блестят творческие умы, гений рода человеческого немерцаю-

щим светом, неужли, повторяю, столь великий ряд веков, проведенный в деятельности и умствовании, не открыл ни единой истины — где сей гордиенский узел?

Истина во многом более не тайна. Философы доставили нам многие полезные сведения. Итак, истина не исполнительна, просвещение бесполезно!

Нет! Просвещение есть солнцев луч во мраке, истина для нашего счастья драгоценнее золота! Всякий просвещенный человек есть неоспоримое того доказательство.

Какой Дионисий счастливее мудреца? Первый среди богатств, в изобилии всего, что токмо воздух, земля и вода произвести могут, стонет под бременем правления, его удручающим, окружаем льстецами, всякую минуту его обманывающими, всякую минуту беспокоим придворною пышностью, а часто и каждую минуту трепещущий — не знает, что спокойствие! Другой среди убожества, под кровом мирной умеренности, в сладком сообществе с натурою, материю мудрости, вкушает блаженство небес, невинную радость испытывающую общую мать-природу — оставляет по смерти гремящую славу.

Итак, если истина соделывает счастье мудрецов, для чего несоделывает она счастья *народов*? Для чего народы не стараются уподобиться мудрецам? Вот в чем состоит тайна.

Со времени римлян и греков видим мы многих ученых, многих великих людей, но видели ли хотя единой народ просвещенный *во всей целости*, народ, который бы сам шекся о своем благополучии, разбирал средства, могущие составить его счастье и несчастье, взвешивать совершенства и несовершенства своего правления? Нет!

Все народы в Европе вообще не что иное, как слепая, неразышляющая толпа, не знающая своих выгод и занимающаяся только личным, а не общественным благосостоянием. Несколько частных людей думают о благе, о пользе, о средствах счастья общественного. Несколько, но бóльшая часть и из оных стремится более угнетать сограждан, думать более о личном себя и семейств благополучии, забыв народ и его выгоды.

Новейшая и древняя история свидетельствуют, что все народы подвержены единому жребию, одни более, другие менее.

Всегда замечено было, что те народы, к которым природа была не столь благосклонна, имея более нужды, изоцряя разум свой, руководимые, так сказать, самую природою к просвещению, изобретательным духом, возрожденным в них нуждою, вознаграждали природу. Те народы, которые соделывались просвещеннее в своей целости, всегда имели правление лучшее, всегда были счастливее, и ужасы деспотизма у оных или менее свирепствовали, или скоро прекращались. Примером служат сему феникияне, на самой бесплодной и песчаной земле обитавшие, но изобретательностию своего духа, в них самую природою возрожденною, неблагодарностию к трудам их успели наконец соделать страну свою самою богатою и коммерческою в целом тогда известном свете; и их правление было лучшее в тогдашнем мире, стоившем в невежестве и угнетении. Другой пример подают египтяне, обитавшие в ежегодно потопляемом Египте, познавшие наконец периодическое разлитие Нила и употребившие в пользу сей ужасный феномен натуры, соделав чрез сие же поля свои плодородными, и сим же самым разлитием руководимые, познав науку измерения — геометрию, воздвигнувшие такие памятники, кои и поныне удивляют естли не красотою, то по крайней мере смелою своею архитектурою, свидетельствующие о древнем величии сего народа и его искусственности!

В новейшие времена видим мы то же! Какая земля беднее Англии? Какой народ в целости просвещеннее английского? Какое государство имеет твердейшее внутреннее состояние, нежели Британия? Положение земли заставило народ просветиться, просвещение утвердило его политическое благосостояние, соделало правление умеренным и мудрым, а народ и все степени оного счастливыми.

Итак, древние и новые примеры говорят нам, что просвещение целости народа есть путь к его счастью; чему дивиться, что, имея столь славных авторов, столь великих философов, европейские народы в варварстве!

Многие писали и пишут — соделываются бессмертными, но где? В кабинетах ученых. Спроси у землепашца которой земли угодно о философе, которого слава гремит целые веки, спроси о нем — он взглянет на тебя и скажет: «Я его не знаю!» Спроси о нем у жителя горда, у купца, мещанина, а часто у дворянина и вельможи, естли они не в числе ученых, или по крайней мере таких, кои присвоивают себе имя сие, и получишь тот же ответ. Англия, одна Англия отличается в сем от других народов. Правда, хотя и там имена философов и их учение народу неизвестно, но по крайней мере он знает свое правление, по крайней мере в их журналах можно без страха говорить о политике и народу не запрещено собираться на публичные площади, судить о парламенте, короле и внешних делах королевства; вместо того что в других государствах сие почлось бы преступлением — оскорблением верховной власти. Английский парламент и король не почитают решения свои безошибочными, обыкновенный министр, простой журналист имеют право показать ошибку, говорить, писать об оном. Народ и правительство пользуются открытиями и правление усовершенствуется!

Итак, не философов должны обвинять мы, что они неясно открыли истину, но правителей, не пекущихся о просвещении народа и почитающих просвещение вредным народному благу.

Великая Екатерина чувствовала сию истину! Она обратила внимание на народ и хотела пролить благодетельный луч просвещения повсюду! Ее мановением возникли народные школы, могущие одни ей дать имя матери отечества. Сими учреждениями царствие ее даровало народу зрелость веков, *terra tibi levis sit*², священный прах!

Но, сказав сие, должен присоединить я, сколь ни полезно было таковое установление, сколь ни велики успехи просвещения, оным разливаемые, но препятствия, вначале малые и ничего не значущие, впоследствии удержали, удерживают и удержат ту пользу, которой ожидать должно!

Предубеждение и ложное понятие чести, во всех классах народа рассеянное, и, наконец, рабство полез-

нейшего члена — земледельца положило необоримый оплот народному просвещению!

Мы хотим соделать счастливыми сограждан наших, признаем, что просвещение есть божественный луч — есть путь к нашему блаженству, к блаженству народа! — и определяем просвещение на одних себя, на некоторых токмо избранных классах людей, все прочее должно остаться во мраке — сколь несправедливо такое суждение! Эгоизм! Неужели хотят управлять народом, как управляют бессмысленными животными, коих человек себе поработил? Неужели люди для того в общественное состояние собираются, чтоб быть поработченными, чтоб служить и рабствовать сим избранным классам! Пресмыкаться пред горстием людей, почитающих себя просвещенными!

Но естли б и сие было истинно, то и тогда бы просвещения отринуть не долженствовало! Запряженная лошадь хотя и подвержена воле управляющего для своего собственного блага (не для ее), однако она не лишается света! Глаза ее не завязаны! Не завязаны для блага же всадника! Естли приведена она будет в ярость, разгорячась повлечет всадника на произвол своего стремления, подвергнет его опасности быть изувечену, переломить руку, ногу, но и в сию минуту животное из любви к собственной жизни не вовлечет его в пропасть или реку, где она и он должны бы были погибнуть неизбежно, естли б глаза ее были завязаны!

Но такое сравнение ужасно! Оно оскорбляет человечество! Человек, тем более народ не должен рабствовать. Соединясь в общество, имеем мы целию благополучие наше, но раб может ли быть благополучен?!

Конечно, история и опыты естествоиспытателей научают нас, что в человеке можно затушить до некоторой степени чувства, заставить в самом бедственном состоянии забыть горестное свое положение, заставляя его, так сказать, не жить, но прозябать как растение, ибо привести человека в такое состояние, чтоб он был привязан к одному месту, лишить его воли, заглушить в нем чувство — есть привести его в состояние растения, вещества бездушного (и тогда лучше скитаться в лесах

с дикими зверями, нежели быть между людьми) и в сем онемении чувства почитать его счастливым.

Но обратим глаза на собственную историю нашу. Еще не изгладилась из памяти нашей горестная эпоха мору, свирепствовавшего столь ужасно в Москве! Всем известна самая кровавая сцена оной³, однако я повторю. Слепое безумство святоши объявило в народе, что на Варварских воротах находится образ, подающий спасение в настоящих бедствиях. Народ непросвещенный и, следственно, способный ко всякому суеверию стекается со всех сторон, уверен твердо о помощи! Со всех сторон сыплются сокровища! Стечение народу и обыкновенное при таком случае сношение от обращения денег производят ужасные следствия: болезнь столь прилипчивая, какова чума, умножается, а народ в фанатическом иступлении твердит о чудесах исцеления.

Мудрый сострадательный епископ хотел прекратить зло: он берет в монастырь икону и собранные деньги, способствовавшие к размножению заразы! Слепая чернь приемлет такое действие за святотатство. Она свирепеет и жаждет насытиться кровию самого попечителя о своем благе, стремится к его дому — к монастырю, куда спاسся он, врывается в храм, где стоял он пред жертвенником всевышнего и молил о их спасении, и едва по собственной просьбе его удерживается не принести его в жертву неистовству во внутренности храма, но он выходит к ним и за спасение необузданных тигров фанатизма платит своею жизнью⁴. Вся Москва бунтует и с ужасным пролитием собственной крови едва приходит в чувство; вот ужасы невежества народа, но кто читает историю, тот видит тысячу таких примеров.

Кто не признается, что народ слепой скорее бывает обманут честолюбцем, нежели просвещенный? Сие свидетельствуют все революции. Какой народ, приведенный в волнение, ужаснее: тот ли, который действует слепо, — *не просвещенный* или тот, который следует по известному направлению, — *просвещенный*?

Из всего сего следует, что просвещение есть в образованном государстве. Один деспотизм ищет невежества в народе, ибо просвещение несогласно с рабством.

Повсюду, где народ в рабстве и, следовательно, в варварстве, все несчастия возможны и все бедствия сбыточны, но рабство деспотическое ничто пред феодальным. Оно не токмо отводит от просвещения, но и заглушает все чувства человечества; оно повергает в невежество и властелина и раба! Первый делается тираном, забывая свое человечество, другой в своем уничтожении теряет все чувства, всю бодрость духа, и в том и в другом истребляются ощущения возвышенного — добродетели! Один беспредельное употребление власти наконец простирает до тиранства, теряет чувствительность и сострадание к бедствиям ближнего, [другой] делается ко всему недоверчив, всего трепещет и с онемением отчаяния дожидается минуты мстить мучительству. В нем нет ни семейственного, ни общественного чувства, мысль, что самый плод кровавых трудов его ему не принадлежит, истребляет в нем самое трудолюбие — сие семя государств.

Где рабство, там нет патриотизма, разность интересов родит одно корыстолюбие. Там философу не позволено быть другом человечества, но может ли там быть и философ? Семена добродетели там падают на камень, терпие порока находит только пристойную землю!

Обратим взор наш в феодальные веки Европы, что были тогда Франция, что Германия? Невежество и фанатизм свирепствовали в оных; в собственном отечестве лили народы источники своей крови; но прольется утешительный свет просвещения — и невежество истребляется, цветут законы и счастье народов! От времени до времени все приближается к равенству, к сему счастливому состоянию *природы людей!* По равенству законному, где позволено человеку все делать, что не вредит общественному благосостоянию, и где подобно зверю не можно ему свирепствовать противу себе подобных, какого бы состояния и звания он ни был, какими бы правами и достоинствами ни обладал! Но такое равенство может только быть в народе просвещенном, могущем видеть пользу законов, могущем чувствовать благодетельное оных на себе влияние! Слепой человек то вдруг повинуется даже там, где видит свое

уничтожение, свою погибель, то с свирепством упорствует там, где с добровольным исполнением закона последовало бы благополучие не токмо его, но и потомков.

О просвещении народном и оного следствиях

Сказать, что просвещение есть единое средство к соделанию счастья народов, есть еще не довольно; слово «просвещение» вообще столь многозначаще и, сколь много о нем говорят, столь различно понимаемо, что я почитаю долгом объявить мое мнение о просвещении, особенно народном!

Часто многие почитают просвещением познания языков, наук, по большей части отвлеченных — математических, физических, словесных; и, наконец, многие полагают сие в знании светских обычаев, в чтении вообще романов, стихотворств и пр. Все таковые мнения о просвещении хотя не ложны, но по крайней мере отчасти несправедливы; таковые познания дают нам относительное, или частное, просвещение. Но человек, живущий в обществе, должен знать свое назначение как гражданин, цель общественности, связь свою с целым — словом, он должен знать частную и общественную политическую связь и всех изменений ее равновесия, основывающихся на твердости и неподвижности всеобщих постановлений.

Если б мне показали целый народ математиков, физиков и пр., я никогда не почел бы его еще просвещенным! Чтоб назваться народу таковым, не довольно иметь познания в понятиях отвлеченных: они полезны в государствах, когда заключаются в некоторых токмо известных классах; но просвещение народа, если оное имеет целью его политическое благосостояние, только на сем не определяется! Науки полезны и даже необходимы в некоторых частях народа, но целость оного должна иметь политические и философические познания своих прав и своего благополучия!

Народ, живущий под правлением деспотическим, которым управляют без собственного его влияния на его участь, по воле некоторых токмо классов, испол-

няющих слепо власть одного, каково турецкое правление, не имеет ни тех ни других познаний и живет в невежестве! Еще менее просвещен тот народ, который подвержен правлению феодальному! Естли б в таковых народах были самые великие фзики, математики и пр., несмотря на все сие, сии народы не могли бы назваться просвещенными.

Во время Нерона Рим имел мужей ученых, славных, великих! Но народ не был просвещен. Спартанцы не произвели ни одного ученого, ни же художника, славного своими творениями, но народ знал законы Ликурга, законы своего отечества — знал права относительно граждан и государей, и народ имел политическое просвещение, и народ был *счастлив!*

По большей части мы судим ложно о просвещении народов; почти всегда почитаем мы тот просвещеннее, который показывает нам более блеску, но часто в том ошибаемся: одни художества, науки и победы не суть доказательства народного просвещения!

Италия производила нам всегда образцы искусств; в Италии видели мы великие творения о правах гражданских, глубоких математиков и пр., но была ли она истинно просвещена? Просвещена ли она ныне? Нет! В недрах монастырей ее образовались чудовищные инквизиции, ужасы так называемых фанатиками священных судов! За веру курились костры, лилась кровь человеческая в то время, когда в недрах самых монастырей писались важные трактаты о ученых материях и других полезных предметах, продавались грехи от имени главы церкви, подавлялись права человечества, когда начерчивались бессмертные творения о правах гражданских и грозили ужасными адскими мучениями не токмо за преступления, но и за добродетели, естли оные не были в пользу церкви, и самые церковные учителя с фанатическим жаром твердили о предестинации⁵ и тем самым себе прекословили, избличая себя в невежестве и коварстве.

В начале предшедшего столетия Швеция удивила Европу: исступленный Карл, устремясь за ломкою славою Александров, с горстиею воинов привел в трепет целый Север, свергал и давал королей сильней-

шим, нежели свой, народам, истребил с малым числом в десять крат бóльшие армии! Но его отечество — земля его — истощевалось, люди, деньги, хлеб — все расточалось вне отечества, мало населенна Швеция еще более опустела, всегдашний во всем недостаток увеличивал более и более бедствия сего государства, последнее серебро и золото — одна из важнейших пружин политического благосостояния — выходило за пределы, и, чтоб блеснуть два или три года эфемерным блеском завоеваний, Швеция пришла в такое состояние в толь короткое время, что из числа первых европейских держав, которою дотоле почиталась, стала между слабейшими!

Но Пруссия! Едва бессмертный Фридерик, ужаснувшийся доселе существовавшего деспотизма в его отечестве, предпринял в оное ввести политическое просвещение, составив книгу законов и показав гражданам собственным примером права граждан и государей, заключив и те и другие в благоразумные пределы, — Пруссия возродилась! Одно чувство, разлившееся в сердце народа, гражданского равенства и твердости законов дало ей новую силу — воспламенило в сердцах ее обитателей патриотизм, дающий государствам более силы, нежели миллионы наемных войск. Сей патриотизм в семилетнюю войну явил чудо храбрости и показал свету неслыханное дело — клочок земли и торсть людей воспротивились четырем сильнейшим армиям! ⁶.

Мильтиад с десятью тысячами греков, воспламененных своею независимостию, любивших законы и отечество, поразил 100 000 персидских наемников под предводительством гордого Датама; Леонид с тремястами спартанцев решился: лучше умереть славно в Фермопилах, нежели видеть торжественно вшедших в его отечество миллионы рабов ⁷.

Греция — древнее отечество вольности! Греция, где граждане жили всегда под мудрым влиянием законов, где граждане всегда наслаждались правами граждан, пока тираны не похитили правления, показывала пример героизма!

Пусть вспомнит, кто читал историю, то ужасное время, когда вся Греция была, так сказать, наводнена

неприятелями, когда страшный меч персов грозил им всеобщим истреблением и рабством, когда все пало пред ужасом варваров, что сделали афиняне? Согласились ли они покориться, согласились ли променять сладкое спокойствие под благодетельною сению законов и равенства, при всех ужасах войны и опасностях, им грозивших, на рабство, обещавшее покорностию восстановление тишины? Нет! Сев на корабли, афиняне согласились лучше смотреть спокойно, как варвары разоряли город их, предавали огню жилища отцов их и обращали все в пепел. Но что сделали персы? Они все выжгли, все истребили, но истребили ли законы греков, глубоко в сердцах их начертанные, потушили ли в них любовь к независимости? Нет! Устав свирепствовать, они должны были оставить священную землю сию — и греки возвратились на место, где был их город; Афины процвели снова и снова соделались ужасны персам. Там, где царствует дух согласия, чувство общественно-го существования, там, где каждый гражданин знает, что он повинуется законам для своей пользы, где знает он, что законы сего отечества не соделаны по своему нраву одного деспота, но написаны мудрыми гражданами, где знает он, что народ есть один верховный властитель, что управляющие не что иное, как исполнители его воли, блюстители его счастья, что они суть избранные граждане, известные добродетелью в целом народе,— и в том не обманывается,— там токмо видим мы сию твердость общественного существования!

Итак, все сие доказывает, что твердость государства не состоит в его многочисленных войсках, не состоит в звуке его побед, но в счастии граждан, в их привязанности к земле, законам и правлению.

Но сия привязанность не может существовать в правлении деспотическом, в правлении, зависящем от своеволия и интриг; самые лучшие законы в руках правителей-деспотов или обращаются в зло людям, или остаются бездейственны. Деспот не знает, что есть любовь к отечеству, не знает, что такое связь граждан; он взирает на них *со стороны пользы собственной*; естли он судья, в распре граждан ищет он своей выгоды, естли начальник, на их повиновении основывает свое често-

любие; если в руках его общественные сокровища, он думает только о средстве набогатения — существуй самый мудрый, благомыслящий государь в таком правлении, имей все возможное усердие сделать счастливым народ свой — все старания его пребудут тщетны, все труды потеряны! Он захочет дать твердые законы, которые бы всех граждан равно защищали и которые бы утешителям были уздою в злодеяниях. Но он имеет вокруг себя людей, ищущих только собственной пользы, не знающих любви к отечеству, окаменелых сердцами к слезам несчастных, пред вышними постыдно низких, пред низшими дерзостно надменных! Им препоручит он начертать законы, не зная их, ибо государю труднее узнавать людей, нежели частному человеку, — и он обманется; сии законы, кои он захочет предохранить он независимость граждан и утвердить их счастье, утвердят только тиранство врагов народа и умножат его бедствия! Он захочет для бедных восстановить больницы, госпитали, воспитательные дома, училища и пр. Но сии больницы будут ужасом для входящих в них, но сии госпитали — темницами, но воспитательные дома — местами страдания невинных творений, но сии училища послужат не к просвещению, будучи местом стечения необразованных людей, следственно, распространения пороков, распространения, коему мудрые наставники препон положить не возмогут, ибо оных и не будет. В сих училищах нельзя ожидать ободрения, а где нет ободрения, там таланты трудно развиваются; суммы же, которые на сие обращены будут, расхилятся! Самый лучший виртуоз не может играть гармонически на расстроенном инструменте.

Единое средство соделать народ счастливым есть просветить его, есть показать ему выгоду, пользу законов, пользу благоустроенного правления, гражданских прав и ненарушимости каждого состояния; дать почувствовать каждому гражданину, что правление имеет целью только его пользу, только пользу общественную, что законы защищают его от своеволия сильных, что действие оных ничто нарушить не может, и как бедный подвергается строгости законов, если их нарушит, так равно и всякой другой без изъятия, какого

бы состояния и звания он ни был, какою бы властью и богатством ни обладал, что государь не есть властитель государства, могущий располагать им по своей воле, но что он орудие законов, первый толкователь оных народу, первый служитель отечеству, что он только первый гражданин и что он на троне не для своего благополучия, что никто не может быть утеснителем народа и что народ должен повиноваться законам и одного пружинам (правителям) для своего собственного счастья. Тогда, когда почувствует сие вся целость народа, когда всякий будет знать, что *между властью законов, властью государя и народа есть условием народное благополучие*,— тогда только, повторяю, государство может [считать] существование свое твердым, тогда могут иметь силу свои законы, ибо будут известны целому народу, тогда только не будет государство бояться ни внутреннего ни внешнего неприятеля, ибо будет иметь столько войска, сколько граждан, и ему не будет нужды в наемниках. При малейшем нарушении своего покоя всякой гражданин вооружится, зная, что сие защищает его вольность, собственное благополучие, что он защищает законы и правителей, ему благодетельствующих. Тогда будут почитать удивительные дела греков не чудом, но естественным следствием патриотизма!

О необходимой связи законов и просвещения

Все просвещенные народы, как то видим мы из истории целого света и всех столетий, по тех пор, покуда они непросвещенны, живут под правлением деспотическим! Причина сему следующая: непросвещенный человек обыкновенно мало думает! Его желания, мысли и самые нужды определены; сие доказывает кафр, живущий на краю Африки, который столь мало предвидит, столь мало думает, что часто из добродушия или по какой другой причине отдает свою пищу другому, не представляя, что ему ничего не остается к обеду в полдень, свою постелю, хижину, забыв, что [в] вечеру ему должно ночевать под открытым небом. В таком

или подобном народе кому думать о справедливости законов, кому писать или говорить о выгодах и невыгодах правления.

Властолюбивый легко может овладеть сим народом, и он ему будет повиноваться, не зная сам, каким то образом случилось и по какому праву; а как все в таком народе зависит от случая и легко входит в обычай и время все делает священным — самое зло! — то потомки таковых народов в повиновении делаются еще слепее — их отцы сего не переменили, и сей причины для них довольно.

Но как всякое слепое действие подвержено частым замешательствам и возмущениям более или менее важным, то сие заставляет делать сих первых правителей постановления для предупреждения сего и на сем основана нечто подобное законам, но не законы. Различие между таковыми постановлениями есть такое же, какое между *добром* и *злом*, ибо сии постановления, имея целию токмо личную владетеля или частную иную пользу, а не общую, не благо народов, поелику во время юности таковых правлений ими властвуют деспоты, почитающие себя в свою очередь свыше поставленными единовластителями, кои, слыша от окружающих беспрестанно, что их воля есть закон и что их благо есть благо народное, располагают всем по своему нраву и блага народного не знают и знать не могут, поелику окружающие их — *рабы*, а рабы не могут быть ни гражданами, ни патриотами: они готовы льстить, готовы уверить их, что кровь, пролитая миллионов, есть дело великое, что они образ божий, посланные свыше и пр., когда видят в том свою пользу. Взглянем на владельцев стран ориентальных! Один повелевает восходить и заходить солнцу, и народ невежествующий трепещет, чтоб он не лишил его дня; другой дает знак земным владыкам вкусить обеденную яству, вышед из шалаша после бедной трапезы, едва утолившей голод его! Всем им ничего не стоит в одну минуту обнимать свою любовницу, равнять с собою своего любимца, а в следующую — и с той и с другого без дальнего рассмотрения снять голову. Но в природе назначена всему цель и мера; когда последняя исполнится и

народ, или соделаясь просвещеннее, или устав от бедствий, потребует прав своих, тогда возрождаются законы!

В сию минуту действия суть двойки, а потому [двойки] и следствия; естли постановления деспотические в ослеплении почтутся за законы и утвердятся с некоторым исправлением, тогда бедствия не кончились, но соделались еще горшими! Таковые постановления, не будучи основаны на благоразумии, но на капризах деспотов и их любимцев, суть не что иное, как смешение противуречий, кои, получив имя законов, уполномочивают тиранство не токмо верховных начальников, но и самых низких; и деспотизм перейдет в самое малое состояние, и все, что будет иметь тень власти, будет тиранствовать ненаказанно и в силу законов. Тогда лучше не иметь законов, нежели иметь их, ибо когда нет законов, посредством коих судья мог бы прикрывать свои злодеяния, то он обязан следовать естественному, который часто действует и в сердце тирана, и ведет его к истине то страхом вышней власти, то надеждою, то внутренним собственным убеждением, и он, не имея опоры в злодеянии, в нерешимости наконец избирает истину! Но естли народ или его правители просвещены, то они отвергнут все постановления деспотизма, рассмотрят свое политическое состояние и свои законы сообразят с оным.

Однако и таковых законов единственно недостаточно к счастью народному; законы суть *власть мертвая*, они подобны музыкальному инструменту, который, чтоб издать гармонические тоны, требует виртуоза! Они, чтоб сделать счастье народов, имеют нужду в мудрых правителях. А чтоб оные в народе находились, просвещение нужно. Просвещенный человек только может чувствовать, что благо народное есть благо его! Впрочем, и на самого просвещенного человека (оставя вопрос, как его сыскать) не можно возложить неограниченной власти, и самый просвещенный человек есть человек; несмотря на все личные достоинства и добродетели, он имеет и свои слабости! Надобно, чтоб народ смотрел на справедливость его поступок, а чтоб он смотрел, надобно, чтоб он мог видеть,— чтоб он был

просвещен, чтоб он знал свои законы и свои права. Где народ не таков, там часто самый лучший правитель даже против воли превращается в деспота!

О исполнительности законов

Сказано было прежде, что одних законов недостаточно к благополучию людей. Оные суть не что иное, как сердце образованных народов, кое, дабы одушевить тело, требует приличной жидкости, могущей разливаться по всем его тончайшим изгибам и двигаться по направлению ее движения — крови; дабы привести их в действие, нужны люди, способные проникнуть во все их подробнейшие утончения, следовать их направлению и одушевлять оные.

Не все люди способны к такому действию, подобно как не все жидкости могут оживлять наше сердце; их надобно к сему приуготовлять, и воспитание есть главное к тому средство! Екатерина II, в начале ее царствования столько старавшаяся о распространении в народе духу народного и гражданского равенства, собирала для восстановления законов депутатов из всей обширности своей империи⁸; для исполнения правосудия дала право всем классам народа участвовать в суждении и каждому состоянию искать правосудия в своем собственном. — Намерение прекрасное, великое, достойное Екатерины!

Но мы видели и в ее блестящее правление, несмотря на всю премудрость ее постановлений, законы часто недействительными, невинную слабость угнетенную и богатого преступника, часто оным поспевавшегося; мы видели, что бедный земледелец тщетно искал правосудия противу сильного помещика, его угнетавшего, несмотря на то что существовали судилища, в коих присутствовали ему равные, могшие, основываясь на законах, воспрепятствовать злоупотреблению. — Но что б сему причиною, неужли невозможность исполнительности? Нет! Екатерина II предвидела все сие! Она знала, что десять невинных жертв гибли противу одной спасенной; она знала, что, дабы привести их к дея-

тельности, было необходимо народное просвещение, по крайней мере в управляющих, и сего-то ей недоставало! Но Екатерина II жила не для своего только времени — взор ее простирался в будущее; положив сии установления и учредив в обширности своих владений народные школы, сделала она легкое очертание будущего народного величия; ее наследники, естли хотят идти путем славы, путем благодетелей народов, царей-граждан, разовьют свиток великих ее предначертаний во всей их обширности — и правда восторжествует!

Хотя в ее правление несчастные видели не весьма твердую подпору в законах, чему часто виною то запутанность, непонятность или противоположность оных, что она оставила впоследствии разобрать и обработать своим наследникам, то неспособность судей вникать по невежеству в смысл закона и в истину дела, что она предоставила распространению просвещения, то корыстолюбие и пристрастие судей, кои исправить назначала она народному духу, патриотизму и утончению чувствительности, долженствующим возродиться от большого сношения граждан, когда просвещение озарит их благодетельным пламенником!

Устанавливая земские суды, она знала, что угнетенный селянин бедствием и даже рабством не весьма легко мог защищать своих собратий противу сильного утеснителя как по причине непросвещения своего, так и бедственности своего состояния, но она предвидела и что, конечно, естли случай тому не положит препоны, совершиться долженствует, что просвещение, снабдя его нужными для сего сведениями и науча чувствовать, что он есть полезнейший член общества, и, следовательно, вселя в него дух гордости, извлекут его из утеснения, вселя в них достоинства и способности занимать сие место, что соделает судилище сие священным и ужасным коварным хитителям и кровопийцам!

Созвав депутатов, она не надеялась от камчадала и бурета благоразумных советов, но она хотела им дать урок, силу коего они тогда почувствуют, когда гений прольет и на них благодетельный свет свой!

Когда законы распространятся и каждый познает их не исторически только, но философически и мо-

рально, когда права человечества, права гражданства начертаются в сердце каждого и когда просвещение научит его из прошедшего судить о будущем ясно и заключительно, тогда взойдем мы в намерение Екатерины II!

Но чтоб достигнуть сего, надобно, чтоб познания распространились в народе, чтоб познание истории, морали, прав гражданских соделались необходимостью в самом низком состоянии! Тогда не нужно будет государством управлять махиально, каждый по своей способности изберет место и лицо в государстве и в исполнении его обязанностей будет полагать свою славу, ибо увидит того пользу и в его сердце будет пылать жар патриотизма и человечества. Тогда недостаток способностей не будет расстраивать гармонии правления, ибо, не ослепляясь ложным честолюбием, каждый будет стремиться жить не для места своего, не для выгоды оного, не на краткое токмо время физической жизни, но для пользы сограждан — для вечности!

О ТВЕРДОСТИ КОНСТИТУЦИИ И ЗАКОНОВ

О влиянии законов и конституции на политическое тело

Твердость политического общества зависит от двух причин: от конституции, или государственного постановления, и законов. Постановления государственные, или конституция, одушевляют закон, закон поддерживает конституцию; первый есть пружина, вторая — механизм политической машины! Чтоб они действовали сообразно цели, надобно, чтоб они были соответственны их устройению, надобно, чтоб люди, кои суть вещество сей политической машины, были к сему приготовлены!

Деспотические государства, как то мы видим в древности, не имели ни конституции, ни законов, но управлялись слепо волею властителей, обычаями и, наконец, верою, коею жрецы почти всегда злоупотребляли, не были тверды в своем основании и всякую

минуту близки к падению. Невежество народа и утеснение, в коем он находился, не могли дать общественной массе равновесия во всех ее частях, к соблюдению спокойствия оной толь нужного! Народ имел только физическую силу, состоявшую в массе; политическая, так сказать, вся усредоточивалась в одном лице правителя, что не токмо не давало равновесия всему политическому телу народа, но еще всегда клонило перевес к политической силе, коя, будучи в руках одного человека, почти всегда непросвещенного, слабого и суеверного, правила народ предубеждениями и внушениями жрецов и любимцев, людей слепых и всегда ищущих только собственной корысти; а сие весьма часто и скоро рушило равновесие машины и влекло за собою всеобщее расстройство и самое падение. Надобно было одного Пигмалиона, одного Камбиза, чтоб разрушить два славнейшие государства древности — Феникийское и Египетское, кои хотя и были просвещеннее, но по духу времени управлялися деспотически! То же самое случилось и с республиками, естли перевес политической власти находился более в руках народа, нежели правителей. Сколько раз афиняне близки были к своей гибели единственно от того, что народ хотел деспотствовать!

История новейшая представляет нам те же примеры! Когда было спокойно турецкое правление, и сколь мало соседям стоило несколько раз ставить оное на шаг от бездны. Слова подкупленного муфтия, визири довольно, чтоб ослепить султана, повергнуть все государство в ужасные бедствия.

Натура во всех действиях следует одним законам. Машина политическая весьма сходствует с машиною механики; те же самые причины, которые нарушают покой в механике, нарушают оный и в политике, и та и другая машина пребывает до тех пор спокойною, пока равновесие не рушится и сохраняется в целости связь, соединяющая части!

Те государства, в которых и физические и политические силы народа разделены по всем частям массы соразмерно, т. е. которые приемлют нужные меры для удержания в пределах физической силы народа и вме-

сте политической, разделяя и ту и другую по всем классам народного тела, в одном более, в другом менее, — те могут надеяться на твердость своего существования.

О связи и твердости республик

Республики суть правления, общественными делами коих располагает воля многих! — и где правление находится то в руках народа, то в некоторых избранных классах. Различные случаи содействуют к образованию таковых правлений, в кои входить требуется сколько мало изысканий, столько мало пользы.

Республики вообще вначале управляются обычаями и решениями то некоторых классов граждан, то целого народа! Если они долго остаются на таком основании, то их твердость ненадежна, ибо как они оснуются на суждениях людей, всегда переменчивых и не имеющих никакой твердой подпоры, то очевидно, сколь близко здание, на столь слабых основаниях лежащее, к падению!

Всякое общество заключает в себе две силы: физическую и политическую, то перевес на стороне политической силы, произведя утеснение, а на стороне физической — возмущения и кровопролитие, весьма легко сие совершают!

Республика Новгородская, несмотря на всю свою твердость, несмотря на всю свою ужасную силу, была беспрестанно подвержена внутренним беспокойствам и, пребывая, так сказать, в беспрестанной борьбе, соделалась наконец жертвою неутвержденного равновесия сих двух сил.

Чтоб две сии борющиеся силы блюсти в равновесии, должно заключить каждую в свою сферу действия, должно положить и той и другой благоразумные пределы, так чтобы сумма действия обеих сил была общественное спокойствие — нужна твердая сообразная положению конституция и мудрые законы. Новгородская республика сего не имела: она правилась обычаями, а в чрезвычайных случаях — суждениями народных сборищ; а как те и другие не всегда основываются на благоразумии, а последние часто заключают в себе более шуму и

волнения, нежели истины, то покой не всегда бывает следствием оных и, напротив того, рано или поздно ведет, имея нетвердое и зыблущее основание, к падению!

Греческие республики Афины и Спарта, будучи более просвещены, знавшие необходимость твердейшей конституции и законов, не представляют глазам нашим столь многих внутренних возмущений; но в первой законы не были столь строго наблюдаемы, и правление не имело своего твердого постановления, и политическая сила общества то переходила в руки правителя, то народа, а сие нарушало спокойствие правления и действие законов. Во второй же Ликург, определя все благоразумными законами и волю народа и правителя соединя непосредственно в действии закона, одушевленного твердою конституциею, общественным воспитанием образовавшею граждан и приучавшею их с юности к духу правления, являет нам удивительный внешний порядок и гармонию!

Если в каком бы то ни было правлении сии две силы не так расположены, чтоб сила физическая удерживала в надлежащих пределах политическую, а политическая — физическую; если нарушение сил равновесия зависит токмо от всеобщего потрясения машины, то правление надеется на свою твердость. В противном случае оное всегда подвержено нечаянному потрясению и волнению, как то свойственно правлениям деспотическим! Ибо республика, если ее силы не находятся в надлежащем друг ко другу отношении и если власть политическая более, нежели должно, в руках которого-нибудь класса, то народ имеет деспотическое правление! Афиняне, заключив в темницу Мильтиада, изгнав Аристида, показали нам, что народ деспотствовал, а смерть Сократа по приговору судей — что правители злоупотребляли властью. Сие разрешает загадку непостоянства афинского правления. Спартацы, не позволя королю своему *ужинать* особо с своим семейством, дав пример, сколь строго они наблюдали правления, вместе объясняют нам, на чем основывалось внутреннее спокойствие правления их.

Рим, который величают республикою, никогда оною не был или если был, то на весьма короткое время. Он

всегда был в утеснении или от патрициев, правивших народом посредством сената, или от своих императоров, почти всегда насильственно похищавших власть, или от своих легионов, за деньги дававших народу правителей и низвергавших оных! Главная погрешность всех древних республик есть та, что законодатели их нимало не пеклись о твердости конституции. Солон, дав афинянам законы, вместо того чтоб показать собственным примером, сколь нужно блюсти общественные постановления, едва оные были опубликованы, оставил отечество, думая, что его отсутствие научит афинян блюсти оные, — и он ошибся! Благоразумнее бы было, — когда б целый афинский народ, избрав его как мудрейшего начертать свои законы — остаться в отечестве и своим присутствием, так сказать, освятить их исполнительность и ненарушимость, ибо почтение, которое народ имел к его мудрости, излилось бы и на самые законы, им данные; притом как мог он быть уверен, что б они не имели недостатка, будучи только им написаны; весьма легко могло случиться, что они имели такие погрешности, которые познаются временем и кои бы, если б он присутствовал, легко было исправить, но его не было, народ видел недостатки и в нерешимости, не видя средств переменить недостатки законов, слепо отдал власть тиранам! Тогда почтение к мудрости солоновой истребилось, и ему, возвратившемуся и видевшему всеобщее расстройство, за укоризны тиранам и народу по вопросу, что делало его столь дерзостным, едва прощен был ответ: «Моя старость».

Но в Спарте законы и конституция, будучи вперяемы гражданам от детства и хранимы под непосредственным надзиранием короля, сим же законам подчиненного и имевшего одно право — поддерживать законы и конституцию, показывают нам, сколь благотельно влияние и тех и других на счастье граждан. Сия республика существовала бы и по сих пор, естли бы илоты, приуча граждан быть деспотами, не развратили их нравов и тем не ослабили действия законов.

Вообще можно сказать, рассматривая историю республик, что сии правления требуют граждан, имеющих более политического просвещения, нежели другие, что

они не должны и не могут быть весьма велики и дух завоевания истинным республикам несвойствен, но токмо правлениям деспотическим.

Если рассмотреть строгим оком, то мы по сию пору не видели истинно республиканских правлений, ибо во всех упомянутых древних республиках царствовал дух партий, которые от деспотизма разнствовали как один и десять; и хотя бывали такие времена для некоторых, что законы и конституция, будучи в надлежащем друг к другу отношении, блюли покой и счастье граждан, но обстоятельства, всегда переменяющиеся, требовали от времени до времени изменения конституции и законов; а как сие не было надлежаще предусмотрено и притом не старались сделать таких постановлений, которые бы соображались с изменением обстоятельств и времени изменения законов и правления, то многие честолюбивые люди, подвергнув общую пользу отечества частной, расстраивали систему правления и, похищая верховную власть, соделывались утеснителями граждан!

Между многими полезными разных республик постановлениями, могшими составить временное благоденствие правления, сделано весьма важное упущение и даже погрешность! Все республики, самые образованные, единожды сделанные свои постановления и законы почитали совершенными, не пеклись брать предохранительных мер, которые бы мало-помалу споспешествовали рассматривать и исправлять недостатки правления, что было сделано единожды, оставалось среди всеобщего изменения, навсегда неизменно; а потому, будучи в одно время хорошо и сообразно общественному благу, по истечении времени, когда обстоятельства изменялись, делались недостаточны и даже цели своей противоположны!

Новейшие республики Италии имеют еще большие недостатки, нежели первые, но вместе и свои совершенства. Сии маленькие области мирным внутренним образованием своим хотя и составляют счастье граждан своих, но правление не имеет твердого основания и по большей части клонится к деспотизму. Класс знатных, или патрициев, имеет в руках всю власть, а граждане — одно спокойствие и повиновение. Но сие было бы еще хо-

рошо, если б патриции следовали в управлении дел направлению, кое их власти дают законы, конституция и добродетели; к несчастю, колоссальные власти окружающих сильных народов подавляют оные своим деспотизмом, и слабые сии республики без патриотизма Афин и спартанцев и без войск за необоримыми оградами Альп трепещут и повинуются.

Голландская республика, имея дух народный, более твердый, показывает многие республиканские добродетели, и правление сего народа могло бы быть способным сделать твердость сего государства, но дух коммерции, будучи главною страстию сего народа, направляет все их стремления к одной точке исключительно, и они не стараются сделать постановления свои неподвижными и независимыми; а потому сие государство было всегда подвержено игу австрийского дома и Франции!

О монархии

Когда образовались большие политические общества, когда опыты научили, что правления республиканские шумною медленностию своих решений и нескорым сообщением от одного председа до другого народной воли в волнении своем легко подвергались великим внешним и внутренним бедствиям и даже разрушению, то некоторые народы, стараясь правление свое согласовать с обширностию пределов своих и великим числом членов, дабы вознаградить медленность, от последних двух причин проистекающую, предприняли, дабы решения свои сделать более скорыми и не претерпевать от внешних и внутренних нечаянных случаев, соединить силу свою в одном лице.

Власть сия, вначале не будучи определена, поставила народы на военную конституцию! Она сообщила государству в предприятиях удивительную скорость и, усредоточа слепым повиновением народную силу в воле правителя, соделала действия народов в самом падении их быстрыми.

Тогда увидели деспотов, вооруженных всею силою народной власти, коей ничто не могло сопротивляться,

которые, привыкнув в собственном государстве не видеть сопротивления своей исполинской силе, наконец слепым повиновением соединив народную силу в воле правителя, соделали действия народов в самом падении их быстрыми!

Тогда увидели деспотов, вооруженных всею силою народного могущества, коему ничто не могло сопротивляться, которые, привыкнув в собственном государстве не видеть сопротивления своей исполинской силе, наконец стали сего же требовать от слабейших неподвластных народов. Тогда восстали Чингис-ханы, Александры, Ксерксы! Тогда кровь человеческая полилась рекою, тогда железо и огонь исполнили ужасом вселенную и иступленные кровопийцы, устремясь за кровавым лавром победителей, соделались бичом рода человеческого. Но тогда же восстали и мудрые государи, которые, не ослепляясь шумною славою побед, усредоточили всю силу власти своей на внутреннем благосостоянии правления и народов, признавших их самовластие! Восстали монархи, философы, ужаснувшиеся бурных порывов деспотизма. Монархи, которых сердце содрогнулось при виде бедствий человеческих! — которые среди блеску своего величия, сквозь тусклый облак носящихся пред их глазами курений лести узрели, что они люди, что их подданные люди! — Восстали Марки Аврелии, Петры, Екатерины! Они вложили кровавый меч побед в влагалице и просветили народы! Они дали им сообразные их счастью законы и конституцию, и империи их, гением благодетельствованные, процвели, и народы, наслаждаясь вместе счастьем и покоем республик, соделались в отражении внешних и внутренних бедствий скоры, сильны и могущественны!

Но, несмотря на все сие, и по сие еще время часто страждут народы от ига деспотов — и по сих еще пор от времени до времени тираны железною рукою утесняют слабых, — являются гении-благодетели, льют из золотой чаши просвещения мир и спокойствие, но пролетают и бурные духи злобы и проливают на бедствующее человечество все ужасы тиранства! Итак, на чем оснуется нетвердость монархии? Где лежит семя их бедственного и благодетельного влияния на народы? Рассмотрим.

Все монархические правления, доселе существовавшие, имели одну погрешность, равно как и республики. Они не имели твердых законов и конституций. Власть политическая, будучи вся непосредственно в руках единого государя, а посему, лишая народ свободной деятельности, ибо физическая сила оного, непосредственно сообразуясь с наклоном и изменением политической, которая вся в их руках, делает народ только орудием добрых или злых деяний их; а как такие правления, лишая народ деятельности, вместе затушают в нем и благодетельный луч просвещения, следственно, распространяя невежество, всегда причиняют более зла, нежели добра, то государство мало-помалу приближается к своему падению!

Правда, многие могут возразить мне, что Рим никогда не был в толикой зависимости от одного человека, как во время Августа, и что вся политическая сила его пребывала в мановении сего государя, и Рим никогда не был в таком цветущем состоянии, как в сие время! Я согласен. Но кто не признается, что надобно токмо одного Нерона, чтоб уничтожить в два или три года труд нескольких Августов, веками произведенный! При том пусть мне отвечают, столь ли часты Августы, как Нероны! Но погрешность не состоит в том, что государи имеют полную власть, — сие не токмо не вредно, но еще полезно! — но в том, что народы не знают, когда и в каком случае должна действовать власть сия, но в том, что политическая сия сила пребывает только в нем едином, народы же на оное никакого влияния не имеют, что физическою оных силою не располагают по известным, твердым, непремненным правилам, но, завязав глаза, вдут на произвол случая, по внушению каприза!

В больших многолюдных областях избрание первенствующего лица не токмо не вредно к благосостоянию оных, но еще спасительно, ибо сим избегнет народ многих междоусобных браней, весьма легко от разности в делах сомнительных произойти могущих, и поставит себя в скорое оборонительное и наступательное положение; в спокойное время власть сего первенствующего лица, будучи всегда беспристрастна и надеждою выгоды не могши быть подвигнута к несправедливости, защи-

щает слабого от сильного, надзирает над исполнительностью законов, над деятельностью правителей, над беспристрастием — словом, она дает всей политической машине нужную скорость, нужное направление, нужную точность в движении. Но тогда, только тогда, повторяю, когда власть сия действует по известным, точным, неизменным правилам!

О разделении властей политического тела

Всякая область, республика или государство, если оно признает, что цель его существования есть благо граждан, обязано иметь конституцию, которая бы хранила внутренний покой и счастье, которая б, полагая препону утеснениям и заключая власть физическую и политическую в известные пределы, разделяла и ту и другую по всему общественному телу в надлежащей соразмерности.

Конституция есть первая пружина, которая вращает и, так сказать, одушевляет все части государства; она есть в нем та систематическая цепь каналов и сосудов, которая образует всякое органическое тело, дабы дать нужное направление течению соков и привести в действие первое начало жизни — сердце. Она, будучи точно сорасположена сущности своего тела, если люди, назначенные по ней действовать, к тому предуготовлены, показывает им верный и точный путь, по которому они должны следовать к трудному лабиринфу законов, проникать во все их утончения и их одушевлять; она, удерживая в известных пределах действие всех гражданских властей, отворяя там им ход, где они полезны к общественному благосостоянию, равно как каналы и сосуды тела удерживают стремление крови в те стороны, где действие оной для тела не нужно! Словом, конституция есть первая и главная внутренняя организация тела, которая вместе с сердцем оного — законами может только единая составить твердость политического общества!

Но конституция, и вместе с нею законы, тогда только бывает благодетельна для народов, когда сообразна свой-

ствам и потребностям оных. Всякий народ, естли хочет дать себе твердые законы и конституцию, нимало не должен присвоивать себе законы и конституции других народов, особенно без рассмотрения, но, вникнув в политическое событие свое, сообразно оному устроить конституцию свою и законы; общественные постановления других народов должны быть для него примерами, а не нитию Ариадны!

Равно не должны мы наши постановления и нашу конституцию, единожды начертанные, почитать за постановления неизменные и совершенные! Они могут быть хороши в то время, когда их делаем, но обстоятельства изменяются, и законы и конституция, прежде соделавшие благоденствие наше, послужат нам погибелью.

Тело обществ подобно телу вещей одушевленных: оно имеет свою юность, свою возмужалость и свою старость; как в одушевленных вещах внутреннее каналов и сосудов строение с изменением возрастов изменяется, равно и внутреннее устройство политического общества подвержено изменению.

Вот погрешность, которая существовала доселе во всех древних политических обществах, республиках и монархиях! Погрешность, которая существует во всех самых совершенных правлениях настоящего времени. Вообще все новые политические общества имеют в правлении своем две политические власти: надзирательную, или повелевающую, и исполнительную! Первая почти всегда пребывает в руках государей или обществ, составленных из первых классов, по большей части знатных фамилий, кои вместе и предписывают законы и блюдут исполнение оных.

Некоторые из правлений, каково английское, отдав большую часть политической власти государю и уравнивав физическую силу народа подчинением ему сухопутных и морских вооружений, предоставив важную часть оной парламентам и сенатам, имеющим главную исполнительную власть, учредили особое отделение народных коллегий, состоящих из нижних отделений народа, коим препоручено право защищать народ от утеснений и предлагать о его нуждах! Правительства сии

могут почестся за совершеннейшие доселе существовавшие, ибо каждая часть правления взаимно другую уравнивает тем, что все они связаны единою цепью законов и конституций.

Но как уже мною сказано, что законы и конституция подвержены изменению и как оные суть первая связь политических обществ, то с изменением их, естли государство не имеет особенно четвертого законооблустительного тела, которое бы имело право наблюдать за силою действий государственных постановлений и кое бы состояло из избранных членов двух классов — знатных и народа — под непосредственным надзиранием государя и верховного правительства, без коего оное не весьма может надеяться на свою твердость, — сие политическое тело, заменяя более недействительные постановления другими, полезнейшими, предохранило бы общество от многих внутренних беспокойств, деспотизма, а может, и преждевременного падения.

О просвещении и личном достоинстве управляющих

Уже сказапо, что воспитание есть первая пружина к общественному благосостоянию, есть первое средство, могущее привести в действие законы и поддержать конституцию, но сего только недостаточно! Чтoб политическая махина явила нам полную игру равновесия, чтоб действия ее были точны и сообразны направлению, то для сего нужны не токмо просвещенные, не токмо образованные люди, но испытанные, но такие, которые уже доказали своею деятельностью, своим усердием к благу общему и своими дарованиями способность к правлению, такие, кои, не имея еще участия в общих делах, своими достоинствами обратили внимание сограждан! Ибо люди, которым препоручается благо общества, должны быть известны оному, и сверх просвещения и пламенного усердия делать добро они должны, чтоб достигнуть цели иметь доверенность общества, должны быть признаны обществом!

Римская империя, отдав верховную власть своему сенату, подчинила миллионы жителей, собственных

граждан патрициям, которые одни имели право заседать в сем, так сказать, правительстве света! — сделала великую ошибку. Интересы патрициев и граждан сделались чрез то разделенными. Первые, имея в руках власть, старались распространить оную более и более, вторые, не имея надежды участвовать в правлении, питали к ним вражду и ненависть и восставали, как скоро находили удобный случай; Нероны и Калигулы пользовались сею вечною борьбою и угнетали народ сенатом, сенат заставляли трепетать народом и легионами.

Слепой патриотизм сей республики есть вторая вина бедствия оной! Римлянин имел право гражданства, римлянин мог располагать делами провинций, участвовать в правлении — словом, малое число жителей города Рима имело право на исполнительную и защитительную силу законов. Жители провинций, как народы покоренные, подверженные игу, должны были рабствовать пред горстию надменных покорителей света!

Благоразумнее бы было, естли бы римляне, не ослепляясь сею химерою патриотизма, в теле своего сената соединили не патрициев токмо, но граждан, которых целый народ признавал того достойными и которых помещение не зависит более ни от воли сенаторов, ни [от] власти императоров, но от выбора граждан!

Все сенаты и все парламенты суть судилища, в которые вводить долженствует не право рождения, но достоинства, всем гражданам известные; они должны избираться не из граждан одного города, но всего государственного тела, из граждан всех провинций, ибо в оные входят дела всех провинций и всех гражданских разделений и подразделений, и, следственно, сие их обязывает знать нужды тех и других!

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСВЕЩЕНИИ ВООБЩЕ

1804

Все народы древности, на политическое бытие коих история заставила обратить взоры потомства, которые твердостью своего существования и могуществом пер-

венствовали между современниками, показывают нам основным сему началом общественное воспитание, корень народного благоденствия. Разительный пример видим мы в спартанцах, принявших первым правилом образование детей в сведениях относительно законов и обычаев гражданских, в кругу общественном. Образ сего воспитания столь известен, что я почитаю излишним раздроблять оный читателю. Но сей пример, скажут мне, есть пример для республик, и притом для одного токмо города, который никогда не может браться в сравнение в случае, когда дело идет до таковых империй, каковы ныне европейские, и особенно Россия. Нет возражения. Но возьмем в пример империю древности, и притом довольно обширную; пусть вспомнят себе воспитание персидского юношества — воспитание Кира. Но и на то мне скажут: настоящее положение в политическом, моральном и коммерческом кругу столь изменилось, что все примеры древности должно почитать для нас если не совершенно потерянными, то по крайней мере мало приложимыми, что роскошь — ныне душа и жизнь Европы, что коммерция — первая пружина просвещения, поддерживающая роскошь, что самое изменение нравственности обоих полов и всех гражданских состояний заставляет нас оставить примеры древности, стараться о основании благоденствия Европы и искать твердого камня его просвещения, на коем долженствует оное стать твердою и непоколебляющею пятою, в ее собственной истории. Нет и на сие возражения. Но я спрошу: общие пачала, основывающие связь обществ и сердец человеческих, изменились ли? Разве дружба не есть и поныне связию обществ и единиц оных, разве согласие не есть сильная пружина, всегда верно действующая во всех делах? Если сие истинно, то где дружба и согласие утвердиться может, как не в детских летах и сообществе себе равных; как не в летах, в кои хотя человек не способен следовать здравому разуму, но в кои сильно действуют на него наклонности сердечные и в коих все приятные воспоминания столь сильно в уме нашем впечатлеваются, что ни самая старость изгладить сего не может; в коих мы столь способны к приятию всего приятного, в коих сердце наше столь

удобно к образованию всех милых связей. Особенно потому, что оное тогда еще далеко предубеждений и обязанностей, впрочем бесполезных и вредных, с родом настоящего существования обществ неразрывных — сего этикета, сей пышности! Если ж сие истинно, то где и каким образом общество может основать свою твердость, как не взаимною связию и привязанностью граждан, коя в другом месте, кроме воспитания общественного, получить не может. Цель и средства существования древних и новых государств совершенно различны, но связь обох единая. Древние общества относительно новых суть то же, что необразованные к народам мужающим. Первые, будучи в начале своего существования, следственно, еще не совершенно утвердившиеся, должныствовали, дабы поддержать хлибкое свое существование, занимать граждан предметами сильными — войною, дабы удержать их от внутреннего волнения; и потому все древние государства основывали собственное могущество на разрушении соседних. Ныне совсем противное: народы временем приобыкли к общественности, взаимные нужды их связали и благосостояние государства требует благосостояния соседственных государств — вот преимущество, которое имеем мы над древними, преимущество неоспоримое.

Итак, если утверждение общественности есть благосостояние новейших государств, есть связь нужд, оснующих общественность и оной выгоды, то зачем дабы дать сей связи большую напряженность, не утвердить то на наклонностях сердечных, не связать народы сладостными воспоминаниями детства, взаимно препровожденного.

Правда, общественное воспитание в детстве сколько внедряет в сердце наше изящных добродетелей, сколько способствует к развитию сил душевных и телесных, столько часто, если пренебрежен будет строгий присмотр за правами, дает сильно распространяться порокам, кои подобно пламени, находящему богатую пищу между детьми юными и пылкими, вдруг пожирают множество поколений и распространяют оное еще на многие. Сия точка есть одна из важнейших, где око законодателя и его исполнителей должно быть наиболее

предвидяще. Добрые нравы в гражданах необходимее самого просвещения, но без просвещения добрые нравы редки. По крайней мере оные не имеют полезного направления. Многие утверждают, что семейственное воспитание сохраняет чистоту нравов и непорочность юных сердец, — нет ничего истиннее, но токмо тогда, когда дети имеют добродетельных, просвещенных родителей, а сие столь редко, что, когда дело идет о целости народа, в основное положение не приемлется. Но положим, если б сему было и противное, то самые семейственные предубеждения достаточны исказить самую благоразумную нравственность.

Даже и тогда, когда бы просвещение было уделом целости народов, семейственное воспитание может научить токмо людей быть добрыми отцами, супругами, родственниками, но никогда совершенными гражданами. Эгоизм — удел всех людей и — может, не токмо не-обходимый, но и полезный в некоторых отношениях — будет их всегда отдалять от чувства общности. Ибо люди, воспитанные в семействах, почитают себя обществу ничем не одолженными, привычка к выгодам общественным делает им неприметным благо, неопценною связию гражданских выгод на них изливаемое; они видят во всем одни условия и нимало не думают, сколько веков и сколь напряжения гениев стоило природе, дабы образовать связь благодетельную сообщества, и потому каким пожертвованием сие каждого обязывает к пользе оного.

Одно общественное воспитание, одно такое воспитание, направленное к моральной цели, дающее гражданину чувствовать с самого его младенчества, что государственное общество печется о его благе, что оно ему не менее благодетельствует, но еще более, как самые родители, ибо первые показывают ему токмо выгоды семейственные, кои сами оснуются на выгодах общественных, в то время когда такое воспитание показывает ему все назначение, коим он обязан к согражданам за те блага, кои их соединение на него изливаст. И сим утверждает в нем чувство отечества.

Сие общественное воспитание кроме направления морального, требует еще другого, к общественному бла-

госостоянию равно необходимого направления — политического, объясняющего каждому причину его обязанностей к обществу, разлагающего ему благо, с сими обязанностями к его собственной пользе неразрывно соединенное, и научающее его средствам служить обществу с большею выгодною для граждан и себя самого и вместе желать оному со всем жаром любви сыновней счастья и благоденствия.

Такое направление не иначе существовать может, как когда государство поставит себе пепременным, твердым правилом науку прав своих соделать необходимою для всех состояний граждан без изъятия; чтобы она входила в образование, по какой бы части познаний то ни было; а что сие истинно, то сказать довольно, что сие признано за самое важное Екатериною. Она хотела, чтоб книга законов была ручною книгою в самых первых классах гражданского воспитания.

О публичном общественном воспитании и влиянии оного на политическое просвещение

В предшедшей главе признается публичное воспитание оснующим гражданскую связь и служащим надежным средством к распространению в народе политического просвещения. Но читатель может сделать вопрос: каким образом оное имеет влияние и каковы средства, для сего потребные? Он скажет, не нужны ли к тому те же [средства], каковы были у древних, присоединя, что он видит затруднение соединить в одном месте детей всех состояний и особенно содержать их одним образом. Конечно, сие отчасти справедливо, древние имели два рода правлений: или совершенно деспотическое, или свободное, т. е. народное; оные были одно другому в системе противоположны и потому стояли на крайностях, а крайности сходствуют. Деспотическое государство имеет главную опорую своего правления всегда страх; оное подобно волнующемуся морю граждан то вдруг возвышает, то вдруг понижает, и потому в оном не может произойти твердых гражданских разделений на состояния; а потому не может родиться предубеж-

дений, с разностью состояний соединенных; знатный не забудет никогда состояния и самого низкого гражданина, ибо завтра с вершу величия он может пасть на самую низкую степень, и он всегда готов быть роскошным сатрапом и умеренным Иром¹ и надмеваться, как сибарит, и унижаться, как последний раб; в таком правлении самые пороки соединяют выгоды народа, и любимец счастья, видя ломкость оного, никогда не презрит, чтоб сын его воспитался вместе с сыном бедного и неизвестного гражданина, ибо он не знает, какая участь дожидает его сына. В Турции ведают в числе простых янычаров детей даже великих визирей, и потому самое рассуждение вперяет им приуготовлять детей ко всем состояниям; и потому в Персии в правлении деспотическом вельможи не находили несообразным воспитывать детей в общих пародных училищах.

В правлениях совершенно свободных, каковы древние республики, где не было классов знатности и отличал только голос народный, а не рождение и, следовательно, заслуги и достоинства (ибо, говорит Филанджери², народ всегда оные видит: он знает, что такой-то был часто на войне и всегда счастлив, и избирает генерала; он знает, что такой-то имел публичные должности, был всегда справедлив, и избирает судию), различие состояний и предубеждений, с оными соединенных, образоваться не может; вельможа никогда до того не забудется, чтобы презрел народное воспитание для сына своего, он видит, что легкомыслие народа и при достоинстве играет его жребием, не зная, будет ли иметь оные сын его, он найдет благоразумным приготовить его ко всем состояниям; а что более к тому ведет, как не общественное воспитание, которое всегда учит умеренности и даже нужде? И следовательно, если с ним сопряжено просвещение, способно и к состоянию вельможи, и простого гражданина. Вот между прочими одна причина, почему спартанцы признали полезным воспитать детей равно и вместе.

Новейшие империи не таковы. Они все суть смешанные более или менее: в них соединяются оба правления; роскошь, умножая нужды, заставляет вельмож думать о богатствах; закон же европейских держав защи-

щает собственность столь священной, что летописи Европы, по крайней мере в двух предшествующих столетиях, не показали ни одного примера, чтоб какой-нибудь государь лишил несправедливо подданного оной. Сие обеспечивает богатых граждан, особенно знатных, и оные на основании своих имуществ воспитывают детей большею частию для своего состояния. Сие влечет за собою предубеждение знатности, гордость породы и презрение к низким классам. Оные образуют дух дворянства и сеют в гражданских классах взаимную, так сказать, антипатию. Во Франции, в старом правлении, презрение дворянства к простолюдинам возросло до удивительной степени; дворянин почитал за самый великий стыд не токмо входить в какие-либо связи с простым гражданином, но даже быть в одном месте [с ним]; в Германии во время Иосифа Второго дворянство требовало иметь даже особые гульбища от народа. В Англии один знаменитый писатель находил, что бессмертный авторский талант и его творения были предосудительны его знатности.

Великая Екатерина, вместе с Петром Великим столько содействовавшая к утверждению в России нового смешанного монархического правления, мудро предвидела и долженствующее необходимо укорениться во оном разделение состояния граждан, на основании бессмертного Монтескье³, необходимого; предвидела и предубеждения, впоследствии содействовавшие к разрушению сильной монархии Бурбонов, и предупредила то: бессмертный закон, лишаящий дворянина всех прав на почтение и даже голос в дворянском обществе, если он не заслужил дворянское состояние в государственной, гражданской или военной службе, направил умы дворянства не к чести породы, но службы отечеству; а как сей путь не загражден ни которому состоянию, то дворянство, научась уважать службу, научилось уважать вместе и достоинства во всех состояниях. Ныне уже не спрашивают в обществах наших, дворянин ли он, простираются ли его предки до праотца Ноя и проч., но спрашивают, каким достоинством уважило отечество его заслуги.

Одни провинциалы наши в своих степных изгородах гордятся своим дворянством пред крестьянами. Все образованные достойные дворяне стыдятся сие одно поставить себе в достоинство. Слава Екатерине, бесмертие ее имени!..⁴

Итак, когда толь счастливое влияние гений Екатерины имел на наши нравы мудрыми своими уставами, монархи, ее наследники, сохранят ее законы, и особенно тот, о коем говорится, как святыню.

Но где средства хранения? В общественном воспитании. Правда, невозможно всех воспитать в такой обширной империи в едином обществе и особенно содержать, ибо положим, что просвещение дворянства, ныне столь распространившееся, попустит, чтоб благородное юношество обучалось вместе с мещанским, но богач никогда не согласится, чтоб сын его довольствовался тою же умеренною пищею, которою довольствуется сын обыкновенного гражданина, а государство для всех иногда дать не может; но есть предубеждения в народах и классах оных, которые законодателям уважать должно, особенно тогда, когда оные такового рода, что нарушение оных может иметь значительно худые следствия, а оставление не влечет за собою приметного вреда. Сие последнее есть одно из подобных. Следственно, не коснувшись оного, верховная власть мудро сделает, если, учинив просвещение необходимым, заставит всех граждан жить как им угодно, но просвещаться в одних правлением признанных и утвержденных местах.

Александр, мудрый монарх наш, объявив торжественно, что он будет управлять скипетром России по сердцу и законам Екатерины, сделал важный шаг, положив в статье просвещения первым законом, что никто в гражданскую службу приемлем не будет, если не кончит наук в университете своей округи: теперь мы ожидаем, чтобы сей бессмертный закон распространился на все училища для всех состояний, чтобы купец, чтобы мещанин, чтобы ремесленник и прочие промышленники не прежде могли вступить в права своего состояния, как когда приобретут нужные в малых училищах для сих состояний назначенные сведения.

О постепенности училищ и соображений с сего постепенностью политических предметов воспитания

Для образования общего подражания и соревнования в предметах обучения за необходимое всеми признана постепенность классов и самых училищ. Все системы нового общественного воспитания связывают то более или менее неразрывною цепью. По моему мнению, цепь сей постепенности долженствует быть строжайше наблюдаема, степени публичных училищ должны быть единожды твердо означены. Воспитанники из низших училищ не иначе должны быть переводимы в высшие, как по строжайшему выбору учителей или профессоров тех училищ, в кои оным поступить надлежит. С сим соединено будет и истинное отличие достоинств, и беспристрастие, ибо, дабы перейти в высшее училище, потребно будет действительно приобрести достаточное познание в низших, поелику рассматривание будет производиться не теми наставниками, у коих обучались и кои по обстоятельствам могут быть иногда пристрастны, но посторонними, коим обучающиеся ни с которой стороны известны не будут и которые потому будут взирать на одни достоинства рассматриваемых, и притом поддержание собственной чести будет внушать им выбор в пользу достойнейших.

Но сей предмет для сего рассуждения есть несколько посторонний; итак, предположив себе о том более распространиться в другом сочинении, я приступлю к соображению предполагаемых мною политических предметов. Всякому гражданину необходимо знать отношения и обязанности, связующие его с обществом: обычаи, законы и права суть первая и основная связь политических обществ и политики; сии три предмета необходимы для всякого состояния граждан. Обычаи мы познаем из ежедневного обращения и, следовательно, в общественном воспитании оные предмета составлять не должныствуют. Но законы и права, не будучи столь обыкновенны, и притом сходность настоящих гражданских отношений требует в оных различных утончений и философического направления, для объятия коих

надлежит обратить особенное напряжение внимания; следственно, сия часть требует упражнения с самого детства, когда разум наш не развлечен еще посторонними предметами и нуждами. Итак, в окончательном учении всех училищ, которые признаются достаточными для известных классов (ибо не должно предполагать, чтоб все состояния необходимо оканчивали учение в университетах, сие долженствует быть предоставлено изволению каждого, исключая тех, которые действительно пазначают себя государственной службе), падлежит, чтоб курс законов, к степени училища и нужде обучающихся припоровленный, был важнейшим предметом, поелику каждому гражданипу необходимо знать свои права в гражданском кругу. Там, где сие покрыто неизвестностью, гражданин не может наслаждаться гражданскою свободою и спокойствием; не зная, где, когда и как надлежит ему действовать, он живет всегда между страхом и надеждою, и потому состояние его есть состояние мучительное; он всегда трепещет, когда действует, не зная, сообразны ли действия его с волею законов. Самое имя законов, которое во всяком благоустроенном обществе должно быть произносимо гражданами с сердечным умилением и гордостью, будучи для него покрыто таинственною завесою неизвестности, делается ему ужасно и произносится им с внутренним содроганием. Самые места правительства, коим препоручается хранение законов, делаются для него местом, в которое он вступает всегда неохотно и робким шагом, ибо ему представляется мысль, что, может быть, в неведении он преступил законы, за кои в оных готовится ему наказание. Тогда граждане в правлении не видят более благодетельного покровительства, но строгого судью, которого меч всегда обнажен и разит прибегнувших к его справедливости неожиданно и прежде, нежели ему известна причина.

В таком гражданском кругу, между такими гражданами судья, если, к несчастию, сие место занято будет злодесем, легко может свирепствовать и угнетать сограждан, легко может соделать самое правосудие продажным, и в то время где искать гражданского благосостояния и безопасности?

В благоустроенном правлении надлежит, чтоб законы всем известны были, чтоб всякой гражданин, впадая в преступления, знал, противу какого закона он преступил, прежде нежели то возвестится ему судьбою; должно только, чтоб дело судьи было ему доказать, что он преступил закон, уже ему известный, и чтоб самая сентенция виновному гражданину была известна прежде, нежели он услышит глас исполнителя законов, его осуждающего.

О необходимости исторических познаний для общественного воспитания

Всеми признано, что великие и чрезвычайные умы находятся во всех состояниях и во всех народах. Но часто и почти всегда оные рождаются не в свое время, не в своем месте; порыв, обыкновенно свойственный сим гениям, влечет их к назначенной им цели и кругу действий; несчастье, если государство, отечество сих гениев, стоит на такой ноге, что круг сих действий определен состояниями и где чрезвычайный ум со всем своим напряжением делает тщетные усилия, дабы взойти в место, ему самою природою предназначенное; тогда самый порыв сей, самый чрезвычайный ум сей свращается с пути, ему назначенного, и внушает ему желание опровержения того, что препятствует ему в ходе. Если бы оный таков, что силы его достаточны и обстоятельства благоуспешны, то он побеждает препоны и преобразует погрешности. Но если противное, то тщетные покушения возбуждают мятеж и беспокойства в государстве и служат к гибели или первого, или последнего.

Счастливо государство, которое предуготовляет свой политической состав к благодетельному влиянию умов чрезвычайных. Екатерина бессмертная! К тебе не могу не обратиться я при воззрении на каждый шаг, который важен для народного благоденствия. Ты первая из всех законодателей Европы открыла ход сим умам к правлению и ко всем состояниям в отечестве, в коем имя твое и по истечении столетий будет соединено с именем его благодетелей, гениев-хранителей.

Так, сия несравненная законодательница, утвердив смешанное правление империй европейских в России, предусмотрев и предупредив предубеждения классов народных, вместе одним законом, открывшим всем состояниям путь к службе отечества, облегчила и действия самой природы, необыкновенными ее сынами преобразующей и усовершенствующей благоденствие народов; кто может сказать в России, чтоб таланты и способности его отечеством были отвержены? Никто! Некоторые примеры, будучи весьма редки, общее положение не опровергают. Сим Екатерина придала веки к благоденствию и существованию России. Сим она оправдала торжественно объявленное ею желание, чтоб народ ее был самым счастливым на земном круге.

Но обратимся к нашему предмету. Чтоб сим гениям действовать сообразно общему направлению, требуется показать оным из примеров древних, новых и настоящих, каков был ход действий народов вообще и каким образом предшествовавшие им чрезвычайные умы действовали к благу своего отечества; и сие какая иная наука показать может, кроме истории, особенно политической, народов.

История, написанная в философическом духе, и не как летописи, кои показывают только ряд происшествий и поколений, но предлагающая не токмо чрезвычайные случаи и изменения народов, но вместе причины всех примечания заслуживающих происшествий и побуждения, заставляющие стремиться необыкновенных мужей к цели их действий,— есть истинно наука, долженствующая в общественном воспитании, во всех одного отделениях, быть необходимою, не для того, чтобы она действительно была необходима всем гражданам. Нет, если брать вообще, то она полезна для граждан единою нравственностью, кою всегда лучше с нарочно извлеченными примерами преподавать особенно. Гражданину, который не назначает себя служить в правлении отечеству или каком-нибудь ином требующем усиленного напряжения духа отделении, она не нужна; обыкновенный человек всегда входит в круг уже предуготовленный, он никогда не думает о размножении или изменении одного, он пользуется только его

выгодами, дабы посредством оных обеспечить свое состояние и доставить то детям и семейству своему. Но она нужна людям чрезвычайным, дабы умерить беспокойный порыв их, за предел возможного действия стремящийся, который часто губит или их самих, или народ, между которым он родился, дабы показать им примерами самого дела, что один великий ум всего совершить не может, что весь род человеческий существует по одним законам к известной точке и что все, что природою от него требуется, есть давать общему действию природы известное, нужное напряжение. Она научит его терпеливости с Фабием, мудрой деятельности и вместе покорению необходимости с Сократом и Катонem, жертвованию благу общему с Децием и соотечественником нашим Гермогеном и проч. Вот для кого нужна и даже необходима история; но поелику учению посвящаются лета детства, то время, когда самые гении весьма мало от обыкновенных людей отличаются, то требуется необходимо, чтобы сии пренебрежны не были, соделать науку сию общею всем гражданам.

О истории как предмете политического воспитания

Сказано уже, что история не есть наука для настрояния умов обыкновенных, она есть наука, образующая героев, есть пантеон славных мужей, славных народов и их добродетелей в пользу рода человеческого, хранящая великие дела для подражания и соревнования душ, способных чувствовать благо общественное и ценить истинные достоинства. Поелику сия наука не долженствует заключать в себе дел обыкновенных, она не должна содержать ничего, что не служит к возвышению сердца или к одушевлению в добродетелях. До нее не относятся пышные генеологии, от нее не требуется, чтоб она показывала обычаи дворов, тайные их истории, беспрерывные ряды наследств и проч. подобное. Она должна нам показывать одно великое. Я сомневаюсь даже, чтоб нужно было в оной описывать слабости, сомневаюсь, чтоб жизнь тиранов и их дел должныствовали в оной иметь место. Пример тирана

может производить другого, может научить тиранствовать свирепое или слабое сердце.

Но одних частных дел для истории не довольно; она должна замечать причины, основавшие счастье государств, причины, удерживающие их от падения и сохраняющие целостность оных. Должна явить, каким образом и почему процветали области, каким образом действовало правление и законы на благо общественное, какие законы и какое правление устроили благоденствие людей, как распространялось на государства просвещение, каков был ход, какое направление давало оное народу и само получало.

Словом, история должна быть зеркало дел великих, которая как бы в картине представляла питомцам бессмертия образцы для подражания и средства достигнуть до славы, ими предполагаемой, или превзойти оную! Надлежит, чтоб юный герой подобно скульптору или живописцу, взирающему на картину Рафаэля или Корреджиа, познавал в оной черты и тени, могущие соделать его произведения бессмертными. Такова должна быть история, преподаваемая юношеству при общественном воспитании; но сего не довольно: она должна быть кратка и ясна, заключать в себе все, что нужно, и ничего излишнего; она должна быть даже приноровлена к степени училища, в коем преподается, и состоянию воспитанников, для коих назначена. В училищах, назначенных для коммерции, сия часть истории должна быть разобрана с точностию; в ней должны быть предложены с большею обширностию, нежели другие отделения, происшествия и дела народов коммерческих и лиц, в оной отличившихся. В училищах военных история народов воинственных и героев браней должна занимать главное место и так далее. Но вообще во всяком таком курсе не должно быть забыто общее очертание всей целостности истории, ибо легко может случиться, что тот, кто назначает себя быть купцом, впоследствии делается воином, министром; что тот, кто назначает себя воином, вступает впоследствии в состояние купца, и для сего воспитание должно его ко всему предуготовить. Обыкновенный образ писать историю есть весьма недостаточен и для преподавания в обще-

ственных училищах совсем не способен. Все наши истории или писаны весьма обширно, или весьма кратко; и в тех и в других много выпущено черт сильных, много такого, что к воспитанию нисколько не служит, и, наконец, много даже такого, что может дать юношеству или худой пример, или совратить с истинного пути. История требует для начертания пера великого, а может быть, и героя! Надобно непременно, чтоб историк чувствовал совершенно всю цену великого дела, надобно, чтоб перо его пылало сердечным жаром, когда он описывает то, что служило к возвышению благоденствия народов, чтоб он проливал слезы, описывая бедствия человеческие.

Несколько образцов для истории видим мы в конце древних народов Тацита и некоторых из греческих. Из новейших писателей может быть упомянут едва ли не один Габбоп⁵.

Левеки, Массоны, Рульеры⁶ не должны касаться священного резца истории; те, которые осмеливаются дерзать пером своим злословить величайших из людей и монархов — Петра и Екатерину, должны удалиться от храма истории, должны бежать далеко от оного, закрыв лицо непроницаемою завесою, дабы свет не мог видеть срама их. Они могут писать романы, *des histoires scandaleuses* (счастливы мы, что в нашем языке нет термина для выражения сего рода сочинений), но и то для площадей, где встречаются им подобные.

История такого рода может исполнить свое назначение и, будучи предметом, необходимым при воспитании, не даст погибнуть ни одному чрезвычайному человеку; она направит каждого ко своей цели, покажет каждому средства управлять его порывом, научит пылкого соображать пылкость с обстоятельствами, научит выжидать время и пользоваться оным без сильных волнений, приводящих все в расстройство.

Заключение о преподавании в общественном воспитании других отраслей наук

Все науки одна с другой сливаются, все науки составляют цепь, их друг с другом неразрывно соединя-

ющую. И так во всех училищах, где предполагается окончательное гражданское учение, необходимо должны преподавать все отрасли человеческих сведений, но, повторяю, как в предмете о законах, соответственно состоянию граждан и качеству училищ. В некоторых училищах достаточно не токмо поверхностное, но даже историческое общее оных изложение.

В училищах высших и университетах отрасли сии должны быть преподаваемы полнее, но два предмета, о которых я особенно в сем кратком сочинении беру смелость рассуждать, должны быть преподаваемы во всей обширности; отрасли наук отвлеченных — математических, физических и других — должны быть распространяемы по факультетам, ибо отвлеченные познания назначаются только для некоторых классов, история же и правá нужны как ученому, как воину, так и всякому, кто б в каком гражданском состоянии ни был.

Конечно, нет возражения, судье, воину, и гражданину, и проч. часто случаются необходимы познания в тех или других отвлеченных сведениях, но оные должны быть соразмерны его состоянию, как о том уже мною говорено. Полное развитие отвлеченных наук должно быть предоставлено тем, кои особенно назначат себя состоянию ученому.

О БЛАГОДЕНСТВИИ НАРОДНЫХ ОБЩЕСТВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1807

Изложение основных начал сочинения

В сочинении сем намерен я изложить, во-первых, причины и ход общественности, начала законов и качество образа учреждений правительства или форм оно-го и, наконец, первые и общие начала торговли.

Во-вторых, стараться буду показать влияние просвещения на государственные общества, на законы и правление, цель, меру и качество просвещения, которые законодатели должны иметь в виду, дабы то соделать средством и, так ск[азать], важнейшею частию лестницы государственного благоденствия.

Сей предмет составит второе отделение, или вторую часть, сочинения.

В-третьих, какова долженствует быть мера человеколюбия государственных законов, соображая то с видами мудрого законоположения, блюстительной части правительства и, наконец, государственного хозяйства.

Изложить коротко начала, на коих, думаю я, основуется благоденствие государственных тел и обществ, оные составляющих, как в целом, так и единицах-частях по мере сил моих, если досуг и обстоятельства позволят мне, впоследствии употреблю старание напрячь силы мои, дабы развить подробнее сие, так ск[азать], общее очертание моего предмета.

Показав таким образом главное разделение сочинения сего для большей ясности читателю, следует подробнейшее содержание частей.

Первая часть

Первое отделение сей части заключает начала общественности и доказательства, что человек ведется к оной самую природою. Сие составляет первую главу отделения. Вторая имеет целию доказать, что человек в общественной жизни ощущает неприятности, огорчения, болезни на тот конец, дабы, побуждаем оными, шел от состояния менее счастливого к состоянию более счастливому.

В третьей главе общественность рода человеческого разделена на три степени, или шага. В первом шагу началом общественности и законов приемлется сила; во втором — выгода богатств; третий шаг как такой, который еще не начат родом человеческим; потому, не видя последствий начал оного, по коих можно бы было основать твердое умозрение, ограничиваюсь токмо общим положением, что в состав общественности, на третьем оный шагу, долженствует входить человеколюбие более, нежели как оное входило в состав предшествовавших рядов обществ.

Второе отделение первой части будет содержать мысли мои касательно государственного состава и законов. В оном постараюсь показать неразрывность цели, соединяющей сии две отрасли законоположения. В четырех главах, оное отделение составляющих, изложив в первой отношения и той и других вообще, коснусь во второй главе влияния оных на монархии; четвертая будет иметь особенным предметом конституцию в отношении образа учреждения государственных властей. Третье отделение сей части будет коммерция, или торговля, имеющая в виду соотношение взаимных нужд народов.

В четырех главах сего сочинения, представя в первой вообще цель и разделение сего предмета в сущности оного, во второй буду говорить о коммерции, или торговле, древних и новых народов, соображаясь с положением оных, в третьей — о влиянии оной и важности в составе Англии и Франии, в четвертой буду рассматривать с сей стороны Россию. Сие заключит первую часть моего сочинения,

Вторая часть

Предмет второй части будет просвещение. Поелику оное по существу своему имеет в виду два измерения:

1) образование граждан до такой степени, дабы каждый видел цель своего назначения;

2) образование ученых, дабы посредством того расширить и усовершенствовать круг человеческих познаний;

то сия часть составит два отделения. Первое отделение заключит в своих пяти главах: в первой — цель гражданского воспитания относительно к системе больших европейских государств; во второй — влияние публичного, или общественного, воспитания на государственное общество и части оного; в третьей — разделение и постепенность лиц и учения гражданского; в четвертой — важность в общественном воспитании преподавания истории; пятая заключит все сие общим обозрением распределения прочих гражданаму нужных предметов обучения.

Второе отделение, имея в виду показать особенно меры, кои государство брать долженствует для образования отделения ученых граждан, коих занятием будет воспитание и усовершенствование человеческих сведений, заключит в своих главах:

в первой — каким образом и из каких граждан государство долженствует приготавливать состояние людей, назначаемых для отвлеченных познаний;

во второй — как на сей конец государство долженствует пользоваться системою воспитания;

в третьей — каким образом система воспитания для отвлеченных познаний долженствует избирать своих питомцев;

в четвертой — как система воспитания вообще долженствует возбуждать соревнование и руководствовать самих воспитателей постепенностию мест;

в пятой изложатся вообще начала, на основании коих надлежит образовывать ученые общества для усовершенствования полезных знаний.

Третья часть

Третья часть состоять будет из трех отделений. О человеколюбии как основании государственных постановлений вообще и взаимном равновесии классов питаемых и питающих.

В сей части сочинения будет рассматриваться влияние человеколюбия в двух отношениях: в отношении целого — государства и в отношении частном — граждан.

Первый предмет будет содержать в начальных пяти главах следующее: первая будет доказывать, что человеколюбие есть мерою сохранности, благоденствия и самой продолжительности существования государственных тел; вторая покажет влияние, кое долженствует человеколюбие иметь на законы и правление; третья — меру оного в употреблении на службу общую гражданских лиц; четвертая — обязанности, каковые государство долженствует возлагать на себя касательно сего отделения; пятая будет содержать общее изложение сих начал приложимо к России.

Но поелику твердость государственного благоденствия оснуется на благоденствии частных гражданских отделений, то благонамеренность государственных постановлений требует, чтобы законы, оснующие взаимную гражданскую связь, пеклися не токмо о целом, но и частях; чтоб оные, имея в виду вспомоществование и подкрепление выгод общих, вместе имели в виду вспомоществование и подкрепление выгод частных.

Итак, идя далее, распространяю я человеколюбие государственное на целость частных гражданских сословий и единиц частей, оные составляющих; на сей конец в шестой главе предлагаю правительству примерами человеколюбивого участия побуждать граждан в лице сословий и единиц оных к взаимному в крайностях и несчастиях вспомоществованию; в седьмой излагаю несколько подробнее на сей случай приложимые меры; в осьмой — виды для употребления сумм, в случае когда дух человеколюбия гражданского простерется столь далеко, что добровольные пожертвования превзойдут меру настоящей потребности вспомошествова-

нию; в девятой, и последней, скажется коротко о воспитании из видов человеколюбия и сострадания. Последняя глава заключит общим обозрением взаимности отношений классов граждан питающих и питаемых и равновесие оных как начала государственной экономии.

КНИГА ПЕРВАЯ

Основные начала общественности

[ГЛАВА ПЕРВАЯ] Изложение начал общественности

Род человеческий от состояния дикого не вдруг переходит к общественности, не вдруг покоряется определенному и, т[ак] ск[азать], исчисленному действию ее законов. Первое начало одного есть состояние дикое (уединенное), состояние совершенно простое и сообразное токмо его физическим нуждам. В сию эпоху он признает один закон потребности и случая удовлетворения оной, одну власть силы. Страх есть его нравственность.

Филанджиери отвергает положение некоторых философов, утверждавших, что состояние дикое есть совершенно естественное и такое, какое назначено, чтоб быть ему счастливым; он справедлив. Конечно, состояние дикое не есть исключительно естественное, и человек не назначен быть счастлив в сем состоянии.

Правда, человек в диком состоянии знает только нужды физические и оным легко удовлетворяет; удовлетворение сим нуждам есть его счастье. Но возьмем противную сторону: разве дикой человек не чувствует недостатков? Разве свирепство стихий, коим он беспрестанно подвержен, разве всегдашняя опасность от нападений неприятельских не могут положиться в цену бедствий, за кои получает он наслаждения?

Но, Филанджиери говорит далее, общество родилось с человеком. Состояние дикое есть более разрушение общественности, нежели начало одного; в последнем положении он ошибся, если под сим не разумеет токмо некоторые случаи. Впрочем, таковое положение по са-

мому существу своему всегда несправедливо. Разрушение общественности может показать нам состояние дикое, но сие столь же мало доказывает, что дикое состояние есть токмо следствие разрушения общественности, как естьли бы кто хотел доказывать, что химически разложенное тело на его начала показывает токмо следствия разложения, а не начала или составные части тела.

Мое мнение об общественности таково. Род человеческий составляет сложное целое; сие сложное целое требует известных нравственных законов, дабы придти в полный ход и гармонию своего действия. Сия точка есть предел возможного совершенства и счастья роду человеческого. Здесь добро долженствует превосходить зло несравненно. Если последнее уничтожается в одной точке совершенно, то обратно в противоположной сие долженствует случиться с первым. Степень отдаления рода человеческого от предназначенного ему счастья содержит соразмерное тому количество зла и добра. Когда род человеческий приближается к точке совершенства, количество добра увеличивается, зла уменьшается, отдалается *обратно*.

Посему в диком состоянии, на степени общественности самом низком, зло превышает добро, и завидовать сему состоянию или хвалить оное есть несправедливо. Доказательство, что человек в диком состоянии не есть счастлив, есть образование общественности. Сие состояние было бы несносно без того онемения чувств, кое мудрая природа дает людям нарочно, дабы соделать их способными к пренесению оного.

ГЛАВА ВТОРАЯ. О взаимных нуждах и выгодах, от оных проистекающих вообще и частно

Слабость и сила физическая, слабость и сила нравственная суть побудительные причины взаимного сношения и вспомоществования, ведущие людей к соединению; неравное распределение нужд, заключающихся в произведениях природы и искусственности, есть вторая побудительная причина.

Первая производит соединение государственное; вторая — соединение или, лучше, сношение коммерческое, и вместе обе содействуют к улучшению состояния частного и общего во всех отделениях гражданства, следовательно, обе ведут от состояния уединенного к общественному, от состояния бедственного к счастливому.

Но почему определяю я столь утвердительно несчастье человека в состоянии уединенном, т. е. диком, и счастье в общественном? Конечно, человек назначен стремиться к общественности, с тем чтоб быть счастливым. Правда, общественность, подавая средства удовлетворять взаимным нуждам людей, возрождает для них и новые желания, и новые наклонности, а потому в неудовлетворении оным и новые несчастья, кои часто в воображении тревожат его более, нежели в самом деле, о коих в состоянии диком люди не могли бы иметь и понятия; но зато дана им предусмотрительность, строго следуя коей они могут если не всегда, то по крайней мере почти всегда оных избежать; когда, напротив того, в состоянии диком, не имея способности почти ничего предвидеть, человек познает зло токмо тогда, когда уже ощущает оное и, следовательно, избежать не может. Он терпит голод, ибо не имеет средства находить предварительно пищу; подвергается суровости непогод, не находя надежного крова; несет оскорбления, раны, самую смерть от вещей одушевленных и неодушевленных, не могши ни избежать, ни отвратить удара.

Но природа самыми сими бедствиями ведет человека к общественности, возбуждает в нем еще покоящееся воображение и мысленность мало-помалу, показывает ему состояние лучшее и счастливейшее и, просвещая, открывает ему мир новый и прекрасный — идеальный, равно как и идеальное счастье, коим он наслаждается в надежде.

Гражданское состояние, сложностью своих отношений соделывая и нужды существования человека более сложными, естественно посему было бы отягчительнее, нежели состояние человека дикого, ибо последний имеет токмо нужды физические, первый же вместе физические и нравственные; но в вознаграждение сей пер-

вый, имея посредством оных же воображение возбужденное и рассудок образованный, имеет средства предвидеть и предупреждать многое, в обыкновенном ходе вещей необходимое, часто пагубное влияние имеющее, случаясь неожиданно, но нередко полезное для того, кто, рассматривая течение дел, готовится к оному и предварительно берет надлежащие меры.

Напротив того, дикой, как человек необразованный, несмотря на малость своих нужд, не может предвидеть оных, и еще менее будучи в силах брать меры для отвращения зла, при всякой нужде физической чувствует недостаток и не прежде ей удовлетворяет, пока не испытает неприятности недостатка, побуждающей его искать удовлетворения. Если он в одну минуту ощущает нужду и находит удовлетворение, то последнее производит токмо случай, и, следственно, редко; второму же токмо случай воспрепятствовать может в удовлетворении нужд.

Но, скажут мне, в гражданском состоянии человек находит столько несчастий, коих он ни предвидеть, ни уврачевать не может. Ответствую: натура в гражданском состоянии оставляет известное количество зла на тот конец, дабы, побуждаем несчастиями, искал он средств улучшения своего состояния как в частном, так и общественном кругу, ибо рассудок ему показывает, что общественное благосостояние имеет влияние на его частное благо.

Человек, будучи единожды направлен побуждениями нужд, стремится к общественности, на первом пагу ищет токмо собственной выгоды в отношении физическом; на втором — удовлетворения сим нуждам и вместе честолюбия, новой нужды, рождающейся от состязания силы и эгоизма *каждого*, пружины, заставляющей человека стремиться к выгоде общей мало-помалу. На третьем пагу, когда рассуждение его развито опытом во всей полноте, когда ум его объемлет предметы ясно, когда верный взор его гения показывает ему отдаленную точку общей пользы отвлеченно, как соединение общего блага, он стремится к пользе общей, к общим выгодам исключительно. Сии три степени находим мы во всяком составе обществ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. О трех степенях образования обществ

Политические общества в образовании своем заключают три начала. Первое начало есть сила. Люди, испытав невыгоды уединенного состояния, — сильнейшие, дабы воспользоваться слабейшими, слабейшие, дабы воспротивиться сильным или быть под их покровительством, содействуя их пользе, — соединяются в общества.

Сии общества сообразно качеству местоположения разделяются на два рода. На такие, кои живут на земле богатой произведениями. Оные обращаются к естественной промышленности, ловитве, скотоводству, земледелию. Сии общества в политическом своем составе мирны, и их война, если они ее ведут, есть оборонительная. Посему общества сии обыкновенно слабы. Но такие, кои живут на земле или бесплодной, или не могущей произведениями содержать своих жителей, оные становятся на ногу наступательную и живут войною и грабежом других богатейших народов — сии образуют народы воинные, завоевателей. Первые общества в образовании своем, даже тогда, когда управлялись одним лицом, всегда ближе к республиканскому, нежели деспотическому, правлению. Главные законы сих обществ: ненарушимость воли каждого, когда она не противудействует выгодам общественным и частным других граждан; ненарушимость и свобода действий в том же смысле; святость условий и собственности, законно образованных и приобретенных.

Вся политическая сила сих обществ направлена исключительно к сохранности сих законов вне и внутри государства. Общества другого рода, каковы общества народов-завоевателей, всегда ближе к правлению деспотическому, нежели республиканскому. Первые к своему образованию требуют общественных условий; вторые, напротив того, главным побуждением имеют силу.

Дерзкие и смелые умы приобретают первенство на основании права сильного в кругу своих сограждан и, покоря своей воле сперва их, распространяют сие же право на окружающие близкие или отдаленные общества. Законы сих обществ: скорее повиновение власти и

вместе сохранность и ненарушимость жизни, условий, имения, доколе власть то покровительствует. Сии общества первые изобрели разделение гражданских состояний на степени, первые употребили в пособие силы честолюбия.

Политические действия сих обществ, завися от единственной воли, всегда в следствиях быстры и неожиданны, а посему часто увенчиваются успехом и достигают цели.

Сии общества нарушают спокойствие и равновесие своего времени. Имея в виду собственную выгоду, оные нападают на другие государства, ведут войну и почти всегда торжествуют. Тогда система их правления изменяется; соделав других рабами и данниками, лица, держащие власть, находят свою выгоду или, лучше сказать, видят себя принужденными ослабить узы сограждан, кои, свергнув единожды бремя, их тяготившее, силятся наконец уничтожить оное совершенно, восстают внутренние раздоры и колебания, и та же причина, коя служила образованием общества, оное низвергает и разрушает; внутренние колебания ослабляют узы покоренных народов, кои, восприяв свои права, довершают падение утеснителей.

Но с сим происшествием феномен политического существования древних обществ кончился. Общества народов-завоевателей, обогатясь данию и граблением других народов, повергаются в роскошь; роскошь требует искусств, художеств — словом, промышленности или, лучше сказать, торговли в обширнейшем смысле сего слова. Вторые, возвратив свои права, заражаются пороком богатств, чрез разграбление утеснителей полученных, деспотизм оные заражает равно вместе с честолюбием первых обществ, но промышленность входит в основное начало оных.

Итак, вот второе начало, сохраняющее общества в настоящем их виде. Однако первые начала в своем действии не уничтожаются, оные токмо ослабевают сообразно изменению обществ. Разделение гражданских состояний и направление к честолюбию в оных преобладают. Влияние власти не теряет своей силы, но богатства, распространяясь по всем классам, ее умеряют.

Роскошь, утончая нравы, смягчает жестокие характеры военных народов, ослабляет верность и точность действий карательных законов; сила влияния оных в правлении падает, и злоупотребления готовы поглотить общество. Но общее мнение и нравственность, образуясь во всех народных отделениях, поддерживают силу правления и законы. Граждане, познав роскошь и вместе беспечность домашней жизни, не имеют уже той пылкой склонности к войне, каковую показывают общества народов-победителей.

Между тем честолюбие, хотя и покоренное выгодам роскоши, не дает истребиться в уме их обольщению славы побед. Самые выгоды иногда соделывают ее нужною, и потому государства, освободя граждан от военного состояния, обязывают часть оных быть всегда готовыми защищать выгоды общие. Мечты оставшегося еще героизма победителей заставляют граждан повиноваться охотно таковому требованию правительств. Образуются войска, вначале временные, впоследствии непременные. Военное состояние продолжает доставлять первые гражданские преимущества; но роскошь имеет нужду ободрять искусства, ремесла и про[чее]; ободрение требует выгод, требует преимуществ. Художники, ремесленники, купцы входят в состязание, и преимущества военные умеряются или, лучше сказать, разделяются.

В сию эпоху познания и науки, родящиеся с самым первым развитием мысленности людей, распространяют свои ветви; они образуют нравственность, религию, назначают пределы прав частных и общих, ведут законы к благодетельной цели блага общего, воспламеняют гением славою героев человеколюбия, и дух браней в народах засыпает. Однако место населения народов, изобилие, недостатки питают дух войны. Неравенство богатств народных родит состязание, перевес торговли, изобилие произведений и других выгод, споспешествующих роскоши, колеблют равновесие народов, и война употребляется как средство успокоения.

Но народы, богатые по произведениям искусственности, обрабатывающей собственные произведения природы, с усилением обольщения побед любят покой;

народы по местоположению бедные, видя все свои выгоды в торговле, побуждаемые нуждою, более и более прилепляются к оной. Видя бедность земли, ищут богатств, их приобретают, стараются умножить их более и более, не довольствуются коммерциею, на основании преимуществ своих богатств требуют власти над другими народами, забывают, что их богатства условны, что другие народы обладают существенными, требуют повиновения, воспаляют дух войны, покоряют другие народы или подпадают игу их. Но в том или другом случае они всегда побеждены, даже и тогда, когда победители. Побеждают другие, предстают внутренние раздоры, частные богатства родят частное честолюбие, ослабляют повиновение к законам и правительству; раздоры умножаются, междоусобные брани следуют, побежденные пользуются беспорядком и падением неминуемо.

Условные богатства — серебро, золото и пр[очее], соделавшиеся добычею других народов, рушат равновесие, нужное для поддержания цены оных, — она падает, и сии богатства теряют цель своего назначения. Новые колебания.

Сим, кажется, должен бы был кончиться оный шаг обществу. Но познания, обогащенные временем и опытностью, достигают своего совершенства, они распространяют человеколюбивый космополитизм в сердцах людей, и новый шаг обществ с присоединением сего начала явит существование обществ, конечно, более человеколюбивое, более спокойное и, следственно, более счастливое.

КНИГА ВТОРАЯ

Влияние законов и государственного состава на политическое общество

ГЛАВА ПЕРВАЯ. О влиянии законов и конституции на государственное тело

Твердость государственного тела зависит от двух причин: от конституции, или государственного состава, и законов. Государственный состав, или конституция,

одушевляет закон; закон определяет круг действия конституции. Первый есть форма, второй — количество движения или исчисление действия политической машины.

Чтоб действие было сообразно намерению, надобно, чтоб исчисление действия было сообразно качеству вещества и форма устройства, производящая действие, сообразна исчислению.

Равно в политической машине, чтоб исчисление ее действия — законы имели свою силу, надобно, чтоб оные были сообразны качеству вещества своей машины, то есть людям, политическое тело составляющим, и форма устройства, или государственный состав, приводящий в действие законы, сообразен духу оных.

Деспотические государства, как мы то видим в древности, не имели ни конституций, ни законов, но управлялись слепо волею властителей, обычаями и, наконец, верою, коею жрецы часто злоупотребляли, не были тверды в своем основании и близки каждую минуту к падению. Невежество народа, в коем он находился, не могло дать общественной массе равновесия во всех частях, к соблюдению спокойствия столь нужного. Народ имел токмо физическую силу массы, политическая заключалась неограниченно в одном лице правителя. Непросвещение тогдашнего времени и невежество грубое и суеверное давало между тем сильное влияние коварству жрецов под эгидою веры. Выгоды сих последних расстроивали часто равновесие политических машин древности и даже рушили оные в основании. Коварство честолюбивого и хитрого любимца, умевшего уловить в сети свои властителя, умевшего ослепить его, играло жребием сих государств. Смелость, предприимчивость и быстрота победителя, вступавшего в пределы и столицу государства, соделывали его легко одного властелином. Народ, не чувствовавший своего гражданского бытия, кое могут развить токмо мудрые законы и благонамеренный государственный состав, легко соделывался орудием и жертвою вонзившего мечь в его недро. Надобно было одного Пигмалиона, одного Камбиза, чтобы разрушить два славнейшие государства древности — Финикийское и Египетское, кои

хотя и были просвещеннее, но по духу времени управлялись деспотически.

То же самое случалось и с республиками, если перевес политической власти находился более в руках народа, нежели правителей. Сколько раз афиняне были близки к гибели единственно оттого, что народ хотел деспотствовать.

История новейших народов предоставляет нам те же примеры. Когда спокойно было турецкое правление — и сколь мало стоило соседям столько раз ставить оное на шаг от бездны! — слова подкупленного муфтия, визиря довольно, чтоб ослепить султана и повергнуть все государство в ужасные бедствия.

Те государства, в которых физическая и политическая сила разделена по всем частям массы соразмерно, т. е. которые приемлют нужные меры для удержания в пределах физической силы народа и заключают в известный образ действия силу политическую утверждением мудрых гражданских и государственных законов и приведением оных в действие точное соответственным государственным составом, — те народы токмо могут надеяться на твердость своего существования.

ГЛАВА ВТОРАЯ. О связи и твердости республик

Республики суть государства, общественными делами коих располагает воля многих и где правление находится то в руках народа, то некоторых избранных классов. Разные случаи содействуют к образованию таковых правлений, в кои входить требуется много изыскания, необходимо отведшего бы от краткости изложения сих начал.

Республики вообще управляются вначале обычаями и решениями то некоторых отделений народа, то всей целости оного. Если оные долго остаются на таковом основании, то их твердость ненадежна, ибо, оснущься на суждениях множества людей непросвещенных, любящих перемены и никогда не проникающих в основания, очевидно, сколь здание, на толь слабых опорах лежащее, близко к своему падению.

Всякое общество, как уже говорено, включает две силы — физическую и политическую. Перевес на стороне политической силы, произведя утеснения, а на стороне физической — возмущение, приводит всю машину в сотрясение, колеблет в основании и разрушает.

Республика Новгородская, невзирая на всю энергию ее патриотизма, на всю ужасную силу ее, пребывала во всегдашнем внутреннем колебании и потому наконец соделалась жертвою неутвержденного равновесия оных.

Чтоб две сии борющиеся силы блюсти в равновесии, должно заключить каждую в ее сферу действия, должно положить и той и другой благоразумные пределы, так, чтоб сумма действия обеих производила общественное спокойствие. Благонамеренный государственный состав и законы могут единные то произвести.

Новгородская республика сего не имела, она правилась обычаями, а в чрезвычайных случаях — суждениями народных сборищ; а как первые не всегда основуются на благоразумии и пользе общей, последние же часто заключают в себе более шуму и волнения, нежели истины, то покой не всегда бывает следствием оных. Напротив того, рано или поздно ведет по нетвердому и зыблещемуся основанию к падению.

Греческие республики Афины и Спарта, будучи более просвещенны в своей целости, знавшие необходимость твердейшей конституции и законов, не представляют глазам нашим столь многих внутренних возмущений и волнений. Но в первой законы не были столь строго наблюдаемы, правление не имело неперменного состава, который бы соразмерял и руководствовал действием одного, и политическая сила общества, переходя то в руки правителей, то народа, нарушала спокойствие правления и действие законов; во второй же Ликург, определя все благоразумными законами, и волю народа и правителей соединя непосредственно в действии оных, одушевивши их надежною конституцією, кою общественное воспитание укоренило, являет нам удивительный внешний порядок и гармонию.

Если в каком бы то ни было правлении сии две силы не так расположены, чтоб сила физическая удерживала

живала в надлежащих пределах политическую, а политическая — физическую; если нарушение их равновесия зависит токмо от всеобщего потрясения машины, а не частей ее, то правление может надеяться на свою твердость; в противном случае оно всегда подвержено нечаянному колебанию и разрушению, как то свойственно правлениям деспотическим.

В республиках, если оных силы не находятся в надлежащем одна к другой отношении и если власть политическая более, нежели должно, в руках которого-нибудь класса, то государство имеет деспотическое правление. Афиняне, заключив в темницу Мильтиада, изгнав Аристида, показали, что народ деспотствовал, а смерть Сократа по приговору судей — что правители злоупотребляли властью. Сие разрешает загадку непостоянства афинского народоправления. Спартанцы, не позволяя королю своему ужинать особо с своим семейством, дав пример, сколь строго они наблюдали постановления, вместе сим примером объясняют, на чем основывалось внутреннее спокойствие правительства.

Рим, который величают республикою, никогда оною не был или если был, то на весьма короткое время. Он всегда был в утеснении или чрез патрициев, правивших народом посредством сената, или от своих полководцев, почти всегда насильственно похищавших власть, или от своих легионов, за деньги дававших народу правителей и низвергавших оных.

Главная погрешность всех древних республик есть та, что законодатели их не пеклись о твердости конституции. Солон, дав афинянам законы, вместо того чтоб показать собственным примером, сколь нужно блюсти общественные постановления, едва оные были им изданы, оставил отечество, думая, что его отсутствие научит афинян соблюдать оные, — и он ошибся. Благоразумнее было бы тогда, когда целый афинский народ избрал его как мудрейшего начертать законы, остаться в отечестве и своим присутствием, т[ак] ск[а]зать, освятить их исполнительность и ненарушимость; ибо почтение, которое народ имел к нему, распростерлось бы и на самые законы, им изданные. Притом как мог он быть уверен, чтоб сии законы, токмо им напи-

санные, не имели недостатков? Весьма легко могло случиться, что в оных были такие погрешности, которые познаются временем и кои, если бы он присутствовал, было нетрудно исправить. Но сего не было, народ чувствовал недостатки и в нерешимости, не видя средств оные исправить, отдал слепо власть тиранам. Тогда почтение к мудрости Солоновой истребилось, и ему, возвратившемуся и видевшему всеобщее расстройство, за укоризны тиранам и народу, по вопросу, что делало его толь дерзостным, едва оставался ответ: «Моя старость».

Но в Спарте законы и конституция, будучи вперемы гражданам от детства, будучи хранимы под непосредственным надзиранием короля, сим же законам подчиненного, имевшего одно право — поддерживать конституцию и законы, показывают, сколь благодетельно влияние и тех и оной на благоденствие граждан.

Сия республика существовала бы и по сих пор, если бы илоты, приуча граждан быть деспотами, не развратили их нравов и тем не ослабили действия законов.

Вообще можно сказать, рассматривая историю республик, сии правления требуют граждан, имеющих более политического просвещения, нежели в других правлениях. Они не должны и не могут быть весьма велики, дух завоевания истинным республикам несвойствен, но токмо правлениям деспотическим.

Если рассматривать строгим оком, то мы по сие время еще не видели истинно республиканских правлений, ибо во всех упомянутых древних республиках царствовал дух партий, который вместо единовластия одного лица доставлял единовластие сторон. Если же бывали такие времена для некоторых, что законы и конституция пребывали в надлежащем соотношении и потому блюли покой и благоденствие граждан, то сие бывало токмо кратковременно. Обстоятельства, всегда изменяющиеся, требовали от времени до времени изменения конституции и законов. Сие не было надлежаще предуготовлено и не взято в государственном составе мер, кои бы соображали то с изменением обстоятельств; время же делает все священным, самое зло,

то правления всех видов скорыми шагами стремились к падению.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. О связи и твердости монархии

Когда образовались большие государственные тела, когда опыт научил, что правления республиканские шумною медленностию своих решений и нескорым сообщением от одного предела до другого народной воли в волнении своем легко подвергались великим внешним и внутренним бедствиям и даже разрушению, — то некоторые народы, стараясь правление свое согласовать с обширностию пределов и великим числом членов, дабы вознаградить медленность, от последних двух причин истекающую, свои решения соделать более скорыми и не претерпевать от внутренних или внешних случаев, предприняли соединить силу свою в одном лице. Роскошь и честолюбие имели, конечно, немало влияния.

Власть сия, вначале не будучи определена общим мнением, поставила народы на военную конституцию. Она сообщила государству в предприятиях удивительную скорость и чрез то соделала политический ход сих тел как в успехах, так и падению быстрым.

Тогда увидели деспотизм, вооруженный всем могуществом народной силы, коей ничто не могло сопротивляться; увидели деспотов, которые в своем государстве, не видя нигде исполинской силы своей препоны, наконец потребовали сего же от слабейших, им неподвластных народов. Тогда восстали Ксерксы, Александры, Чингис-ханы; тогда кровь человеческая полилась рекою; тогда железо и огонь наполнили ужасом вселенную и иступленные кровопийцы, устремясь за ужасным лавром побед, соделались бичом рода человеческого. Но тогда же узрели и мудрых государей, которые, не ослепляясь шумною славою побед, обратили всю силу свою на внутреннее благосостояние правления, и народов, признавших их самовластие; восстали монархи-философы, ужаснувшиеся бурных порывов деспотизма, которых сердце содрогнулось при виде бедствий

человеческих, которые среди блеска своего величия, сквозь тусклый облак курений лести узрели, что они люди; восстали Марки Аврелии, Петры, Фридерики, Екатерины! Они вложили кровавый мечь во влагалщце и просветили народы, они дали им сообразные их счастью законы и конституцию, и империи, ими благодетельствованные, процвели, и народы, наслаждаясь вместе счастьем и уверенностию в законном спокойствии республик, соделались в отражении неприятеля внутреннего и внешнего, в предупреждении всех бедствий скоры, быстры и могущественны. Вот выгоды и невыгоды правлений монархических. Но если монархи обращались в деспотов, если одни проливали кровь граждан, если другие вносили железо и огонь в недра миролюбивых соседей, то мы не долженствуем то признавать за следствие начал единовластия.

Самый худой человек не захочет зла другому, если сей последний не входит в состязание его выгод; он еще более сего не захочет, если выгоды сего последнего споспешествуют его выгодам. Вот простое положение, на основании коего можно доказать благодетельность влияния монархических правлений.

Граждане монархического государства не входят в состязание выгод своего государя; благосостояние граждан сопряжено с его благом, и я спрошу на основании сего: может ли государь по собственному направлению желать зла своим подданным? Конечно, может случиться, что государь действием своей власти иногда удержит в некоторых частях ход благоденствия народов или даст оному не столь полезное направление. Но сие никогда не будет следствием воли. Он или ошибся, или обманут.

Вот точка, в которой должна поддерживать его волю благонамеренная конституция. Основной закон, на котором обязано всякое государство, какое бы оно ни было, воздвигать свою конституцию есть: *Люди, которым вверяется исполнительность законов и потому приближающиеся к государю, должны быть испытанной честности, просвещения и опытности.*

Надобно заметить, что сии три качества, дабы выбор соделать благонамеренным, не всегда должно вве-

рять одному лицу. Государь может видеть просвещение, знание чиновника, но он не может видеть подробно его опытности, нужной для места, кое о сем более судить может. Когда власть государственного чиновника может иметь, будучи злоупотреблена, пагубное влияние на граждан, надобно, чтоб в его избирании участвовали те, коим по сношениям известно сердце и поступки избираемого.

Доброта государственного состава должна быть такова, чтоб государь во всяком, представляемом ему для управления какою-либо частию государственною, был уверен в его честности и опыте сообразно месту, которое сей занимал предварительно, и качеству представительного выбора, чтоб ему оставалось токмо сравнить способности нескольких представляемых чиновников для подтверждения достойнейшего; такова, повторяю, чтоб государь, вступая во святилище законов и во все другие верховные правительства, во всяком члене, место сие составляющем, видел истинного сына отечества и чтоб уста, отверзающиеся на подаяние совета монарху, были всегда устами самой мудрости, человеколюбия и справедливости.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. О государственном составе особенно

Государственный состав, как уже о том много раз говорено, есть первая пружина, которая вращает и, [так] ска[зав], одушевляет все части государственного тела; она есть в нем та систематическая цепь каналов и сосудов, коя образует органические существа, дабы дать нужное направление течению соков и привести в действие первое начало жизни — сердце, кое в государственном теле составляют законы. Она, будучи соображена точно качеству своего тела и собственною своею силою образуя члены, способные действовать по ее направлению, дает им верную нить — *опытность*, руководствуясь коею они могут следовать во все пути трудного лабиринфа законоположения и проникать во все утончения законов и оные одушевлять. Она удерживает

живает в известных пределах действие гражданских властей, отворяя им ход там, где оное полезно к общественному благосостоянию, равно как каналы и сосуды тела удерживают стремление крови в те стороны, где действие ее для тела не нужно. Словом, конституция есть единое надежное средство, кое вместе с мудрыми законами может токмо составить благоденствие государственного тела.

Всякий народ или, лучше сказать, всякое правление, если имеет в виду благонамеренную конституцию и мудрые законы, нимало не должен себе присваивать законы и конституцию других народов; но, рассмотрев свое политическое бытие, сообразно тому устроить свою конституцию и изложить законы. Общественные постановления других народов должны быть для него токмо примерами, а не нитию Ариадны.

Равно не долженствует он свои постановления, единожды образованные, принимать за непреложные и совершенные. Оные могут быть хороши в то время, когда делаются, но время проходит и изменяет обстоятельства; изменившиеся обстоятельства часто делают ту конституцию и те законы, кои некогда основывали благоденствие государства, несоответствующими пользе общей и даже пагубными.

Тело обществ подобно телу органической природы: оно имеет свое младенчество, свою юность, свою старость; как в сих телах внутреннее каналов и сосудов образование с изменением возраста изменяется. так равно и политическое образование обществ в сих периодах подвержено изменению.

Погрешность, которая существовала доселе во всех древних политических обществах, республиках и монархиях, которая существует во всех совершеннейших правлениях настоящего времени, состоит в том, что государства в составе своих властей не имели особого тела, которое бы беспрестанно занималось единственно соображением и изменением законов с изменяющимися обстоятельствами и духом народа и блюло беспрестанно, дабы благодательные начала законов, без надлежащего раздробления и приложимости, не оставались без действия, во вред общему и частному благу.

О торговле и промышленности

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Общее обозрение торговли и промышленности

Торговля или вообще промышленность есть одна из важнейших пружин, оснующих связь общества, поддерживающая его нравственное и политическое бытие и действующая сильно на его просвещение. Но сего недостаточно. Она есть главный источник, доставляющий людям весьма легко все потребности; источник, из коего проистекает все, что необходимо для благосостояния государств по части содержания частного и общественного предварительно. Она исключительно поддерживает государство в известной степени могущества и есть вернейшее средство открыть путь народу к большому благоденствию и государственной силе.

Государство ни в каком веке, ни в какой части света не могло иметь права на политическое уважение, если сия отрасль общественной силы которою-нибудь частью граждан не была возделываема с успехом, если народ не приобретал доверенности, если его исчисления не были самые точные и с временем сообразные, если все его коммерческие обозрения (спекуляции) основывались не на минутной, но твердой выгоде всех времен и, наконец, если его выгоды не были тесно сопряжены с выгодами других народов.

Коммерция есть мать богатств народных, без коих не может существовать благоденствия обществ, особенно в настоящее время. Народ в бедности никогда не мог и не может быть уважаем. Богатство родит токмо спокойствие и обеспечение государств и единиц, оные составляющих. Спокойствие и обеспечение родит просвещение, которого не может быть в народе, угнетенном бедностью. Удел такого народа есть невежество самое мрачное, самое постыдное. Бедность есть неизбежный источник всех пороков и развращения в народе. Нужда, преследующая граждан во всех состояниях, заставляет прибегать их ко всем возможным средствам,

обещающим хотя малое облегчение, а сие, не будучи и не могши быть правимо просвещением, ведет их путем не всегда дозволенным и заставляет прибегать к средствам не всегда честным. Народ, живущий в бедности, представляет всегда глазам нашим картину ужасного деспотизма и беспрестанного волнения. В нем видим мы все возможные свирепства несчастий, род человеческий угнетающих. Не твердость состояний, первое явление народной бедности, повергает граждан в некоторый род судорожного волнения страстей подобно тому, в каком обыкновенно бывают люди, стоящие на основании зыблущемся или падающем ежеминутно.

Без коммерции не может существовать ни один народ. Натура по самому положению народов относительно нравственности и нужд, их связующих взаимными узами, дав одному одни выгоды, другому другие, поставила их на точку, побуждающую входить их в связи взаимные.

Народ самый благоприветствуемый природою, имеющий в своей земле все выгоды, нужные для физических его потребностей, самым избытком сим подвергается в недеятельность и некоторый род оцепенения беспечности, а потому падает в невежество.

Деятельность и просвещение других народов дают им средства над ним торжествовать, пока наконец сей возбуждается от усыпления. Но тогда другие уже в таком состоянии, что могут выдержать состязание его выгод. Сей входит в коммерцию, и просвещаясь мало-помалу, торжествует в свою очередь, делается первенствующим, прочие народы, богатые токмо по своей промышленности, уступают ему и падают в расслабление, не выдерживая состязания его существенных выгод, состоящих в произведениях местной природы, обрабатываемой собственною промышленностью.

Когда наконец опытный достигает высочайшей степени богатства, силы и первенства, то, не видя счастья своему противникам, предается снова беспечности и недеятельности, заражаясь роскошью. Ослабление возникают и торжествуют опять. Вот начало общих колебаний, возвышающих и понижаящих народы.

ГЛАВА ВТОРАЯ. О торговле древних и новых обществ

Все народы древности, сообразно степени их могущества, представляют нам более или менее значительное коммерческое состояние. Правда, не все государства древности являют нам существование свое и средства своего величия в коммерции. В общем изложении начал общественности показаны мною причины сего. Но замечено вообще, что токмо коммерческие области древнего мира имели состояние спокойнейшее и не столь подверженное общему оных волнению. Карфаген, Финикия, Сирия могут представить нам картину твердейшего гражданского благосостояния и связи, нежели какое дух завоевания, питавший военные народы греков, римлян, татар, гуннов, оным доставлял.

Война в некоторых случаях есть также род коммерции, но токмо основанной на ложных обзрениях (спекуляциях), на временной выгоде, несообразной и даже противоположной выгодам других народов и своей собственной. Посему дух завоевания государств полагает всегда точку более или менее отдаленную, достигнув коей народы должны прийти от духа героизма самого пламенного и даже буйного к недейтельности самой разительной, от величия самого удивительного до унижения самого постыдного.

Народы древности влекомы были к завоеванию двумя побудительными причинами: надеждою приобретения богатства и честолюбием. Надеждою приобретения богатства побуждались те, которым оные были потребны при образовании, дабы тем скорее достигнуть до уравниения изобилия и благоденствия других и наконец оное превзойти. Таковы римляне, греки. Честолюбием — те, которые имели средства существования и без войны, но, поражены будучи звуком побед других народов и чувствуя в себе ту же энергию, ощущая свое могущество, устремлялись в состязание и в свою очередь торжествовали и гибли.

Самые сии народы, став однажды на ногу завоевателей, сколько побуждались славою, столько и надеждою приобретения больших богатств, ибо они чувство-

вали, что богатства, бывшие достаточными в спокойное время, были недостаточны в военное.

Обольщение военной славы для многих народов древности имело начало свое в одном источнике, из коего проистекает промышленность новейших народов. Но ложное направление не ведет к истинной цели. Победоносные народы торжествовали над самыми коммерческими; римляне поразили оружием Карфаген — финикияне пали под мечом победителя; но народы победоносные пали в свою очередь. Феномен политического бытия древнего мира свершился, и мы видим следствия.

Народы коммерческие — финикияне, сирияне, карфагеняне — пали. Меч торжествующего победителя опустошил их области, захватил часть их богатств; но народы рассеялись, спасли остатки имений и в других землях, далеко от победителей своих, образовали новые области и тем положили первый камень промышленности новейших [народов].

Победители, каковы персы, возбуждая честолюбие греков, пали от руки их; греки, погруженные в роскошь, следствие богатств их, помня свою славу, дерзостью и богатствами возбудили римлян и пали от меча героев Италии. Римляне, истощенные роскошью и потеряв свою энергию и могущество, показали свету тот же пример. Римляне победили целый свет; до тех пор пока [прежние] победители занимали их и питали [их] честолюбие, пока добычи народов доставляли им средства существования и роскоши, они наслаждались политическим бытием. Но был предел. Они покорили целый свет и его ограбили; ограбленные народы не могли доставлять им богатств, и правители римские обратили взор корысти на сограждан. Междоусобные брани явились и разделили римлян. Побежденные, воспользуясь внутренним волнением, наконец мстили победителям. Исчезло величие римлян, померкла слава их, рассыпались богатства, и памятники героизма и роскоши обратились в развалины! Отечество героев и просвещения явило нам отечество рабства и невежества. Пророчество Горация исполнилось — *tox daturos progeniem vitiosiore*¹. Истолкуем следствия. Народы

коммерческие, побежденные, сохранили свою деятельность, народы военные развратились роскошью, пали в недеятельность и представили свету состояние уничижительного рабства и невежества.— Победители света! Вот ваша участь.

Новые народы, образовавшиеся из остатков древнего мира, существуют более духом коммерции, нежели войны; промышленность, их одушевляющая, обещает нам большее благоденствие. Взаимные выгоды содействуют им нужным взаимное благосостояние, и новая история являет нам редко примеры разрушения государств. Форма правления изменяется, промышленность народов живет. Роскошь Европы, поразившая десятилетним бедствием Францию и едва в настоящее время освободившая ее от внутренних колебаний, должно надеяться, обратит внимание правительств других народов и предохранит ее от подобных, а может быть, и горьших последствий.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Англия и Франция в коммерческом их отношении

Промышленность Англии, самым естественным положением земли сей благоприятствуемая, и, т[ак] ск[а-затъ], врожденная коммерческая верность в народе, и смелость торговых обозрений возвысили сию по самой природе бедную землю до степени богатства и народного изобилия, поставившие ее не токмо в число первостатейных держав, но и самых богатых. Она единою промышленностью своих жителей превзошла богатствами почти положительно все европейские государства.

Богатства сего острова и роскошь, нарочито усилившаяся, вперяют правлений оного дух завоеваний. Не хочу обвинять Англию, но наблюдательное око политика, не знаю, может ли усумниться, чтобы государство сие много не содействовало к революции Франции; не истекали ли из коммерческих ее обозрений возбуждения, повергнувшие Европу в судорожное волнение и обогрившие ее кровию миллионов граждан. Известно, сколько усилили ее бедствия Европу, сколько-

ми миллионами распространили ее коммерцию. Известно, что гордость и корыстолюбие ее посягали на власть исключительную морей.

Но величие Англии обманчиво, ослепление может дорого ей стоить. Ее существование зависит от исчислений, ее богатства — от предприятий отважных, кои всегда опасны; одна ошибка — и она пала. Весьма вероятно, что сие напряжение, т[ак] ск[азать], всех ее усилий, покрывшее ее лаврами и богатствами подобно освещению угасающей лампы. Жаль, если земля сия, столь нужная для Европы, собственным ослеплением готовит себе погибель. Она неизбежна и весьма близка, когда Англия будет продолжать свой образ действия.

В настоящем положении нет ни одной державы, не оскорбленной ее падменностью. Не говорю о Франции, Испании, Португалии — она простерла дерзость свою до самых дружественных держав на севере. Поход Нельсона в Балтийское море ² бросил взор презрения на Данию, Швецию, Россию. Нельсон нарушил право Дании, ей всей Европою признанное, прошел вооруженною рукою чрез Зунд; но Дания встретила его со всем мужеством тевтонского героизма, и он требовал перемирия едва ли не со стыдом. С остатками или, лучше сказать, обломками своего флота, зная, что флот российский был заперт льдами, он имел малодушную дерзость приблизиться к берегам Ревеля с изречением, свойственным британской дерзости: «Взять воды». Но, конечно, погиб бы вслед за своею славою, у Зунда погребенною, если б миролюбивый Александр, принявший сие за действие политической горячки, уже несколько лет Англию мучащей, не простил ей то великодушно.

Но, как бы то ни было, политики Европы должны желать, чтоб обольщение Англии исчезло, чтоб она обратила взор на свое положение, которое весьма хлибко, и смиренно б отказалась от дерзостных ее планов; чтоб она признала себя землею токмо коммерческою, а не повелительницею мира или морей, что в настоящем положении все равно.

Так — Англия нужна для Европы, земля, имеющая меньшие средства собственного содержания, пе-

жели каковые потребности соразмерно населению ее, имеет много незанятых рук, а посему она и для того, чтоб дать занятие праздным, и для того, чтоб вести перепродажу европейскую, коя всегда долженствует быть в руках народов, не могущих надеяться на выгоды природных произведений, должна заняться предпочтительно другим коммерциею и вообще промышленностью, ибо она имеет множество праздных рук, кои, занявшись отраслью промышленности, доставят Европе более выгоды, нежели как то может всякий другой народ.

Области, богатые естественными произведениями, соделавшись непосредственно коммерческими, вредны для политической свободы Европы по двум причинам. Во-первых, заняв большую часть своих жителей спекуляциями, они отнимут множество рук от земли, чего вознаградить не можно. Во-вторых, обогатясь подобно Англии металлами и возмня подобно ей быть властителями света, легко сего достигнут. Земле, богатой коммерциею, естественными произведениями и, наконец, хорошо населенной, нетрудно подвергнуть игу прочие народы. Исключительная торговля Франции и России была бы опасна для свободы Европы, по Англии со всеми ее обширными планами трудно быть покорительницею света. Европа может ее наказать и войною и без войны. Пусть на один год, на два запрет она гавани — и Англия погибла. Но если забвение Англии простерлось уже до такой степени, что ей трудно без сильных напряжений вступить в назначенные ей природою пределы, то Европе предстоит оставить область сию, впрочем весьма важную по политическому бытию, року, ей грозящему. Конечно, падение Англии было бы весьма ощутительно для Европы, по крайней мере на некоторое время. Но Европа имеет в виду две другие области, которые, будучи не столь многолюдны, находятся между тем в одних обстоятельствах с Англиею по своему положению, т. е. имеют более рук, нежели земли, способной содержать жителей оных. Я говорю о *Швеции* и *Дании*.

Так! Два сии государства, находясь на земле не столь благодарной, на какой все прочие европейские

державы, могут с успехом обратиться к коммерции, дабы занять своих обитателей, страждущих в бедности и не имеющих на что употребить рук. Голландия в настоящем положении уже не может быть землею коммерческою, выгодною для Европы; соделавшись провинциею Франции, она будет капалом, посредством которого сия и без того сильная республика может стать на ногу совершенно коммерческую, и Европа с трепетом должна ожидать тогда горестных последствий.

Но философы-политики с прискорбием увидели бы падение Англии. Как исчезнуть такому государству, которое своею конституциею при всем ее несовершенстве удивляет времена настоящие и привело б в удивление древность. — Они должны утешиться. Примеры истории доказывают, что коммерческие области не гибнут. Англия может престать существовать вблизи Европы, но ее флоты покажут гражданам ее области в Америке. В Америке оснуется новая Англия, несчастья исправят недостатки ее конституции и законов. Опыт научит англичан не выходить из пределов назначения природы, и новое государство явит нам в другом свете более удивительный феномен коммерческой державы с конституциею, законами и политикою более совершенными.

глава четвертая. О России и ее коммерции

Россия, взятая вообще, не есть держава коммерческая непосредственно. Отрасть перспродажи особенно не долженствует входить в систему ее торговли. Ей надлежит то предоставить народам, не имеющим столь богатых средств существования.

Земля, имеющая около 4 000 000 квадратных верст и почти столько же жителей, земля, изобилующая всеми возможными родами произведений, прозябаемых, ископаемых животных и проч., — таковая земля долженствует особенно обратить все свое внимание на коммерцию внутреннюю и одушевить заводы и фабрики изделий ее собственных произведений. Внешняя коммерция оной долженствует быть большею частью в руках других коммерческих народов, но не в руках одного частного.

Россия по разности климатов имеет такие места, кои заселены и жители с трудностью существовать могут, поелику местные произведения природы недостаточны для их пропитания, и потому сии места требуют в пособие промышленности и ремесл; имеет такие места, которые хотя и богаты по своим произведениям, но по смежности с азиатическими народами могут выгоднее заняться торговлею с оными — для сих мест долженствует быть сделано исключение, ибо чрез то природа вводит ее некоторым образом в торговлю перепродажи вне государства. Касательно сих предметов надлежит ей заяться для выгоды общей Европы и своей частно таковою коммерциею, дабы доставить Европе оные выгоднее, нежели как то могут другие народы хотя коммерческие по самой природе, но по причине дальнего пути весьма дорого оные доставляющие. Впрочем, внешняя торговля, особенно перепродажа произведений, коими занимаются коммерческие области Европы, долженствует быть вне ее промышленности. Предметы роскоши, приготавливаемые промышленниками исключительно коммерческих земель, суть следствия великого изобилия незанятых рук; Россия праздных рук не имеет, и потому, сколь ни будет делать напряжение, дабы оные укоренить в нашем отечестве, произведения сии всегда будут второстепенными.

Но роскошь, скажут мне, необходима для настоящего положения государств. Это правда. Она необходима даже потому, дабы занять праздные руки коммерческих народов Европы, ибо выгода общая соединена с ее выгодною, и она всегда за свои необходимые произведения их получит, если токмо захочет узнать цену оных и усовершенствовать их возделывание.

Конечно, если она будет продолжать вести торговлю столь несоразмерную, как то было доньше, то она многое потеряет. Но пусть истинное просвещение обратит на сие внимание, пусть проницательность оного даст направление торговле нашей, сообразно нашему балансу, России предметы сии будут не столь дороги.

Важная выгода России: Россия может обойтись без предметов роскоши коммерческих народов, но сии без ее предметов обойтись не могут.

Андрей Сергеевич
КАЙСАРОВ

ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕПОСТНЫХ В РОССИИ

1806

Мы избрали для своего исследования весьма важный и подлинно достойнейший предмет, в размышлениях над которым трудились изощренные умы ученых мужей, ибо речь будет идти о свободе людей,— не о той фанатической свободе, которая несколько лет тому назад жестоко попрала все божеское и человеческое и запятнала кровью преступления землю на великом пространстве, [не о той свободе], снискав которую народы, ее добивавшиеся, надели на себя новые и гораздо более тяжкие цепи,— мы поведем речь о той свободе, которая одна лишь достойна этого наименования, которая служит чудесным образом для доставления людям благополучия, которая возвышает души и их облагораживает, которая увеличивает плодородие полей, создает изобилие и всемерно благоприятствует процветанию фабрик и торговли. Словом, о той свободе, которой обладают, как известно, почти все народы Европы, и дай боже, чтоб и наше отечество в скором времени осчастливлено было!

Хотя почти все, о чем мне предстоит рассуждать в этом трактате, было уже сказано множество раз, причем не только в нынешние времена, но и много лет тому назад, однако ж в отечестве нашем еще недостаточно широко это известно, что подтверждается многими доказательствами. Да что? В царствование самого Александра I, в котором природа как будто вознамери-

лась явить пример совершенной гуманности, появился исключительно бесстыдный человек — если только он достоин называться этим именем — некий ливонский помещик¹, который утверждал, что рабство возникает естественным образом, что оно согласуется с принципами человеческого разума и что, таким образом, крепостное право в России оправдывается законами природы и права. Далее, этот в высшей степени «гуманный» муж договорился до того, что восхвалял совершенно ничем не ограниченное крепостное право, а для его сохранения и защиты советовал прибегнуть к помощи военных и самых что ни на есть жестоких средств*. Такие речи вполне достойны алчного английского купца, восставшего против освобождения рабов из-за гнусной страсти к наживе, но они никоим образом не к лицу российскому гражданину, да к тому же еще в XIX в.! Из всего сказанного достаточно явствует, что у меня имелось полное основание к тому, чтобы избрать предметом всего этого исследования моих соплеменников — природных русских.

II

Человек рождается свободным и никому не дано права быть господином над другим, говорит каждому явственно его здравый смысл. Сами римляне хотя и содержалось у них несметное количество рабов, отнюдь не сомневались в справедливости этого утверждения, что прямо проистекает из институций того же римского права, в которых совершенно точно сказано, что *в силу естественного права все люди сначала рождались свободными*** Однако человек, вступающий в общество, позволяет отнять у себя до некоторой степени эту свободу, чтобы таким путем получить свою долю новых преимуществ, и подчиняет ее некоей верховной власти, и эта добровольная уступка известной доли своего права должна связывать крепчайшими узами всякое общество. Но если то общество, которое

* Frankfurter Kayserlich Reichs-Ober-Postamts-Zeitung. N. 16, vom J. 1804 Storch's Russland unter Alexander I.

** § 1, Inst. de jure naturali gentium et civ,

лишено всякой вообще свободы, должно назвать несчастным, то гораздо несчастней должно почитать такое, коего члены не желают поступиться даже самой малой частью этого небесного дара ради блага общественного и в любом случае [только] свое право и свою волю изъявляют, отчего эти узы разрываются и человек обращается к природному состоянию, и никто не станет отрицать, что по этой причине возникали всеобщие войны. А сколько бедствий произошло из-за ложной или мнимой свободы в Европе, узнали мы, к величайшему сожалению, не так давно. Полагаем, теперь никто не осмелится отрицать, что общество открывает людям единственный путь к достижению благоденствия. Поскольку ж для достижения благоденствия имеется лишь это одно средство, то нетрудно понять, что надобно общество устроить таким образом, чтоб каждому было как можно легче достигнуть цели, которую оно [общество] себе определило. Уже давно признано, что благополучие граждан должно представлять первую и конечную цель государства*; нетрудно видеть, что в одно это название вложен великий смысл³. В самом деле, всякий понимает, что кроме личной и имущественной безопасности понятие о благополучии включает также духовную культуру и образование. А разве не ясно каждому, кто хоть немного размыслит по поводу этого, какие обязанности проистекают и налагаются на государя или верховную власть в преследовании этой цели! Что же препятствует более всего достижению этой цели, нежели рабство? А потому превосходно изрек славнейший греческий поэт, намереваясь изобразить надлежащим образом рабство; что в тот день, когда человек становится рабом, Юпитер отнимает у него половину души⁴. Ибо поверженный в такое состояние угнетаемый и мучимый тиранией человек, у которого вся надежда на избавление от тяготеющих над ним цепей окончательно потеряна, вначале оплакивает потаенными слезами свой жребий, затем через некоторое время постепенно слабеет духом, тупеет и теряет всякую чувствительность, ни о чем

* Ср[авни] славнейшего Шлецера² в «Staatsrecht», p. 17.

более не в состоянии помышлять, пока наконец, так как [сносить] неволю становится все тяжелее, он, собравшись снова с духом, от гнетущего его ига начинает изыскивать средства, которыми намеревается отомстить жесткому тирану за свои слезы и стенания.

III

И чем глубже стремится мысль вникнуть в происхождение рабства, занимаясь поисками его древнейшего источника, тем вероятнее перед всеми прочими кажется мне теория, приводящая к выводу, что насилие и обман породили это достойное проклятия зло. Ибо едва ли можно усумниться в том, что по закону войны, то есть насильственно, обращаются в рабство свободные люди, которые, будучи побеждены и попав во власть врага, вынуждены покупать жизнь ценой свободы, и что, безусловно, несправедливо [поступают] богатые, когда, воспользовавшись несчастьем угнетаемых нуждою и доведенных до безвыходного положения людей, обращают их в крепостную от себя зависимость. Однако если мы попытаемся исследовать, тому или другому обязано своим происхождением крепостное право в России, то решить это окончательно будет довольно трудно, поскольку едва ли, как нам кажется, оно могло возникнуть путем насилия, если наши дворяне владеют имениями не столько по праву победителей, сколько в силу купчих крепостей, — впрочем, большинство их ведет свое происхождение либо от татар, либо от немцев и поляков.

Но как бы ни обстояло дело, подробным исследованием этого мы решили заняться в другое время, здесь же достаточно будет привести мнение нашего превосходного учителя — сл[авного] Шлецера, который говорит, что во времена великого русского царя Ивана Васильевича многомиллионный русский народ был свободным. Так как это мнение основано на кодексе законов упомянутого государя, так называемом *Судебнике*, на который он ссылается *, то и мы, следуя его примеру,

* Allgemeines Staatsrecht, p. 62.

занились отысканием относящихся сюда мест; а что наш труд не был напрасен, показывает вполне хотя бы это малоизвестное место, которое потому и следует привести здесь*.

«А крестьяном отказываться из волости в волость и из села в село один срок в году: за неделю до Юрьева дни осеннего и неделя по Юрьеве дни осеннем. А дворы пожилые платят: в полях за двор рубль и два алтына, а в селе, где за десять верст до хоромного лесу, за двор полтина да два алтына. А которой крестьянин живет за кем год, да пойдет; и он платит четверть двора. А два года поживет, да пойдет прочь, и он платит полдвора. А три годы поживет, да пойдет прочь, и он платит 3 чети двора, а 4 года поживет, и он весь двор платит, рубль и 2 алтына и т. д. и т. д.»

Отсюда нетрудно вывести заключение, что наши крестьяне, которые, как утверждается в этом кодексе, нигде не приписаны к земле, были свободными. Если же кто нам возразит, что из того же «Судебника» слишком хорошо видно, что при самом Иване Васильевиче были рабы, тому да будет ведомо, что мы говорим здесь о крестьянах, а не о тех людях, которые обычно назывались холопами и которые за взятые в долг у знатных людей деньги становились их рабами**. Впрочем, я и их не отношу к числу наших рабов, ибо тот же Иван Васильевич заботился о том, чтобы сумма долга, за который с ними можно было вступить в сделку, не превышала 15 рублей серебром***, и я думаю, что это главным образом затем, чтоб они не впали в вечное рабство. Разумеется, этих людей нельзя сравнивать с нашими крепостными, и я думаю даже, что отсюда вытекает, что их дети, рожденные до рабства, оставались свободными, а взятые в плен на войне и возвратившиеся из плена обретали свободу по возвращении в прежнее состояние.

* «Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича» (в С.-Петербурге, 1768, издание Семена Башилова), стр. 89 и сл.

** См. «Судебник», стр. 77 и сл.

*** См. «Судебник», стр. 78.

Подлинно, что древнейшие русские законы, известные под названием «Русской Правды» и обнародованные великими князьями Ярославом и Изяславом, также упоминают о рабах (холопах), но я полагаю, что здесь речь идет отнюдь не о природных жителях России, а о взятых на войне пленных, сделанных рабами, так как хорошо известно, что русские в древние времена много воевали с печенегами, хазарами, булгарами, греками и т. п.

Впрочем, эти наши древности до сих пор покрыты таким мраком, что было бы безрассудно, если б кто-либо пожелал утверждать что-нибудь определенное о происхождении рабства в нашем народе.

IV

Таким образом, крепостное право не опирается ни на какое законное обоснование. А теперь посмотрим, можно ли привести соответствующие и справедливые доводы, которые требуют упразднения этого незаконного и варварского обычая пользоваться крепостными и его полного изгнания из государства.

Но *во-первых*, уже из известного и непреложного закона и требования, которые присущи природе и характеру всякого государства, следует положение, что *частные интересы отдельных граждан должны уступать всенародным и общественным*, поэтому надлежит тщательно остерегаться, дабы *частные интересы владельцев поместий не наносили ущерба всенародным и общественным*.

Далее, надлежит как можно лучше наблюдать за тем, чтобы *никакому состоянию людей не дозволено было обогащаться ценой ущерба для другого*.

Таковы два главнейших правила, которые должны соблюдаться во всяком благоустроенном государстве, и, исходя из этого, нам предстоит доказать, как несправедлива и невыгодна вся крепостническая система и как много пользы произойдет государству от ее ограничения и полного уничтожения. Но дабы исключить всякое превратное истолкование, нам следует прежде

всего напомнить, что мы не собираемся здесь отнюдь рассуждать о гражданской свободе.

Однако даже на основании высказывания сл[авнейшего] Монтескье и других ученых мужей, которые весьма много занимались политическими предметами, можно прямо утверждать, что свобода есть возможность делать все, что не противно законам *⁵. Откуда следует, что она включает и возможность приобретения вещей и всякого рода распоряжения ими, далее, что никто никому не обязан отдавать своих вещей, если это не предписано законами или если мы сами добровольно не согласились закрепить за кем-либо наше [имущество]. После этого даже недалекий человек поймет, что к ней [свободе] относится прежде всего безопасность личности и собственности, которой мы владеем.

Все это у англичан, по-видимому, выражено в двух словах: свобода и собственность. Из этого определения свободы, я полагаю, очевидно, следует, что она может иметь место не только в республиках, но и в монархиях, и даже, что на первый взгляд поражает, в монархиях гораздо более. Напротив того, в республиках отдельным личностям почти вовсе не дается свободы. Можно привести в пример Польшу, которую также упоминает по этому поводу Зюссмильх **. В те времена, когда последняя была республикой, одиннадцать двенадцатых частей всего народа оставались самыми жалкими рабами, и лишь двенадцатая часть наслаждалась свободой. Нынешняя Франция тоже слывет республикой. Напротив, Британию мы узнали монархией, в которой, однако, вся совокупность граждан свободу и безопасность снискала. Итак, что же препятствует тому, чтобы и у нас также имела место свобода лич-

* *Montesquieu, Esprit des loix, L. XI, c. III. Zusätze zu dem Bedenken über die Frage: wie dem Bauernstande Freiheit und Eigenthum in den Ländern, wo ihm beides fehlt, verschaffet werden könne* (Frankfurt und Leipzig, 1771, 8°, p. 6)⁶

** *Süssmilch, Die göttliche Ordnung in den Veränderungen des menschlichen Geschlechts. P. I, p. 557* [Зюссмильх, Божественный распорядок в изменениях, происходящих в человеческом роде, ч. I, стр. 557].

ности? Но теперь, когда мы дали определение свободы, перейдем к тому, что является нашим предметом.

V

Земледелием поддерживается существование всех прочих сограждан. Оно по своей природе дает всему жизненное начало и само ни от чего не зависит, напротив, от него все находится в зависимости. Однако же для его дальнейшего развития и совершенствования желательно и даже настоятельно требуется, чтоб никакие цепи законов, освященных давностью и обычаями, его не сковывали, чтобы те, кто возделывает землю, пользовались и свободой и правом собственности. Ибо всякого труда начало, успешное продолжение и благополучное завершение зависит от душевного состояния, в каком к нему приступают. А если пахарь, трудясь над возделыванием нивы, вздыхает и горюет, если он орошает борозду своей пашни слезами, в которых выражается скорбь души его, тогда и сама земля как будто сочувствует его горести, и эта великая мать вознаграждает его пот и слезы. В самом деле, когда крепостной своей пользы ради трудится над обработкой нивы, то он делает это для того, чтобы сохранить и поддержать свое жалкое существование и своей семьи. Если же ради выгоды господина своего, то каждое зернышко, сколько их ни на есть, сеет в землю с проклятием! И кажется, что сама земля, проникшись и тронувшись этим, вступает с ним в заговор, как друг. У такого человека кляча, заморенная и истощенная непосильной и чрезмерной работой, еле тащится с плугом. Тщетно понукает ее вооруженная бичом рука безжалостного погонщика, когда дух и тело уже достаточно свыклись с мученьями. Но если помещик считает выгодным получать то, что выколочено из-под палки, вместо всего обильного урожая и если он убежден, что получил наивысший доход, то государство от этого несет немалый ущерб.

А если б даже крепостной и стремился с величайшим старанием обработать свой клочок земли, то достаточно ли у него времени для этой работы? Хорошо

известно, что всем сельским работам положено и определено известное время, большую часть которого крепостной должен употребить на обработку поля своего господина. Поэтому именно тогда, когда погода более всего благоприятствует этому занятию, он вынужден использовать ее для того, чтобы вспахать господское поле, сжать на нем хлеб и убрать его в житницы. Если ж наступит пенастье, то тогда ему дозволяют позаботиться о себе: пахать, жать и т. д. Его господин даже и не помышляет о том, что зной, иссушающий зерна в его колосьях, причиняет такой же ущерб нивам его крепостных и что дожди, несущие убыток его полю, готовят ту же беду полям его крепостных и отнимают у них последнюю надежду на поддержание их жалкого существования.

В противоположность всему тому, что мы столь бегло здесь изобразили, насколько по-иному выглядит крестьянин, побуждаемый сознанием того, что он вольный! Этот выходит на свое поле с песней и, кажется, едва ли не приплясывая. Лошади у него крепкие и быстро заканчивают положенные работы, и даже земля словно сама открывает свое лоно для принятия семян и воздает сторицей. И едва ли, я думаю, найдется такой поборник крепостного права, который осмелится оспаривать как противоречащее истине это изображение двух крестьян — крепостного и свободного. Пусть только взглянет на поля того и другого и после этого попробует отрицать, что они имеют совершенно различный вид! А теперь мы покажем это яснее на примере, взятом из некоторых итогов, которые столь тщательно подвел для своих сограждан граф (де) Бернсторфф, которого датчане и все смертные, знающие о его бессмертных заслугах, почитают достойным вечной памяти. Ибо этот гуманнейший муж, который дал своим крестьянам право владеть имуществом и освободил их от повинностей барщины, здесь ясно показал, какую силу заключает в себе сознание свободы*.

* Ländliches Denkmal des Grafen Johann Hartwig Ernst Bernstorff, von seinen Bauern errichtet. Kopenhagen, 1784, 8°, p. 8, 15, 16.

До освобождения урожай был:

ржи	сам = 3
ячменя	4
овса	2 $\frac{2}{3}$

После освобождения:

ржи	сам = 8 $\frac{1}{3}$
ячменя	9 $\frac{1}{3}$
овса	8

Таким образом, доходность имения увеличилась на 17 698 талеров в год.

Отчего же, спрошу я, получилась такая разница в цифрах? Да разумеется, оттого, что крестьянин, у которого теперь стало больше досуга, начал размышлять над тем, какими средствами сделать свои поля более культурными и плодородными, о чем размышлять прежде ему и в голову не приходило.

Все эти средства, до которых додумывается его напряженный ум, он обращает на земледелие и повышением стоимости продуктов пытается создать свое и семьи своей благополучие. А так как он полагает, что единственным источником всякого преуспевания является его поле, то и стремится сделать его плодороднее, применяя всевозможные способы.

Пусть же Россия, которую с полным правом можно назвать природной житницей всей Европы, никогда не забудет о том, что ее золото и серебро заключены не в сибирских рудниках, а в ее полях. Ибо, когда у нас рожь, пшеница, лен, конопля и т. п. в изобилии урождаются, тогда потекут к нам неисчерпаемые источники богатств. И хотя все империи Европы свой предел имеют, за которым их мощь сходит на нет, и даже сама Галлия находится на поворотном пункте, однако же силы России, которых уже Европа трепещет, могут возрастать и простереться вширь до того, что пределов ее могущества не охватит самое зоркое око.

VI

Поскольку главное богатство каждого государства заключается в самих людях, то едва ли, мы думаем,

кто-нибудь станет оспаривать, что в том народе, который является более многочисленным, более и средств находится для достижения большего благополучия. Что касается государей, то, как известно, почти всюду издавна повелось так, что государи больше всего дорожили людьми и особенно старались о приращении населения, за исключением тех, которые, будучи введены в заблуждение ложными религиозными учениями, полагали, что лучше им вовсе не иметь никаких граждан, чем иметь таких, с которыми их духовенство не согласно.

Издавна также мнят о себе дворяне, что в них сосредоточена сила и цвет нации, однако последние двадцать лет дали множество доказательств тому, что силу и цвет нации составляет весь народ, а дворяне были признаны почти не имеющими значения и всецело зависящими от народа. В народе же гораздо более должно ценить того, кто приносит пользу обществу, нежели того, кто наподобие трутня занимается потреблением чужого труда. Кто ж не поймет, что первое место в народе должно принадлежать крестьянину, который, ни от кого не завися, всем доставляет пропитание! Ему самому всегда хватило бы на прожитие, если бы не ставилось никаких помех, а все, что он производит прилежным своим трудом, относится к самым необходимым для остальных предметам, так что никоим образом не может потерять свою цену.

И чем более отдаешь должное этому достойному сословию, тем более недоумевашь, что государи держат его окованным путами крепостничества, зная, что в его благополучии и процветании заключается благополучие и благосостояние всего государства.

Так как крестьяне составляют почти три четверти всего народонаселения на земле*, то ясно как день, что численность жителей увеличивается главным образом благодаря им. Но для наибольшего приращения и умножения населения каждому государству надлежит прилагать особенное старание и заботиться об

* *Süssmilch*, l. c., P. I, p. 417.

устранении всех к тому препятствий. А что же может служить наибольшим препятствием, нежели то, когда крестьяне, как это имеет место в России, лишены свободы и собственности? Поскольку густота населения зависит от рождаемости и здоровья родителей, то для произведения потомства надобно столько же сильное и здоровое тело, сколько душевное спокойствие и отсутствие забот; но что ж из этих необходимых условий найдем мы у крепостного, тело которого изнурено и истощено непрестанной и непосильной работой, ослаблено скудной и вредной пищей, а удрученная скорбью душа отягощена думами о пужде и недостатках. Этот несчастный прокликает день, когда появился на свет, и тщательно остерегается плодить себе подобных. Мы находим яркий пример этого в Голштинии, где жители одного округа доведены были зверской жестокостью своих господ до такого отчаяния, что решились совершенно отказаться от вступления в брак и привели это в исполнение. Найдутся ли подобные примеры в каких-либо русских местностях, об этом лучше всего спросить у наших дворян.

VII

Для увеличения численности населения необходимо, чтобы увеличивалось число супружеств. Однако хорошо известно, как много грешат и до какой степени незаконно поступают с государством в этом именно отношении. Я сам, помнится, у себя на родине слышал о жестокосердых и хитрых помещиках, которые всячески препятствовали бракам своих крепостных, и я перевидал в отечестве своем немало девиц, вынужденных оставаться безбрачными до тридцати и даже сорока лет, так как их барин не позволял им выйти замуж. А теперь послушаем благоразумные и совершенно правильные высказывания Зюссмилха*: «Опыт показывает, что у женского пола существуют определенные границы для деторождения, и редко случается, чтоб после пятидесяти лет мать благополучно рождала

* *Süssmilch*, l. c., P. I, p. 185.

детей. Если же девушка лишь тридцати лет вступает в брак, то она остается способной к деторождению только в течение 12—15 лет, между тем их могло бы быть двадцать пять». Но, не останавливаясь на дальнейших вычислениях, мы вопрошаем только: нужно ли тому, кто обладает всей полнотою власти, пзыскивать меры против этого пагубного и незаконного своеволия и неужели он недостаточно для этого могущественен? Ведь в твоих руках, гуманнейший и воистину великий Александр, верховный законодатель, находятся и власть и возможность, которыми ты все бесчисленное множество вверенных твоему покровительству людей более счастливыми сделаешь, и мы можем не только надеяться, но и быть уверенными в том, что ты от чистого сердца желаешь нашего благополучия, пользы и совершенного благоденствия, для достижения которых тебе предстоит устранить много препятствий.

VIII

Другой причиной, препятствующей супружеской плодовитости в России, является обыкновение чрезмерно раннего вступления в брак для мужского пола. Мы видели очень часто двенадцатилетних мальчиков, женатых по приказу своих господ на женщинах двадцати пяти лет и старше. Для объяснения этого следует только вспомнить о том, что крепостные в России обязаны работать в поле тогда лишь, когда они женаты. Кто ж не понимает, сколько вреда наносит это государству? Именно это является причиной, почему юноши и девушки так рано увядают и истощаются, почему само сожителство оказывается столь малоплодовитым. Так, на Камчатке девушек 13—14 лет уже стремятся выдать замуж, так что ж удивительного, если в этой стране такое редкое население! * Взгляни на природу: разве дерево, разве животное приносят зрелые и обильные плоды, когда естество им воспрещает? А если поступишь вопреки природе и заставишь дерево искусственными средствами дать плод прежде времени, то

* *Storch*, Russland unter Alexander I, P. VI, p. 416.

могут ли, спрошу я, эти плоды сравниться с теми, которые природа произвела в положенное время? Будет ли семя этого плода достаточно способно к размножению? Да и долго ли такое дерево станет приносить плоды? Но хотя все это хорошо известно, однако те, кто руководствуется алчностью, ни на что не обращают внимания и паносят тем государству величайший ущерб.

IX

Выше (§ VI) мы уже говорили о том, что для обеспечения наибольшего прироста населения в государстве требуется устранять все препятствующее бракам. Однако нельзя на этом останавливаться; а чтобы во всех отношениях завершить свое дело и выполнить свой долг до конца, тот, кто стоит у кормила власти, должен проявить и максимальную заботу о содействии, помощи и увеличении числа браков*. И не может для него быть ничего более важного, чем способствование браком у крестьян, которые представляют не только самый многочисленный в государстве класс, но и самый пригодный для произведения потомства, ибо, кто отличается чистотой нравов, у того и тело не ослаблено роскошью и изнеженностью; и далее, так как жена и дети крестьянина принимают участие в общественном труде (а не в состоянии по трате денег, как это имеет место у жен и детей дворян), то, наконец, крестьянину для содержания семьи требуется только немного**. Но очевидно, что тщетно давать советы относительно женитьбы, если человек не зарабатывает достаточно, чтоб прокормить жену и будущих детей. Славнейший Юсти⁷ и другие понимающие в этом мужи советовали поощрять браки объявлением премий. Мы пашли также, что некогда французский король Людовик XIV обнародованным в 1666 г. эдиктом установил отцу 12 детей некоторую премию***, но хотя эта мера отнюдь не

* *Justi, Staatwirthschaft* (Leipzig, 1748), P. I, p. 170.

** *Oeder, Bedenken über die Frage etc.*, p. 13.

*** *Süssmilch*, l. c. P. I, p. 455.

вредна, однако очевидно, что она мало действительна там, где одни с трудом зарабатывают себе на скудное пропитание, а другие утопают в безмерной роскоши. Но в нашем отечестве дело обстоит совсем иначе. Здесь достаточно позаботиться о том, чтобы труду земледельца не ставилось препятствий и чтобы то, что он приобрел себе в поте лица, у него не отнимали и не убавляли. Какое от этого Российская империя получит приращение [населения], если даже теперь, еще до освобождения крепостных, численность населения ежегодно увеличивается более чем на 500 тысяч!

Х

Уже из того, что наш народ отличается неиспорченными правами (я подразумеваю здесь народ в том же смысле, что и в § VI), бережливостью и воздержанностью и вследствие этого крепостью тела и нерастраченными силами, следует с полным правом надеяться, что вопреки сомнениям многоопытных мужей из наших консисторских архивов* рождаемость [у нас] может быть поднята на самую высокую ступень. Однако для увеличения количества населения недостаточно одной только рождаемости, а должно позаботиться о внимательном уходе и питании потомства, дабы его воспитать и сохранить. Что из того, что наши крепостные могут произвести на свет много детей, но сколько из них, спрашивается, достигает отрочества? Ибо бедность и нужда родителей таковы, что новорожденные совершенно лишены необходимого ухода. Не удивительно поэтому, что эти цветы, едва распустившись, скоро вянут и погибают. Кстати, по этому поводу слав-

* Conf. Hamburger Correspondent, 1806, N 48 (Срав. «Гамбургский корреспондент», где сказано, что в России на 568 469 рождений более, нежели смертей. Здесь я не могу не пожелать, чтобы в нашем отечестве производилась перепись народа, так же как в Швеции. До тех пор пока государь не будет знать числа своих подданных, он не сможет и знать об истинных силах своего государства. Сколько пользы происходит от счисления народа, хорошо показал мой славный учитель и покровитель Шлецер в своей «Теории статистики» (Theorie der Statistik), стр. 67 и сл.

шейший англичанин Смит приводит в пример Шотландию, в которой из 20 детей 18 умирают, погубленные нуждой *

Но посмотрите же со мной, в каком бедственном положении находятся наши крепостные, как горько они маются с теми, кого произвели на свет, и как их воспитывают! Подумать только, что родители, принужденные наравне со скотиной выполнять самые тяжелые полевые работы, оставляют своих детей дома, где они копошатся на соломенной подстилке меж домашних животными и пересохшими устами (так как кормящая их мать подолгу отсутствует) с плачем призывают мать, которая, только вернувшись после долгой работы, утомленная и обессиленная вконец, дает им грудь, иссушенную нуждой и тяжелым трудом. Таким-то образом ребенок, валяясь в грязи, мучимый голодом и лишенный всего необходимого, достигает отроческих лет и тотчас же начинает вести еще более «хорошее» житье — в лесу, в поле, под открытым небом, страдая и мучась от дождя, жары, снега, жестокого мороза и всякой непогоды, и если после всего этого юное тело не уморится такой суровой жизнью, то и выходит человек, достойный называться русским. Итак, возблагодарим бога за то, что наш народ остается сильным, крепким и здоровым, хотя и не настолько, чтобы не быть подверженным человеческим немощам и не страдать вовсе от недугов (правда, не столько многочисленных и не таких, как дворянские). Если б кто знал, что за лечение, что за лекарства существуют у крепостных для избавления от болезней! Но если б я захотел вспомнить хотя бы только, что сам видел и слышал, и того было бы слишком много!

XI

Все занимавшиеся историей, вероятно, согласятся с тем, что никогда не существовало империи, границы которой простирались бы так вдаль и вширь, как Рос-

* *Smith, Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations, the tenth edition, London, 1802, P. I, p. 120.*

сийской империи, которой даже «одного недостаточно полушария».

Тем более печально, что количество жителей далеко не соответствует размерам этого государства; и это правильно усмотрено нашими государями, которые по этой самой причине с 1762 г. призывали к себе из чужих краев колонистов, коих число к третьему году нашего столетия возросло до 46 000 *. Хотя мы и не отвергаем отнюдь этот способ увеличения количества населения, ибо нам хорошо известно, какая польза происходит от того нашему народу, однако полагаем, что она была бы гораздо значительней, если бы колонии состояли из самих природных жителей страны. Это, однако, может иметь место только после освобождения крестьян. Я отнюдь не принадлежу к числу тех, кто высказывается против такой щедрости и снисходительности российских императоров, кто не одобряет того, что иностранным колонистам даются привилегии⁹, но я хотел бы обратить внимание на то, что отсюда может воспоследовать и какое возыметь значение. Ибо, представляете ли вы себе, какими глазами природный русский будет смотреть на иностранца, которому дарованы привилегии, о коих он сам даже и помышлять не смеет? Ясно, что отсюда и возникает зависть и неприязнь одного к другому, [что представляет] для государства опаснейшее зло. И напротив того, если народ русский будет обладать свободой, иностранцы и сами окажутся в лучшем положении. Я уж не говорю об издержках, которые государство расходует на выпи-

* Ср. Отчет министра внутренних дел⁸ за 1803 г. и у Шторха «Россия...», ч. VI, стр. 49. Великая хвала и благодарение Александру I и его многочисленным друзьям, показавшим, что государю, пекущемуся о благе и счастье народа и за то почитаемому наподобие провидения, менее всего надлежит заботиться о способе, как это сделать. Нечистая совесть тех, кто по причине дурного управления богатствами и силами государства преследует главным образом частную выгоду, спашится дневного света; русский же император и его министры, действующие открыто, ничего не скрывают от публичного обсуждения. Мы предсказываем, что недалеко то время, когда то, что в так называемых республиках запрещается наподобие фальшивой монеты, на всю Европу распространится из столицы Российской империи.

сывание к себе иностранцев и которые, судя по отчетам министерства внутренних дел, составляют сумму в 6 миллионов рублей. Я отлично знаю, мне могут возразить, что израсходованные на это деньги возвращаются обратно к тому же источнику, от которого исходят, но тем не менее этот довод не кажется мне убедительным. Ведь если бы свои местные жители, не будучи прикреплены к земле, образовали колонию, то как мало потребовалось бы им помощи от государства! Тогда, если в одном месте государства количество жителей увеличилось до такой степени, что им не хватает земли для прокормления, они сами добровольно примут решение обосноваться в другом месте, где сосредоточено меньше народа и где по этой причине поля остаются невозделанными. Таким образом, не потребуются издавать указы, повелевающие жителям переселяться на новые места, ибо, привлеченные личной выгодой, они сами будут усиленно стремиться на новые места, обещающие им большие прибыли.

В отчете министра внутренних дел за 1803 г. приведены два примера, которые сюда относятся и о которых стоит упомянуть. Во-первых, о Смоленской губернии, где число жителей настолько увеличилось (как известно, это еще в 85 году прошлого века обратило на себя внимание правительства*), что для прокормления людей в этой губернии не вполне хватало земельных угодий, почему и было принято решение переселить на Кавказ две тысячи пятьсот крестьян и приведено в исполнение. Правда, светлейший граф в своем отчете заметил, что подобные переселения сопряжены со многими неудобствами, однако если крестьяне переселяются добровольно на другие земли, то они это считают безделицей. Тот же вельможа, которого русский народ почтил званием своего министра, упоминает про случай в Кавказской губернии, когда 132 семьи с разрешения правительства отправились в Иркутскую область, к границам Китая, и я думаю, что [они это сделали] главным образом по той причине, что надеялись на получение для себя нема-

* «Отчет...» и указанные сочинения, стр. 37.

лой выгоды от предстоящей торговли с китайцами. И они не переменили своего намерения, хотя им указывали на гораздо более плодородные земли в Саратовской губернии и в Новороссии, где они могли бы составить свое благополучие. Мы полагаем также, что нечего опасаться, чтобы это переселение причинило вред государству, поскольку в Саратовской губернии и в Новороссии колоний уже имеется в изобилии, в Иркутской же губернии ощущается весьма большой недостаток в людях, а те немногие, кто там проживает, ведут полукочевой образ жизни. А того, что им не советовали [ехать в] эту новую колонию, опасаться следует еще менее, так как известно, что там получают урожай ржи сам-семь, а овса — сам-десять *, да в 1802 г. было вывезено из России в Китай на 1 476 289 рублей мехов **, большая ж часть всякого рода пушных зверей добывается в тех местах. Мы полагаем, что эти примеры доказывают правильность того нашего вывода, что народ, не прикрепленный к земле, почти без всяких стараний правительства, сам по доброй воле переселится на невозделанные земли государства, и это не будет стоить правительству ничего или же самую малость. Впрочем, именно этот вопрос о колониях, бесспорно, следует считать одним из наиболее трудных и заслуживающим того, чтоб его исследовали самым тщательным образом. Даже один тот вопрос — откуда лучше всего приглашать колонистов в Россию — весьма важен, однако мы оставляем его без рассмотрения как не имеющий прямого отношения к нашему предмету.

XII

Разумеется, что для развития фабричной промышленности требуется много рабочих. Но откуда же они возьмутся, если не из крестьянского сословия? Однако это может произойти не прежде, чем когда это сосло-

* Heym, Versuch einer vollständigen geographisch-topographischen Encyclopedie des Russischen Reichs. Göttingen, 1796, 8°, p. 117 sq.

** «Государственная торговля 1802 года в разных ее видах» ¹⁰, или у Шторха «Россия...» и т. д., ч. IV, стр. 285

вие, получив свободу, настолько возрастет численно, что окажутся лишними многие, которые смогут оставить занятие земледелием. Эти крестьяне перейдут на ручной труд (отсюда название «мануфактура») и поступят на фабрику *. Фабрики ж тогда лишь процветают, когда цена на мануфактурные товары одинакова с ценой иностранных товаров, а сами изделия по качеству не хуже иностранных. Далее, чем меньше оказывается людей, трудом которых можно воспользоваться, и чем выше оттого их заработная плата, тем выше цена на предметы мануфактуры, и оттого страдает их качество и они не могут быть проданы за настоящую цену **. Я не могу не упомянуть здесь о том, что для развития фабрик в России начали принимать меры в 1763 году. А именно иностранным колонистам, намеревавшимся устроить фабрики, было дано государством право свободной покупки деревень и, как известно, с населяющими их крепостными ***. Считать ли эту меру превосходной, об этом не стоит и говорить. Ибо, разумеется, если крепостной, а не свободный человек занимается на фабрике каким-либо трудом, то, поскольку он делает это против воли, можно ли от этого ждать хороших результатов? Каждый без труда согласится со мной, если я скажу, что в тех государствах, где люди прикреплены к земле, для развития фабрик имеется много препятствий, что очень хорошо можно увидеть из статистических таблиц графа Румянцева ¹¹, этого мудрейшего министра коммерции. Мы обращаем также внимание на то обстоятельство, что те деревни, в которых основаны фабрики, чрезвычайно бедствуют, так как их жители оторваны от пашни.

XIII

Для развития фабрик необходимо, чтобы в народе до известной степени увеличивалась роскошь ****. Но хотя ее мы находим даже гораздо более, чем следует,

* *Oeder's Bedenken* u.s.w., p. 28.

** *Smith, Inquiry into the nature etc.* P. I, p. VIII.

*** Манифест, 1763 г., июля 22 дня.

**** *Büsch, Von dem Geldumlauf.* P. I, p. 270 sq.

у наших дворян, однако в данном случае она ничему не способствует, так как они потребляют главным образом чужеземные изделия. Бесспорно, та роскошь полезна для государства, которая загружает наши фабрики заказами и работой. Этой роскошью должно пользоваться большинство населения и, следовательно, простой народ. Однако этот самый народ не вышел из рабского состояния, в котором считают, что если у тебя имеется достаточно пищи для поддержания существования, то это превосходное житье. Поэтому до тех пор, покамест такой роскоши, которая для государства полезна, у нас не будет, наши провинциальные города только по названию будут считаться городами *.

XIV

Когда русскому народу будет дарована свобода, совершенно по-новому начнет развиваться и торговля. Уже теперь данные о вывозе и ввозе товаров (торговые балансы) второго года нашего столетия показали, будучи сопоставлены между собой, что государство получило 6 747 665 рублей прибыли, а на следующий год — 11 590 968 рублей **. Но если эти вывезенные товары состояли по большей части из сырья, то почему бы в будущем, когда сельское хозяйство будет преобразовано, не вывозить продукты, которые производит родная земля, не в виде сырья, а обработанными кустарным и фабричным способом. Почему бы не стать нашей торговле более активной, нежели пассивной? Тем не менее это не может случиться, если крестьянин не обладает свободой и правом на частную собственность.

XV

Крепостное право препятствует также частному обращению денег и их переходу из рук в руки, и тем самым, что очевидно для каждого, наносится ущерб го-

* *Büsch*, l. c. P I, p. 275 sq.

** См. Таблицы светлейшего графа Румянцева, министра коммерции в России, у Шторха «Россия...» и т. д., ч. IV, стр. 301; ч. VII, стр. 379.

сударству. В самом деле, все, что крепостной приобретает, трудясь в поте лица, он скрывает и прячет от очей своего господина. Иностранные ученые полагают, что это делается только в Сибири, по каждому русскому хорошо известно, что не найдется почти ни одной области в России, где бы крестьяне обходились без сокрытия денег. Сколько же денег благодаря этому изъято из обращения! Даже сам этот способ утаивания денег должен считаться более вредным, чем если б деньги вывозились из государства, чему, по моему мнению, в некоторых странах без достаточного основания препятствуется. Отсюда же происходит также то, что, поскольку много денег изъято из обращения, люди, [нуждающиеся в наличных деньгах], вынуждены платить неимоверные проценты, так что про того, кто берет в России десять процентов, можно сказать, что у него есть совесть, ибо обычно взимается от двенадцати до двадцати. Какой же ущерб наносится государству вследствие таких огромных процентов! Где уж при таком недостатке в наличных деньгах думать о постройке новых фабрик, когда разрушаются и приходят мало-помалу в упадок и те, что до некоторой степени пользуются известностью. Дело в том, что товары дешевеют там, где вследствие своей редкости деньги ценятся слишком дорого. Где это происходит, там товары, само собой, низки по качеству. Нечего и говорить, какой ущерб для сельского хозяйства и какой вред для народа и т. д. отсюда проистекает.

XVI

Забота о том, чтобы поднять народ на более высокую ступень развития и культуры, побудить и поощрить способных людей ко всякого рода деятельности, эта поистине божественная и самая приятная из забот Александра I принесет, я весьма опасаюсь, несравненно меньшие плоды, чем все любящие культуру от того ожидают. Ибо крепостное право, о император, противодействует одно всем твоим трудам, стараниям и неунынным заботам, крепостное право, я повторяю, губит и уничтожает плоды всего столь тщательно и мудро за-

думанного тобою для содействия благополучию твоего народа. Правда, встречаются в нашем народе люди, которые подобно Демидову разделяют с государем его священные заботы, так как обычно, чем состоятельнее дворянин, тем он и культурнее, и, наоборот, те, у кого и всего-то двадцать крестьян, обращаются с ними более жестоко и грубо, ибо боятся, как бы их крепостные не получили над ними превосходства, поскольку они сами [люди] невежественные. Каково же должно быть благоприятное стечение обстоятельств, чтоб произошли Кулибины, Старовы и другие им подобные! Как часто превосходнейший талант, подавленный состоянием крепостного, остается в неизвестности и не может выдвинуться! Правда, сто лет тому назад русский народ показал, что он отнюдь не лишен ни силы, ни остроты ума; если ж он обретет свободу, то, разумеется, расходы, затраченные на его образование, окупятся во сто крат в самое короткое время. Тогда лишь наш великий император получит вполне достойную награду за свои старания.

XVII

Далее, если судебная власть, равно как и суд, относится к высочайшим узаконениям, то почему ж они подобно прочим не защищают [крестьян] от всякого насилия и беззакония и не гарантируют их безопасности? Почему дозволяется помещикам, не ожидая судебного приговора, подвергать крепостных истязаниям и взысканиям? Если ж помещики такого права не лишаются, то надобно ожидать, что и народ в один прекрасный день от уз такого обычая освободится.

XVIII

Да позволено мне теперь будет сказать несколько слов по поводу солдат. Русский воин, о стойкой храбрости и непобедимости которого слава прошла по всей Европе и Азии,— это, как известно, бывший крепостной, приобщившийся к свободе лишь после того, как взял в руки оружие.

Но разве не было бы гораздо лучше, если бы он и до того свыкся со свободой? Ведь тогда бы, разумеется, он более приложил старания к умножению славы. Разве не быстрее он кинется в битву, если будет знать, что сражается за свою свободу и свой домашний очаг? Самый срок военной службы пройдет для него легче, если он будет твердо знать, что по возвращении снова увидит родной дом и землю, и никогда не придет ему на ум мысль сдать ее неприятелю. Без сомнения, никогда русский человек, который проникнут совершенно исключительной любовью к родине, не станет служить наемником в иностранной армии, если даже будет насильно угнан вербовщиками.

XIX

Таковы основания, побудившие меня прийти к мысли, что крепостное право в России должно быть полностью уничтожено. Разумеется, в случае необходимости мне нетрудно будет привести и многое другое, но, я полагаю, и этого достаточно, чтобы стало ясно, как много зла приприт всякая рабская зависимость. Я испытываю тем более горькое чувство, что предвижу, сколько мне предстоит яростных нападков, ибо знаю хорошо, что и в моем отечестве многие являются противниками этого; но, будучи твердо убежден в истине и правоте дела, за которое не столько мне, сколько всему человечеству должно бороться, я снова предложил на всестороннее рассмотрение мужам науки этот предмет, который с своей стороны я не хотел ни приукрашивать изысканными словесными прикрасами, ни смягчать, рассыпая цветы красноречия, — словом, решил совершенно отказаться от риторической манеры живописать ярчайшими красками несчастнейшую в подлунном мире участь крепостных, стонущих под игом, борющихся с жестоким голодом и испускающих дух в муках истязаний. Ибо я писал для тех своих рассудительных соотечественников, которые предпочитают неприкрашенную истину, писал, с тем чтобы показать, как много пользы произойдет отечеству вследствие отмены крепостного права и какие большие выгоды при-

несет это землевладельцам. Я приводил уже в пример по этому поводу графа Бернсторфа, у которого доходы с имения увеличились после того, как он отпустил на волю крестьян, на 17 698 талеров в год (§ V). Позвольте мне воспользоваться для той же цели другим примером, который приведен у славнейшего английского ученого Юнга*. По словам названного автора, он слышал от польского князя Массальского, что после освобождения крестьян его доход с имения начал чрезвычайно увеличиваться. Говоря же именно о России, он ручается, что нашим землевладельцам также обеспечен верный доход, если только они сообразовлять решиться на освобождение крестьян**. Ибо, как это нетрудно уразуметь, сущность дела заключается в конце концов в том, что никто из более богатых помещиков не пытался провести такого опыта на практике. Если ж кто-либо однажды это сделает, то я твердо уверен, что многие до сих пор находившиеся во власти укоренившихся предрассудков, последуют его примеру. Но послушаем теперь, что говорят некоторые противники освобождения крестьян.

XX

Прежде всего они говорят в защиту своего имения, что «те люди, которые ныне состоят в крепостных, и раньше были несвободными, следовательно, нет ника-

* Political arithmetic, containing observations on the present state of Great Britain etc. by *Arthur Young*, London, 1774, p. 204.

** Там же, стр. 202 и следующие — «Разрешите мне указать прежде всего на полное закрепощение крестьян в некоторых местах Германии, в Дании, Польше и в России. Во всех этих странах на крестьян вплоть до последнего времени смотрели как на скотину, и они передавались от владельца к владельцу вместе с землей, на которой проживали...

Нет никакого сомнения в том, что такие помещики значительно увеличат свой доход, если ниспровергнут эту систему, объявив своих крестьян свободными, и сдадут им в аренду фермы, дозволит заниматься скотоводством и обработкой земли в меру своих способностей. От такого ведения хозяйства произойдет множество преимуществ... население имения значительно возрастет, а так как этот рост произойдет в связи с ростом благосостояния и промышленности, то это в свою очередь приведет к образованию нового рынка, куда доступ будет без помех», и т. д.

кого достойного основания, чтобы им даровать свободу». Напротив, вам справедливо говорилось о том, как именно в те времена, когда эти несчастные подпали под иго рабства, они были в простоте души и по недомыслию завлечены [в него] путем обмана и хитрости со стороны дворян; к тому же и верховной власти не было достаточно ясно, как важно, чтобы свобода крестьян сохранена была в целостности и неприкосновенности. Вот как это было на самом деле!

Magnus ab integro saeculorum nascitur ordo.
Jam redit et Virgo; redeunt Saturnia regna;
Jam noua progenies caelo demittitur alto;
tuus iam regnat Apollo!

[Снова великий веков рождается ныне порядок.
Дева приходит опять, приходит Сатурново царство.
Снова с высоких небес посылается новое пламя.
...У власти уже Аполлон твой.

Вергилий, Буколика (Bucolica), Эклога IV, ст. 5—10.
Перевод С. Шервинского. М.—Л., 1933, стр. 37.]

Иные времена требуют иных прав, ибо уже настало то время, засиял уж счастливой звездой тот день, который новый порядок вещей требует, призывает, предписывает. Уже верховной власти зоркое око провидит важность того, чтоб был свободен народ, который и сам ныне сделался благоразумнее. Но те же противники снова напечтывают, что «эти крепостные нам достались от прадедов по праву наследования». Так подумайте ж о своем долге и возвратите их государству, которому они принадлежат. «Предки наши плененных на войне в рабство обратили». Откуда у вас столь неосновательные притязания? В какой хронике, у какого писателя об этом говорится? Предъявите подлинные доказательства. «Давние предки крепостных нам себя продали». Ну, а о состоянии своих будущих потомков они также выразили свою свободную волю? * «Да и сами крепостные не хотят быть свободными».

* Прикрепление к земле (glebae adscriptio), распространяющееся на все поколения, является грубым нарушением самых священных естественных прав человека. См. *Шлецер*, Всеобщее государственное право, стр. 61.

Подите вы прочь с этим мерзостным аргументом, который, даже если б и был тысячу раз истинным (ибо я собственными ушами слышал от наших крестьян, что они очень мало беспокоятся о свободе), однако разве не видно, что не имеет никакого значения! Ибо это как раз и есть плачевное следствие длительного пребывания в подневольном состоянии, когда все чувства раба притупляются и он ставится равнодушным ко всякой свободе, так что нуждается снова в возбуждении и ободрении, чтоб стать снова способным бороться за свою свободу *. «Мы владеем ими по праву, отменить или уничтожить которое никто не вправе». Неправда, самое большое на них право имеет государство, которое печется как о вашем благе, так и о благе крепостных и убеждено, что для общего блага будет полезно даровать крестьянам свободу, которую если от вас они не получают, придется императору употребить свое право и власть.

Нетрудно предусмотреть, что это и многое другое еще мне будут возражать помещики, однако заранее говорю, все это легко распутать и опровергнуть.

XXI

Если бы я захотел подробно исследовать и рассмотреть способ, каким должно произвести это освобождение крестьян, то это был бы напрасный труд, так как уже прежде того император изыскал этот способ с присущей ему мудростью и благополучнейшим завершением того, что сделано для сельского хозяйства в Ливонии, ясно показал, что того, кто в течение долгого времени был лишен света, должно приучать к нему постепенно. Великим, конечно, было бы безумием дать полную волю двадцати миллионам крепостных. Это было бы то же, что дать в руки слабоумному и буйному острейшее оружие. Более благоразумные полагают, что дворянам следует отправлять своих сыновей в чужие края и лучше всего — в университеты, где они получают знания и в совершенстве постигнут

* *Schlözer's Staatsanzeigen*, Band III, p. 407.

различие, существующее между нашими крепостными и чужестранными крестьянами. Хотя я и не считаю, что этим средством следует пренебречь совершенно, однако оно не вполне соответствует своей цели. Я сам знавал некоторых сыновей известнейших фамилий, бывших моими сотоварищами по университету, которые, спустя несколько лет после жизни за границей, не совсем сочувственно относились к освобождению крепостных. Я полагаю, что было бы гораздо целесообразнее, если б к воспитанию детей у себя на родине не относились с таким равнодушием и если бы дети-подростки отправлялись в публичные гимназии, где они бы впитывали принципы, полезные для государства. Так, чтобы ограничиться одним примером, скажу, что ученому университету, процветающему в Москве, и находящемуся в его ведении Благородному пансиону государство, очевидно, должно вменить в особую заслугу [тот факт], что среди дворянства стали больше распространяться гуманные идеи. Дабы мы могли быть твердо уверенными в том, что если всемогущий господь примет благосклонно пламеннейшим мольбам стольких миллионов — своих и чужестранных — и дарует милостивейше Александру долгую и счастливую жизнь, то это ужасное чудовище, из бездны ада вышедшее, добрым гением человечества совершенно истреблено будет.

**ИЗ ИСТОРИИ
„ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ
СЛОВЕСНОСТИ, НАУК И ХУДОЖЕСТВ“**

В. В. Попугаев

РЕЧЬ НА ДЕНЬ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО СОБРАНИЯ
июля 15-го дня 1802 года

Наконец, свершился год, друзья мои! Общество наше существует, и в сей толико счастливый день собираемся мы не утвердить наше сословие, но торжествовать счастливую минуту нашего соединения — счастливую! Так, друзья мои, на собственном опыте познали мы сколь великую принесло нам пользу сие взаимное сообщение наших сведений, наших сомнений; но вместе познали мы и многие соединенные с сим затруднения! Сколько раз ложное честолюбие некоторых недостойных членов готовило разрушение сему кругу, но мы удержали его от падения, и мы — победили. Нет тех, которые дерзнули нарушить наше спокойствие, которые тайными ковами хотели получить ту славу, что обратили в ничто наше намерение, хотели быть Геростратами, но храм нашего Дружества был лучше храним, нежели храм Дианин!

Правда, корабль наш сильно било бурей — от того множества, которое в сей день истекшего года приступило к образованию общества, вижу я немногих! Борн, Волков, Крассовский — вот все, что от того осталось. Но зато мы не унывали, друзья мои! Мы жалели токмо о слепоте оставлявших нас! Что было предпринято, то осталось твердо, и мы надеялись не на число, но на усердие и таланты. Но увы, что я сказал, еще было не все! Судьбам угодно было отдалить любезного

сотрудника нашего Борна! ². Сие нас огорчило! Вскоре, однако, круг наш подкреплен достойным сочленом Востоквым, и мы ободрились, — сим обязаны мы усердию господина Шубникова!

В сем малом кругу деятельность наша оживилась! Наши упражнения и рассуждения, имевшие целию взаимное образование, возрастали с нашим усердием, и мы всегда предчувствовали, что найдутся люди, познающие цену нашего сословия! Они нашлись, и мы видели между ими столько достойных сочленов!

Благословим сей день, благословим минуту, влиявшую в сердце наше чувство истины, и поставим себе священным долгом ее искать и в ней усовершеншаться!

Что может быть прекраснее, как сословие молодых людей, стремящихся к взаимному себя усовершенствованию и соединившихся для общей пользы в круг дружества.

Но, друзья мои! Да не будет год сей столь бурен, как протекший, да пылает огонь Дружества в сердцах наших, потщимся напрячь все силы нашей деятельности — и следующий мы узрим прекрасные плоды.

В. В. Попугаев

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ, НАУК И ХУДОЖЕСТВ

Общество в начале своего образования открыло свои заседания под названием «Дружеского общества любителей изящного» 15-го июля 1801 года.

Первые члены сего общества были господин Попугаев и господин Борн, подавшие первую идею общества, и господа Дмитриев, Волков, Крассовский, и по сих пор в числе членов общества находящиеся.

Предметом своих занятий общество избрало словесность, науки и художества, и в сем отношении поставило себе две главные цели:

1. Взаимное усовершенствование в сих трех отраслях человеческих способностей.

2. Споспешествование к усовершенствованию со-размерно своим способностям сих трех отраслей.

Связию общество положило дружество и согласие; и вследствие сего избрало своим эпиграфом: *Concordia res parvae crescunt, discordia magne dillabuntur*¹; для хранения внутреннего порядка и просматривания своих занятий общество назначило экстраординарные общие собрания каждые три месяца; для ведения журнала постановило звание секретаря общества, кое сделало выборным, и продолжение сей должности на первый раз назначило три месяца.

Заседание 15 июля открыто было речью господина Попугаева и господина Борна.

Первые три месяца общество имело 9 заседаний. Секретарем в течение сего времени был избран господин Попугаев.

30-го августа член общества г. Борн оставил на время общество для предпринятого им путешествия по Малороссии.

В течение сих трех месяцев представлено было в общество 8 писем прозою и несколько стихами. Прозою представленные писесы:

1. О поэзии, соч. г. Попугаева.

2. Статья о театре, соч. г. Дмитриева.

3. Перевод о английской трагедии г. Крассовского.

4. «Рассуждения о духовной словесности в России» г. Крассовского.

5. «Вечера Сократа и Аполлодора», соч. г. Попугаева.

6. «Негр», соч. г. Попугаева.

7. «Велисарий, в темнице умирающий», соч. г. Крассовского.

8. «Юридическое рассуждение о умерщвлении младенцев», перев. г. Попугаев.

В течение сих трех месяцев общество увеличилось г. Шубниковым, принятым в оное по переводу Волтеровой физики.

По прошествии сих трех месяцев общество избрало секретарем г. Волкова. Сие возложение продолжалось

до 1-го мая, по причине различных внутренних стечений, не позволивших обществу прежде приступить к общему рассматриванию своих занятий и избранию нового секретаря.

В заседании 24 ноября [1801 г.] определено для большей удобства разделиться обществу на два собрания: 1) собрание для словесности и наук; 2) для управления общественных занятий и исключительного занятия по части отвлеченных познаний. Последнее имело в виду начертание общественного статуса.

В течение сего времени было 26 заседаний. Общество увеличилось:

1) Г. Востоковым по части художеств и словесности.

2) Г. [Павлом] Ивановым } по части словесности и
3) Г. Яковлевым } горных познаний.

4) Г. Репниным по части художеств исторической живописи.

5) Г. [Андреем] Ивановым, членом Академии художеств по исторической живописи.

6) Г. Кованько по части российской словесности.

Занятия общества состояли в чтении российских сочинений и по иностранной словесности, особенно сочинений г. Ренала.

В сие время вступило несколько пиес стихами и прозою.

Пиесы прозою представленные:

1) «О законодателях, именующих себя пророками», перевод г. Дмитриева.

2) «История негра», соч. г. Попугаева.

3) «О влиянии просвещения на законы и правление», соч. г. Попугаева.

4) 123 глава перевода из Волпея («Ruines»), пер. г. Попугаева.

5) Перевод из Добантона «О человеке» г. [Павла] Иванова.

6) «О гордости», пер. г. Дмитриева.

7) «Рассуждение о цветах радуги», соч. г. Попугаева.

9 марта член общества г. Дмитриев отъехал в Тобольск.

В течение сих шести месяцев общество, рассмотрев свои занятия и предположив издать некоторые из своих поэтических писес под названием «Свитка муз», избрало секретарем г. Борна, к сему времени возвратившегося из путешествия.

В заседании 9 мая общество увеличилось тремя членами:

- 1) Г. Измайловым.
- 2) Г. Остолоповым.
- 3) Г. Олепевым.

Впоследствии увеличено оное еще г. Языковым. Все сии члены избрали в общественных занятиях словесность.

Между многими стихотворными сочинениями, в сии три месяца представленными, вступили прозою следующие:

1) Извлечение из [7-го] письма Платона [к Диону] греческого философа, пер. с немец. г. Борна.

2) «Спартапцы», соч. г. Попугаева.

3) Роман «Амалия», издашний впоследствии в свет с некоторыми изменениями под названием «Евгения», г. Остолопова.

4) Первый опыт из сочинений г. Румфурда, перев. г. Борна.

5) О английской трагедии, перев. г. Красовского.

6) Переводы некоторых отрывков из Штолберга г. Борна.

7) «Опасный опыт» Августа Лафонтеля, перевод г. Языкова.

В течение сих трех месяцев общество издало первую книжку «Свитка муз».

Второй год общества

Первый месяц от 15 июля до 15 августа

Течение сего второго года существования общества начато экстраординарным собранием 15 июля, кое от-

пыне навсегда в сей день быть долженствует и служит для общего обозрения общественных занятий по всем частям.

В сем экстраординарном собрании утверждено общественное постановление, на основании коего оное назначило действовать.

Главные статьи сего постановления:

- 1) Равенство голосов всех присутствующих членов.
- 2) Точное исполнение обязанностей члена.
- 3) Исключение в случае неисполнения.
- 4) Ежегодное избрание секретаря.
- 5) Общественное рассматривание вступающих сочинений.

6) Разделение общества на два собрания в случае великого числа членов.

7) Извещение от членов обществу в случае издания каких-либо сочинений.

8) Исключительная принадлежность общественной суммы обществу.

9) Приятие в общество единственно по представленным сочинениям и переводам и от художников — по произведениям искусства.

В сем месяце общество имело четыре ординарных заседания по субботам в 6 часов пополудни.

В сих собраниях занимались, как обыкновенно, прочитыванием в общество представляемых сочинений стихами и прозою.

Прозою представленные пиесы суть следующие:

- 1) Комедия «Женитьба по жеребью» г. Олешева.
- 2) Комедия «Эгоизм и любовь к ближнему», перделанная с французского г. Языковым.
- 3) Роман, перевод из Лафонтеня, «Опасный опыт», г. Языкова.
- 4) «Рассуждение о человеческом языке», соч. г. Попова.
- 5) «Необитаемый остров» («L'isola disabitata»), перевод с итальянского г. Остолопова.
- 6) «Рассуждение о преступлениях и наказаниях» Бекария, перевод г. Языкова.

Общество, уважа цель автора и переводчика, предположило следующие собрания заниматься предпочти-

тельно сим переводом и, изъяв благодарность своему члену, просило представить сие сочинение государю; желание общества исполнено, и российская словесность обогатилась сим драгоценным сочинением для законоположения, напечатанным на иждивении его императорского величества.

В последнем заседании рассматриваемы были рецензии г. Востокова по возложению общества им на поэтические сочинения, в общество представленные.

От 15 августа по 15 сентября

В сем месяце общество имело четыре заседания.

Представлено несколько пнес стихами и прозою. Прозою: «Армянские князья», перевод г. Судакова с французского.

Во всех сих заседаниях общество предпочтительно занималось считыванием перевода сочинения Бекария.

В заседании 30 августа общество получило в свой круг нового члена — г. Каменева, коммерции советника в Казани. Оный вступил представлением двух маленьких стихотворных поем:

1) «Граф Глейхен», перевод с немецкого российским размером.

2) «Громвал» — в том же размере. Обе сии пнесы заслуживают внимания по плавности своего слога.

В заседании 7 сентября общество получило приятное известие о представлении его превосходительством камергером двора его императорского высочества Витовтовым первой книжки «Свитка муз» его императорскому величеству. Общество сие известие приняло с тем большим удовольствием, что сей толь известный по патриотическим своим чувствам муж сие сделал без всякого искания со стороны общества. Вследствие сего адресовало оно секретаря своего г. Востокова с благодарным письмом.

В сем заседании член общества Кованько чрез письмо просил освободить себя от обязанностей члена по причине препятствий должности и просил остаться корреспондентом, что обществом принято.

От 15 сентября по 15 октября

Заседания продолжались тем же порядком. Оных было пять.

Представлено 13 пьес стихами и 7 прозою.

1) «О механизме правления», перев. г. Востокова.

2) «О феодальном праве», глава 1, 2, 3, соч. г. Попугаева.

3) «Несчастное семейство, новость», соч. г. Попугаева.

Продолжалось чтение:

1) Перевода соч. Бекария [г.] Языкова.

2) Перевода «Армянских князей».

3) Перевода Аву[ста] Лафо[итеня] «Опас[ный] опыт» Языкова.

В заседании 20 октября предложено и утверждено постановление о внутренней цензуре общества, на основании коего избраны на год в цензоры члены г. Востоков, Крассовский, Волков, Борн, Остолопов и Языков.

Читано в сих заседаниях рассматривание стихотворческих сочинений.

Второй месяц от 15-го октября по 15 ноября

В сем месяце было 4 заседания: 3 ординарных и одно цензуры общества.

В три ординарные собрания вступило 9 пьес стихами и прозою.

1) «О монархии».

2) «О разделении властей политического тела».

3) «О просвещении управляющих» г. Попугаева.

4) «Нечто о переводе слова эгоизм» г. Востокова.

5) «О любви к Отечеству», пер. из Мабли г. Языкова.

В заседании 2-го ноября определено приступить к изданию 2[-й] книжки «Свитка муз» и назначено собрание цензуры 3 ноября, коя из пьес общества избрала находящиеся пьесы в «Свитке муз», книжка 2-ая.

В заседании 9 ноября обществу г. Языковым представлен в члены г. Арцыбашев, отсутствующий в Казани, который и принят.

Третий месяц 15 ноября по 15 декабря

В оном месяце было 5 ординарных собраний, в кои представлены 30 пиес стихами и прозою.

Прозою:

1) Две книги перевода из первой части «De l'esprit de loix» г. Языкова.

2) «О гордости».

3) Несколько песен из «Германа и Доротеи», перев. г. Борна.

4) «О бедствиях человеческих», пер. Борпа.

5) Первые две главы из Тацита, пер. Попуга[ева].

6) Жизнь Говарда, извле[чения] Борна.

В заседании 16 ноября умножен круг общества вступлением в общество г. Пнина, представленного в оный г. Попугаевым по оде, сообщенной г. Пниным, «Сон».

В сем же заседании общество освободило члена Олешева от сношения с собою по его собственному прошению.

В заседании 23 ноябля принят корреспондентом жительствоющий в Санкт-Петербурге по сочинению, им представленному, г. Ермолаев.

В заседании 30 ноября общество назначило переводить сочинение бессмертного Монтескье. Вследствие чего для сличения переводов назначен особый комитет из тех, коим сделано сие препоручение. Оный составили г. Языков, г. Волков, г. Востоков, г. Борн и г. Попугаев. Перевод сей, будучи начат, для некоторых внутренних обстоятельств на время был оставлен.

В заседании 14 декабря общество приняло в свои корреспонденты по представленному сочинению г. Вронченко.

В сем заседании присутствовал последний раз г. Бринкен, отъезжавший в Тифлис. Общество сделало ему предложение сообщить сведение о сем месте, что им принято.

В сем месяце продолжаемо было чтение сочинений и переводов, представленных прошлого месяца, коим чтение не кончено.

От 15 декабря по 15 января

В сем месяце общество имело четыре заседания ординарных и 5-ое экстраординарное полугодовое собрание, 15 января, для просмотра исполнительности своего постановления и всего течения общественных занятий.

Представлено прозою:

1) «О духе законов», книга первая, перев. г. Языкова (вторично читана).

2) «Воззвание к республике наук», пер. г. Борна.

3) Общий план законоположения, с[оч.] г. Попугаева.

4) а) О равновесии обитателей городов и земледельцев.

б) О падении земледельчества и следствиях сего.

с) О ремеслах и искусствах в отношении к Европе, с[оч.] г. Попугаева.

В заседании 21 декабря общество приняло в ординарные члены члена Академии Наук экстраординарного профессора Севастьянова по части естественной истории.

В заседании декабря 28 представлен г. Языковым обществу первый опыт статута, проэктированный им из постановлений общественных. Чтение сего проекта назначено 15 января в экстраординарном полугодовом общественном собрании.

От 15 января по 15 февраля

В сем месяце общество имело одно полугодовое и три ординарных заседания. Занимались считыванием перевода г. Попугаева, первой части сочинения Филанджиери «О законоположении».

Во всех сих собраниях поступали мало-помалу примечания на проект г. Языкова.

От 15 февраля по 15 марта

В сем месяце общество имело четыре ординарных заседания. Продолжались примечания на статут общества. Г. Языков присоединил к статуту вторую часть, имеющую филантропические виды, но она на сей раз

оставлена, хотя общество сие и приняло с должною благодарностию к достойному сему сочлену, показавшему столь отличные чувства человечества.

В заседании 1 февраля член Попугаев в речи своей вызывал общество начертать проэкт для сооружения памятника Пожарскому, Минину и Гермогену, взяв в основание, чтобы издержки на сей памятник назначены были из добровольного пожертвования граждан.

В заседании 8 февраля член Борн отвечал на речь г. Попугаева, представляя, что обществу в настоящем положении сим предметом запяться невозможно; впрочем, он отзывался с похвалою о усердии г. Попугаева. Член г. Языков предложил обществу г. Черневского, жительствоющего в Казани, в члены общества, который и принят в сем заседании.

В оном же заседании предложен художник-скульптор Терebeneв в члены по части художеств членами — художниками общества г. Ивановым (Андреем) и г. Востоковым; обществом принят.

От 15 марта по 15 апреля

Общество имело в сем месяце пять собраний: 3 ординарных и два экстраординарных. Продолжалось чтение примечаний на общественный статут.

В заседании 15 марта предложен г. Попугаевым в корреспонденты общества профессор дерптский г. Глипка и обществом принят.

В заседании 29 марта предложен г. Попугаевым в члены общества член Медико-филантропического комитета доктор медицины г. Тимковский и обществом принят.

В сем же заседании по предложению члена — художника Терebeneва принят в члены по части художеств архитектор г. Галберг.

В заседании 31 марта по окончательном прочтении статута и назначении подписать оный в экстраординарном собрании 2 апреля член общества г. Волков прочел письмо г. профессора Академии Наук Севастьянова, члена общества, чрез кое просил он освободить его от сношения с обществом, приводя причины, что он, будучи членом трех ученых обществ, требующих

многих занятий, находит себя недостаточным к участию в четвертом; общество, взошед в справедливость доводов, освободило его по желанию от сношения с собою и приказало секретарю его из списка членов выписать.

В экстраординарном заседании 2 апреля для подписания статута и выбора депутата к попечителю округа его превосходительству Николаю Николаевичу Новосильцову избран в депутаты г. Попугаев, коему преноручено письмо от общества к государю императору и статут для вручения его превосходительству. Намерение депутации было испросить позволение на законное открытие общественных заседаний.

Во время собирания голосов член общества г. Борн подал следующей голос: «Мнение мое — не подавать до времени устава нашего государю императору, представлять себя наружу и подвергаться требованиям публики я нахожу для нас ненужным. Пускай обращают на общество внимание исподволь. Может быть, я обманываюсь, но таково мое мнение».

Сие мнение, поддержанное голосами г. Волкова и Попугаева, отвергнуто большинством голосов.

От 15 апреля по 15 мая

В сем месяце общество имело три заседания. В сих заседаниях общество предпочтительно занималось дополнительными статьями касательно внутреннего порядка своих занятий и назначения кругу действие общества, цензуры и общественных должностей.

От 15 мая до 15 июня

В течение сего времени было три заседания ординарных. Продолжалось чтение Филанджиери.

В заседании 11 июня депутатом общества г. Попугаевым, членом и цензором общества, донесено, что статут вручен его превосходительству Николаю Николаевичу; по требованию г. Попугаева к подкреплению его голоса избраны в депутаты г. Борн и член — художник Иванов, коим предоставлено право их избрания до окончания дела.

От 15 июня до 15 июля

В сем месяце было три ординарных собрания и одно годовое, 15 июля, представлено несколько мелких литературных сочинений.

Заседание 15 июля открыто речью г. Попугаева и Борпа. Депутатами общества донесением извещено о благосклонном принятии общественного статута его превосходительством и о обнадеживании в представительстве у государя императора. Избраны в цензоры господа Языков, Бори, Востоков, Волков, Радищев, Попугаев. Г. Востоков снова подтвержден в секретари общества.

ИЗ «КРАТКОЙ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ НАУК, СЛОВЕСНОСТИ И ХУДОЖЕСТВ»

[Добавление к «Истории Общества» В. В. Попугаева]

...Вступили 16 мелких литературных сочинений стихами и прозою.

В заседании 12 августа утверждены дополнительные к уставу статьи касательно порядка внутреннего, упражнений и обязанностей членов и особенно цензуры и президента, назначаемого по новому уставу.

Второй месяц

Читано «Рассуждение о лищих» г. Измайлова.

Продолжалось чтение Филанжиериева творения, перевода г. Попугаева.

В заседании 3 сентября общество уведало чрез письмо г. Языкова, бывшего в сие время в Москве, о кончине своего члена г. Каменева, последовавшей 25 июля.

Третий месяц

Кроме некоторых мелких писес вступили:

Стихами: «Певислад и Зора», сочинения г. Востокова.

Прозою: «Похвальное слово Екатерине II», перевод с итальянского г. Остолопова.

Четвертый месяц

Читано между прочим «О политическом просвещении вообще», соч. г. Попугаева.

«Путешествие Пейруза», перевод г. Борна.

В заседании 7 ноября объявлено обществу от посланных к г. попечителю С.-Петербургского округа общественных депутатов г-д Попугаева и Борна, что они имели удовольствие слышать из уст его превосходительства [Новосильцева] объявление монаршего соизволения на полное открытие общества и что посему общество получит от г. попечителя письменное свидетельство.

Пятый месяц

В заседании 28 ноября получило общество следующее от г. попечителя С.-Петербургского округа свидетельство: «По всемилостивейшему повелению его императорского величества, последовавшему на прошение Общества любителей наук, словесности и художеств, при котором представлен и устав сего Общества, дано сие свидетельство в том, что ему позволяется открыть свои заседания в С.-Петербурге под названием Вольного Общества любителей словесности, с тем чтобы в оном не было ничего противного законам и правилам благопристойности.

С.-Петербург, ноября 26 дня 1803 года».

Вследствие чего общество приступило к полному открытию своих заседаний и к приведению нового своего устава в исполнение, по которому назначены ординарные собрания чрез каждые две недели. Для комитета общественной цензуры избраны пять членов: гг. Борн, Языков, Волков, Востоков и Попугаев; из сих же избран президентом г. Борн, а секретарем — г. Востоков.

Шестой месяц

Между литературными сочинениями, вступившими в сие время, замечательны:

1) «О высоком изящных искусств», соч. г. Попугаева.

2) О якутах, историческое известие, почерпнутое из достоверных источников, соч. г. Остолопова.

Седьмой месяц

Принят в общество новый член — г. Крюковский, представивший перевод свой «О политической экономии», соч. Гереншванда.

Цензура общественная, рассмотрев имевшиеся в обществе литературные сочинения, сделала из оных выбор для помещения в первую часть периодического издания.

Осмой месяц

12 марта принят в корреспонденты общества г. кандидат Тиме, особенно для корреспонденции с иностранными академиями.

В последние четыре месяца третьего общественного года продолжало общество заниматься по большей части внутренними делами, коих требовали обстоятельства. Читаны были также в заседании большие литературные сочинения, как-то:

1) «Беседы Фокионовы», Маблиево творение, перевод г. Остолопова.

2) «О твердости духа», из Сенеки, перевод г. Попугаева.

3) Продолжение опыта «О высоком изящных искусств», в 6-ти главах, содержащее в себе: О словесности вообще, О поэзии, О прозе, О словесности российской и пр., сочинения г. Попугаева.

4) «Светлана и Мстислав», древний романс в двух песнях, сочинения г. Востокова.

С 15 днем июля 1804 года начался четвертый год существования общества. В сей день имело общество по обыкновению своему экстраординарное собрание, открытое приветствием г. президента.

Потом следовали речи цензоров Попугаева и Востокова.

Слушаны были отчеты о сумме и разные предложения, до внутреннего порядка касающиеся, из коих некоторые утверждены.

Секретарем общества представлена роспись литературных сочинений, вступивших в продолжение третьего года, из которой явствует, что вступило 43 сочинения в стихах и 20 в прозе.

Потом, когда прошлогодняя цензура отдала в управлении своем отчет, приступило общество к выбору на четвертый год цензоров и президента.

По большинству голосов избраны в цензоры гг. Востоков, Борн, Языков, Радищев и Судаков.

Из сих пяти цензоров избран был президентом г. Радищев; но как он отклонил от себя должность сию, приводя на то свои причины, уваженные обществом, то звание сие возложено было опять на г. Борна, имевшего большинство голосов; секретарем избран единогласно г. Востоков.

ПРИМЕЧАНИЯ

Включенные в настоящее издание произведения выдающихся русских просветителей конца XVIII—начала XIX в. расположены в хронологическом порядке.

Тексты, как правило, воспроизводятся по рукописям, хранящимся в государственных архивах, или по их первым изданиям. Все характерные языковые особенности подлинников сохранены; орфография и пунктуация даны с учетом современных правил.

Подготовка и сверка текстов произведены В. И. Козерук, В. Е. Викторовой и Л. Б. Светловым. В сверке приняли участие В. П. Бужинский и Т. В. Яглова. Примечания составлены Л. Б. Светловым.

Редакционные вставки и отсутствующие в подлиннике переводы иностранных слов даны в квадратных скобках.

П. И. ЧЕЛИЩЕВ

Петр Иванович Челищев родился 14 августа 1745 г. в дворянской семье, отец его был воронежским гарнизонным секунд-майором. В январе 1762 г. Челищев был принят в Пажеский корпус, где, вероятно, и началась его дружба с А. И. Радищевым. В 1766 г. Челищев и Радищев вместе с несколькими молодыми дворянами были отправлены для обучения в Лейпцигский университет. В 1770 г. Челищев вернулся в Россию. По службе он мало преуспел и к началу 90-х годов XVIII в. вышел в отставку в чине секунд-майора. Из следственных материалов по делу А. Н. Радищева видно, что Екатерина II считала Челищева причастным к изданию «Путешествия из Петербурга в Москву». Уже в первые дни следствия она писала по этому поводу: «[По] городу слух, будто Радищев и Щелищев писали и печатали в домовой типографии ту книгу, исследовав лучше узнаем». Говоря в своих «Замечаниях» на «Путешествие», что французская революция решила определить Радищева в России «своим первым подвизателем», Екатерина II тут же указывала: «Я думаю, Щелищев едва ли не второй». Однако ее подозрения не подтвердились, и Челищев, по-види-

тому, не был даже допрошен по этому делу. Но он, несомненно, сочувствовал свободолобным идеям Радищева.

В мае 1791 г. он предпринял путешествие по северным областям России, впечатления от которого подробно изложил в своих записях. Кроме этих записок известен только один литературный труд, принадлежавший Челищеву, — перевод драматической кантаты «*Feliza, Mutter der Völker*» («Фелица, мать народов»), появившейся в Петербурге в 1793 г.

Вообще о Челищеве дошли весьма скудные биографические сведения. Известно, что его жизнь сложилась неудачно. Так, уже в преклонном возрасте он вынужден был просить у Александра I защиты от преследователей, отнявших у него имущество и средства к жизни. Свое прошение царю в марте 1806 г. он закончил такими словами: «Разоренный, оклеветанный и размученный верноподданный сын отечества Петр Челищев».

Умер Челищев 25 сентября 1811 г. в Петербурге.

ПОДРОБНЫЙ ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЯ МОЕГО

Впервые напечатано в Петербурге в 1886 г. под названием «Путешествие по Северу России в 1791 году». Извлечения из дневника П. И. Челищева даются по этому изданию.

Свой дневник Челищев намерен был издать сам, что видно по целому ряду поправок и дополнений, сделанных автором в писарской копии сочинения, а также по тому, что некоторые иллюстративные материалы, как, например, портрет Ломоносова и карта родных его мест, были выгравированы, а оттиски соответствующих гравюр вклеены в рукопись, причем данные правяры известны только по этим дошедшим до нас оттискам.

Дневник Челищева содержит не только богатейший исторический и этнографический материал, но и значительный критический элемент: он осуждает произвол царской администрации, распущенность духовенства, религиозные суеверия, тяжелое положение народных масс и др. Характерно, что в своих критических суждениях Челищеву иногда удается подняться до высокой гражданской патетики Радищева. Это, несомненно, доказывает, что автор «Журнала путешествия» испытал известное воздействие идей и литературного стиля радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву».

¹ *Дворцовыми* назывались крестьяне, работавшие на землях, приписанных непосредственно к царскому двору; *экономическими* — крестьяне, ранее принадлежавшие монастырям, а с 1764 г., после секуляризации церковных земель, фактически перешедшие в собственность государства; этими крестьянами ведало специальное управление «экономии». — 48.

² *Галиот* — небольшое купеческое судно. — 48.

³ *Делают нарочитый уклад*, т. е. отливают специальной закладки сталь, которой «укладывают» или наваривают лезвия столярных и иных инструментов. — 50.

⁴ *Сбор отщепенцев*, т. е. раскольников.— 52.

⁵ *Паколная парусина* — грубая ткань, вытканная из оческов льна и пеньки.— 57.

⁶ Здесь приведена подпись Н. И. Поповского под портретом М. В. Ломоносова. Впервые эта подпись была напечатана в первой книге сочинений Ломоносова, изданных в 1757 г. Московским университетом под названием «Собрание разных сочинений в стихах и прозе», изд. 2 с прибавлениями.— 64.

⁷ *Кречатыми* назывались крестьяне-охотники с ловчими птицами — кречетами.— 66.

⁸ *Кутейник* — глумливая кличка церковного служки.— 69.

⁹ *Нирыберцы*, т. е. жители Нюрнберга.— 72.

В. В. ПАССЕК

Василий Васильевич Пассек родился в 1772 г. на Украине неподалеку от Волчанска в семье богатого помещика. Пассек был хорошо образованным для своего времени человеком, хотя и не получил систематического образования. В раннем возрасте, с 13 лет, он начал военную службу. В начале 90-х годов XVIII в. Пассек путешествовал за границей. Он много читал, преимущественно литературу по философским и социально-политическим вопросам.

В 1794 г. Пассек был арестован в Кременчуге, где занимался химическими опытами по изысканию нового сплава металла для чеканки монет, намереваясь предложить этот сплав правительству. Когда полиция произвела осмотр вещей Пассека, его дело приняло политический оборот. У него нашли два списка «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и стихотворения, направленные против самодержавия и крепостничества. Пассек был признан опасным политическим преступником, и им занялась Тайная экспедиция. Следователи старались выяснить, откуда Пассек получил книгу Радищева. Он сообщил: «Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» читал я у князя Потемкина печатное и потому не полагал его в числе заповедных (запретных.— Л. С.) книг... Большая часть рукописей куплена мною за несколько рублей после смерти князя Потемкина у носящего на рынке в Яссах» (ИГАДА, ГА, р. VII, д. 2846, л. 133).

Пассек действительно служил во время турецкой войны (1788—1790) в штабе главнокомандующего русскими войсками Потемкина, которому, как известно, Екатерина II прислала один или два экземпляра «Путешествия» Радищева, так как было очевидно, что автор во многих местах изобличал не только империатрицу, но и ее фаворита. Вероятно, с экземпляра «Путешествия», принадлежавшего Потемкину, и были сделаны рукописные копии, обнаруженные у Пассека. Привлеченный по этому же делу столоначальник Могилевской казенной палаты П. П. Симонович показал, что он по поручению Пассека «переписывал нелепые стихи и известную запрещенную книгу» (там же, л. 187). Сам Пассек также переписывал отдельные

места из «Путешествия»: в следственном деле хранится переписанный им небольшой отрывок из главы «Спасская Полесть». Чтение и распространение книги Радищева явилось главным поводом для обвинения Пассека.

К моменту ареста Пассек имел уже известные военные заслуги — участвовал добровольцем в штурме Измаила, за что был возведен в чин майора и удостоен награды. Благодаря этим обстоятельствам и заступничеству генерал-прокурора Сената Самойлова Пассек был помилован и послан служить в один из провинциальных полков без права въезда в Петербург и Москву. Но вскоре после смерти Екатерины, в декабре 1796 г., Пассек был вновь арестован по подозрению в заговоре против Павла I и распространении среди офицеров запрещенных книг. На этот раз Пассек был без суда и следствия заточен по приказанию Павла I в Динамюндскую (Двинскую) крепость, где провел в сыром и холодном каземате более четырех лет. Освобожденный после воцарения Александра I Пассек был в 1802 г. вновь схвачен и обвинен в покушении «на безопасность отечества и государя» и затем после двух с лишним лет заключения решением Сената лишен дворянства, наград и чинов и сослан в Сибирь, откуда он с многочисленной семьей был возвращен только в конце 1825 г. И по возвращении из Сибири Пассек не оставался вне подозрений. В следственных делах, относящихся к восстанию декабристов, имеются доносы провокатора Шервуда о том, что Пассек и члены его семьи поддерживали «преступные» связи со многими осужденными декабристами и их родными. Умер В. В. Пассек около 1830 г.

Судьба семьи Пассек проникновенно описана Герценом в 1-й части «Былого и дум». Обстоятельно изложены злоключения этой семьи и в воспоминаниях Т. П. Пассек — жены сына Пассека — Вадима Васильевича, писателя и этнографа («Из дальних лет», т. I—III. М., 1906).

В. В. Пассек оставил любопытные воспоминания под названием «Отрывок жизни Василия Пассек, им самим написанный в Санкт-Петербургской тюрьме в 1803 году», напечатанные в «Русском архиве» в 1863 г. В своих записках Пассек резко критикует современный ему социальный строй, требует установления равенства всех граждан перед законом и проведения целого ряда государственных реформ. Особенно много внимания Пассек уделил судебным порядкам. Он прямо указывал, что тогдашнее правосудие носит сословный характер и ущемляет права «подсудимых, не принадлежащих к дворянскому сословию».

Еще в тюрьме Пассек составил проект освобождения крепостян от крепостной зависимости, а в своем завещании распорядился освободить принадлежавших ему крепостных.

Ряд произведений Пассека до нас не дошел. В тюрьмах, в частности в Динамюндской (Двинской) крепости, начал он писать философскую книгу «Афоризм» и составил несколько политических и экономических проектов: «О последнем побуждении правосудия», «О лучшем разборе домашних четверо-

ногих» (об улучшении пород домашнего скота), «Отрывок правил народного просвещения», «Об улучшении воспитательных домов, больниц, и смиренных домов, и других институтов и распространении оных». Эти проекты не сохранились.

[ЕКАТЕРИНА II]

Впервые напечатано в сборнике «Из истории русской философии XVIII—XIX веков» (М., 1952) и в книге Д. С. Бабкина «Процесс Радищева» (М.—Л., АН СССР, 1952). Текст в настоящем издании воспроизводится по рукописи, хранящейся в Центральном государственном архиве древних актов (Фонд б. Государственного архива, р. VII, д. 2846, л. 46).

Стихотворение представляет собой акростих. Заглавные буквы первой строки каждой строфы образуют имя «Екатерина».

[ВОЛЬНОСТЬ]

Впервые напечатано в сборнике «Из истории русской философии XVIII—XIX веков» (М., 1952) и в книге Д. С. Бабкина «Процесс Радищева» (М.—Л., АН СССР, 1952). Текст в настоящем издании воспроизводится по рукописи, хранящейся в ЦГАДА (ГА, р. VII, д. 2846, л. 49).

Стихотворение представляет собой акростих «Варвара».

[ЛИКУЙ, О ВОЛЬНОСТЬ!]

Впервые напечатано в книге Д. С. Бабкина «Процесс Радищева» (М.—Л., АН СССР, 1952). Текст воспроизводится по списку, хранящемуся в ЦГАДА (ГА, р. VII, д. 2846, л. 51).

Стихотворение представляет одну из редакций оды, написанной В. В. Пассеком под непосредственным влиянием оды Радищева «Вольность».

[ЛИКУЙ, О ВОЛЬНОСТЬ! (вариант)]

Впервые напечатано в сборнике «Из истории русской философии XVIII—XIX веков» (М., 1952) и в книге Д. С. Бабкина «Процесс Радищева» (М.—Л., АН СССР, 1952).

Текст воспроизводится по списку, хранящемуся в ЦГАДА (ГА, р. VII, д. 2846, л. 47).

Стихотворение представляет собой более полную редакцию оды, написанной В. В. Пассеком в честь свободы.

А. Ф. БЕСТУЖЕВ

Александр Феодосьевич Бестужев (1761—1810) — артиллерийский офицер, писатель-просветитель конца XVIII и начала XIX в., отец декабристов Николая, Александра, Михаила и Петра Бестужевых и писателя А. А. Бестужева-Марлинского.

В 1789 г. во время русско-шведской войны участвовал в битве при Сескаре, где был тяжело ранен, вследствие чего вышел в отставку и занялся литературно-просветительской деятельностью.

Вместе с И. Пниным А. Ф. Бестужев в 1798 г. издавал «Санкт-Петербургский журнал», сыгравший в эту эпоху царствования Павла I большую роль в пропаганде передовых философских и общественно-политических идей.

«Санкт-Петербургский журнал» издавался только один год и прекратил свое существование, вероятно, как из-за тяжелых цензурных условий, так и из-за неблагоприятных материальных обстоятельств. В нем был напечатан ряд произведений Пнина, Бестужева и других, проповедовавших демократические просветительские идеи. Здесь же были напечатаны переводы из трудов прогрессивных западноевропейских мыслителей, как, например, главы из «Системы природы» и «Всеобщей морали» Гольбаха, «Руин» Вольнея, из трудов итальянского экономиста и законоведа Верри и др. «Санкт-Петербургский журнал» по существу был единственным органом русской общественной мысли конца XVIII в., сумевшим в период жестокой цензуры отстаивать передовые взгляды.

А. Ф. Бестужев занимал и разные административно-хозяйственные должности (был начальником канцелярии гр. А. С. Строганова, главноуправляющим екатеринбургских гранильной и бронзовой фабрик и пр.). Известен также как коллекционер минералов, картин, оружия и т. д.

О ВОСПИТАНИИ

Впервые педагогический трактат А. Ф. Бестужева напечатан в 1798 г. в «Санкт-Петербургском журнале». В некоторых номерах журнала трактат имеет название «О воспитании военном относительно благородного юношества». Имеется свидетельство современника А. Измайлова о соавторстве И. Пнина в написании трактата (см. «Журнал российской словесности», ч. III, стр. 100).

Трактат посвящен главным образом вопросам воспитания учащихся закрытых военно-учебных заведений. Однако автор не мог обойти и общетеоретических предпосылок педагогики, в связи с чем и высказал много прогрессивных взглядов как по вопросам педагогики, так и в широком философском и социологическом плане. Достаточно характерно и следующее обстоятельство: закрытые военно-учебные заведения были доступны только детям дворян, Бестужев же ратовал за то, чтобы они стали доступны детям всех сословий.

Впоследствии трактат переиздавался в значительно переработанном виде, в частности в 1803 и 1807 гг. В настоящем томе трактат публикуется по изданию 1798 г. Последние три главы («Краткие начертания ученого воспитания», «Наставления в последние шесть лет», «Об обрядах всеобщего выпуска и каким образом оный учреждаем») в настоящем издании опущены.

¹ Бестужев в своих философских воззрениях исходит из известных сенсуалистских предпосылок Локка и французских материалистов XVIII в. о том, что нет врожденных идей и что сознание ребенка является «чистой доской», на которую только жизненные обстоятельства накладывают свой отпечаток, формируя человеческий характер.— 83.

² Имеется в виду, несомненно, Локк, с которым автор в дальнейшем неоднократно полемизирует.— 84.

³ Имеется в виду падение древнеперсидской династии Ахеменидов, представители которой Кир Старший и Кир Младший (VI в. до н. э.) вели безудержные завоевательные войны, приведшие их к гибели.— 85.

⁴ *Воспящаемый* — задерживаемый, противоборствуемый.— 88.

⁵ Имеется в виду Платон.— 88.

⁶ *Лакедемон (Спарта)* — древнегреческое государство, где, по преданию, была принята самая суровая система воспитания детей.— 98.

⁷ См. прим. 17.— 98.

⁸ *Лукреция* — в римской истории символ благонравной, честной женщины. Лукреция — жена патриция Луция Тарквиния Коллатина. Обесчещенная сыном царя Тарквиния Гордого Секстом, она пронзила себя кинжалом, предварительно заставив брата и отца поклясться отомстить насильнику. Ее поступок, по преданию, вызвал восстание в Риме и послужил причиной низложения императора и установления республики.— 99.

⁹ *Леторасль* — юноша.— 102.

¹⁰ Имеется в виду «Жалованная грамота дворянству», изданная Екатериной II в 1785 г. и определившая права и обязанности дворянского сословия.— 103.

¹¹ *Наказ Комиссии о учреждении нового Уложения* был издан Екатериной II в 1767 г., когда собралась эта комиссия. Ее работа вскоре была прервана в связи с выступлениями ряда прогрессивно настроенных депутатов (Я. П. Козельского, Г. С. Коробьина, И. Чупрова, А. Маслова, И. Жеребцова и др.) против крайности крепостнического рабства и помещичьего произвола и других неурядиц самодержавно-крепостнического строя. Воспользовавшись начавшейся войной с Турцией в начале 1768 г., Екатерина II распустила комиссию.— 103.

¹² *Ирокойцы (ирокезы)* — индейское племя в Северной Америке, отличавшееся воинским искусством и смелостью.— 123.

¹³ Имеется в виду знаменитый роман «Эмиль, или О воспитании» Жан-Жака Руссо (1762).— 124.

¹⁴ *Катон Утический* (95—46 до н. э.) — римский политический деятель, суровый и непримиримый республиканец.— 131.

¹⁵ *Тизинское сражение* — сражение у реки Тицино (218 до н. э.) во время второй Пунической войны, в котором Ганнибал разбил римлян во главе с Публием Сципионом.— 132.

¹⁶ *Гимнические игры* — соревнования поэтов, устраиваемые в Древней Греции в честь музы поэзии Полигимнии. — 137.

¹⁷ Имеется в виду разгром спартанцев войсками греческого полководца Эпаминонда у Левктры (371 до н. э.) и Мантинеи (362 до н. э.). — 137.

¹⁸ *Парнас* — поприще поэзии; в античной мифологии Парнас — священная гора, где обитали музы. *Поле Марсово* — поле брани, *Марс* — бог войны. *Ипокрена* — источник на Парнасе, воды которого приносили поэтическое вдохновение. — 138.

¹⁹ *Пореваться* — прорываться, устремляться. — 140.

²¹ *Сцевола*, *Муций* — легендарный римский герой; после своего неудачного покушения на этрусского царя Порсену он, по преданию, положил правую руку на огонь жертвенника в знак презрения к пыткам, которыми ему угрожал Порсена. — 151.

И. И. ПНИН

Иван Петрович Пнин (1773—1805) был незаконным сыном екатерининского вельможи князя Н. В. Репнина (Пнин — усеченная фамилия Ре-Пнин). Учился Пнин в Вольном благородном пансионе при Московском университете (1782—1787), а затем в Артиллерийско-инженерном кадетском корпусе. После окончания корпуса Пнин в чине подпрапорщика принял в 1789—1790 гг. участие в русско-шведской войне. В начале 1797 г. Пнин оставил военную службу и поселился в Петербурге. Вместе с А. Ф. Бестужевым, знакомым ему, вероятно, еще по кадетскому корпусу, где последний служил воспитателем, Пнин издает в 1798 г. «Санкт-Петербургский журнал».

В 1801 г., вскоре после убийства Павла I, Пнин вновь поступает на государственную службу — писмоводителем Государственного совета.

К этому времени относится и личное знакомство Пнина с А. И. Радищевым, который получил возможность вернуться в Петербург и был зачислен на службу в Комиссию по составлению законов. Нет сомнения, что с революционными сочинениями Радищева — «Путешествием из Петербурга в Москву», одой «Вольность» и другими — Пнин познакомился еще раньше и испытал значительное их воздействие. Памятником личного знакомства Пнина с Радищевым осталось стихотворение «На смерть Радищева».

В конце 1802 г. Пнин сближается с «Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств» и избирается его действительным членом. В июле 1805 г. Пнин был избран президентом общества. Однако активного участия в его деятельности Пнин не принимал.

В начале 1803 г. Пнин оставил службу в Государственном совете и был зачислен на должность экспедитора в департамент только что созданного министерства народного просвещения, где прослужил до середины 1805 г.

Умер Пнин 17 сентября 1805 г., не успев завершить многих своих замыслов и трудов.

Расцвет литературной деятельности Пнина относится к последним годам его жизни — 1802—1805 гг. В 1804 г. Пнин издает свое основное сочинение — «Опыт о просвещении относительно к России». Попытка издать трактат вторично не удалась вследствие цензурного запрета. В эти же годы Пнин деятельно сотрудничал в «Северном вестнике», «Журнале Российской словесности», «Журнале для пользы и удовольствия», подготовлял издание нового журнала «Народный вестник», трудился над трактатом «О возбуждении патриотизма» (рукопись не сохранилась).

ГРАЖДАНИН

Статья впервые напечатана в «Санкт-Петербургском журнале», 1798, ч. II, июль, стр. 215—218, без подписи. Приписывается Пнину исходя из ее идейного содержания вследствие сходства с рядом положений, высказанных в трактате «Опыт о просвещении относительно к России», а также из-за стилистических особенностей.

¹ *Курций, Марк* — римский юноша. По преданию, в 362 г. до н. э. бросился в пропасть, чтобы спасти Рим от грозившей беды. — 168.

НА ВОПРОС: ЧТО ЕСТЬ БОГ?

Впервые напечатано в «Санкт-Петербургском журнале», 1798, ч. III, сентябрь, стр. 93, без подписи.

ЧУВСТВОВАНИЯ РОССИЯНИНА, ИЗЛИЯННЫЕ ПРЕД ПАМЯТНИКОМ ПЕТРА ПЕРВОГО, ЕКАТЕРИНОЮ ВТОРОЮ ВОЗДВИГНУТЫМ

Впервые напечатано в «Санкт-Петербургском журнале», 1798, ч. IV, ноябрь, стр. 148—150, без подписи.

ПИСЬМА ИЗ ТОРЖКА

(Письмо первое)

Впервые напечатаны в «Санкт-Петербургском журнале», 1798, ч. III, сентябрь, стр. 16—31; ч. IV, октябрь, стр. 38—42; ноябрь, стр. 113—122; декабрь, стр. 295—303.

Заглавие «Письма из Торжка» является, вероятно, литературной мистификацией, обычно встречающейся в журналах XVIII в. Никакого корреспондента в Торжке «Санкт-Петербургский журнал» не имел. Однако это заглавие, как указывалось исследователями, имело важное значение, так как оно, несомненно, свидетельствовало о связи публикуемых статей с «Путешествием из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Именно

в главе «Торжок», где речь шла о свободе печати и слова, затрагивались те же вопросы, что и в статьях «Санкт-Петербургского журнала». Некоторыми исследователями была даже высказана мысль о принадлежности «Писем из Торжка» перу Радищева. Однако это предположение не подтвердилось.

Статьи приписываются Пнину на основании совпадения ряда содержащихся в них положений (например, о младенческом периоде жизни человечества, о значении книгопечатания и пр.) с положениями, выдвинутыми им в других работах.

¹ Речь идет о сочинении немецкого писателя-мистика Карла Экартсгаузена (1752—1803) «Верное лекарство от предубеждения умов. Для тех, до кого сие принадлежит».— 171.

² *Роллен, Шарль* (1661—1741) — французский историк и педагог, автор «Древней истории» и «Истории римской».— 176.

НА СМЕРТЬ [РАДИЩЕВА]

Впервые напечатано в журнале «Русский вестник», 1858, т. XVIII, кн. 2, стр. 426, в воспоминаниях сына А. Н. Радищева — Павла Александровича. Написана в связи с трагической гибелью А. Н. Радищева 12 сентября 1802 г.

Существует предположение, что стихотворение представляет собой часть большой, не дошедшей до нас полностью оды Пнина. На это указывает традиционная одическая десятистрочная строфа, какой обычно пользовался Пнин в большинстве своих од.

ОПЫТ О ПРОСВЕЩЕНИИ ОТНОСИТЕЛЬНО К РОССИИ

Впервые напечатан в Петербурге в 1804 г. отдельным изданием. Книга, как сообщает сам Пнин, получила одобрение Александра I, который предложил автору дополнить ее соображениями по крестьянскому вопросу и вторично издать за счет казны. Сделав эти дополнения, Пнин представил в ноябре 1804 г. свое сочинение в только что созданный тогда Цензурный комитет. 2 декабря этого же года Цензурный комитет рассмотрел сочинение и не только запретил печатать второе издание «Опыта о просвещении», но постановил изъять из книжных магазинов нераспроданные экземпляры первого издания. Это решение было вынесено на основании крайне неблагоприятного отзыва цензора, нашедшего, что Пнин «собирает над главою России черную тучу и, как зловеющий пророк, предвещает распылиться ее основаниям», что он «восстает против прав помещиков и укоряет их в несправедливом присвоении власти над крестьянами» и стремится «разгорячать умы, воспалить страсти в сердцах такого класса людей, каковы суть наши крестьяне», и т. д.

На отдельном листке, вклеенном в архивный экземпляр «Опыта о просвещении», имеется сделанная кем-то пометка: «Сочинение удержано государем. Переправки представлены в

цензуру 18 ноября 1804 года; печатать запрещено в 1818 году». Последняя фраза указывает на не увенчавшуюся успехом попытку друзей Пнина издать «Опыт о просвещении» в 1818 г.

Полная редакция второго издания «Опыта о просвещении» была опубликована только в 1934 г. в книге «Иван Пнин, Сочинения». Экземпляр трактата издания 1804 г. с обширными рукописными вставками, сделанными Пниным для не увидевшего свет второго издания, хранится в Центральном государственном архиве древних актов в Москве. Текст в настоящем издании сверен с этим изданием.

Рукописные добавления, внесенные Пниным, заключены в косую скобку, восстановленные цензурные купюры — в угловые.

¹ Эпиграф взят из текста самого трактата (см. стр. 229).— 179.

² *Шапгаль, Жан-Ангуан* (1756—1832) — французский химик и политический деятель, участник французской революции.— 179.

³ Имеется в виду Наполеон Бонапарт, по происхождению корсиканец.— 183.

⁴ *Делакруа, Жан Винцент* (1743—1832) — французский зооном.— 186.

⁵ Имеется в виду указ от 20 февраля 1803 г. (обнародован 5 марта) о «вольных хлебопашцах», разрешавший помещикам отпускать крестьян на волю с обязательным надсеением их земель за выкуп или безвозмездно. Получившие по этому указу волю крестьяне должны были образовать особую общественную прослойку так называемых свободных хлебопашцев. Пнин переоценивал значение этого указа. За все время царствования Александра I (1801—1825) на основании указа было освобождено примерно 50 000 душ мужского пола.— 195.

⁶ Отрывок от слов «Прежде завоевания царств Казанского и Астраханского» (стр. 196) и кончая словами «...между коих были также беспоместные дворяне и князья» (стр. 201) является цитатой из 2-го тома труда историка Ивана Никитича Болтина (1735—1792) «Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка» (СПб., 1788).— 196.

⁷ Набор рекрут с числа дворов стал производиться при Петре I по его указам от 17 декабря 1717 г. и 29 октября 1720 г.— 198.

⁸ Указ, сравнивший поместья с отчинами, был издан в 1627 г. в царствование Михаила Федоровича. Он закрепил за дворянами право собственности на выслуженные поместья.— 198.

⁹ Имеется в виду статья «Соборного уложения» 1649 г., определявшая права помещиков-крепостников.— 199.

¹⁰ Имеется в виду указ от 28 мая 1801 г. о запрещении печатать в академических ведомостях объявления о продаже крепостных без земли.— 203.

¹¹ Сочинение, представленное Беарде де л'Абеем на конкурс, объявленный по повелению Екатерины II «Вольным эко-

номическим обществом» в 1766 г., являлось крайне умеренным проектом постепенной отмены крепостного права посредством проведения целого ряда предварительных, в первую очередь «просветительных», мер для «подготовки» крестьян к свободе. По этой причине сочинение Беарде и было удостоено премии. Пнин явно переоценивал его достоинства.— 203.

¹² Положение о крестьянах Лифляндской губернии, изданное 20 февраля 1804 г., не освобождало крестьян от власти помещиков, но в известной мере облегчало их положение. Крепостным были представлены и некоторые личные права, например, право свободного заключения браков, выделения рекрутов и т. п.— 205.

¹³ Имеется в виду, вероятно, Гольбах.— 208.

¹⁴ «Строка сия вымарана цензором» (прим. переписчика).— 210.

¹⁵ «Вымарано цензором» (прим. переписчика).— 213.

¹⁶ *Дизетика* — наука о сохранении здоровья, об условиях жизни, влияющих на здоровье, и о мерах, предупреждающих заболевания.— 221.

¹⁷ По указу от 8 сентября 1802 г. было создано восемь министерств: 1) военных сухопутных сил, 2) военных морских сил, 3) иностранных дел, 4) юстиции, 5) внутренних дел, 6) финансов, 7) коммерции, 8) народного просвещения.— 229.

ЧЕЛОВЕК

Впервые напечатано в «Журнале Российской словесности», 1805, ч. I, стр. 38. Издатель журнала П. П. Брусилов снабдил стихотворение примечанием: «Чувствительно благодарю за присылку сей оды».

Как установил В. Н. Орлов (см. сборник «Поэты-радищенцы», 1935, стр. 773), цензор исключил из рукописи как противоречащие религиозному учению и церковным догматам строки 175 (после отточия) — 180.

Из докладной записки цензора в Цензурный комитет видно, что он предложил либо выбросить, либо изменить эти строки. Пнин предпочел первое. Сохранились сведения, что Пнин обжаловал постановление Цензурного комитета (см. «Русская старина», 1894, т. 82, стр. 67).

НАДЕЖДА

Впервые напечатано в «Журнале для пользы и удовольствия», 1805, ч. III, стр. 149. Издатель журнала А. П. Варенцов снабдил стихотворение следующим примечанием: «За доставление сей пиесы долгом поставляю изъяснить г. сочинителю искреннюю благодарность».

БОГ

(О д а)

Впервые напечатана в «Журнале для пользы и удовольствия», 1805, ч. IV, стр. 181. Издатель журнала А. П. Варенцов

снабдил стихотворение примечанием: «Я думаю, что беспристрастные читатели, кои имеют у себя подлинники или копии сочинений достойного памяти Пнина, извинят сделанные мною как в сей оде, так и в некоторых прежде напечатанных в моем журнале стихотворениях его небольшие поправки в слог; скорая смерть, конечно, не допустила его самого внимательно оглянуться на памятник своей жизни».

ОДА НА ПРАВОСУДИЕ

Впервые напечатана отдельным изданием в Петербурге в 1805 г. Затем в том же году была напечатана (уже после смерти Пнина) дважды: в «Журнале для пользы и удовольствия», ч. II, стр. 198, и в «Журнале Российской словесности», ч. III, стр. 67, как одно из лучших, по мнению издателей, стихотворений, достойное увенчать память Пнина.

«Ода на правосудие» тесно примыкает по своему содержанию к трактату Пнина «Опыт о просвещении относительно к России».

¹ Эпиграфом к оде взяты слова из «Естественной политики» Гольбаха (см. *Гольбах*, Избранные сочинения, т. 2. М., 1963, стр. 126).— 243.

² Обвиненный в антиправительственной деятельности, греческий философ Сократ по приговору высшего афинского суда — ареопага — выпил чашу с ядом.— 246.

В. Ф. МАЛИНОВСКИЙ

Василий Федорович Малиновский родился в 1765 г. в Москве в семье священника, происходившего, что было крайне редким явлением, из старинной дворянской семьи. После окончания философского факультета Московского университета в 1781 г. Малиновский был назначен архивариусом Московского государственного архива, а в 1782 г. переведен в Петербург на должность секретаря руководителя Коллегии иностранных дел графа Остермана. Хорошее знание древних и новых языков, особенно английского, позволило Малиновскому заняться дипломатической деятельностью. В 1811 г. Малиновский стал директором созданного тогда дворянского учебного заведения — Александровского Царскосельского лицея.

Умер Малиновский в Петербурге 23 марта 1814 г.

Свою литературную деятельность Малиновский начал еще студентом Московского университета. Его литературное наследие сохранилось главным образом в рукописях. Из его напечатанных работ кроме «Рассуждения о мире и войне» (1803) следует назвать перевод «Отчета генерала Гамильтона, учиненного Американским Штатам 1791 года о пользе мануфактур, в отношении оных к торговле и земледелию» (1807) и статью «Общий мир», напечатанную в журнале «Сын Отечества» в 1814 г. В 1803 г. Малиновский начал издавать еженедельный журнал «Осенние вечера», но вскоре изда-

ние прекратилось. Всего вышло в свет восемь номеров журнала.

Известна также записка Малиновского об освобождении крестьян, составленная в 1802 г. и представленная тогдашнему министру государственных имуществ графу Кочубею.

Сохранились рукописи Малиновского, в которых он рассматривал религиозно-эстетические вопросы.

ИЗ ДНЕВНИКА

Впервые напечатано в журнале «Голос минувшего» (1915 г., октябрь, стр. 247—264).

Записи в дневнике существенно дополняют представления об общественно-политических воззрениях автора «Рассуждения о мире и войне». Дневник приводится в настоящем издании в несколько сокращенном виде.

¹ Имеется в виду созыв Комиссии для составления проекта нового Уложения.— 250.

² 30 марта 1801 г. Александр I создал так называемый «Непременный совет», который имел чисто совещательные функции, только «силу воображения», как говорилось о нем в указе императора. «Непременный совет» просуществовал до 1810 г., фактически бездействуя, так как «кроткий монарх» не обращал никакого внимания на его решения и постановления. Малиновский еще в 1803 г. понимал чисто показной характер деятельности «Непременного совета» и критически оценивал эту затею Александра I.— 251.

³ Одновременно с созданием министерств был преобразован Сенат. Он был наделен даже правом представлять царю возражения на указы, противоречившие законам. Однако при первом же представлении Сенатом возражения на указ об обязательной 12-летней службе дворян унтер-офицерского чина Александр I выразил неудовольствие Сенату и указал, что подобные представления могут делаться только в отношении законов, изданных в прежние царствования.— 252.

⁴ *Случай* — здесь в значении протекции.— 253.

⁵ Имеется в виду указ о «вольных хлебопашцах» от 20 февраля 1803 г.— 254.

⁶ После роспуска Комиссии для составления проекта нового Уложения в 1768 г. вскоре была создана Комиссия для составления законов.— 257.

В. В. ПОПУГАЕВ

О Василии Васильевиче Попугаеве (ок. 1779—1816) сохранились скудные биографические сведения. Родился он в семье художника, служившего на шпалерной фабрике. Учился «на казенном содержании» в гимназии Академии наук, которую окончил в 1797 г. Выданный ему аттестат свидетельствует, что Попугаев «обучался языкам латинскому, французскому и немецкому с изрядным успехом, в последние два года нарочито

также успел в аглицком и итальянском языках и собственным упражнением во всех оных еще более усовершиться может. Сверх того, с похвальным прилежанием и успехом упражнялся в чистой математике, истории, географии, физике и минералогии. При бывших экзаменах в отличие награждаем был книгами, вел себя добропорядочно и заслужил от гг. учителей похвалу и одобрение».

После окончания гимназии Попугаев некоторое время занимал должность «чтеца» в петербургской цензуре и одновременно преподавал русский язык и литературу в немецкой школе св. Петра в Петербурге. В декабре 1802 г. «по высочайшему повелению» Попугаев был определен на службу в Комиссию для составления законов. Это назначение состоялось в результате преподнесения Александру I двух рукописей: «Опыт о влиянии просвещения на правление и законы» и «О твердости законов». В 1804 г. Попугаев перевел и также преподнес Александру сочинение итальянского законовода Гаетано Филанджери (вероятно, его «Науку о законодательстве»). В 1811 г. Попугаев был «по высочайшему же повелению» уволен из комиссии. В 1812—1816 гг. служил в Экспедиции путей сообщения. Умер Попугаев, по некоторым сведениям, в Твери в 1816 г.

Литературных произведений Попугаева сохранилось очень немного, хотя известно, что им написано значительное число стихотворений, повестей, а также статей по философии, социологии, педагогике, юриспруденции и пр. Из напечатанных произведений следует указать повесть «Аптекарский остров, или Бедствия любви» (1800), сборник стихотворений «Минуты муз» (1801), трактат «О благоденствии народных обществ» (1807, издан анонимно). Произведения Попугаева были напечатаны также в сборнике «Свиток муз» (1802—1803), в журнале «Любитель словесности» (1806), в сборнике «Талия, или Собрание разных новых сочинений в стихах и прозе» (1807) и в сборнике «Периодическое издание» (1804). Представление о литературных трудах Попугаева дают материалы архива «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», из которых видно, что на заседаниях читывались кроме уже перечисленных еще и «О поэзии», «Вечера Сократа и Аполлодора», «Юридическое рассуждение о умерщвлении младенцев» (перевод), главы из «Руин» Вольнея, «Рассуждение о медленном усовершенствовании правлений», «Рассуждение о человеческом языке», «О феодальном праве» (перевод), «О разделении властей политического тела», «Общий план законоположения», «О равновесии обитателей и землепашцев», «Об участии земледельцев», «Рассуждение о монетных представителях скопляемого труда в благородных металлах и ассигнациях» и др. Все эти произведения до нас не дошли.

Попугаев был одним из организаторов «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», созданного в Петербурге в 1801 г., и занимал в нем ряд выборных постов.

В обществе Попугаев, как и Пнин, был наиболее ярким представителем демократически настроенной группы писателей и публицистов, вел активную борьбу с умеренно-либеральными элементами, возглавлявшимися Д. И. Языковым. Эта борьба закончилась поражением Попугаева и его единомышленников. В 1811 г. Попугаев был исключен из «Вольного общества». С его уходом общество потеряло свое значение объединения передовых писателей и публицистов и постепенно стало чисто литературной организацией с узкопрофессиональными интересами, весьма далекими от насущных задач политической современности.

Дореволюционное литературоведение совершенно игнорировало Попугаева как писателя и общественного деятеля. Изучение его творчества и деятельности является заслугой советского литературоведения.

**ОДА НА СЛУЧАЙ ПОЗВОЛЕНИЯ,
СДЕЛАННОГО СОВЕТОМ НА ПРОПУСК
«CONTRAT SOCIAL»**

Впервые напечатана в сборнике «Поэты-радищевцы», 1935, стр. 278—279. В свое время ода была запрещена цензурой к опубликованию. Автограф обнаружен литературоведом В. Н. Орловым в рукописном сборнике «Минуты муз», хранящемся в Архиве Академии наук СССР. Ода написана в связи с тем, что Петербургский цензурный совет допустил к обращению в России французское издание трактата Жан-Жака Руссо «Общественный договор».

¹ *Амфикион* — союзные объединения древнегреческих племен и областей, созданные для общих празднований и решения различных религиозно-политических дел и споров.— 271.

² Стих пропущен в подлиннике.— 272.

СЧАСТЬЕ

Впервые напечатано в сборнике «Минуты муз», 1801, стр. 12.

**ОДА НА СЛУЧАЙ НОВОГО СОЧИНЕНИЯ
Г[ОСПОДИНА] АКАД[ЕМИКА] ЛЕПЕХИНА**

Впервые напечатана в сборнике «Минуты муз», 1801, стр. 30. Написана по случаю издания в 1801 г. на русском языке в переводе выдающегося русского путешественника и натуралиста академика И. И. Лепехина (1740—1802) 6-го тома «Всеобщей и частной естественной истории» французского естествоиспытателя Жоржа Бюффона. 6-й том вышел почти десять лет спустя после 5-го тома вследствие запрета цензурой в 90-х годах XVIII в. труда Бюффона как содержавшего «пылкие умствования, не согласующиеся с преданиями священного писания».

Из протокола заседания «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» от 15 декабря 1803 г. видно, что Попугаев предложил вывесить в обществе в знак почтения портрет Лепехина.

ВОЗЗВАНИЕ К ДРУЖБЕ

Впервые напечатано в сборнике «Минуты муз», 1801, стр. 40.

СУДЬБА

Впервые напечатано в сборнике «Минуты муз», 1801, стр. 42.

СЧАСТЬЕ ЖИЗНИ СЕЯ

Впервые напечатано в сборнике «Поэты-радищевцы», 1935, стр. 279—280. Автограф стихотворения также найден В. П. Орловым в рукописном сборнике «Минуты муз», хранящемся в Архиве Академии наук СССР.

СЧАСТЬЕ ЖИЗНИ СЕЯ

Впервые напечатано в сборнике «Свиток муз», 1803, кн. II, стр. 62. Это стихотворение является вторым, более полным вариантом напечатанного выше стихотворения под тем же названием.

К ДРУЗЬЯМ

Впервые напечатано в сборнике «Свиток муз», 1803, кн. II, стр. 47.

К СОГРАЖДАНАМ

Впервые напечатано в журнале «Вестник Европы», 1806, ч. XXX, № 24 (декабрь), стр. 280, за подписью «— ва».

Принадлежность этого стихотворения Попугаеву установлена на основании протоколов заседаний «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», из которого видно, что «К согражданам» было зачитано автором 12 января 1807 г. Написано оно в связи с посылкой в ноябре 1806 г. русской армии в Германию на помощь союзникам России для борьбы с Наполеоном.

О БЛАГОПОЛУЧНИИ НАРОДНЫХ ТЕЛ

Печатается по рукописи, хранящейся в рукописном отделении Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом) в Ленинграде (шифр: р. II, оп. I, № 326). Публикуется впервые.

Рукопись представляет собой один из первоначальных вариантов опубликованного в 1807 г. трактата «О благоденствии народных обществ», в который Попугаев по требованию цензуры вынужден был внести ряд изменений, смягчающих политическую остроту многих его высказываний.

Рукопись под несколько измененным названием — «Опыт о влиянии просвещения на правление и законы и о твердости законов» — была поднесена автором в 1802 г. Александру I с посвящением: «Александру Первому! Благодетельнейшему из монархов!»

¹ «В редкие счастливые времена можно говорить открыто, что думаешь и что чувствуешь». *Тацит*, История, гл. I.— 282.

² «Да будет тебе земля пухом» (лат.).— 285.

³ Имеется в виду чумной бунт в Москве в 1771 г.— 287.

⁴ *Платит свою жизнь* — во время бунта в Донском монастыре был убит московский митрополит Амвросий Зертис-Каменский.— 287.

⁵ *Предестинация* — божественное предопределение.— 290.

⁶ В Семилетней войне 1756—1762 гг. против Пруссии принимали участие войска России, Англии, Австрии и Франции.— 291.

⁷ Имеется в виду блестящая победа греков под командованием Мильтиада над персами при Марафоне в 490 г. до н. э. и знаменитая битва при Фермопилах в 480 г. до н. э., когда спартанский царь Леонид с тремястами воинами героически сражался с численно превосходящими силами персов.— 291.

⁸ Имеется в виду созданная в 1767 г. Комиссия для сочинения проекта нового Уложения.— 297.

О ТВЕРДОСТИ КОНСТИТУЦИИ И ЗАКОНОВ

Рукопись представляет собой также один из вариантов трактата «О благоденствии народных обществ», что видно по многочисленным повторениям.

Рукопись печатается по списку, хранящемуся в Институте русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом) в Ленинграде.

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСВЕЩЕНИИ ВООБЩЕ

Напечатано впервые в сборнике «Периодическое издание», 1804.

¹ *Ир* — нищий, персонаж эпической поэмы Гомера «Одиссея» (см. Песнь XVII).— 316.

² *Филанджиери*, *Газтано* (1752—1788) — итальянский публицист, автор многогомого трактата «О законодательстве» (1780—1788).— 316.

³ Монтескье утверждал, что в обществе всегда должно существовать разделение властей и сословий.— 317.

⁴ Пропуск; вероятно, по цензурным условиям.— 318.

⁶ *Гиббон (Габбон), Эдуард (1737—1794)* — английский историк, автор «Истории упадка и разрушения Римской империи». — 325.

⁶ *Левек, Пьер-Шарль (1737—1812)* — французский историк, автор «Истории России». *Массон, Карл (1762—1807)* — французский историк, автор «Секретных мемуаров в царствование Екатерины II и Павла I». *Рулье, Клод Карломан (1735—1791)* — французский писатель и историк. — 325.

О БЛАГОДЕНСТВИИ НАРОДНЫХ ОБЩЕСТВ

Впервые напечатано отдельным изданием в Петербурге в 1807 г. (при морской типографии) анонимно.

Рукопись трактата была одобрена цензурой к печати 27 августа 1805 г. после многочисленных поправок, внесенных в нее автором, о чем имеется помета на обороте титульного листа книжки.

¹ «Наше будет потомство еще порочней» (*Гораций*. Полн. собр. соч. М.—Л., Academia, 1936, стр. 102). — 351.

² Имеется в виду англо-русский конфликт 1801 г., когда английская эскадра под командованием адмирала Пельсона предприняла вооруженную демонстрацию против России, вторгшись в ее территориальные воды. — 353.

А. С. КАЙСАРОВ

Андрей Сергеевич Кайсаров родился в 1782 г. в семье помещика в Саратовской губернии. В 1795 г. поступил в Московский университет. Однако в университете Кайсаров учился недолго. В 1796 г. он был вынужден, вероятно по настоянию родителей, пойти сержантом в гвардейский Семеновский полк. В 1799 г. Кайсаров в чине штабс-капитана вышел в отставку и вновь вернулся в Московский университет. Пребывание в университете имело большое значение для формирования мировоззрения юноши. Здесь, возвращаясь в кругу передовой молодежи, он подружился с такими известными впоследствии людьми, как братья Тургеневы (сыновья директора Московского университета И. П. Тургенева; один из них, Н. И. Тургенев, принял активное участие в движении декабристов), А. Ф. Мерзляков (позднее профессор Московского университета), поэт В. А. Жуковский и др.

В 1801 г. Кайсаров принял участие в деятельности «Дружеского литературного общества» — просветительском объединении воспитанников Московского университета. На заседаниях этого общества Кайсаров выступил с рядом речей: «О том, что мнение о славе зависит от образа воспитания», «О том, что мизантропов несправедливо почитают бесчеловечными» и пр., в которых нашли яркое выражение его гуманистические просветительские воззрения. В этих же речах наметилось принципиальное расхождение в понимании целей и задач общественной деятельности между Кайсаровым и многими участниками общества, вследствие чего оно и просуществовало всего

несколько месяцев. Из дошедших до нас писем братьев Тургеневых явствует, что некоторые члены общества, в частности Андрей Кайсаров и его братья, считали бесполезной деятельность общества, так как в нем проявлялись масонские настроения (И. П. Тургенев, один из инициаторов создания общества, был ревностным масоном), и поэтому оно ставило перед собой отвлеченные, узколитературные задачи.

В 1802 г. Кайсаров совместно с Александром Ивановичем Тургеневым был направлен в Германию в Геттингенский университет. Здесь Кайсаров изучал юриспруденцию и историю, проявил интерес к культуре западных и южных славян. В 1804 г. он совместно с А. И. Тургеневым предпринял длительное путешествие по Чехии, Моравии, Сербии и другим славянским землям, изучая языки и литературу, исторические памятники и пр.

В 1804 г. Кайсаров издал в Геттингене на немецком языке свою первую книгу «Славянская мифология» (на русском языке была издана дважды — в 1807 и 1810 гг.). Однако общественно-политические интересы взяли верх над этим увлечением славянской историей, и Кайсаров принялся за работу над диссертацией, посвященной освобождению крепостных в России. В 1806 г. он защитил эту диссертацию на философском факультете Геттингенского университета и был удостоен ученой степени доктора философии.

Диссертация Кайсарова была одним из проявлений русской общественной мысли и возлагала большие надежды на — по выражению Пушкина — «дней Александровых прекрасное начало». Хотя Кайсаров отнюдь не ставил перед собой каких-либо революционных целей и как дворянский просветитель добивался ликвидации крепостничества сверху, его диссертация не смогла увидеть света в царской России.

В Россию Кайсаров вернулся только в начале 1809 г. В 1810 г. он был избран профессором Дерптского (Тартуского) университета по кафедре русской литературы и русского языка.

Кайсаров испытал на себе воздействие не только дворянского просветительства XVIII в., но в известной мере и антикрепостнических идей Радищева, его «Путешествия из Петербурга в Москву» (подробнее см. «Московский университет и развитие философской и общественно-политической мысли в России». М., изд. МГУ, 1957, стр. 80—95).

Значительный интерес представляет произнесенная им 12 ноября 1811 г. в университете в Дерпте речь «О любви к Отечеству».

Когда началась Отечественная война 1812 г., Кайсаров вступил добровольцем в армию и погиб 15 мая 1813 г. в сражении при немецком городе Гайнау.

Кроме названных трудов Кайсаров является также автором многих литературных произведений, как опубликованных («Славянская мифология», Геттинген, 1804; рус. изд. 1807, 1810), так и находящихся еще до сих пор в рукописях.

ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕПОСТНЫХ В РОССИИ

Впервые «*Dissertatio inauguralis philosophico-politica de manumittendis per russiam servis*» напечатана на латинском языке в Геттингене в 1806 г. На русском языке публикуется впервые. Перевод с латинского П. А. Пенчко.

Полное название диссертации Кайсарова таково: «Философско-политическая inauguralная [то есть торжественная] диссертации на тему об освобождении крепостных в России, которую с согласия всех членов славнейшего философского факультета, на соискание высшего в философии звания, установленным порядком представил на рассмотрение ученых Андрей Кайсаров из Москвы, член Геттингенского физического общества, мая 3 дня 1806 года».

Диссертация была посвящена императору Александру I и преподнесена ему другом Кайсарова А. И. Тургеневым, чиновником министерства народного просвещения. Сохранилось письмо А. И. Тургенева, в котором сообщаются об этом подробностях. «От Кайсарова получил я диссертацию его, — писал Тургенев их общему другу К. Я. Булгакову 20 июля 1806 г., — через своего шефа (П. И. Новосильцева. — Л. С.) поднес ее государю, и на сих днях получит мой или наш черепок-доктор (так в шутку именовал Тургенев А. Кайсарова. — Л. С.) перстень, который уже велено мне выдать».

В качестве эпиграфа Кайсаров взял следующие характерные для затронутой им темы слова английского экономиста Артура Юнга: «Невозможно полностью объяснить все преимущества, которые крестьяне получают от свободы, что в самом деле среди всего прочего является величайшим поощрением не только сельскому хозяйству, но и равным образом искусствам, промышленности, торговле, и одним словом, проявлению всяческого трудолюбия в государстве».

(А. Юнг, «Политическая арифметика», гл. I, разд. I).

¹ В 1803 г. в Петербурге была издана на немецком языке брошюра барона Вольдемара Унгерн-Штеренберга «Сообразно ли проектированное некоторыми дворянами дарование свободы лифляндским крестьянам с государственным правом России? Размышления по поводу ландтага в Риге от 1803 года». С высказываниями Унгерн-Штеренберга Кайсаров познакомился по книге Шторха «Россия в царствование Александра I», которую он неоднократно цитирует в своей диссертации. — 360.

² Немецкий историк Август Шлецер был профессором Геттингенского университета, где Кайсаров слушал его лекции. Плохо зная историю России, Шлецер с помощью русских студентов, учившихся в Геттингене, собирал материалы по русской истории. Об этом сообщает в своих воспоминаниях А. И. Тургенев (см. «Журнал МП», 1910, июль, стр. 193). — 361.

³ Кайсаров имеет в виду этимологию латинского слова *республика* (respublica — государство), которое состоит из двух слов: res — *дело* и publica — *народ, общество*, т. е. буквально означает *общенародное дело*.— 361.

⁴ Имеются в виду слова Гомера в поэме «Одиссея» (Песнь XVII, стихи 322—323):

Зевс-громовержец, когда человека ввергает в день рабства, лучших сторон половину тогда у него отнимает

(перевод П. А. Шуйского, Свердловск, 1948, стр. 243).— 361.

⁵ Монтескье в трактате «О духе законов» следующим образом излагает это место: «Свобода есть право делать все, что дозволено законами, и если бы гражданин мог делать то, что этими законами запрещается, то у него не было бы свободы, так как то же самое могли бы делать и прочие граждане». Монтескье ссылается при этом на слова римского философа и оратора.— 365.

⁶ Автором книги «Добавления к размышлениям по вопросу о том, каким образом крестьянскому сословию можно было бы снискать свободу и собственность в странах, где у него нет ни того ни другого», посвященной вопросам улучшения положения крепостных крестьян, является немецкий ботаник и путешественник Георг Эдер (Oeder).— 365.

⁷ Юсти, Иоганн (г. р. н.— 1771) — профессор Геттингенского университета, где его лекции слушал Кайсаров.— 372.

⁸ «Отчеты министра внутренних дел» печатались в «Санкт-Петербургском журнале» (1804—1809) — официальном органе правительства.— 376.

⁹ Русское правительство предоставляло значительные привилегии иностранным колонистам. Начало царствования Александра I было также ознаменовано целым рядом соответствующих указов. Так, указом от 9 мая 1802 г. «О правилах приема и водворения заграничных переселенцев» помещикам разрешалось принимать и расселять иностранцев на своих землях не иначе как с предоставлением им и потомству их вольности и полной свободы переходить от одного помещика к другому (см. «Полное собрание законов», т. 27, № 20259). Указом от 20 февраля 1804 г. подтверждались привилегии, предоставленные иностранным переселенцам в XVIII в., и давался ряд новых: освобождение от всякого рода податей на 10 лет, от поставки рекрутов и т. д. (см. ПСЗ, т. 28, № 21163). Зная, что такие законы вызывают вполне понятное недовольство и возмущение крепостных крестьян, Александр I в указе от 9 мая 1802 г. приказал принять специальные меры, чтобы предоставленные иностранцам привилегии не были использованы русскими крестьянами, вследствие чего предлагалось «принять все нужные предосторожности, дабы под сим видом крестьяне, российским помещикам принадлежащие... не употребили сего дозволения в обывательство и переселение на другие земли под именем иностранных переселенцев». Как видим, Кайсаров открыто полемизировал с этими указами Александра I.— 375.

¹⁰ Эта книга была издана в Петербурге в 1803 г. Коммерц-коллегией как официальный отчет о внешней торговле России.— 377.

¹¹ Эти статистические таблицы взяты Кайсаровым из книги «Государственная торговля 1802 года в разных ее видах», являвшейся отчетом министра коммерции гр. Румянцева.— 378.

Приложение

РЕЧЬ НА ДЕНЬ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО СОБРАНИЯ

Напечатана впервые в сборнике «Периодическое издание», СПб., при морской типографии, 1804.

¹ Попугаев намекает здесь на противоречия (в этом смысле и следует понимать слова: «Корабль наш сильно било бурей»), возникшие с самого начала организации «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» (первоначально оно называлось «Дружеское общество любителей изящного»). Его учредителями явились выпускники гимназии при Академии наук И. М. Борн, В. В. Попугаев, В. В. Дмитриев, А. Г. Волков, В. И. Красновский и М. К. Михайлов.— 389.

² Вскоре после организации общества Борн уехал из Петербурга в путешествие по Украине и вернулся только в мае 1802 г.— 389.

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВА

Напечатано впервые в сборнике «Периодическое издание», 1804.

Опубликование «Истории общества любителей словесности, наук и художеств» послужило поводом к серьезному столкновению между ее автором В. В. Попугаевым и Д. И. Языковым и Н. А. Радищевым (сын А. П. Радищева), являвшимися внутренними цензорами общества. В октябре 1804 г. Языков и Радищев сообщили, что «Краткая история» составлена крайне небрежно, с большим числом ошибок и содержит «оскорбительные слова» по адресу некоторых членов «Вольного общества». Но главным обвинением против Попугаева послужило то, что «История» составлена им, по мнению цензоров, без надлежащей политической осторожности. Попугаев указывал, что «Вольное общество» на своих заседаниях занималось обсуждением переводов запрещенных сочинений французских революционных писателей и мыслителей Рейналя и Вольнея. «Что подумает об нас правительство, узнав, что мы преимущественно занимаемся такими сочинениями, кои от иного запрещены?» — писали цензоры. Языков и Радищев предлагали уничтожить написанную Попугаевым «Историю общества», а «в издании философских и политических сочинений иметь большую осмотрительность, дабы не подвергнуть общество ответу перед правительством».

При разборе заявления цензоров на заседании «Вольного общества» 22 октября 1804 г. выяснилось, что Попугаев успел

преподнести три экземпляра «Периодического издания» Александру I, министру народного просвещения П. В. Завадовскому и товарищу министра М. И. Муравьеву. В своем объяснении Попугаев указывал, что некоторые ошибки в написанной им «Истории» не были своевременно устранены из-за нерадивости цензоров, которые небрежно отнеслись к своим общественным обязанностям. Относительно перевода «Руин» Вольнея Попугаев оправдывался тем, что первые три главы книги, о которых шла речь в «Истории», не содержат ничего вредного. «Это токмо мысли чувствительного философа о перемене дел человеческих на развалинах: сии три главы написаны пером магическим и, будучи невинны, стоят быть на нашем языке». Попугаев ссылаясь при этом на то, что эти главы были уже напечатаны в подцензурном «Санкт-Петербургском журнале» Пнина.

Собрание «Вольного общества» поручило А. Х. Востокову внести нужные исправления и перепечатать исправленную «Историю». Текст «Истории» Попугаева было решено изъять из сборника «Периодическое издание», а поднесенные Александру, министру народного просвещения и его товарищу три экземпляра затребовать обратно или объявить негодными и недействительными. В ноябре 1804 г. Востоков представил исправленную «Краткую историю», которая и была напечатана и вставлена в экземпляры «Периодического издания». Однако и в исправленном виде «Краткая история» вызывала, по-видимому, серьезные нарекания со стороны некоторой части членов «Вольного общества», и поэтому через год, в ноябре 1805 г., было решено вовсе уничтожить злополучное «Периодическое издание». Любопытно, что в некоторых сохранившихся экземплярах «Периодического издания», представляющих большую библиографическую редкость, имеются обе истории «Вольного общества»: первоначальная и исправленная Востоковым.

В настоящем издании публикуется первоначальный текст «Истории». Существенные разночтения с текстом «Краткой истории» отмечаются в квадратных скобках.

¹ «Согласнем усиливаются малые дела, несогласием уничтожаются великие». — 391.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Август 307
Аксаков, Михаил Николаевич 47
Александр I 192, 195, 206, 222, 231, 259, 318, 353, 359, 371, 375, 380, 386, 399—402
Александр Македонский 133, 142
Алексей Михайлович 49, 60
Анна Иоанновна 262
Аннибал см. Гапнибал
Антоновский, Михаил 171
Аристид 302, 342
Арсений (Мацеевич) 266
Арцыбашев 396

Беарде де ла Бей 203
Беккариа (Беккарий), Чезаре 188, 394—396
Бернсторф, Иоганн Гартвиг Эрнст де 367, 383
Бестужев, Александр Феодосьевич 223
Болтин, Иван Никитич 196
Борн, Иван Мартынович 390, 391, 393, 396—398, 400—402, 404
Браге, Тихо (Тихобрах) 65
Бринкен 397
Бюш (Büsch) 378, 379

Вергилий 64, 384
Вилларс, Гектор 151

Виреп 206
Витофтов 395
Волков, Алексей Гаврилович 389—391, 396, 397, 399, 400, 402
Вольней, Константин Франсуа 392
Воронцов, Михаил Илларионович 64
Востоков, Александр Христофорович 390, 392, 395—397, 399—404
Вронченко, Федор Павлович 397

Галберг 399
Гапнибал 132
Гейм (Неуп) 337
Гереншванд 403
Герман, Христофор Яковлевич 48
Гермоген 323, 399
Гиббон (Габбон), Эдуард 325
Глинка, Григорий Андреевич 399
Головин, Евсей Федорович 65
Головин, Михаил Евсеевич 65
Головина, Мария Васильевна 65
Гольбах, Поль Анри 243
Гораций, Флакк Квинт 351
Горячий, Алексей Иванович 47
Горячий, Петр Алексеевич 47

* Составил А. Н. Голубев.

Датам 291
Декарт (Картезий), Рене 65
Делакруа (De la Croix),
Жан-Винцент 186, 187
Демидов, Никита Демидович
381
Державин, Гаврила Романо-
вич 252
Деций, Гай 323
Диодор Сицилийский 137
Дионисий 283
Дмитриев, В. В. 390—393
Дмитрий Донской 281
Добантон, Луи-Жан-Мари
392

Екатерина II 65, 75, 169, 192—
195, 250, 258, 264, 267, 285,
297—299, 315, 317, 318, 321,
322, 325, 401

Елизавета Петровна 264, 265
Ермолаев 397

Зарудский, Иван Мартынович
132

Зюссмильх (Süssmilch),
Иоганн Петер 365, 369,
370, 372

Иван IV Васильевич (Гроз-
ный) 362, 363

Иванов, Андрей Иванович 392,
399

Иванов, Павел Андреевич 392
Измайлов, Александр Ефимо-
вич 393, 401

Изяслав Ярославович 364

Иосиф II 317

Иосиф Волоцкий 56

Камбиз 300, 339

Каменев, Гавриил Петрович
395, 401

Карл XII 60, 290

Картезий см. Декарт

Картуш, Луи Доминик 59

Катилина, Луций Сергей 106

Катинат, Никола 142

Катон, Марк Порций 131, 132,
323

Кир 176, 312

Кованько 392, 395

Коперник, Николай 65

Корнилий 50

Корреджо (Корреджиа) 324

Косяков, Андрей Михайлович
48

Крассовский, В. И. 389—391,
393, 396

Крез 151, 272, 274

Кромвель, Оливер 67

Крюгер 401

Крюковский 403

Ксенофонт 98

Курций, Марк 168

Ларошфуко, Франсуа де 148

Лафонтен, Август 393, 394,
396

Леонид 291

Лепехин, Иван Иванович 272,
273

Ликург 99, 290, 302, 341

Локк, Джон 84

Ломоносов, Михаил Василье-
вич 62—65

Лукреция 99, 151

Людвик XIV 372

Мабли, Габриель Бонно де 396,
403

Марий, Гай 67

Мария Федоровна 91

Массальский, князь 383

Менандр 85

Мильтиад 291, 302, 342

Минин, Кузьма Минич 132,
218, 399

Монтень (Монтань), Мишель
де 105, 150

Монтескье (Монтеский, Мон-
теску), Шарль Луи 93, 94,
282, 317, 365, 397

Муравьев, Иван Матвеевич 48

Наполеон Бонапарт 183, 266

Ньютон (Невтон), Исаак 65,
123

Нельсон, Горацио 353
 Нерон, Клавдий Цезарь 290, 307
 Нетельбладт, Даниил 261, 266
 Николь, Пьер 105
 Новосильцев, Николай Николаевич 400, 402
 Олешев 393, 394
 Остолопов, Николай Федорович 393, 394, 396, 401—403
 Павел I 91, 267
 Панфилов, Федор Гаврилович 48
 Пейруз см. Лаперуз
 Пелопид 137
 Петр I 56, 62, 65, 169, 170, 180, 181, 261, 264, 265, 271, 281, 317, 325
 Петр II 262
 Пигмалион 300, 339
 Пифагор 211
 Платон 85, 112, 164, 282, 393
 Плиний Старший, Гай Секунд 142
 Плутарх 113, 137, 150
 Пнин, Иван Петрович 397
 Пожарский, Дмитрий Михайлович 132, 281, 399
 Попугаев, Василий Васильевич 390—394, 396—403
 Птолемей (Птоломей), Клавдий 65
 Радищев, Александр Николаевич 177
 Радищев, Николай Александрович 400, 401, 404
 Рафаэль, Санти 324
 Регул, Марк Аттилий 176
 Рейналь (Реналь), Гийом 392
 Репнин, Фрол Филиппович 392
 Ришелье, Арман Жан дю Плесси 133
 Роллен, Шарль 176
 Рошефукольд см. Ларошфуко
 Румфорд 393

Румянцев, Николай Петрович 378, 379
 Руссо, Жан-Жак 148, 271
 Рюрик 180
 Севастьянов, Александр Федорович 398
 Сенека, Луций Анней 115, 142, 403
 Смит, Адам 374
 Сократ 114, 246, 302, 323, 342
 Солон 303, 342, 343
 Суворов, Александр Васильевич 280
 Судаков, Николай 395, 404
 Сулла (Силла), Луций Корнелий 67, 132
 Сцевола, Гай Муций 151
 Сципион Африканский, Публий Корнелий 142, 176
 Тацит 143, 282, 325, 397
 Теогнис 83
 Теребнев, Иван Иванович 399
 Тиме 403
 Тимковский, Иван Федорович 399
 Тихобрах см. Браге
 Толстой 53
 Траян, Марк Ульпий 142
 Трубецкой, Дмитрий Тимофеевич 132
 Тутолмин 53
 Тюренин, Анри 142
 Фабий Максим, Квинт 323
 Филанджери, Газзано 282, 316, 331, 398, 400, 401
 Фокион 403
 Фридрих (Фридерик) II 291
 Цезарь, Гай Юлий 67, 94
 Цицерон, Марк Туллий 64, 106, 143
 Челищев, Петр Иванович 64, 65
 Чернявский 399, 401

Шапталь, Жан Антуан 179
Шлёцер (Schlözer), Август
Людвиг 361, 362, 373, 384,
385

Штольберг 393
Шторх (Storch), Генрих (Ан-
ри) Фридрих 360, 371, 375,
377, 379

Шубин, Федот Иванович 65

Шубников 390, 391

Шубнов (Шубной), Андрей
Михайлович 62, 65

Шуйский, Василий Иванович
197

Эдер (Oeder) Георг 372, 378
Эйлер, Леонард 179
Эпаминонд 137

Ювенал, Деций Юний 106

Юнг, Артур 383

Юсти, Иоганн 372

Языков, Дмитрий Иванович
393, 394, 396—399, 401, 402,
404

Яковлев 392

Ярослав Мудрый 364

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Бедность 348, 349
Благо (см. счастье)
Благополучие (благоденствие) 327, 361, 369
Благородство (отличность) 103
Бог 160, 161, 164, 168, 187, 233, 240, 241, 243, 267
Богатство (роскошь) 328, 336—338, 348, 352, 356, 378, 379

Вера 160
Взяточничество 252, 253
Власть 135, 183, 211, 215
— разделение 308
— гражданская 347
— законодательная 259, 265, 266
— исполнительная 181, 259, 265, 309, 345
— надзирательная (повелевающая) 309
— неограниченная 193
— судебная 381
— помещиков 202
— самодержавия 180
Война 260, 313, 336—338, 350—352, 362
— причина 361
Вольность 184—188, 197, 291, 294 (см. также свобода)
Воображение 135, 136
Воспитание 83, 84, 111—113, 120, 128, 149, 297, 310, 374
— женщин 85, 88—91
— пример 86—88, 102, 103, 144—146
— трудности (препятствия) 92, 93
— военное 107—109, 116, 123—126, 138—143, 223—224
— нравственное (моральное) 119, 122—124, 126, 129—133, 138, 139, 314, 332
— общественное 93—103, 110, 122, 124, 126, 146, 150—152, 154, 162, 312—316, 318—322, 329.
— первоначальное 84—86
— политическое 315, 323—326
— спартанское 98—100, 137, 312, 316
— ученое 109, 122, 123, 138, 139, 162—164, 224, 227
— физическое 122, 123
— частное (домашнее) 84—93, 102, 103, 122, 124, 151, 162, 314

Гордость 133, 138
Государство 294, 346, 364
— цель 361
— деспотическое 299
(см. также правление)

* Составил А. Н. Голубев.

- Государь 199, 229, 261, 263, 265, 291, 294, 346, 369
 — законодатель 201, 293
 — обязанности 361
- Гражданин 116, 126, 138, 167, 168, 174, 176, 178—181, 183—186, 189—191, 201, 206, 210, 289, 291, 292, 294, 319, 320, 322
- Дворянство (дворяне, благородные) 103—107, 122, 193, 200, 201, 205, 209—212, 222—226, 252, 317, 318, 369, 372, 379, 381, 384—386
 — происхождение 362 (см. также помещики)
- Действие 296
- Деньги 379, 380
- Депутаты 250, 255—257, 297, 298
- Добро 332 (см. также зло)
- Добродетель (благотворительность) 106, 109, 110, 129, 205, 206, 211, 214
- Добродетели сословий 205
 — земледельческого 206, 207, 214
 — мещанского 208, 209, 218, 219
 — дворянского 210—212, 223
 — духовного 212, 213, 226
- Духовенство 70, 193, 205, 212, 213, 226, 227, 339, 369 (см. также монастыри, раскол)
- Душа 123, 124
- Заблуждение 127, 145, 146, 173, 176, 177, 181 (см. также истина)
- Закон (общественный) 186, 188, 202, 204, 205, 249, 256—258, 260, 262, 265, 266, 282, 290—293, 296—299, 301—310, 319—321, 327, 328, 330, 338, 339, 342, 343, 346, 347
- Законодательство 260, 261
- Земледельческое сословие (см. крестьяне)
- Зло 332, 334, 343 (см. также добро)
- Интерес 364
- Истина 127, 145, 146, 159, 232, 283 (см. также заблуждение)
- История 95, 96, 150, 175, 176, 321—326, 329
- Классы 330, 331
- Книгопечатание 171, 172—177, 229
- Колонии 375—378
- Конституция 183, 184, 187, 188, 282, 299, 301—310, 328, 338, 343—345, 347 (см. также закон общественный)
- Крепостничество (крепостное право) 360, 369, 379, 380, 382
 — происхождение 362—364
- Крестьяне (земледельческое сословие) 48, 50, 71, 193—208, 213—217, 286, 363, 369
 — освобождение 254, 383—386
 — переселение 376, 377
 — крепостные 366, 367, 370—372, 374, 378, 379, 381
 — свободные (вольные) 367, 368
- Купечество (мещанское сословие) 193, 205, 208—210, 217—221
- Мера 295
- Мещанское сословие (см. купечество)
- Мнение 118, 120, 152
- Монархия (см. правление)
- Монастыри 49, 50, 52, 67—69, 265, 287, 290
- Награда (отличность) 151—155, 157
- Наказание 155—160
- Народ 174, 253, 254, 258, 260—263, 265, 282—297, 307, 309, 349, 351, 352, 369, 373
- Население 369—375, 383
- Насилие (сила) 328, 331, 335, 362
- Наука 289, 325, 326, 337

- Певежество 287—290, 307, 339
 Перавенство 101, 123, 187—189, 332, 337 (см. также равенство)
 Нравственность 119, 208, 215, 258, 332, 337
 — правила 122, 124, 129, 130, 134, 135, 139, 175 (см. также воспитание)
 Нужды (побуждения) естественные 184—186, 333, 334
 Оброк 198, 199
 Общество 211, 309, 319, 335, 336, 361
 — политическая сила 300—302, 307, 339—342
 Обычай 301, 319, 340, 341
 Отечество 129, 141, 178, 185, 191, 192, 203, 206, 218, 292, 304
 Парламент 264, 311
 Патриотизм 288, 291, 294, 311
 Помещики 194—204, 253, 254, 297, 366, 370, 381
 Понятие 118, 120, 161—164
 — и слово 127
 Порок 106, 126, 133, 138—140, 142, 143, 173, 176, 177, 288
 Правление (правительство) 93, 94, 208, 214, 251, 255, 261, 282, 285
 — деспотическое 94, 190—192, 282, 284, 287—289, 291—297, 300, 302, 304—306, 310, 315, 323, 335, 336, 339, 340, 342—345
 — монархическое 94, 95, 180, 188, 189, 191—193, 201, 215, 250, 263, 265, 305—307, 317, 328, 344, 345, 365
 — республиканское 94, 282, 300—306, 315, 316, 335, 340—344, 365
 — феодальное 290 (см. также государство)
 Право 319, 326, 335, 337, 360
 — естественное 360
 — наследования 384
 — собственности 184, 187, 189—191, 194, 195, 198, 199, 201—205, 211, 215, 317, 365, 366, 370, 379
 — человека и гражданина 184—186, 291
 Правосудие 129, 191, 243, 244, 297, 320 (см. также власть)
 Причина 240
 Промышленность 48—51, 53, 54, 56—58, 61, 72, 336, 348, 349, 352, 356, 377—379
 Просвещение 109, 122, 179, 188, 189, 192, 194, 206, 213, 214, 220, 229, 249, 271, 282—288, 290, 293, 294, 296, 298, 299, 307, 316, 318
 — определение 182, 183
 — относительное (частное) 289
 — политическое 291, 303, 311, 315, 343
 — и добрые нравы 314, 327, 329
 Пьянство 207, 208, 254
 Рабство 234, 255, 257, 261, 285—288, 295, 360, 361, 384, 385
 — происхождение 362—364 (см. также крепостничество)
 Равенство 133, 134, 146, 184, 187, 188, 288 (см. также неравенство)
 Разум 85, 90, 100, 101, 119, 161—164, 173, 175
 Раскол (раскольники) 49, 51, 52, 54—56, 66—68
 Революция 287
 Религия 337, 369
 Республика (см. правление)
 Свобода 178, 179, 211, 267, 359, 365, 366, 370, 379, 381, 385
 — ложная (мнимая) 361 (см. также вольность)
 Сельское хозяйство (земледелие) 50, 206, 216, 255, 265, 286, 366, 368, 379, 380
 Семинарии 227
 Сенат 252, 253, 262—265, 311
 Сила (см. насилие)

Слава 142, 143, 150—152, 154, 155, 267
Случай 240
Собственность (см. право)
Состояния (состояния) 193, 205
(см. также дворянство, духовенство, крестьяне, купечество)
Стойки 113
Страсти 84, 89, 112—114, 120, 150, 151
— гибельные (худо направляемые, неограниченные) 83, 86, 114, 140
— противоборствующие 85
— сильные 131—133
— частные 182
— удачно (полезно) направляемые 83, 114, 124, 140
Суд 298, 381
Супружество 136, 137, 370—372
Счастье (благо) 178, 272, 333
— народное (общее, общественное) 134, 135, 140, 169, 283, 288—290, 292—294, 296, 303, 304, 361
— частное 135, 143
Театр 229—231
Торговля (коммерция) 50, 51, 56, 60, 61, 208, 220, 282, 305, 312, 327, 328, 336, 348—350, 353—355, 379
Труд 236, 366
Университеты 318—320, 326, 385, 386
Управление 180, 181, 299, 310
(см. правление)
Училища (учебные заведения) 120, 121, 221, 222
— военные 324
— дворянские 223—226
— коммерческие 220—221
— общественные 111—116, 125, 126
— приходские (земледельческие) 216, 217
— уездные (мещанские) 220, 221
— семинарии 227

Фанатизм 288
Философия 173, 182, 183, 228, 282—285, 288, 289, 306, 344

Холопы 199, 201, 363, 364
— кабальные 196—198
— полные (родовые) 196, 198, 200
Храбрость 140, 141, 143

Цель 295
Цензура 99
Церковь 290

Человек 83, 97, 114, 116—118, 120—122, 127, 181, 182, 232—237, 242, 286, 288, 360, 368, 369
— гражданственный 174—176
— естественный (дикий) 174, 175, 184—186, 331—334
— общественный 111, 134, 135, 327, 328
— взаимная зависимость 101, 134, 187, 332, 333
— врожденные способности 113, 114, 162, 163
— подражательное животное 144
— чрезвычайные умы 321—323, 325
— и бог 164
Человеколюбие 135, 136, 141, 338
— как основание государственных постановлений 327, 328, 330

Честь 141, 143, 157, 285
Чиновничество 253, 346 (см. также власть)
Чувствование (чувствие, чувство) 286, 288, 314
— зависти 153, 155
— личного (собственного) достоинства 156, 157
— сострадания (жалости) 135, 136, 142

Эгоизм 314, 334

СОДЕРЖАНИЕ

И. Я. Щипанов. Просветительские доктрины в России в конце XVIII — начале XIX в.	5
--	---

П. И. ЧЕЛИЩЕВ

Подробный журнал путешествия моего. 1791.	47
От Санкт-Петербурга до Шлюшенбурга	—
От Свирского монастыря до истоков реки Свирь из озера Онега	48
От истока реки Свирь озером Онега до пристани Пигматки	49
От пристани Пигматки до Воицкого золотого руд- ника	51
Описание Воицкого золотого рудника	53
От Воицкого золотого рудника до истока Выг-реки в Белое море и приморской деревни Сорокиной	54
Описание губернского и приморского города Архан- гельска	—
Описание Архангелогородской губернии уездного го- рода Холмогор	60
От уездного города Холмогор до начала Шенкурско- го уезда рекою ж Двиною	66
Описание Новгородской епархии первоклассного Бе- лозерского Кириллова монастыря и уездного Нов- городского наместничества города Кириллова	67
Описание Большого Тихвинского монастыря и уезд- ного города Тихвина	68
От Тихвинского монастыря и города до Санкт-Пе- тербурга	—

В. В. ПАССЕК

[Екатерина II]	75
[Вольность]	77
[Ликуй, о вольность!]	78
[Ликуй, о вольность! (вариант)]	—

А. Ф. БЕСТУЖЕВ

О воспитании. 1798	83
О воспитании частном	—
О воспитании общественном	93
О благородстве	103
О воспитании военном относительно благородного юношества	107
О главном попечителе и наставниках	109
Лета вступления в училище	117
Общие понятия о нравственном воспитании граждан сего отделения	123
О наставлениях и нравственных разговорах	124
О примере	144
Чтение книг, которые должно предложить для вос- питанников сего отделения	147
О награждениях	150
О наказаниях	155
О вере	160
Общие правила, на коих должно быть основано ученое воспитание детей сего отделения	162

И. П. ПНИН

Гражданин. 1798	167
На вопрос: что есть бог? 1798	168
Чувствования россиянина, изливаемые пред памятником Петра Первого, Екатериною Второю воздвигнутым. 1798	169
Письма из Торжка. (Письмо первое). 1798	171
[На смерть А. Н. Радищева]. 1802	177
Опыт о просвещении относительно к России. 1804	179
В чем состоять должно истинное просвещение?	—
Руководство к просвещению главнейших государст- венных сословий в России, кои суть земледельче- ское, мещанское, дворянское и духовное	213
Рассмотрим теперь, в чем состоять должно учение земледельцев	216
Правила, руководствующие к просвещению мещан- ского состояния	217
Учебные предметы для мещан, посвятивших себя купеческому званию	219
Приступим теперь к рассмотрению, в чем состоять должно просвещение дворян	222
Человек. 1804	232
Надежда. 1805	237
Бог. (Ода) 1805	239
Ода на правосудие. 1805	243

В. В. ПОПУГАЕВ

Ода на случай позволения, сделанного советом на пропуск «Contrat social». 1799	271
Счастье. [1801]	272
Ода на случай нового сочинения г[осподина] акад[емика] Лепехина. 1801	—
Воззвание к дружбе. [1801]	274
Судьба [1801]	275
Счастье жизни сей [1801]	276
Счастье жизни сей [1803]	277
К друзьям [1803]	278
К согражданам. 1806	280
О благополучии народных тел [1801—1802]	282
О влиянии просвещения на правление	—
О просвещении народном и оного следствиях	289
О необходимой связи законов и просвещения	294
О исполнительности законов	297
О твердости конституции и законов	299
О влиянии законов и конституции на политическое тело...	—
О связи и твердости республик	301
О монархии	305
О разделении властей политического тела	308
О просвещении и личном достоинстве управляющих	310
О политическом просвещении вообще. 1804	311
О публичном общественном воспитании и влиянии оного на политическое просвещение	315
О постепенности училищ и соображений с сею постепенностью политических предметов воспитания	319
О необходимости исторических познаний для общественного воспитания	321
О истории как предмете политического воспитания	323
Заключение о преподавании в общественном воспитании других отраслей наук	325
О благоденствии народных обществ. 1807	327
Изложение основных начал сочинения	—
Книга первая. Основные начала общественности [Глава первая] Изложение начал общественности	331
Глава вторая. О взаимных нуждах и выгодах, от оных происходящих вообще и частно	332
Глава третья. О трех степенях образования обществ	335

Книга вторая. Влияние законов и государственного состава на политическое общество . . .	338
Глава первая. О влиянии законов и конституции на государственное тело	—
Глава вторая. О связи и твердости республик . . .	340
Глава третья. О связи и твердости монархии . . .	344
Глава четвертая. О государственном составе особенно	346
Книга третья. О торговле и промышленности	348
Глава первая. Общее обозрение торговли и промышленности	—
Глава вторая. О торговле древних и новых обществ	350
Глава третья. Англия и Франция в коммерческом их отношении	352
Глава четвертая. О России и ее коммерции . . .	355

А. С. КАЙСАРОВ

Об освобождении крепостных в России. 1806	359
---	-----

Приложение.

Из истории «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств»	387
Примечания	405
Указатель имен	429
Предметный указатель	433

РУССКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ. (от Радищева до декабристов). Собрание произведений в двух томах. Т. 1—2. М., «Мысль», 1966 (философ. наследие)
Т. 1. 1966. 440 с.

1Ф(С)

Редактор *Ю. К. Митин*

Оформление художника *В. В. Максина*

Художественный редактор *Л. А. Кулагин*

Технический редактор *И. И. Погина*

Корректор *Т. С. Пастухова*

Сдано в набор 6 октября 1965 г. Подписано в печать 22 января 1966 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂, № 1. Бумажных листов 6,875. Печатных листов 23,1. Учетно-издательских листов 21,35. Тираж 17 000 экз. А11611. Цена 1 р. 55 к. Заказ № 464. Подписное издание.

Издательство «Мысль» — Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.
Московская типография № 20 Главнополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Москва, 1-й Рижский пер., 2.